

Борис Сапожников

Memento mori

Представьте себе, что зомби-апокалипсис случился не в XXI веке, не в XX, даже не в начале XIX, а в то страшное время, когда чума, прозванная Чёрной смертью, опустошала города и веси. Новые приключения ждут бывшего рейдера, а теперь полноправного официала инквизиции Рейнара. Его цель — тиран по прозвищу Господин. Дело за малым собрать отряд отчаянных головорезов — и вперёд! Но так ли всё просто? Кто друзья, а кто — враги? Это Рейнару придётся узнать на собственном — часто очень горьком — опыте.

Флоренция, наверное, лучший из городов Италии. Жемчужина Тосканы, не ставшая столицей провинции лишь потому, что имеет слишком уж много привилегий перед имперской властью. Пускай он был и столь же многолюден, как Лукка, откуда мы прибыли, Флоренция не вызывала у меня того отторжения, что прочие города с населением больше пары тысяч человек. А их я за последнее время повидал не мало.

Не могла испортить впечатления о городе и царившая не первые сутки чудовищная жара. Ни близость полноводной реки Арно, ни ветер с не такого и далёкого моря, не могли перебороть её. Люди старались днём не покидать домов, а кто вынужден был делать это, жались тени и передвигались по улицам быстрыми перебежками от одной тени к другой. Это нам было даже на руку — поведение моего отряда не так бросалось в глаза. Да и изнывающие в своих кирасах стражи старались не покидать караулок и отправлялись патрулировать улицы только после захода солнца. Так что всё отлично складывалось, буквально одно к одному.

И мне это категорически не нравилось. Было у меня какое-то недоброе предчувствие. Слишком всё удачно складывалось. Слишком легко. Как будто нас кто-то подталкивал в спину. Манипулировал из тени, оставаясь невидимым. И меня это просто до зубовного скрежета бесило. Я должен видеть картинку целиком, понимать, что происходит вокруг меня, но сейчас нечто постоянно скрывалось от моего внимания, ускользало из поля зрения. Будто та самая пресловутая тень на воде. И это выводило из себя, лишало всякого духовного равновесия. А ведь если верить словам нашей полубезумной ведьмочки — сейчас оно нужно мне больше всего.

Я сделал несколько глубоких вдохов, попытавшись успокоить нервы. Получилось не слишком, но я хотя бы попытался. Раз не удалось успокоиться, я решил сосредоточиться на происходящем здесь и сейчас, не отвлекаясь больше на размышления. Тем более что они не приносили ничего, кроме ухудшения настроения.

Первым делом я оглядел широкую улицу Стронци, ведущую к палаццо, носящему то же имя. Именно там квартировал воевода Мирча Дракулести. Один из самых одиозных венгерских бояр, и консул короля Владислава в Южной Италии. Но это далеко не самое важное, что стоило знать об этом человеке. Хотя и человеку ли? Нет. Дракулести человеком не был — он был тираном, чудовищным порождением чумы, и предпочитал называть себя Господином. Вот почему для его уничтожения мне поручили собрать отряд из самых отъявленных головорезов, каких я только сумел отыскать. Вот почему позволили вытащить всех их из закрытых темниц инквизиции, откуда прежде очень редко кто выходил живым. Сказать по чести, у всех нас было очень немного шансов пережить это дело. Но вот эту мысль я тут же выкинул из головы. О подобных глупостях и думать не стоит.

Знаменитая на всю Флоренцию чёрная карета воеводы Дракулести, очень похожая на роскошный катафалк, пока не появлялась. Венгр не изменял своей привычке возвращаться в особняк ближе к полудню. Обычно в это время он возвращался со своих ночных кутежей, чтобы провести большую часть дня за крепкими стенами палаццо. О кутежах, которые он устраивал, тоже ходили слухи по городу, и кое-какие заставляли обращать на себя внимание флорентийской инквизиции. Однако благодаря деньгам самого Дракулести и связям участвовавших в кутежах молодых людей из лучших семей города, даже суровые Псы

Господни вынуждены были отводить взгляд.

Быть может, именно поэтому инквизиторы Флоренции разрешили действовать мне и моему отряду в их городе. Несмотря на автономию города не только в мирском плане, но и церковных вопросах. К примеру, здешний Святой Официй подчинялся непосредственно Авиньону, минуя верховного инквизитора Тосканы, моего старого знакомого прелата Лафрамбуаза.

Раз карета не спешила появляться, и даже перестука подкованных копыт по мостовой не было слышно, а в тишине самых жарких часов такие громкие звуки разносятся далеко, я решил оглядеть свой отряд. Конечно, со своей позиции увидеть я мог не всех, однако и так знал, что каждый боец занял своё место и ждёт.

На крыше замер единственный в моём отряде человек, которого не пришлось вытаскивать из тюрьмы. Стрелок по прозвищу Скрипач коротал время в отдалённом гарнизоне Лесных кантонов, откровенно маясь от скуки, пока я не нашёл его и не предложил вступить в мой отряд. Со своим массивным арбалетом, который любовно звал не иначе как Виолиной, он засел на крыше здания через улицу. Там мы сняли на пару суток комнатёнку со слуховым окном, откуда достаточно ловкому человеку не составит труда выбраться на не слишком крутой скат крыши.

Страховал Скрипача второй наш стрелок, вооружённый складным луком. Он притаился в тени соседнего с палаццо дома, скрючившись в три погибели под коньком крыши, укрываясь за массивными горгульями, торчавшими из богато украшенного фасада. Как он будет стрелять из такой невероятной позиции, я просто не представлял, однако был полностью уверен, что чёрная стрела его промаха не даст.

Почти прямо под его ногами замер в проулке парень крепкого телосложения с короткой стрижкой-ёжиком, как у беглых каторжников. Ведь тем, кому недолго осталось камень ломать или каналы рыть, позволяли хотя бы немного отрастить волосы, чтобы покидая каторгу, они хоть в чём-то да походили на обычных людей. А вот тем, кому работать и работать, зачастую до самого конца жизни, волосы стригли регулярно и очень коротко. Прямо как парню из проулка. Весь вид его говорил о том, что с ним лучше не связываться — тут тебе и перебитый нос, и навсегда закрытый веком левый глаз. А самое главное, за спиной парня к стене было прислонено нечто, с первого взгляда напоминающее груды тряпья. Однако более опытный глаз сразу признал бы в ней очертания меча — чертовски большого меча.

Ещё один мой знакомец по недавнему путешествию в Шварцвальд — баск Агирре — сейчас развлекал публику на площади Стронци. Именно он должен подать нам сигнал, что к палаццо едет нужный экипаж. Агирре уже не первый день с успехом изображал дрессировщика, работающего с опасными хищниками. Его повсюду сопровождала стая из пяти матёрых волков, которых даже шипастые ошейники не делали похожими на собак. В этом крылся главный талант баска — он был волчьим братом, наследником древних традиций и тёмных ритуалов, роднивших людей с дикими зверями. Церковь вроде бы давным-давно покончила с этими суевериями, однако слишком много было глухих мест, где до сих пор почитали языческих божеств, окропляя их капища кровью. Чаще — животных, но не только.

В окне того же дома, на крыше которого устроился Скрипач, маячило откровенное платье нашей ведьмы. Да, в моём отряде нашлось место и для ведьмы. Не самой сильной, зато чертовски непредсказуемой, и в этом было её преимущество перед куда более

одарёнными сёстрами по ремеслу. Почему она угодила не напрямую на костёр или в петлю, а оказалась заперта в застенок, я не знаю. И расспрашивать об этом выдавшего мне её лично прелата Лафрамбуаза, я, конечно же, не стал. Иногда лучше внять старине Экклезиасту, и ограничиться тем знанием, которое имеешь, а не искать нового вместе с неизбежно сопровождающими его печальями.

Все были готовы. Все ждали лишь одного: когда застучат по мостовой подкованные копыта, и закрипят колёса нужной нам кареты.

Я выдохнул, облизал пересыхающие вовсе не из-за жары губы. Часы на башне проббили полдень, зловеще ударив двенадцать раз. Все, кому приходилось бывать в проклятых городах скорби, наверное, в этот момент невольно поёжились. Меня уж во всяком случае, продрал по коже мороз — слишком похоже на *Ultima forsan*. Зловещий полуночный бой часов города скорби, после которого тебя уже ничто не спасёт. И на фоне бьющих часов ещё более зловеще прозвучал волчий вой. Пять потоков одновременно взвыли, хотя на небе светило солнце, а вовсе не луна. Вой этот означал окончание представления Агирре — и именно он служил нам сигналом.

Карета воеводы Мирчи Дракулести въехала на площадь Стронци.

Стоило ей не больше минуты спустя появиться на одноимённой улице, и я как будто дышать позабыл. Время замедлило бег, прямо как в проклятом городе скорби. Карета, казалось, просто влипла в воздух будто муха в варенье. Четыре запряжённых цугом вороных лошади медленно передвигали длинные ноги. Подкованные копыта били в камни мостовой, и я клянусь, мог разглядеть каждую искру, вылетевшую из-под них. Я отлично разглядел сидевшего на козлах нечистого. Высокого и тощего как все они, парня, одетого в вычурный костюм, конечно же, чёрного цвета. Он держал в руках поводья, готовясь натянуть их, чтобы остановиться, как обычно, почти вплотную к парадному крыльцу палаццо Стронци. Я не видел, но точно знал, что так же одета пара грумов, стоявших на запятках кареты. Знал и о том, что под козлами в ящике без крышки у кучера припрятана пара заряженных и всегда готовых к бою пистолетов. Знал и что грумы — такие же нечистые как все, кто сопровождает трансильванского воеводу, отлично обращаются с кривыми саблями, что висят у них на поясах не для красоты.

Похожая на роскошный катафалк карета Мирчи Дракулести приближалась. Я знал, что он, частенько отправляясь на кутежи, украшает её чёрной тканью, а на головы лошадям велит цеплять перья, словно и в самом деле внутри покойник. Хотя если знать истинную сущность воеводы, то это утверждение не так уж далеко от истины.

А вот чего я не знал прежде, это что карета снаружи расписана фигурками скелетов, пляшущих вечный танец — *Totentanz*. Сейчас же я разглядел едва ли не каждого вырезанного на чёрном дереве покойника. Их кажущаяся бесконечной цепочка опоясывала всю карету. Ноги же костяков замерли, выписывая затейливые коленца самых разных танцев. Большую часть я, конечно же, опознать не мог и близко. Чёрные занавеси на всех окнах кареты были плотно запахнуты так, что внутрь не должен был пробиться ни единый лучик света. Хотя какая там должна царить жара, я даже представлять себе боялся.

Кучер натянул поводья. Лошади побежали медленней, почти сразу перешли на шаг, и вскоре остановились прямо перед парадным крыльцом палаццо. Теперь карета закрывала его от меня.

Я невольно глянул в ту сторону, откуда приехала карета. Там уже маячил силуэт Агирре. А рядом с ним шагали все пять его здоровенных волков.

Я не видел, но отлично знал, что сейчас Скрипач нацеливает на дверцу кареты свою Виолину. Что второй мой стрелок натягивает тетиву лука, готовясь страховать его. Что шепчет слова на непонятных языках ведьма, сплетая неведомые чары, чтобы пробить защиту чудовищного порождения чумы — тирана, которым являлся воевода Мирча Дракулести. Что короткостриженный парень в проулке подвигает к себе ворох тряпья, в который замотан его чудовищный меч. Что Агирре готовится отдать приказ волкам — рвать.

Всё было готово.

Стоит только воеводе покинуть карету — и закрутится кровавая карусель. Ради неё я вытащил из тюрем всех людей из моего отряда. Ради неё мы провели не один день, планируя и стараясь разыграть всё как по нотам. Уверен, что ради неё и меня в своё время отправили не на костёр или виселицу, а в монастырь Святого Михаила Архангела. И вот сейчас всё закончится.

Не будет никаких команд — мои люди всё сделают сами.

Карета остановилась окончательно. С запяток соскочил грум, едва ли не бегом бросившись к дверце, спеша отворить её перед воеводой. Второй тоже спрыгнул на мостовую, однако обернулся и уставился на шагающего по улице в сопровождении волков Агирре с явной неприязнью и подозрением. Даже положил руку на эфес сабли. Агирре же в ответ развёл руками и вдруг широко улыбнулся, показывая груму свои мощные зубы. Тот даже опешил слегка — все давно уже успели отвыкнуть от улыбок, пускай и насквозь фальшивых, как у Агирре.

Дверца кареты открылась бесшумно, однако та едва заметно качнулась на рессорах, когда невидимый для меня воевода покинул её. И как только он сделал это, я понял — всё пошло не так, как мы рассчитывали. Да что там, всё просто-напросто полетело ко всем чертям!

Глава 1

Незванным гостем

Я чувствовал себя крайне неудобно всё то время, что пришлось гостить у инквизитора города Дижона. Фюрстенберг, чьё имя чаще всего сокращали до короткого и ёмкого Фюрст, хотя сам он терпеть не мог этого слишком уж говорящего сокращения, был крайне занятым человеком. И соседство его епархии с мятежным Шварцвальдом, где я разворошил настоящее осиное гнездо, лишь добавило ему дел. Причём исключительно срочных или неотложных. Однако он был просто вынужден тратить время ещё и на меня. Не мог же отказать в просьбе прелату Лафрамбуазу. Пускай Дижон и не подчинялся великому инквизитору Тосканы, но есть люди, чьими просьбами лучше не пренебрегать.

Первым делом людям инквизитора пришлось искать подходящего татуировщика. Украшающие моё тело разнообразные рисунки и цитаты из Святого Писания после Шварцвальда сильно выцвели, и кое-где их почти не было видно. И явно не первый встречный мог подойти для этого дела. В прошлый раз надо мной трудился отец Гитаны, и даже не знаю, чего это стоило старому цыгану. Конечно, дижонским псам господним не удалось отыскать именно его, а может быть у Фюрстенберга был свой человек, занимающийся подобного рода татуировками. Вот только ждать его пришлось несколько дней.

Не скажу, что дни эти я провёл без пользы. Конечно, первый из них честно предавался греху праздности, даже не взглянув на те бумаги, что передал мне инквизитор при встрече. Даже из постели поднялся, когда часы пробили полдень. На кухне на меня глянули с осуждением, однако мне на эти взгляды инквизиторских слуг было откровенно наплевать. Они-то не рисковали своей шкурой в Шварцвальде. Я более чем уверен, что заслужил эти дни отдыха. Уж один так точно.

На следующее утро ко мне явился мажордом, заправляющий всем мирским хозяйством в доме инквизитора, и сообщил, что Фюрстенберг желает побеседовать со мной снова. И времени на сборы у меня не больше пяти минут. Я уложился в три.

Мы встретились в том же кабинете, где Фюрстенберг принимал будущего вильдграфа Шварцвальда.

— Времени у меня мало, поэтому извольте лишь выслушать меня, и ничего не говорить. Он прервался на секунду, я же быстро кивнул в ответ.

— Человек, которого вы препоручили моим заботам, в полном порядке. Он жив и согласно приговору отправлен в тюрьму. Хотя по всему стоило бы сразу приговорить его смерти в очищающем пламени.

Я никак не стал комментировать его слова, хотя отлично знал, благодаря чьему заступничеству опасный еретик и не совсем человек даже сейчас сидит в каменном мешке, а не поджаривается на сковороде в аду. Или что там делают с записными ворами?

— Если вам интересно, то он будет помещён в тюрьму с очень образным названием Штырь, что на острове Горгона. Вам приходилось слышать о такой?

Кто ж не слышал о Штыре Горгоны? Одна из самых известных тюрем инквизиции. Официально её издевательски именуют тюрьмой свободы, потому что за стенами высокой башни сидят лишь комендант да невеликий гарнизон тюрьмы, а все заключённые как раз находятся снаружи. Они висят над скалистыми берегами в клетках, открытых любой

непогоде и всем ветрам. Кроме того, все клетки развешены таким хитрым образом, что общаться между собой заключённые не могут никоим образом. Мало кто выдерживает в Штыре больше двух-трёх лет, становясь жертвой непогоды или попросту сходя с ума от одиночества или страха перед чудовищной высотой, на которой висят клетки.

— Мастера татуировки уже нашли, и скоро он прибудет сюда, так что советую поторопиться с записями, которые я оставил вам. Инквизитор Лафрамбуаз рассчитывает на отряд к Троице^[1] и никак не позднее.

Я прикинул в уме, выходило, что времени не в обрез, конечно, но и расслабляться нельзя. Намёк инквизитора я понял сразу, тем более что тот был более чем прозрачным.

Фюрстенберг попрощался со мной и вышел из кабинета, я поспешил за ним.

В этот день я плотно занимался бумагами, подбирая себе людей в отряд.

Для начала надо было прикинуть, сколько народу вообще набирать. Я не был особо ограничен в количестве, и мог собрать хоть сотню отборнейших головорезов, какие только найдут в тюрьмах, вроде того же Штыря. Вот только что мне потом с ними делать? Брать штурмом города — народу не хватит, а для более-менее секретной операции и десятков человек уже перебор. В общем, размышлял я недолго, остановившись на привычной пятёрке — именно столько бойцов обычно насчитывали команды рейдеров, что ходили в мёртвые города за добычей.

Одним из первых мне попалось имя Агирре. Оказывается после смерти в ходе суда божьего кампеадора дона Бласко et cetera, et cetera, его приятеля баска не отправили на виселицу. Власти Лугано не решились запросто казнить спутника обвинённого в ереси и погибшего на ордалии кампеадора, и передали Агирре инквизиции. Смерти на костре тот вроде как и не заслуживал, но и на свободе его оставлять никто не собирался. Так Агирре угодил в застенки скрытой в скале — в заброшенном руднике — тюрьмы, расположенной близ мёртвого города Люцерна.

Оказалось, баск скрывал интересный талант. Он был волчьим братом, и это объясняло нападение стаи волков на отряд, сопровождающий ведьму, к которому ненадолго был вынужден примкнуть и я. Подобные фокусы вполне в духе волчьих братьев. Они могут контролировать двух-трёх зверей полностью, зато на их зов, неслышимый никому, кроме серых хищников и таких же волчьих братьев, могут откликнуться все волки, до кого докричится зовущий.

Ещё одним интересным фактом оказалось то, что туда же отправили служить и Скрипача. Старый наёмник с кем-то крепко повздорил на Родине, и власти одного из кантонов законопатили его туда. А может дело было в том, что Скрипач имел отношение к неудачному конвоированию ведьмы, и церковь решила упрятать его от греха подальше, чтобы не болтал языком. Наёмники ведь известное дело — секретов хранить не умеют вовсе, а уж после кружки-другой чего крепкого такие байки рассказывают, что только диву даёшься. Да только далеко не все склонны пропускать болтовню в тавернах мимо ушей. Кое-кто внимательно слушает всё и делает выводы.

Что ж, выходит, перед тем как явиться к Лафрамбуазу, я сделаю небольшой крюк к Люцерну. Навещу старую каменоломню. Уверен, моего серебряного кольца с головой пса и факелом хватит, чтобы вытащить обоих оттуда. А на случай, если этого будет недостаточно, я попрошу у инквизитора Фюрстенберга внушительное письмо, которое уж точно откроет двери темницы для Агирре и Скрипача. Конечно, надёжней было бы просить помощи в этом деле сразу у прелата Лафрамбуаза, однако на переписку с ним уйдёт слишком много

времени. А его у меня было как раз не сказать, чтобы в избытке. Сроки тем же прелатом были поставлены очень строго, и вряд ли у меня будет возможность выбиться из них без веских причин.

С подбором второго стрелка в команду у меня проблем не возникло. Я уже знал, кто им будет — и где его искать. Хотя вряд ли он обрадуется моему появлению — расстались мы при не самых располагающих к дружбе обстоятельствах.

Теперь надо было определиться с человеком, который станет главной ударной силой отряда. В моей прежней команде им был отставной ландскнехт Баумхауер, погибший в городе скорби, но и после смерти служащий тирану, зовущему себя Господином. Казалось бы, найти умелого бойца, готового за звонкую монету пойти в огонь и в воду, что может быть легче? Таких в каждом крупном городе отыскать проще простого. Вот только мне нужен был не просто умелый и отчаянный, но и надёжный, а времени на серьёзную проверку не было.

Поэтому я всерьёз закопался в дела самых опасных еретиков-бойцов, которых отправили не на костёр или виселицу, а в особую тюрьму. О ней мне доводилось слышать только самые смутные слухи — безымянная тюрьма даже неведомо где находилась, и, согласно тем же слухам, представляла собой арену гладиаторских боёв, прямо как у императоров древности. Кровавые драмы там разыгрывали едва ли не каждый день, и мало кто из отправленных туда отъявленных убийц и головорезов мог продержаться больше полугода. Хотя, конечно же, знакомые знакомых чьих-то знакомых точно знали человека, который видел того, кто вышел из этой тюрьмы после сотни боёв. Согласно всё тем же слухам, именно столько схваток надо было пережить, чтобы покинуть застенки.

Оказывается, такая тюрьма существует, и находится не где-нибудь, а близ Кандии [\[2\]](#) — острова, на котором беглецы из Венеции основали колонию, назвав её Новой Венецией. Венецианские дожи возложили на себя обязанность по присмотру за секретной тюрьмой и имеют неплохие барыши. Всегда найдётся достаточно богачей, желающих пощекотать себе нервы кровавой забавой, и деньги за это готовы платить немалые.

Но и среди её заключённых пришлось хорошенько поискать, прежде чем нашёл нужного человека. Меня не устраивали попадающие в эту тюрьму кровавые маньяки или разбойники с большой дороги, отправившие на тот свет сотни душ. Не нужны мне были и обвинённые в ереси наёмники, вся ересь их, скорее всего, заключалась в обычной безбожной похвальбе, на которую падки ландскнехты и подобные им личности.

Но был среди них один, на кого я обратил внимание. Если верить записям, то в тюрьму он угодил сразу после разгрома флагеллантов в Страсбурге, а это было больше двух лет назад. И всё это время довольно молодой парень, упоминающийся во всех документах как Гизберт, вполне удачно сражался на арене, неизменно выходя победителем из всех схваток. Я посмотрел на даты в документах — они были достаточно свежими, а значит, у меня есть надежда, что фортуна не изменила этому парню и он ещё жив.

Когда я уже закрывал бумаги, с которыми провозился до позднего вечера, из папки, где находились документы по Гизберту, выпало несколько листов. Оказывается, это был рапорт о происшествии в Страсбурге. И он очень сильно отличался не только от официальной версии, выдвинутой церковью и властями города, но и от самых страшных слухов, ходивших об этой трагедии.

Читая сухие строчки отчёта, я засиделся до темноты. На что уж я был ко многому привыкшим человеком, да и после Шварцвальда меня мало что могло смутить, однако у

меня волосы на загривке дыбом становились от прочитанного. В сравнении с этим, моя эскапада в Шварцвальде была не более чем увеселительной прогулкой.

— Не лучшее чтение на ночь глядя, — раздался у меня за спиной спокойный голос.

От старых и, что греха таить, весьма полезных привычек избавиться непросто. Вот и сейчас тело моё среагировало раньше разума. Я откинулся назад и в падении выдернул из-за пояса кривой кинжал. Тот самый, которым вспорол живот Чумному Доктору в замке прежнего вильдграфа Шварцвальда. Хищный, обоюдоострый клинок сверкнул в свете стоявшей на столе свечи, но от удара мне удалось воздержаться. Хотя рефлекс и инстинкты буквально кричали мне: «Бей! Вот же ноги врага! Режь жилы! Пускай он упадёт рядом с тобой. Ты прикончишь его одним ударом!».

— Достаточно было сказать, что вы мне не рады, — произнёс тот же голос, не изменившийся ни на йоту. Только теперь звучал сверху. — Не стоило устраивать столь ярких представлений в мою честь.

— Вы были на волосок от гибели, — честно заявил я, поднимаясь на ноги. Ни грана смущения я не чувствовал. — Рефлекс, знаете ли, страшная штука.

— Знакомо, — кивнул мажордом. — И спешу вас заверить, мсье Рейнар, у вас они отменные. Но я пришёл не для того, чтобы проверять их.

— Судя по бутылке вина в вашей руке — это так, — ответил я, не спеша садиться обратно за стол. Лишь поставил на ножки перевёрнутый табурет.

— Близится полночь, а в вашем окне я заметил свет, — объяснил мажордом. — И решил поддаться старой привычке. Пить даже в Ultima Forsan как-то неприлично. Вы же, как мне известно, были рейдером.

— Был, — кивнул я, — вы тоже ходили в мёртвые города за добычей?

— Верно. — Мажордом без приглашения уселся на второй табурет и бесцеремонно сдвинул бумаги в сторону. — И не один раз. Покуда мне в одном из рейдов упырь не оттяпал половину правой руки.

Мажордом поставил бутылку, стянул перчатку и закатал правый рукав. Ниже предплечья живая плоть сменялась искусным протезом, какие делают во Флоренции в мастерских да Винчи. Многочисленные шестерёнки и пружинки её настолько хорошо пригнаны друг к другу, что не издают никаких посторонних звуков, выдающих протез.

— С такой рукой можно было и дальше в рейды ходить, — заметил я.

— Это сейчас у меня современный протез, тогда же денег хватило лишь на самый примитивный. Да и потеря правой руки надолго вывела меня из игры, вот и пришлось искать себе другое дело.

Легко ввинтив в пробку стальной палец — в движении этом чувствовалась немалая сноровка — мажордом выдернул её и без церемоний приложился к горлышку. Я как мог собрал документы, и сунул их без разбора в несколько папок. Думаю, завтра я пожалею об этом, но сейчас мне было откровенно наплевать.

Я принял у мажордома бутылку и приложился к ней. Вино оказалось достаточно приличным, хотя, уверен, у инквизитора в подвалах дрянной кислятины никогда не водилось.

— Кло де Вужо,^[3] — отрекомендовал мне мажордом вино, забирая бутылку. — Настоятель монастыря каждый год дарит инквизитору первую бутылку из урожая, так что у нас в подвалах его презрительно скопилось.

— Если пить по бутылке каждую полночь, его запас быстро истощится.

— За кого ты меня принимаешь? — После третьего глотка, когда объёмистая бутылка опустела на две трети, мажордом решил перейти со мной на ты. — Я ж не пьяница какой, просто повод есть. Отчего бы не выпить, раз ты не спишь.

— И в самом деле, — поддержал его я, забирая бутылку и допивая вино. — Теперь хоть спать нормально смогу после всех этих кошмаров.

— Зря ты про Гизберта читал, — заявил неожиданно помрачневший мажордом. — Был я в Страсбурге после того, что он там наделал. Город, говорят, и при Мотгизе был настоящим чистилищем, но после бойни, учинённой Гизбертом — притом в одиночку! — это было кладбище. Чудовищное кладбище.

— Я так понял, что если бы не резня, в Страсбурге случилось бы нечто куда худшее, — осторожно заметил я.

— Случилось бы или нет, кто ж его знает, — развёл руками мажордом, — а вот бойню Гизберт учинил — и это непреложный факт. Знал бы ты, каких трудов и скольких жертв стоила нам его поимка. Мой тебе совет, не бери этого проклятого к себе в отряд.

Сам того не зная, мажордом только что убедил меня поступить вопреки его совету. Именно проклятые и были мне нужны. Те, кто не предаст хотя бы в силу тяготеющего над ними проклятья. Ведь оно обычно довлеет куда сильнее знаменитого Дамоклова меча.

— Вряд ли я сумел бы вытащить его из тюрьмы, — пожал плечами я. — Он слишком опасен, чтобы покидать застенки.

— Вот именно, — хлопнул меня на прощание по плечу мажордом и поднялся на ноги.

Ultima Forsan давно пробил, и мы не слышали его, слишком увлечённые разговором. Но ни один не пожалел об этом. Мы и пили-то в полночь лишь для того, чтобы не слышать двенадцатикратного удара часов, для большинства обозначающего всего-то смену суток. Для большинства, но не для нас — тех, кто ходил в мёртвые города, и знал, что выбраться оттуда надо до этого часа. Может быть, последнего часа жизни.

С этой грустной мыслью я и отправился спать.

На следующее утро я решил первым делом отправиться к инквизитору. Всё дело в том, что для операции мне нужен был некто, обладающий талантами, в которых я не разбирался вовсе. Конечно, на факториях, где мне приходилось промышлять, никогда не было недостатка в разного рода чернокнижниках, ведьмах, каббалистах и прочей братии, обожающей называть себя не иначе как посвящёнными. Однако кто из них и в самом деле имел отношение к запретным силам, а кто был банальным жуликом, я не знал. Да и от самих посвящённых правды было не добиться — у них цеховая солидарность развита почище чем у продажных женщин или цирюльников.

Правда, мне в тот день повидать Фюрстенберга не удалось. Оказывается, в особняк привели татуировщика, и он сразу же принялся за работу. На его месте каждый, наверное, поступил бы похожим образом. Кому ж охота дольше необходимого торчать в особняке инквизитора, да ещё и выполнять для него не самую понятную работу. Вопросов немолодой уже мужчина с сединой на висках и слегка отёчным лицом привыкшего к осуждаемым церковью излишествам человека, быстро осмотрел мои изрядно выцветшие татуировки и разложил на столике свои инструменты и баночки с красками. На мольберт он повесил рисунки, которые выдал ему лично мажордом, долго прикидывал, куда бы усадить меня, чтобы было удобно работать и свет падал с нужного направления. Говорил при этом мастер немного, ограничиваясь короткими — в одно-два слова — фразами и выразительными

жестами.

Работал он быстро и молча. Иглы так и летали по моей коже. Где обновляя старые рисунки, удивительно быстро выцветшие, где-то же нанося их заново. Я не могу поручиться, что именно было теперь зашифровано в хитром переплетении святых символов и отрывков молитв и псалмов. Не знал этого и наносящий сейчас рисунки татуировщик, а вот для достаточно сведущего священника я был подобием открытой книги. И это жутко раздражало на самом деле, хотя пару раз и спасало жизнь. Без них во мне в первом же городе опознают тирана, и смерть на костре мне гарантирована. Так что приходится мириться с татуировками, как с неизбежным злом.

Работать мастеру пришлось почти весь день, и он не закончил. Помнится, старику Романо понадобилось больше двух недель, чтобы нанести на меня все эти узоры, хотя, думаю, теперь управятся быстрее. Сложив свои вещи, мастер поспешил покинуть особняк, отказавшись от позднего обеда или раннего ужина, предложенного мажордомом. Равно как и от ночлега. Татуировщик взял деньги и неприлично быстрым шагом направился к двери. Мажордом коротким кивком велел паре слуг, дежуривших в комнате, пока мастер работал со мной, и те направились следом. Теперь даже если татуировщик решит сбежать, у него это вряд ли получится. В расторопности ребят, служащих инквизитору Дижона, я ничуть не сомневался.

— Могу я узнать, инквизитор у себя? — поинтересовался я у мажордома, когда слуги покинули комнату.

— Увы, — покачал головой тот, позабыв о панибратстве, что царила между нами этой ночью, — его не будет до позднего вечера.

— И всё же, я хотел бы поговорить с ним сегодня, — решил настоять я.

— Если инквизитор сочтёт это возможным, — ответил мажордом.

Я был уверен, что сочтёт, хотя и не стал говорить об этом мажордому. Для незваного гостя я и так уже слишком долго злоупотребляю гостеприимством инквизитора Дижона. Он будет только рад избавиться от меня как можно скорее.

Как я и считал, Фюрстенберг нашёл для меня время, хотя и в самом деле мы встретились ближе к ночи. Под глазами инквизитора набрякли чёрные мешки усталости, которых не было при прошлых наших встречах. Он заметно ссутулился и буквально осел в своё кресло. Заметно было, что держаться с прежней прямоотой уже выше его сил, как физических, так и духовных.

— Кроме Дижона теперь на меня ещё и Шварцвальд взвалили, — сообщил он. — Прелат Лафрамбуаз хочет показать, что ситуация у него под контролем и новый вильдграф справляется.

— А потому необходимости в отправке особых отрядов инквизиции в Шварцвальд нет, — кивнул я, без приглашения садясь напротив.

— Знаете, Рейнар, вам надо как можно скорее покинуть Дижон, — сменил тему инквизитор. — Вы слишком искушаете меня. По роду деятельности я не могу даже исповедоваться нормально. Слишком велики секреты прегрешений, что я беру на свою душу, чтобы доверять их кому бы то ни было, кроме Господа. А потому я сам отпускаю себе грехи и накладываю епитимьи, которые, что греха таить, далеко не всегда исполняю. С вами же могу говорить свободно — вы обличены полномочиями официала, да и душа ваша отягощена не меньше моей.

— Вот только тайну исповеди хранить я по роду своей деятельности не обязан, —

жёстко заметил я, однако мои слова не вернули Фюрстенберга с небес на землю.

— Думаете, я бы доверил вам какие-либо тайны? Я не настолько наивен, Рейнар. Просто иногда так хочется поговорить с кем-нибудь по душам. Не со слугами же, в конце концов, откровенничать. Даже в очень жёстких пределах.

Он подобрался, давая понять, что лирическое отступление закончено и поинтересовался, что же привело меня к нему.

— Мне в отряд нужна ведьма, — без обиняков заявил я, — или чернокнижник или ещё какой колдун. Обычного алхимика или чумного доктора будет недостаточно.

— Я знаю довольно о том, на кого вы собираетесь охотиться по приказу прелата Лафрамбуаза, — кивнул инквизитор, — и потому в документы, что выдали вам, добавил несколько резюме ведовских процессов.

— Для меня они — пустое, — развёл руками я, — именно поэтому и решил обратиться за помощью к специалисту в этом вопросе. То есть к вам.

— Прежде вы неплохо справлялись со слугами Дракулести, — заметил Фюрстенберг, — однако по татуировкам видно, что стоило вам это очень дорого. К тому же, вы несколько преуменьшаете свою осведомлённость относительно ведьм. Я отлично знаю историю, случившуюся в Лугано. Вы сумели прикончить ведьму, терроризировавшую весь город, при этом обошлись без помощи местных священников и даже без очистительного пламени.

— Ну, тело её, уверен, всё же сожгли потом, — сказал я. — Но вы верно сказали, что всякий раз подобное противостояние обходится мне очень дорого. Я не могу постоянно полагаться на своё проклятье. Тем более что часть меня может и не выдержать прямого столкновения с силой тирана, которой обладает Дракулести.

К тому же я был уверен, что воевода готовится к встрече со мной. Уж Гитана точно не станет молчать о моём визите в Шварцвальд. Однако говорить об этом инквизитору я счёл излишним. Уверен, в моей благонадёжности и так имеются большие сомнения — к чему увеличивать их ещё больше?

— Вам нужна ведьма, которую вы сумеете удержать в узде, — задумчивым тоном произнёс Фюрстенберг. — С достаточно сильной вы тоже сумеете справиться, но это закончится её смертью, а никому это не нужно. К тому же сильных ведьм мы всё же предпочитаем отправлять на костёр.

«Или придерживать для собственных нужд», — добавил я про себя, однако от комментария, конечно же, воздержался. Мне приходилось слышать об инквизиторе Кастильской короны Энрике де Гране, которому служили некая ведьма и чернокнижник, а может быть и не они одни. Также и у Глорианы — английской королевы был советник с весьма нестандартными способностями к предсказаниям и не только. Хотя про далёкий Альбион каких только слухов не ходило, слишком уж замкнуто живут на острове, отделённом от Европы проливом. Впрочем, он не защитил их от чумы.

— От недостаточно сильной толку в схватке с тираном не будет, — заметил я. — Особенно с таким как Дракулести.

— Тут ваша правда, — кивнул Фюрстенберг. — Есть одна ведьма, которая не отправилась на костёр, хотя бед, сказать по чести, принесла не мало. Она не столь сильна в колдовском искусстве, но берёт другим — непредсказуемостью. Её и ловили очень долго лишь потому, что никогда нельзя было точно предугадать, какой именно фортель она выкинет в следующую минуту.

— Выходит, вы хотите подсунуть мне безумную ведьму, — напрямик заявил я.

— Все они безумны в той или иной мере, — развёл руками инквизитор, — иначе что ещё может толкнуть честную женщину на стезю дьявольского искусства? Но эта, не скрою, безумней иных. Не знаю даже, сумеете ли вы совладать с нею. Однако она подойдёт вашему отряду лучше других, даже более опытных колдуний, уверяю вас.

Конечно, при условии, что к по-настоящему сильным меня не подпустят и на пушечный выстрел. Придётся брать, как говорится, что дают, а после и поблагодарить.

— Эту девицу зовут Фантеска Дзанни, — добавил инквизитор. — Бумаг на неё у вас нет. Я распорядюсь, чтобы завтра вам передали резюме по её процессу, и заодно протоколы допросов. Если эта не подойдёт, то обращайтесь, подумаем над другими кандидатурами.

Я поблагодарил Фюрстенберга и отправился спать. Когда шагал по коридору в то крыло, где находилась моя комната, заметил, что в плотно зашторенном окне инквизиторского кабинета горит свет. Видимо, я украл у него время сна. Надеюсь, что не всё.

Резюме по делу юной ведьмы я прочёл перед тем, как меня позвали в просторный и хорошо освещаемый зал, где мастер татуажа продолжил свою работу. К слову сказать, выглядел татуировщик куда более помятым чем вчера. Ночь он явно провёл бурную и вовсе не в трактире или объятиях продажных женщин, судя по злобным взглядам, что он кидал на сопровождавших его крепышей из свиты инквизитора. Видимо, решил-таки сбежать, но сделать этого ему не дали.

Пока он работал, я обдумывал прочтённое. Ведьма либо действительно была сильно не в себе, либо очень удачно прикидывалась. Настоящего имени не называла, предпочитая именовать себя разными дзанни^[4] комедии дель арте, отсюда и прозвище. На допросах она называла себя то Серветтой, то Смеральдиной или Мирандолиной, то другими именами, но чаще всего всё же Фантеской. О ней было известно, что прежде чем увлечься запретными науками, будущая ведьма выступала с бродячими цирками как акробатка, и неизменно пользовалась успехом благодаря ловкости и красоте. После, её угораздило связаться с ковром ведьм, уничтоженным инквизицией. Тогда же она впервые попала в тюрьму. Ведьмы те были в общем почти безобидными и не чинили особых бед округе, а часто и помогали, однако спасти от вспышки чумы не смогли. На них тут же донесли, и всех женщин — а с ними и порядком невиновных, куда ж без этого — отправили в застенки. Не вынеся допросов, Фантеска сошла с ума и девицу отправили в дом скорби, что в городе Бергамо. Дом скорби сгорел при невыясненных обстоятельствах, и Фантеска оказалась на свободе. После этого её ловили несколько лет. В резюме, скорее всего, упоминались далеко не все результаты более чем бурной деятельности Фантески, но и по имеющимся было видно, что поработала она на славу. Взяли её на одном из шабашей в ночь языческого праздника, и после недолгого процесса отправили не на костёр, как большинство ведьм и колдунов, участвовавших в нём, а в особую тюрьму. Основания для помещения туда указаны не были, что и не удивительно: ни в одном другом деле я не нашёл ничего подобного. Всюду лишь говорилось, что отправлены по решению трибунала туда-то и туда-то, не более того.

Что ж, наверное, именно такая и нужна моему безумному отряду. Если уж мне не заполучить ведьмы или колдуна, достаточно сильного, чтобы совладать с тираном вроде Дракулести, то непредсказуемая девица едва ли не лучший выбор.

Самая сложная часть задания решена — я определился с кандидатурами для своего отряда. Дело за малым: собрать их всех в одну команду, заставить действовать вместе, и прикончить-таки воеводу Дракулести. Что может быть проще, в самом деле?

Попрощаться со мной инквизитор времени всё же не нашёл. Но я не особо рассчитывал на это. Хорошую лошадь мне вывел из конюшни мажордом. За ним шагал парнишка с седлом на одном плече и сбруей, перекинутой через другое.

— Сам оседлаешь или помочь? — спросил у меня мажордом.

— Раз уж отправляюсь в дорогу верхом, пора бы учиться заботиться о животном, — ответил я, принимая у конюшего седло.

Наверное, с непростым делом подготовки лошади к дальней дороге я справился не слишком ловко, однако и ошибок не допустил. По крайней мере, ни мажордом, ни конюший, наблюдавшие за мной, после ничего поправлять не стали. Я прицепил к седельным сумкам длинный кампеадорский меч, проверил пару пистолетов в ольстрах. Чертовски удобная вещь — я оценил это в Шварцвальде, когда вместе с наёмниками Кожаного лица штурмовал постоянный двор, где засели чёрные гусары. Отправить пару врагов на тот свет двумя выстрелами — весьма неплохое подспорье в схватке. Прежде чем забраться в седло, оценил, хорошо ли выходят из ножен новенький палаш и гротесксер, висевшие на оружейном поясе. Проверил и кривой кинжал — оружие последнего шанса.

В общем, я был полностью готов к путешествию. Перемётные сумы были набиты едой и разбавленным вином, на случай если окажусь в местности, где не будет постоянных дворов и деревень. Кроме того, там лежали пара пороховниц и внушительный мешочек с пулями для пистолетов. Больше ведь мне и не надо — путешествовать я предпочитаю налегке.

— Ну, с богом что ли? — вздохнул мажордом, снова вернувшись к панибратству двух бывших рейдеров.

Он вынул бутылку зелёного стекла, запечатанную сургучом, на этикетке я прочёл *Romanee Conti*.^[5]

— За пропажу этой бутылки инквизитор с тебя точно голову снимет, — заметил я, глядя как мажордом расправляется с сургучной печатью и вывинчивая пальцем, словно штопором, пробку.

— Знаешь, в чём преимущество таких вин? — спросил он, и не дожидаясь ответа, сказал: — Их пропажу никогда не обнаружат, потому что повода открыть никогда не будет. А чего ему зазря киснуть, верно?

Конюший облизнулся будто кот на сметану, глядя на бутылку дорогого вина, однако мажордом посмотрел на него грозно и для верности добавил:

— И не думай даже, тут и двоим мало будет!

Парнишка тут же сделал вид: не очень-то и хотелось, чем ещё сильнее напомнил мне кота.

— Однако придётся разделить на троих, — раздался голос инквизитора, и к нам подошёл Фюрстенберг. — Не думали же вы, Рейнар, что я отпущу вас, не попрощавшись.

Мажордом не стал прятать бутылку, сразу же протянув её Фюрстенбергу.

— Из горлышка, будто ландскнехты у костра, — покачал головой тот, однако приложился, сделав пару глотков, и передал бутылку мне.

Вино и в самом деле оказалось великолепным, хотя пили мы его откровенно варварски.

— Прощайте, инквизитор, — сказал я, когда вино закончилось. — И спасибо вам за всё.

Поблагодарить его было за что. Не только за кров и стол, или обновление татуировок, скрывающих моё проклятие внутри. Мастер проработал над ними ещё пару дней, а сейчас, наверное, уже покинул Дижон, зарекавшись обходить его десятой дорогой. Вместе с кольцом официала инквизиции я получил внушительную пачку писем, подписанных Фюрстенбергом,

часть которых, попади они не в те руки, вполне могли скомпрометировать его. Но с ними мне будет куда проще вытащить из каменоломен Агирре, а это уже очень немало. Да и просто ездить с таким багажом куда как сподручнее. Зря я в прошлый раз не взял ничего подобного у Лафрамбуаза, тогда бы дорога до Шварцвальда была у меня куда легче. Ведь зачастую десяток слов на клочке бумаги с нужной подписью могут сделать больше, нежели угрозы, насилие и даже подкуп.

— И вы прощайте, Рейнар, — ответил мне Фюрстенберг. — Да пребудет с вами Господь во всех ваших начинаниях.

Обычно говорили «праведных начинаниях», но хладнокровное убийство, даже тирана, никак нельзя отнести к таковым.

Уж забравшись в седло, я вдруг спросил у Фюрстенберга:

— Может быть, вам помощь нужна? Разоблачить еретика или там заразителя?

— Спасибо, — ледяным тоном ответил тот, — сами справимся.

Я кивнул ему на прощание, и направил лошадь прочь от особняка. Впереди меня ждала не самая приятная дорога, но от неё никак не отвертеться. Времени прелатом Лафрамбуазом мне отпущено не слишком много, а значит к Люцерну придётся ехать кратчайшей дорогой, что лежит через охваченную последствиями мятежа область империи.

Мой путь снова лежал в Шварцвальд.

Глава 2

Знакомые всё лица

Приближаться к границам Шварцвальда было неприятно. До почти физического отвращения. Я не хотел возвращаться в проклятое Господом графство, где после моего краткого визита царил чудовищный хаос и настоящая гражданская война. Однако сроки, поставленные прелатом Лафрамбуазом, не оставляли выбора.

До границы Бургундского герцогства, столицей которого, собственно, и был Дижон, я добрался за считанные часы. Солнце ещё не успело скрыться за горизонтом, а я уже имел сомнительное удовольствие наблюдать руины города Мюльхаузен. Покинутый во время чумы, да так и не заселённый бывший имперский город, входивший даже в Декаполис, ^[6] пустовал не один год. Всё ценное, что было за его стенами, давно вывезли, а потому даже факторий рядом с городом не сыскать ни одной. Не говоря уж о хоть каком-нибудь постоялом дворе.

Однако именно здесь меня ждали. Десяток рейтар в знакомой кожаной броне со стальными вставками, только теперь покрытой красными накидками с гербом нынешнего вильдграфа. Командовал ими капитан Курцбах. Как и его солдаты, он избавился от меток Кожаного лица на доспехах, вместо этого набросив сверху красную тунику с гербом вильдграфа.

— Ты не заставил себя ждать, — бросил, не слезая с коня, Курцбах. — Это хорошо.

Я ничего хорошего от встречи с бывшим командиром наёмников убитого мной Кожаного лица не ждал, а потому подобрался и руку, как бы невзначай, положил на рукоять пистолета, торчащую из ольстры.

— Не психуй, приятель, — грубовато успокоил меня Курцбах. — Мы здесь по приказу нового вильдграфа. Он велел встретить тебя и проводить до границы с кантонами. Доставить туда в лучшем виде, так и сказал, Девой Марией клянусь.

— Так ты теперь служишь ему? — спросил я, не спеша убирать руку с пистолета.

— В точку, — прищёлкнул пальцами Курцбах. — Так что едем, пока солнце не село. Тут недалеко есть постоялый двор.

Я надеялся, что это будет не тот же, где мы с вором и наёмниками Кожаного лица дрались против венгерских чёрных гусар графа Ханнсегюнтера. К тому моменту уж давно покойного и зарытого на заднем дворе безымянного трактира.

Я присоединился к отряду — выбора-то у меня не было, да и глупо отказываться от сопровождения. Курцбах во время нашего знакомства проявил себя достаточно честным человеком, конечно со скидкой на обстановку в Шварцвальде. Его рейтары не окружали меня, держась на некотором отдалении, так что я даже решил поболтать с Курцбахом, чтобы скоротать время в дороге.

— И как ты оказался в чести у новой власти? Не думаю, что нынешний вильдграф настолько доверчив, чтобы вот так запросто взять тебя на службу.

— Конечно, нет, — отмахнулся капитан. — Но я пришёл к нему не с пустыми руками. И не только с отрядом преданных лично мне наёмников. Этого и в самом деле было бы мало. Ты же помнишь, что Кожаное лицо поручил моим заботам Деточку, а тот ведь официально числился сыном вильдграфа. Вот, кто стал залогом моей преданности новой власти. Передал Кровавому Деточку в лучшем виде.

— Кровавому? — уточнил я, хотя и подозревал о ком идёт речь.

— Да это прежнее прозвище нашего славного вильдграфа, — ответил Курцбах. — Его прежде Кровавым бароном звали, теперь титул у него посолоней, а старое прозвище прилипло — не отцепишь. Вот осталось от него только первое слово — Кровавый, оно ему очень подходит, уж можешь мне верить.

— Мне довелось слышать, что у Деточки была своя банда, — заметил я, припоминая вести из Шварцвальда, которыми полнились все базарные площади Дижона едва ли не каждый день. — Все как на подбор законченные мерзавцы и садисты.

— Вопили как свиньи, когда мы с ребятами развешивали их вдоль дороги, — заявил Курцбах, явно гордый проделанной работой. — Из всей банды одного Деточку живым и взяли — остальные-то нам без надобности. Я приглядывал за Деточкой не один день и хорошо изучил его повадки, так что отыскать его не составило никакого труда.

К слову сказать, многие деревья вдоль дороги, по которой мы ехали, украшали повешенные. Кто с табличкой на шее, где корявым почерком изобличались прегрешения казнённого, но чаще обходились без пояснений. Да и кто бы их читал, в самом деле. Несколько раз нам встречались настоящие деревья повешенных — давно уже мёртвые. На их прочных ветвях трупы висели гроздьями, и ещё десятки их гнили около узловатых корней. Они были настоящим пиршеством для стай воронья, не пугавшегося даже приближения людей. Зловещие птицы разрождались граем, как будто осыпали нас дождём насмешек и непристойностей, и прыгали по веткам, отчего покойники раскачивались в петлях, а кое-кто и вовсе падал.

Если и в прошлый мой визит — не столь уж давний — Шварцвальд представлял собой удручающее зрелище, то теперь всё стало ещё хуже. Хотя, казалось бы, это попросту невозможно. Но нет, ещё как возможно. Такого отчаяния и запустения, как царившее вокруг, я не мог припомнить со времён чумы. Тут же она как будто снова прошла своей чудовищной косой. Не раз мы замечали бредущих по дорогам покойников. Это были спонтанно поднявшиеся мертвецы, видимо, чума успела отметиться в этих землях. С ними справлялись без особого труда — рейтары расстреливали покойников из пистолетов, а после топтали останки конями, превращая их в бесформенную кашу.

— Хоронить некому, — философски заметил Курцбах после первой такой схватки, а скорее просто уничтожения. — Известь сейчас чуть не унциями продают, да и зима хотя и тёплая, а дрова нужны, чтобы отапливаться. Вот и не жгут и не хоронят по-человечески. Не одна деревня уже от чумы вымерла, и после всё её население по округе бродит. А тут ещё и скандинавы эти, чтобы им пусто было.

— Скандинавы? — удивился я. — Далеко же они забрались от родных фьордов.

— Большая ватага какого-то ярла по прозвищу Чёрный медведь, — объяснил Курцбах. — Я слышал, что прежде он служил ганзейцам,^[1] в основном защищал от пиратов на Балтике и в Северном море. Но после какой-то некрасивой истории — подробностей не знаю — развёл руками рейтарский капитан, — лишился корабля, и был вынужден очень быстро покинуть земли торгового союза. Ну а тут решил задержаться — очень уж славным местечком ему показался Шварцвальд.

Да уж, каких только любителей поудить рыбку в мутной воде не собралось сейчас в Шварцвальде. Он, наверное, манит подобного рода авантюристов и просто бандитов всех мастей полным беззаконием, что царит сейчас едва ли не на всей территории феода.

А вот у одного из деревьев повешенных нам пришлось задержаться. Под ним замер в

трансе хозяин стаи стригоев. Чудовище, видимо, только народилось на свет и теперь нашло себе идеальное место для того, чтобы собрать как можно больше тварей.

— Надо было остановиться в той деревне, — в сердцах, но не очень громко, чтобы не привлечь внимание монстра, произнёс Курцбах.

Мы около часа миновали пустую деревню, большую часть населения которой сами же и перестреляли, после превратив копытами коней в жуткое месиво. Ночевать там, конечно, было не лучшей идеей, однако продолжать путь в темноте, как оказалось, ещё хуже.

— И что теперь делать? — спросил он у меня.

Прежде мне приходилось сталкиваться с подобными существами. В самом начале моего путешествия из Тосканы в Шварцвальд мне и моим спутникам удалось отбиться от довольно крупной стаи стригоев. Но там хозяин был куда старше, и то его едва сумели одолеть. Если бы не выдающиеся бойцовские навыки покойного Бьёрна Стурлы, мы вполне могли остаться на той дороге гнить. Молодые же хозяева куда более проворны и опасны в бою, нежели тот, с которым пришлось иметь дело в прошлый раз, чума лишь преобразовала их тела, но начала разрушать их. И я был вовсе не уверен, что сил всего отряда рейтар хватит, чтобы справиться с этим.

— Назад поворачивать глупо, если только нет другой дороги, чтобы обойти тварь на приличном расстоянии, — ответил я. — И дальше она нас не пропустит. Она уже почуяла нас, но пока мы не пересекли определённой границы, не станет атаковать.

— А почему возвращаться не стоит? — уточнил у меня Курцбах.

— К утру у него будет стая стригоев из повешенных, тогда нам точно конец.

— И как с ним лучше всего справляться?

Видимо, Курцбах что-то слышал обо мне, потому что полностью полагался на моё мнение в деле, связанном с нежитью. Он-то привык больше живых убивать, оставляя мёртвых рейдерам или бездушным.

— Первым делом оставить лошадей, они боятся подобных тварей и в бою будут ненадёжны. — В том, что придётся принимать бой, ни у кого сомнений уже не было. — И не подпускать монстра близко, пытаться расстрелять с максимальной дистанции. Тогда, может быть, обойдёмся минимальными потерями.

— Звучит не слишком обнадеживающе, — покачал головой Курцбах. — А обойти его точно не получится?

Я отрицательно покачал головой и первым слез с седла, вооружившись пистолетами из ольстр. После недолгого размышления палаш с гротескером оставил притороченными к перемётным сумам, закрепив на поясе длинный и увесистый, но куда более удобный в схватке с подобными тварями кампеадорский меч. Курцбах не отстал от меня, и рейтары вслед за капитаном тоже спешили. Каждый взял по паре пистолетов, проверив их, равно как и остальное оружие.

— Веди, — кивнул мне Курцбах, и я первым направился к монстру осторожными шагами.

Никогда не знаешь, где проходит граница, за которой хозяин стаи стригоев чует тебя, и кидается в атаку. В том, что такая молодая особь, не успевшая обзавестись и парой стригоев, тут же нападёт, у меня сомнений не было. Они довольно часто встречаются на дорогах и повадки их давно и очень хорошо изучены. На горьком и кровавом опыте.

И всё же я пропустил момент, когда хозяин стаи атаковал. Тварь оказалась умней, она не стала бросаться на нас, выпустив длинные и кривые что твои ятаганы когти, и обнажив

жуткие, почти человеческие, зубы. Она сорвала с шеи один из зловещих трофеев — набитый известью череп, и швырнула в меня.

Я каким-то чудом сумел увернуться, в последний миг дёрнувшись в сторону, и тяжеленный череп на волосок разминулся с моей головой. Видимо, бросал его хозяин стаи не особо прицельно.

— В линию! — скомандовал Курцбах, и тут же по обе стороны от меня выстроились одиннадцать рейтар, считая и самого капитана. — Правая рука, — выкрикнул он, и я вместе с остальными, отставая от них на доли секунды, вскинул зажатый в правой руке пистолет, — огонь!

Трещит дюжина выстрелов — тяжёлые пули разбивают черепа в ожерелье хозяина стаи. Он кричит от боли, но и не думает падать замертво. Этого слишком мало, чтобы прикончить его.

— Левая рука, — теперь уже я не отстал от рейтар, — огонь!

Ещё дюжина пуль врзается в жилистое уродливое тело хозяина стаи, но он уже на ногах и готов к бою. И в следующий миг проливается кровь — человеческая.

С хрустом сомкнулись жуткие челюсти монстра на плече не успевшего увернуться рейтара. Кожаные доспехи не спасли его. Тварь по-собачьи дёрнула головой, вырывая приличный кус кровавого мяса из плеча несчастного. Правая рука рейтара, всё ещё сжимавшая пистолет, повисла на тонком лоскуте плоти и нитках сухожилий. Бедолага зашёлся в жутком крике и повалился на колени в дорожную грязь. В следующий миг хозяин стаи разорвал его горло, и крик сменился кошмарным бульканьем.

— В стороны! — первым опомнился, как и положено командиру, Курцбах. — Заряжай! Стрелять по готовности!

Рейтары рванули кто куда, стараясь оказаться подальше от длинных лап чудовища. То на миг замерло, явно дезориентированное таким поведением наглой добычи, однако тут же выбрало себе цель. И на свою беду твари приглянулся я.

В отличие от рейтар, я перезаряжать пистолеты на бегу не умел, а потому ничтоже сумняшеся швырнул их в грязь, и вытащил из ножен кампеадорский меч. Решив не дожидаться, когда тварь врежет мне — о том, что хозяева стаи чертовски сильны, я знал не понаслышке — я атаковал первым. Выпад вышел не ахти, и монстр легко перехватил клинок левой рукой. Вот только оружие кампеадора ковалось и закалялось в стали и, что греха таить, магии, как раз против подобных чудовищ. По всей длине клинка вспыхнули золотые латинские буквы, сложившиеся в отрывок из 67 псалма: *exsurgat Deus et dissipentur inimici eius*.^[8] Тварь тут же взвыла от боли, и куда сильнее, нежели когда её шкуру дырявил десяток пуль. Из-под пальцев её потянулся смрадный дым, и плоть начала сползать с костей.

Хозяин стаи выпустил моё оружие, вот только воспользоваться шансом и быстро контратаковать я не успел. Монстр, как и все подобные ему молодые хозяева стаи, был чертовски быстр и ловок. Удар правой лапы едва не выбил меч у меня из рук, пришлось ухватиться за него покрепче, чтобы просто удержать. И тут же чудовище прыгнуло на меня. Я как мог проворно отскочил назад, выставив перед собой оружие. Было глупо полагать, что тварь возьмёт и так запросто насадит себя на клинок. Монстр ловко извернулся в полёте, уходя от моего клинка, и обрушился на меня всем весом. Длинные лапы его прижали мои руки к телу, не давая дёрнуться. Хозяин стаи выпрямился — и ноги мои оторвались от земли. Я оказался полностью беззащитен перед его яростью. Он сдавил меня в своих воистину медвежьих объятиях, так что кости затрещали. Даром, что тощий, будто голодал

пару лет, силы ему было не занимать.

Распахнув пошире пасть, монстр нацелился одним махом откусить мне голову. Мне же оставалось только молиться, да постараться прожить оставшиеся мгновения достойно. Челюсти чудовища рефлекторно сомкнулись, но не на моей шее, а на стволах пары пистолетов. Подскочивший Курцбах успел уже перезарядить оружие, и ткнул сразу двумя стволами в морду твари. Почти человеческие зубы хозяина стаи заскрипели по воронёным стволам. Курцбах не медлил ни секунды, тут же нажав на спусковые крючки. На наше счастье пистолеты у него оказались отменного качества — ни один не дал осечки. В грохоте пары выстрелов, слившихся в один, голова монстра окуталась пороховым дымом, а затылок ему разнесло на сотни осколков черепа. К слову сказать, ни крови, ни ихора почти не было.

Кого другого такой выстрел прикончил бы на месте, однако хозяева стаи были чертовски живучими тварями. А уж молодые так и подавно. Однако монстр рефлекторно разжал руки, выпуская меня. Мне стоило известных усилий не повалиться кулём в грязь, а приземлиться хотя бы относительно пристойно, и тут же рубануть хозяина стаи по животу. Острый как бритва кампеадорский меч легко распорол шкуру и плоть чудовища, как нож сквозь масло пройдя через толстые кости. Монстр взвыл пуще прежнего — из длинной раны на животе его вывалились кольца отвратительно воняющих кишок. Не став тратить время на то, чтобы попытаться собрать их, как поступил бы на его месте человек, хозяин стаи бросился на меня, пытаясь достать когтями правой и теми, что уцелели на левой его лапе. Но я был готов к нападению, и не дал ему схватить меня снова. Перекатившись через плечо, я перемазался как поросёнок, зато получил отменный шанс, которым грех было не воспользоваться. Я быстро рубанул тварь по ногам, целя в сухожилия. Однако вышло даже лучше, чем я рассчитывал. Кампеадорский меч снова сверкнул золотыми буквами 67 псалма, и легко перерубил обе ноги хозяина стаи. Тварь, продолжая рывок, нырнула вперёд и зарылась мордой в грязь.

Я не стал терять времени и прыгнул ей на спину, вонзив меч в грудь, очень надеясь, что пробью сердце. Клинок легко крушил рёбра твари. Я выдернул меч, вонзил снова и снова и снова, пока хозяин стаи не перестал дёргаться. Большая часть плоти пропала с его костей, сожжённая магией кампеадорского меча. От грудной клетки так и вовсе остался почти голый скелет, и чёрное сердце хозяина стаи давно рассыпалось прахом под моими ударами. Тварь была мертва — окончательно и бесповоротно.

— Да ты просто охотник на мертвецов, — протянул мне руку Курцбах. — В одиночку прикончить такую страховидлу.

— Не надо льстить мне, — принял его помощь я, — без тебя бы я точно не справился — тварь бы оттапала мне голову в один присест.

— Да ладно тебе, не прибежняйся, — отмахнулся Курцбах. — Мои выстрелы не прикончили её, а вот ты ловко ей обе ноги отрубил. В общем, хочешь или нет, а с меня на постоялом дворе лучшее вино, еда и самые смазливые девицы, каких там только можно отыскать. До утра я со своими людьми буду пить, и ты с нами — за мой счёт. И не спорь! Ты прикончил тварь, которая запросто могла весь мой отряд отправить на тот свет, а так придётся хоронить лишь одного. Это редкая удача в наше время, особенно в Шварцвальде.

Я и не собирался возражать. Тем более что и у самого было лишь одно желание — напиться до беспамятства. Казалось бы, давно уже привык к риску, к схваткам с людьми и чудовищами, из которых мало шансов выйти живым. Одна эскапада во Фрейбурге, когда я отправился вслед за Абеле в ловушку, отлично зная, что на меня расставлен капкан, чего

стоит. И всё равно, сейчас меня просто трясло от осознания того, насколько близка была смерть считанные минуты назад.

Мы сели в сёдла, привязав тело убитого рейтара к его коню. Он не успеет переродиться, даже его хозяин стаи заразил, а на постоялом дворе капитан решил организовать ему нормальные похороны.

— Если не найдём самого заваливающего клирика, так хоть зароем в могиле с негашёной известью, — заявил я, помогая друзьям убитого привязывать тело к седлу. — Я своих людей не бросаю даже после смерти.

Мы погнали успевших немного отдохнуть во время схватки с хозяином стаи лошадей быстрой рысью. Несмотря на скверные дороги и сгущающиеся сумерки. Мы и без того потеряли из-за чудовища слишком много драгоценного времени, и теперь вынуждены были ехать в темноте.

К постоялому двору подъехали, когда уже совсем стемнело и сквозь ветви деревьев мелькали звёзды и луна. Окружённый высоким частоколом, он напомнил мне тот, что пришлось штурмовать вместе с наёмниками Кожаного лица. Но этот был даже больше, потому что стоял на большом перекрёстке, откуда пути расходились в Бургундию, Шварцвальд и Лесные кантоны. Видно было, что постоялый двор знавал и лучшие времена, теперь приходя в упадок из-за творящегося в Шварцвальде.

Однако стоило нам проехать ворота, на страже которых стоял десяток солдат в туниках цветов нового вильдграфа поверх кольчуг, и мы увидели, что он полон людей, как муравейник. Наверное, и в прежние, куда лучшие времена, здесь не собиралось столько народу. Вот только всё это были люди вильдграфа — вооружённые солдаты сновали туда-сюда в кажущемся беспорядке. Однако я ещё по крепости бездушных отлично помнил, насколько бывает организован этот хаос.

Курцбах узнали сразу и пропустили весь отряд без единого вопроса. Однако командовавший солдатами на воротах сержант с лицом пропойцы, в мятой кирасе поверх кольчуги и без шлема, ловко поймал коня капитана Курцбаха и взмахом велел остановиться.

— Что стряслось? — раздражённо спросил капитан, уже предвкушавший отменную попойку.

— Вильдграф желает видеть тебя немедленно, — хриплым голосом произнёс сержант. — Он даже справлялся о тебе несколько раз. Ждёт.

— Его сиятельство отлично знает, куда и с какой миссией я отправился, — отмахнулся Курцбах. — У меня нет времени на поездку во Фрейбург.

— Да он тут, недалече, — прохрипел сержант, махнув свободной рукой в сторону главного здания постоялого двора. — В общей зале ждёт тебя, вместе со всеми офицерами.

— Так что стряслось? — решил уточнить у него Курцбах.

— Чёрного медведя обложили в старой римской крепости, — охотно поделился новостью сержант. — Наш сиятельный господин вильдграф всех поднял на медвежью охоту.

Курцбах дёрнул поводья, высвобождая их из не слишком крепкой хватки сержанта. Мы проехали ещё с десятков шагов, остановившись у коновязи, где пришлось бы основательно потеснить других лошадей, чтобы найти место для наших.

— Идём, — махнул мне Курцбах. — Думаю, и тебе стоит поговорить с вильдграфом.

Он махнул кому-то из своих людей, чтобы позаботились о лошадях.

— И найдите священника, — велел он, — ну и извести тоже, чтобы на одну могилу хватило. За деньгами не постою, это все знают. Обещайте сколько угодно.

Мы вместе направились к большому центральному дому постоянного двора.

— Гляжу, ты не горишь желанием принимать участие в медвежьей охоте, — заметил я.

— Знаю я как он охотится, — отмахнулся Курцбах, — и крепость эту знаю. Руина руиной, но и там можно держать оборону. Народу поляжет немало, и в основном те, кто как и я служили прежнему вильдграфу. Кровавый избавляется от нас, чтобы после попросить о помощи у инквизиции. Мол, людей не хватает.

Я бы на месте нового вильдграфа тоже не слишком доверял так легко меняющим стороны наёмникам. Что бы ни говорили о них, а на невысоких, зато почти неизблемых принципах и зиждется та невеликая степень доверия, что испытывают к ним. Те же, кто как капитан Курцбах служат одним, и как только власть слабеет, легко перебираются в стан новой власти, подрывают едва ли не сами основы ремесла. Так что всё закономерно.

Новый вильдграф Шварцвальда ничуть не изменился с тех пор, как я видел его в прошлый раз. Такой же здоровяк в кожаной кирасе, укреплённой на животе сталью, поверх неё наброшено стёганое сюрко^[9] с гербовым щитком на груди. На голове — кожаный чепец, какие обычно носят под шлемом. Из оружия только здоровенный нож в деревянных ножнах, висящий на груди так, чтобы его легко было выхватить правой рукой.

Увидев нас с Курцбахом, он тут же поднялся на ноги, оставив лучшее место в общей зале — рядом с жарко натопленным камином, и шагнул к нам, уперев руки в боки.

— Ба! Кого я вижу! Мой brave капитан Курцбах и тот хрен с бугра, за которым я его отправил. Я-то думал, что ты повыше ростом будешь, приятель! Столько шороху тут навёл, что мне разгрести и разгрести.

Я даже не сразу понял, что обращается он уже ко мне.

— Я тебя где-то видел, — прищурился вильдграф, — да только мельком, видать, не запомнил.

Я не стал ему напоминать, что мы и в самом деле мельком виделись в доме инквизитора Фюрстенберга. Хотя, думаю, именно глава дижонского святого официума^[10] и попросил о сопровождении для меня в беспокойных землях Шварцвальда.

— Садитесь же к огню, — пригласил нас удивительно приказным тоном вильдграф, — и выпейте со мной горячего вина. Лучшее пойло в такую дрянную погоду.

Мы отказываться не стали. Пока прошли к столу у камина, я оглядел большой зал постоянного двора, где обосновался вильдграф. Кроме самого хозяина Шварцвальда тут расположились, наверное, все его командиры. И весьма примечательно, что они как бы образовывали две группы. В первую входили, скорее всего, люди, преданные новому хозяину Шварцвальда. Все как на подбор бывалые наёмники, парочка даже в узнаваемых цветастых одеждах ландскнехтов, украшенных потрёпанными перьями и грязными лентами, даже не поймёшь сразу каких цветов. Вторую образовывали командиры регулярных войск инквизиции, отправленные на помощь новой власти. Эти носили цвета своих полков, вооружены были единообразно и не считали нужным скрывать своё презрение к первым. Отчуждённости или напряжённости особой не чувствовалось, однако в шуточках, которыми обменивались между собой офицеры обеих групп, и общем зубоскальстве явно сквозило негласное противостояние.

Правда, на Курцбаха офицеры обеих групп поглядывали почти как на врага. Видимо, один только рейтарский капитан из всех, кто служил старому вильдграфу, а если быть точным, то Кожаному лицу, перешёл на сторону новой власти. И в этом стане доброжелателей у него не было.

— Ещё вина! — рявкнул вильдграф, ни к кому конкретно не обращаясь. — И жратву тащите! Да поприличней. Я не свинья, чтобы помои из корыта хлебать.

Если честно, он чем-то походил на здорового кабана-секача, такого, на чьём пути лучше не становиться. Даже если ты вооружён отличной охотничьей аркебузой и кабаньим мечом или копьём.^[11] Такой сметёт тебя, даже не обратив внимания на самый внушительный арсенал и пару тяжёлых пуль, пущенных с вроде бы убойной дистанции.

Пара подавальщиц быстро унесли полупустые миски с едой и выставили вместо них новые — уже полные. То же самое и с вином. На столе будто по волшебству появилось несколько глиняных кувшинов, от которых исходил жар.

Я не большой любитель горячего вина — на мой вкус там слишком мало вина, и слишком много всяких добавок, которые его только портят, однако сейчас не мог не согласиться с вильдграфом. Именно такой напиток лучше всего подходит к погоде, да и к настроению тоже.

— Разливай, капитан, не дай вину остыть, — велел новый хозяин Шварцвальда, а после обратился ко мне: — Ты уж не взыщи, важный человек, да только дальше сопровождения тебе дать не могу.

При этом он так воззрился на меня, принявшись буравить своими маленькими глазками, едва видимыми на отёчном от пьянства и неводержанности лице, что мне сразу стало ясно. Он что-то задумал. Знать бы ещё что именно. Какие вообще планы могут быть в отношении моей персоны у нового хозяина Шварцвальда? Мне оставалось пока только гадать — и не скажу, что мне это по нраву.

— До Рейна отсюда рукой подать, а там поднимешься немного выше по течению — и вот тебе Базель со всеми его мостами. Переходи, где душе угодно. Да и места дальше поспокойнее, можно и без сопровождения ездить.

Вильдграф продолжал испытующе буравить меня взглядом. Он ждал моего ответа, хоть какой-то реакции с моей стороны. Вот только я не знал, как реагировать на его слова, а потому решил ответить явно не так, как он ожидал.

— Чего тебе надо от меня? — спросил я у вильдграфа, пренебрегая обычной вежливостью и обращаясь к нему на ты.

Думаю, мой статус официала инквизиции даёт мне такое право, а если и нет, то новый хозяин Шварцвальда это вряд ли знает. Для него я, по его собственному образному выражению, хрен с бугра, так что вполне могу себе позволить более чем вольное обращение.

— Да ничего такого, — развёл руками вильдграф.

Он взялся за тёплый металлический кубок с вином и осушил его парой глотков. Пил не слишком аккуратно и вино пролилось на его седеющую бороду, придав ему некий почти вампирский вид.

— И вовсе не ты мне нужен, а Курцбах, — вильдграф поставил кубок перед капитаном, призывая того наполнить его снова. Тот скрипнул зубами, но сделал это. — Он у меня единственный командир кавалерии, и я без него буду как без рук. Вам уже, наверное, разболтали, что Чёрного медведя обложили в старой римской крепости. Скандинавы укрепляют её, но если на них надавить как следует, побегут что твои тараканы. И кто будет их ловить? Рейтары капитана знают тут каждое дерево и живо переловят этих скотов. А мне совсем не нужно, чтобы вместо одной банды скандинавов образовался ещё десяток мелких. Гадить они смогут ещё долго.

Говорил вильдграф удивительно складно, и оттого я не поверил ни единому его слову.

Слишком всё гладко у него выходило, как будто заранее репетировал, что сказать мне и какими словами. Да и испытующий взгляд, которым он во мне едва дыру не пробуравил, не очень подходил к показному равнодушному тону. Хозяину Шварцвальда зачем-то нужен был именно я, а вовсе не Курцбах со своими рейтарами.

— Выходит, дальше мне ехать одному, — кивнул я. — Не думаю, что тем, кому я служу, это придётся по нраву.

— Э, да ты угрожать мне решил, хрен с бугра! — взвился вильдграф, и сразу стало ясно, что прозвище Кровавый он получил не за здорово живёшь.

Толстые пальцы правой руки его сомкнулись на рукояти длинного ножа совершенно рефлекторно. Он не играл, не пытался запугать меня. Он был готов пустить мне кровь — здесь и сейчас. И в этом не было ни капли наигранности.

— И не думаю, — откинулся на спинку стула я и сделал пару глотков немного остывшего вина. Оно оказалось неплохим, хотя травок и корешков в нём было многовато. — Я просто констатирую факт, твоё сиятельство. Сам же знаешь, на кого мне работать приходится. Эти люди очень любят задавать вопросы и получать на них ответы. И врать им всегда себе же дороже обходится.

— Да плевать я хотел, на кого ты там работаешь, важный хрен! Мне эту паскуду, Чёрного медведя, прикончить надо вместе со всеми его кальмарскими^[12] дружками. А для этого нужен Курцбах со своими рейтарами — и точка!

— Я понял тебя с первого раза, — отмахнулся я, допивая вино и сам наполняя собственный кубок. — Не надо так кипятиться. Разумные люди ведь всегда договорятся между собой, верно? Безвыходные ситуации бывают только у дураков.

— От это другое дело! — хлопнул ладонью по столу вильдграф. — Давай поговорим, как разумный человек с разумным человеком. Только сначала поедим. Ты ж голодный, небось, с дороги-то.

Не скажу, что у меня был хоть какой-то аппетит — после схватки с хозяином стаи мне кусок в горло не лез. Даже горячее вино пришлось едва ли не проталкивать через глотку. Я решил из вежливости поковыряться в тарелке, однако вильдграф принялся за еду так, будто сам был с голодного края, и, наблюдая за ним, я понял, что аппетит и в самом деле приходит во время еды. Или когда смотришь, как ест кто-то другой. Тем более что я с самого отъезда из Дижона ничего не ел, и был чертовски голоден.

Минут двадцать, наверное, мы втроём провели за едой. Количество снеди на тарелках быстро сокращалось, в основном стараниями вильдграфа, евшего прямо-таки в два горла. Кувшины с горячим вином быстро опустели, и вместо них принесли новые.

В итоге я даже слегка осоловел от обильной трапезы, выпитого вина и жара натопленного камина. В голове стало удивительно легко и звонко, а вот в желудке, напротив, очень тяжело. Я распустил пояс, и сразу стало легче дышать. Вильдграф откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула, и поступил так же, как я.

— Вот теперь можно и поговорить, — сказал он, проходясь пятернёй по густой бороде, в которой застряло довольно много кусочков пищи, — как два разумных человека. Поехали со мной к римской крепости. В драку тебя никто лезть не заставляет, поторчишь под стенами, поглядишь, как мои парни воюют. Потеряешь день, никак не больше. Я же завтра поутру отправляюсь к крепости, и к вечеру, думаю, от скандинавов там не останется и мокрого места.

Вряд ли его слова были совсем уж пустой похвалой — вильдграф, конечно, хотел

произвести впечатление на меня, а значит и на тех, кто стоит за мной, и куда выше меня. Однако сил у него и в самом деле имелось достаточно, чтобы покончить даже с весьма крупной бандой скандинавских грабителей, забравшихся так далеко от родных фьордов.

Мне кажется, я начал понимать — с какой целью вильдграф решил задержать меня. Но пока это были лишь догадки на основе умозрительных наблюдений, не более того. Делать какие бы то ни было выводы пока ещё рано.

— Гляди, — обратился к капитану вильдграф, — вот это будет крепость. — Он передвинул полупустое блюдо с мясом и капустой так, чтобы оно стояло прямо между ними. — Ты со своими рейтарами, капитан, встанешь вот тут. — Вильдграф положил двузубую вилку с обратной стороны крепости-блюда, как будто отделяя ею край стола. — Когда мы прижмём кальмарцев как следует, они побегут, — повторил он, — и побегут они сюда. — Он ткнул пальцем в сторону вилки. — Там за небольшим перелеском старые вырубки и от них рукой подать до тракта. Вот на вырубках-то ты их и встретишь, Курцбах, и чтобы ни одна сволочь не ушла живой, понял?

— Понял, как не понять, — пожал плечами капитан. — Не в первый раз мои рейтары врага под корень изводят.

— Вот и славно, — кивнул вильдграф, сам себе наполняя кубок новой порцией свежего вина. — Ух и хорошо! — выпалил он, глотая его. Обжигался, но пил, проливая вино на бороду. — Ух и славно ж тут винцо делать умеют!

— А кто будет с умными справляться? — спросил у него капитан Курцбах. — Они ведь не к старым вырубкам побегут, а вот сюда, — он постучал пальцем по оставшейся неприкрытой вилкой части стола, — в самую чащобу, где их с собаками только искать.

— Они умные, так и я — не дурак, — пробурчал вильдграф. — Шотландские стрелки Лесли встанут там. — Чтобы подтвердить свои слова, он положил в том месте, на которое указал Курцбах, ещё одну вилку. — Думаю, пары залпов из их аркебуз умным будет достаточно, чтобы не лезть в чашу. Ну, а на случай, если всё же сунутся, с ними будут мои ребята — уж они-то не дадут шотландцев в обиду.

Думаю, шотландцы вполне могут постоять за себя — недаром же их наёмники, зовущиеся дикими гусями, ценятся по всей Европе, и охраняют самого теократа Священной Римской империи, потеснив имевших эту привилегию жителей Лесных кантонов. А ведь и те отменные рубаки. Скорее всего, дело в том, что вильдграф не желает подставлять под удар людей из своей дружины, безоговорочно преданных ему лично. Именно поэтому он поставил их в засаду к шотландским стрелкам, которых явно берёт. Вряд ли у вильдграфа были деньги на то, чтобы нанять хотя бы десяток шотландцев — слишком уж дорого обходились эти ребята. Короли из бессменной со времён начала чумы, не пощадившей островов, называемых Альбионом, династии Брюсов получали немалый доход в казну от найма своих подданных, а потому безбожно ломили за этот самый найм цену. Однако всем было известно, что шотландцы отрабатывают кровью каждый плаченный им золотой. Так что их, по всей видимости, наняли те, кто стоит за вильдграфом — инквизитор Дижона и, скорее всего, сам прелат Лафрамбуаз — а потому за каждого погибшего жителя островов Альбиона нынешнему владыке Шварцвальда придётся отчитываться. И взыщут с него строго — уж в этом-то я не сомневался ничуть.

— Комнаты тут для нас найдутся? — спросил я у вильдграфа. — Спасибо тебе за угощение и вино, отдых мне лично нужен ничуть не меньше.

— Будет тебе комната, важный человек, — отмахнулся тот, снова подливая себе вина,

как будто хотел им упиться если не до смерти, то до беспамятства — точно. — И воды велю согреть, чтобы ты помылся малость. А то глянь на себя — грязный же, будто хряк какой!

Да уж, наверное, выглядел я далеко не лучшим образом после драки с хозяином стаи. Мне и в самом деле пришлось повалиться в грязи, что твоему хряку. Я, конечно, пытался мало-мальски привести себя в божеский вид, хотя бы оттереть дорожную грязь с рук и лица, но вряд ли у меня получилось это сделать.

Я поблагодарил вильдграфа за угощение и поднялся из-за стола. Хозяин Шварцвальда тут же велел проводить меня в свободную комнату и согреть воды для мытья.

Может быть, вильдграф и скотина, какой хочет показаться, и делает это лишь для того, чтобы угодить тем, кто стоит за моей более чем скромной персоной, но сейчас я был ему благодарен. И до истинных мотивов его действий мне не было равным счётом никакого дела.

Самым сложным оказалось не уснуть, пока не наполнили горячей водой бочку, установленную прямо в комнате, куда меня поселили. Миловидная служанка осталась, когда таскавшие вёдрами воду дюжие парни, один из которых поглядывал на меня едва ли не волком, вышли. Она лукаво глянула на меня и предложила потереть мне спину. И я решил не отказываться.

Я прямо при девице разделся донага, что ничуть не смутило её, и забрался в бочку. Горячая вода приняла меня, и я едва не нырнул с головой. Вольготно расположиться в бочке было, конечно, негде, но я постарался устроиться с максимальным комфортом. Служанка и в самом деле поначалу помогала мне мыться. Тонкие пальцы её, уже успевшие огрубеть от работы, пробегали по шрамам на моём теле.

— Вы, наверное, опытный наёмник, господин, — сказала она почти с восхищением в голосе, — столько шрамов.

Да уж, коллекцию отметин на шкуре я успел собрать внушительную. Я не стал обращать внимание служанки, что часть их получена вовсе не от честной стали, а в результате встречи с опасными тварями — порождениями чумы, какие водятся в мёртвых городах. Бывших рейдеров простой народ опасается, считая их едва ли не разносчиками заразы, вроде тех же нечистых.

— Вроде того, — вяло ответил я. — Помотало жизнью, да и побило изрядно.

Почувствовав, что вода остывает, я выбрался из бочки. Девица сама, без каких-либо намёков с моей стороны, направилась к кровати, на ходу избавляясь от одежды. Ну, я не стал её разочаровывать.

Глава 3

Медвежья охота

Новый вильдграф Шварцвальда ничуть не изменился с тех пор, как я видел его в прошлый раз. Такой же здоровяк в кожаной кирасе, укреплённой на животе сталью, поверх неё наброшено стёганое сюрко^[13] с гербовым щитком на груди. На голове — кожаный чепец, какие обычно носят под шлемом. Из оружия только здоровенный нож в деревянных ножнах, висящий на груди так, чтобы его легко было выхватить правой рукой.

Увидев нас с Курцбахом, он тут же поднялся на ноги, оставив лучшее место в общей зале — рядом с жарко натопленным камином, и шагнул к нам, уперев руки в боки.

— Ба! Кого я вижу! Мой brave капитан Курцбах и тот хрен с бугра, за которым я его отправил. Я-то думал, что ты повыше ростом будешь, приятель! Столько шороху тут навёл, что мне разгрести и разгрести.

Я даже не сразу понял, что обращается он уже ко мне.

— Я тебя где-то видел, — прищурился вильдграф, — да только мельком, видать, не запомнил.

Я не стал ему напоминать, что мы и в самом деле мельком виделись в доме инквизитора Фюрстенберга. Хотя, думаю, именно глава дижонского святого официума^[14] и попросил о сопровождении для меня в беспокойных землях Шварцвальда.

— Садитесь же к огню, — пригласил нас удивительно приказным тоном вильдграф, — и выпейте со мной горячего вина. Лучшее пойло в такую дрянную погоду.

Мы отказываться не стали. Пока прошли к столу у камина, я оглядел большой зал постоянного двора, где обосновался вильдграф. Кроме самого хозяина Шварцвальда тут расположились, наверное, все его командиры. И весьма примечательно, что они как бы образовывали две группы. В первую входили, скорее всего, люди, преданные новому хозяину Шварцвальда. Все как на подбор бывалые наёмники, парочка даже в узнаваемых цветастых одеждах ландскнехтов, украшенных потрёпанными перьями и грязными лентами, даже не поймёшь сразу каких цветов. Вторую образовывали командиры регулярных войск инквизиции, отправленные на помощь новой власти. Эти носили цвета своих полков, вооружены были единообразно и не считали нужным скрывать своё презрение к первым. Отчуждённости или напряжённости особой не чувствовалось, однако в шуточках, которыми обменивались между собой офицеры обеих групп, и общем зубоскальстве явно сквозило негласное противостояние.

Правда, на Курцбаха офицеры обеих групп поглядывали почти как на врага. Видимо, один только рейтарский капитан из всех, кто служил старому вильдграфу, а если быть точным, то Кожаному лицу, перешёл на сторону новой власти. И в этом стане доброжелателей у него не было.

— Ещё вина! — рявкнул вильдграф, ни к кому конкретно не обращаясь. — И жратву тащите! Да поприличней. Я не свинья, чтобы помои из корыта хлебать.

Если честно, он чем-то походил на здоровенного кабана-секача, такого, на чьём пути лучше не становиться. Даже если ты вооружён отличной охотничьей аркебузой и кабаньим мечом или копьём.^[15] Такой сметёт тебя, даже не обратив внимания на самый внушительный арсенал и пару тяжёлых пуль, пущенных с вроде бы убойной дистанции.

Пара подавальщиц быстро унесли полупустые миски с едой и выставили вместо них

новые — уже полные. То же самое и с вином. На столе будто по волшебству появилось несколько глиняных кувшинов, от которых исходил жар.

Я не большой любитель горячего вина — на мой вкус там слишком мало вина, и слишком много всяких добавок, которые его только портят, однако сейчас не мог не согласиться с вильдграфом. Именно такой напиток лучше всего подходит к погоде, да и к настроению тоже.

— Разливай, капитан, не дай вину остыть, — велел новый хозяин Шварцвальда, а после обратился ко мне: — Ты уж не взыщи, важный человек, да только дальше сопровождения тебе дать не могу.

При этом он так возрился на меня, принявшись буравить своими маленькими глазками, едва видимыми на отёчном от пьянства и неводержанности лице, что мне сразу стало ясно. Он что-то задумал. Знать бы ещё что именно. Какие вообще планы могут быть в отношении моей персоны у нового хозяина Шварцвальда? Мне оставалось пока только гадать — и не скажу, что мне это по нраву.

— До Рейна отсюда рукой подать, а там поднимешься немного выше по течению — и вот тебе Базель со всеми его мостами. Переходи, где душе угодно. Да и места дальше поспокойнее, можно и без сопровождения ездить.

Вильдграф продолжал испытующе буравить меня взглядом. Он ждал моего ответа, хоть какой-то реакции с моей стороны. Вот только я не знал, как реагировать на его слова, а потому решил ответить явно не так, как он ожидал.

— Чего тебе надо от меня? — спросил я у вильдграфа, пренебрегая обычной вежливостью и обращаясь к нему на ты.

Думаю, мой статус официала инквизиции даёт мне такое право, а если и нет, то новый хозяин Шварцвальда это вряд ли знает. Для него я, по его собственному образному выражению, хрен с бугра, так что вполне могу себе позволить более чем вольное обращение.

— Да ничего такого, — развёл руками вильдграф.

Он взялся за тёплый металлический кубок с вином и осушил его парой глотков. Пил не слишком аккуратно и вино пролилось на его седеющую бороду, придав ему некий почти вампирский вид.

— И вовсе не ты мне нужен, а Курцбах, — вильдграф поставил кубок перед капитаном, призывая того наполнить его снова. Тот скрипнул зубами, но сделал это. — Он у меня единственный командир кавалерии, и я без него буду как без рук. Вам уже, наверное, разболтали, что Чёрного медведя обложили в старой римской крепости. Скандинавы укрепляют её, но если на них надавить как следует, побегут что твои тараканы. И кто будет их ловить? Рейтары капитана знают тут каждое дерево и живо переловят этих скотов. А мне совсем не нужно, чтобы вместо одной банды скандинавов образовался ещё десяток мелких. Гадить они смогут ещё долго.

Говорил вильдграф удивительно складно, и оттого я не поверил ни единому его слову. Слишком всё гладко у него выходило, как будто заранее репетировал, что сказать мне и какими словами. Да и испытующий взгляд, которым он во мне едва дыру не пробуравил, не очень подходил к показному равнодушному тону. Хозяину Шварцвальда зачем-то нужен был именно я, а вовсе не Курцбах со своими рейтарами.

— Выходит, дальше мне ехать одному, — кивнул я. — Не думаю, что тем, кому я служу, это придётся по нраву.

— Э, да ты угрожать мне решил, хрен с бугра! — взвился вильдграф, и сразу стало ясно,

что прозвище Кровавый он получил не за здорово живёшь.

Толстые пальцы правой руки его сомкнулись на рукояти длинного ножа совершенно рефлекторно. Он не играл, не пытался запугать меня. Он был готов пустить мне кровь — здесь и сейчас. И в этом не было ни капли наигранности.

— И не думаю, — откинулся на спинку стула я и сделал пару глотков немного остывшего вина. Оно оказалось неплохим, хотя травок и корешков в нём было многовато. — Я просто констатирую факт, твоё сиятельство. Сам же знаешь, на кого мне работать приходится. Эти люди очень любят задавать вопросы и получать на них ответы. И врать им всегда себе же дороже обходится.

— Да плевать я хотел, на кого ты там работаешь, важный хрен! Мне эту паскуду, Чёрного медведя, прикончить надо вместе со всеми его кальмарскими^[16] друзьями. А для этого нужен Курцбах со своими рейтарами — и точка!

— Я понял тебя с первого раза, — отмахнулся я, допивая вино и сам наполняя собственный кубок. — Не надо так кипятиться. Разумные люди ведь всегда договорятся между собой, верно? Безвыходные ситуации бывают только у дураков.

— От это другое дело! — хлопнул ладонью по столу вильдграф. — Давай поговорим, как разумный человек с разумным человеком. Только сначала поедим. Ты ж голодный, небось, с дороги-то.

Не скажу, что у меня был хоть какой-то аппетит — после схватки с хозяином стаи мне кусок в горло не лез. Даже горячее вино пришлось едва ли не проталкивать через глотку. Я решил из вежливости поковыряться в тарелке, однако вильдграф принялся за еду так, будто сам был с голодного края, и, наблюдая за ним, я понял, что аппетит и в самом деле приходит во время еды. Или когда смотришь, как ест кто-то другой. Тем более что я с самого отъезда из Дижона ничего не ел, и был чертовски голоден.

Минут двадцать, наверное, мы втроем провели за едой. Количество снеди на тарелках быстро сокращалось, в основном стараниями вильдграфа, евшего прямо-таки в два горла. Кувшины с горячим вином быстро опустели, и вместо них принесли новые.

В итоге я даже слегка осоловел от обильной трапезы, выпитого вина и жара натопленного камина. В голове стало удивительно легко и звонко, а вот в желудке, напротив, очень тяжело. Я распустил пояс, и сразу стало легче дышать. Вильдграф откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула, и поступил так же, как я.

— Вот теперь можно и поговорить, — сказал он, проходясь пятернёй по густой бороде, в которой застряло довольно много кусочков пищи, — как два разумных человека. Поехали со мной к римской крепости. В драку тебя никто лезть не заставляет, поторчишь под стенами, поглядишь, как мои парни воюют. Потеряешь день, никак не больше. Я же завтра поутру отправляюсь к крепости, и к вечеру, думаю, от скандинавов там не останется и мокрого места.

Вряд ли его слова были совсем уж пустой похвалой — вильдграф, конечно, хотел произвести впечатление на меня, а значит и на тех, кто стоит за мной, и куда выше меня. Однако сил у него и в самом деле имелось достаточно, чтобы покончить даже с весьма крупной бандой скандинавских грабителей, забравшихся так далеко от родных фьордов.

Мне кажется, я начал понимать — с какой целью вильдграф решил задержать меня. Но пока это были лишь догадки на основе умозрительных наблюдений, не более того. Делать какие бы то ни было выводы пока ещё рано.

— Гляди, — обратился к капитану вильдграф, — вот это будет крепость. — Он

передвинул полупустое блюдо с мясом и капустой так, чтобы оно стояло прямо между ними. — Ты со своими рейтарами, капитан, встанешь вот тут. — Вильдграф положил двузубую вилку с обратной стороны крепости-блюда, как будто отделяя ею край стола. — Когда мы прижмём кальмарцев как следует, они побегут, — повторил он, — и побегут они сюда. — Он ткнул пальцем в сторону вилки. — Там за небольшим перелеском старые вырубки и от них рукой подать до тракта. Вот на вырубках-то ты их и встретишь, Курцбах, и чтобы ни одна сволочь не ушла живой, понял?

— Понял, как не понять, — пожал плечами капитан. — Не в первый раз мои рейтары врага под корень изводят.

— Вот и славно, — кивнул вильдграф, сам себе наполняя кубок новой порцией свежего вина. — Ух и хорошо! — выпалил он, глотая его. Обжигался, но пил, проливая вино на бороду. — Ух и славно ж тут винцо делать умеют!

— А кто будет с умными справляться? — спросил у него капитан Курцбах. — Они ведь не к старым вырубкам побегут, а вот сюда, — он постучал пальцем по оставшейся неприкрытой вилкой части стола, — в самую чащобу, где их с собаками только искать.

— Они умные, так и я — не дурак, — пробурчал вильдграф. — Шотландские стрелки Лесли встанут там. — Чтобы подтвердить свои слова, он положил в том месте, на которое указал Курцбах, ещё одну вилку. — Думаю, пары залпов из их аркебуз умным будет достаточно, чтобы не лезть в чашу. Ну, а на случай, если всё же сунутся, с ними будут мои ребята — уж они-то не дадут шотландцев в обиду.

Думаю, шотландцы вполне могут постоять за себя — недаром же их наёмники, зовущиеся дикими гусями, ценятся по всей Европе, и охраняют самого теократа Священной Римской империи, потеснив имевших эту привилегию жителей Лесных кантонов. А ведь и те отменные рубаки. Скорее всего, дело в том, что вильдграф не желает подставлять под удар людей из своей дружины, безоговорочно преданных ему лично. Именно поэтому он поставил их в засаду к шотландским стрелкам, которых явно берёт. Вряд ли у вильдграфа были деньги на то, чтобы нанять хотя бы десяток шотландцев — слишком уж дорого обходились эти ребята. Короли из бессменной со времён начала чумы, не пощадившей островов, называемых Альбионом, династии Брюсов получали немалый доход в казну от найма своих подданных, а потому безбожно ломили за этот самый найм цену. Однако всем было известно, что шотландцы отрабатывают кровью каждый плаченный им золотой. Так что их, по всей видимости, наняли те, кто стоит за вильдграфом — инквизитор Дижона и, скорее всего, сам прелат Лафрамбуаз — а потому за каждого погибшего жителя островов Альбиона нынешнему владыке Шварцвальда придётся отчитываться. И взыщут с него строго — уж в этом-то я не сомневался ничуть.

— Комнаты тут для нас найдутся? — спросил я у вильдграфа. — Спасибо тебе за угощение и вино, отдых мне лично нужен ничуть не меньше.

— Будет тебе комната, важный человек, — отмахнулся тот, снова подливая себе вина, как будто хотел им упиться если не до смерти, то до беспамятства — точно. — И воды велю согреть, чтобы ты помылся малость. А то глянь на себя — грязный же, будто хряк какой!

Да уж, наверное, выглядел я далеко не лучшим образом после драки с хозяином стаи. Мне и в самом деле пришлось поваляться в грязи, что твоему хряку. Я, конечно, пытался мало-мальски привести себя в божеский вид, хотя бы оттереть дорожную грязь с рук и лица, но вряд ли у меня получилось это сделать.

Я поблагодарил вильдграфа за угощение и поднялся из-за стола. Хозяин Шварцвальда

тут же велел проводить меня в свободную комнату и согреть воды для мытья.

Может быть, вильдграф и скотина, какой хочет показаться, и делает это лишь для того, чтобы угодить тем, кто стоит за моей более чем скромной персоной, но сейчас я был ему благодарен. И до истинных мотивов его действий мне не было равным счётом никакого дела.

Самым сложным оказалось не уснуть, пока не наполнили горячей водой бочку, установленную прямо в комнате, куда меня поселили. Миловидная служанка осталась, когда таскавшие вёдрами воду дюжие парни, один из которых поглядывал на меня едва ли не волком, вышли. Она лукаво глянула на меня и предложила потереть мне спину. И я решил не отказываться.

Я прямо при девице разделся донага, что ничуть не смутило её, и забрался в бочку. Горячая вода приняла меня, и я едва не нырнул с головой. Вольготно расположиться в бочке было, конечно, негде, но я постарался устроиться с максимальным комфортом. Служанка и в самом деле поначалу помогала мне мыться. Тонкие пальцы её, уже успевшие огрубеть от работы, пробегали по шрамам на моём теле.

— Вы, наверное, опытный наёмник, господин, — сказала она почти с восхищением в голосе, — столько шрамов.

Да уж, коллекцию отметин на шкуре я успел собрать внушительную. Я не стал обращать внимание служанки, что часть их получена вовсе не от честной стали, а в результате встречи с опасными тварями — порождениями чумы, какие водятся в мёртвых городах. Бывших рейдеров простой народ опасается, считая их едва ли не разносчиками заразы, вроде тех же нечистых.

— Вроде того, — вяло ответил я. — Помотало жизнью, да и побило изрядно.

Почувствовав, что вода остывает, я выбрался из бочки. Девица сама, без каких-либо намёков с моей стороны, направилась к кровати, на ходу избавляясь от одежды. Ну, я не стал её разочаровывать.

Утром девицы в моей постели уже не оказалось, а жаль, ей-богу. Я был бы не прочь повторить кое-что из вчерашних постельных упражнений. Разбудил меня шум сборов — бой барабанов и редкие, но чертовски звучные трели труб. Постоялый двор на время превратился в военный лагерь, несмотря на то, что основные силы вильдграфа сейчас находились рядом с крепостью, где засели скандинавы. Как я понял вчера, на постоялом дворе сидели офицеры с парой-тройкой солдат при каждом, да сам правитель Шварцвальда со своей «гвардией» — наёмниками, служившими с ним прежде чем он стал тем, кем стал, а потому преданными лично ему, а не его титулу.

Я выбрался из смятой постели, ощущая себя самым наилучшим образом, хотя проспал, скорее всего, не так и долго. Рядом с кроватью обнаружил выстиранную и вычищенную одежду. Быстро одевшись, я нацепил оружейный пояс с палахом и grosmessером, привычно пристегнул сзади кривой обоюдоострый кинжал. На спину повесил ножны с тяжёлым кампеадорским мечом. Конечно, выхватить его быстро не получится, но иначе таскать его было совсем уж неудобно. Проверил, заряжены ли оба пистолета и убедившись, что это так, перекинул через плечо ольстру с ними.

— Вот это я понимаю, человек к бою готов! — одобрил моё появление вильдграф.

Он сидел за тем же столом, и неясно было — поднимался ли из-за него вообще. Я был склонен считать, что — нет. Лицо у него сильно отекло от обильных возлияний, и сейчас он

потягивал из кружки пенное пиво.

— На тебя просто смотреть противно, ей-богу, — помрачнел вильдграф. — Свеженький и бодрый с утра. То ли дело Курцбах.

Он толкнул носком сапога уснувшего прямо под столом капитана рейтар. Тот, видимо, решил-таки напиться до беспамятства, и сделал это.

— Меня перепить хотел, слабак, — продолжая пинать ругающегося и богохульствующего Курцбаха, добавил вильдграф. — Да я и на смертном одре десятков таких, как он перепить сумею, прежде чем богу душу отдам.

Собирался вильдграф не особенно долго. Он пинками поднял-таки на ноги Курцбаха, после чего убрался из главного здания постоянного двора. Вернулся минут через пять, с мокрой бородой и значительно повеселевший, видимо, успел глотнуть чего покрепче пива.

— Ну, умылись, можно и за дело приниматься, — в один присест допивая пиво, заявил он. — Мартин, тащи мои меч и шлем! — рявкнул вильдграф.

На ноги поднялся один из солдат, служивших барону — судя по выцветшей куртке с разрезами и сплюснутой шляпе, бывший ландскнехт. Скорее всего, он был уроженцем Нидерландов — светловолосый, довольно молодой, с бледным, немного вытянутым лицом.

— Пошевеливайся! — подбодрил его вильдграф. — Ты ж теперь не хрен собачий, а оруженосец настоящего вильдграфа!

Шевелиться быстрее Мартин не стал. Он лишь равнодушно пожал плечами — мол, видали мы таких вильдграфов, и вытащил из-под стола шлем-армэ^[17] старой, миланской ещё работы. Сейчас, после нисхождения скорби, такие ценятся на вес золота — секреты изготовления подобных шлемов утеряны вместе с мастерскими Милана.

Меч у вильдграфа тоже оказался весьма впечатляющий. Здоровенный двуручный фламберг^[18] с затейливо украшенной гардой в виде кабаньих клыков.

— Пойдём на двор, там мне поможешь, — велел вильдграф, и первым вышел из общего зала.

Остальные потянулись за ним следом. Поднимались из-за столов офицеры полков, отданных в распоряжение вильдграфа инквизицией для поддержания порядка в Шварцвальде. За ними последовали солдаты, преданные ему лично. Ну а потом и мы с Курцбахом — спешить-то некуда.

Когда мы вышли во двор, вильдграф уже восседал на крупном жеребце. Его миланский армэ был украшен длинным страусовым пером, правда, немного облезлым, но видно это было с небольшого расстояния. Поперёк седла у него лежал фламберг без ножен. И стоит сказать, в таком облачении и при вооружении вильдграф производил сильное впечатление.

— Ну что же, — произнёс он, и голос его звучал приглушённо из шлема, несмотря на открытое забрало, — мы загнали медведя и обложили его со всех сторон. Пришло время для охоты!

Вильдграф вскинул фламберг, который легко удерживал одной рукой, и толкнул могучего коня, слегка кольнув его шпорами. Жеребец послушно направился к воротам постоянного двора. За ним снова потянулись офицеры, на сей раз в сопровождении своих людей. Нельзя сказать, что вильдграфу удалось «зажечь» своих людей. Большинство шли за ним по необходимости и, думаю, за весьма щедрой платой, так что особого энтузиазма от них ждать и не приходилось.

За частоколом, окружавшим постоянный двор, выстроилось довольно внушительное войско. Курцбах тут же направился к своим рейтарам, наверное, в полном составе сейчас

ждушим приказа выступать, сидя в сёдлах. Я недолго думая последовал за ним. Кроме рейтар, дорожную грязь месили шотландцы капитана Лесли, одетые в лёгкие доспехи, поверх которых были наброшены синие плащи с косым крестом святого Андрея. Никаких иных знаков различия шотландцы не носили, потому что по старинному правилу никогда не сражались друг против друга, каковы бы ни были условия найма. Из всех их только командир был верхом — остальные же переминались с ноги на ногу, то и дело перекладывая поудобнее тяжёлые аркебузы. Люди вильдграфа тоже почти все были пешими — разношёрстная банда, больше похожая на сборище дезертиров и разбойников, нежели на дружину владыки имперской провинции. Они особенно скверно смотрелись на фоне подтянутых, держащих ряды шотландцев.

Вильдграф возглавил своё небольшое воинство и первым поехал по дороге на север. Его тут же окружили рейтары Курцбаха, держащие руки поближе к пистолетам в ольстрах. Это вызвало глухое недовольство ближней дружины, однако вильдграф пресёк его взмахом руки с зажатым в ней двуручным мечом.

— На дорогах опасно, а эти парни отлично прикроют меня, — сказал он. — Вперёд, бойцы! Пора поохотиться на медведя!

До старой римской крепости, где засели скандинавы, мы добирались несколько часов. В основном из-за отвратительного состояния дороги, по которой двигалось войско. Пара всадников и даже десяток, легко преодолели бы то же расстояние минут за двадцать, а если шагом, то за полчаса — не больше. Однако войску, пускай и невеликого размера, для этого требовалось куда больше времени.

Развалинами старую крепость, оставшуюся в наследство от римлян, что пытались подчинить себе всю Европу, назвать язык бы не повернулся. Да и скандинавы хорошо поработали над её укреплением. Они залатали многочисленные прорехи в каменных стенах, переживших века лишь потому, что рядом не оказалось деревень, чьи жители растащили бы их для постройки домов. Обновили ворота, забив их свежими брёвнами. Кое-где даже кольев понатыкали, чтобы к крепости было сложнее подобраться.

У них был неплохой стимул для работы — вокруг раскинулся весьма внушительный лагерь солдат вильдграфа. Я и не думал, что инквизиция выделит ему столько людей. Десятки отрядов, предупреждённые курьерами, уже строились для штурма, окружая крепость с трёх сторон. Рейтары Курцбаха и шотландцы Лесли покинули войско вильдграфа не доезжая полумили до крепости, уверен, сейчас они занимают засадные позиции позади крепостных стен. Я хотел было поехать вместе с Курцбахом, но вильдграф остановил меня.

— Нет-нет, господин официал, ты мне нужен у главных ворот, — сказал он, подтверждая мои догадки. — Думал, я не знаю, за кем мне велели десяток рейтар отправить? Как же! Мне ж не Курцбах нужен был — и без него рейтары бы отлично справились. Мне ты нужен — свидетель того, что даже банда чёртовых кальмарцев не может долго воду мутить в моих землях. Что я тут всё в кулаке держу! — И в подтверждение собственных слов стиснул левую руку в кулак, звякнув металлом латной перчатки. — Но и помощь мне тоже не помешает.

Вильдграф хитро глянул на меня, убеждаясь в том, что я правильно понял его.

Всё-таки не был он тупым головорезом, каким изо всех сил хотел показаться. Но и таким умным, как считал себя, скорее всего, тоже не был.

Стоило только над лагерем вильдграфа войска подняться знамени с гербом Шварцвальда, как в крепости скандинавов тут же протяжно протрубил рог. Он выдал одну

длинную трель, за ней вторую, и после третью. Заунывные и протяжные, навевающие какую-то просто неизбывную тоску. Такими не поднять людей на стены — они могли обозначать только призыв к переговорам.

— Вот как, — презрительно отозвался вильдграф, — поболтать захотели, кальмарцы вонючие. Ну что ж, можно и поболтать. Господин официал, составите мне компанию.

Он не спрашивал, а утверждал. Да и у меня особого желания спорить с ним не было, и я кивнул, подтверждая своё не особо-то и нужное согласие.

— Мартин, бери своих парней, и дуй со мной, — велел вильдграф своему оруженосцу.

Тот подошёл к нему расхлябанной походкой, глянул снизу вверх на сидящего на коне сюзерена. На плече бывалого наёмника лежал тяжёлый двуручный меч, мало чем уступающий вильдграфову.

— Слезли бы вы с коня, твоё сиятельство, — сказал он. — Скандинавы не очень-то любят пялиться снизу вверх.

— Плевать я хотел на их любовь, — отмахнулся вильдграф. — Я их сюда убивать пришёл, а не любить.

— Да и конный лёгкая мишень для лучников на стенах, — добавил с тем же отменным равнодушием Мартин.

Вот этому аргументу вильдграф внял и тут же спрыгнул с лошади. Я был вынужден последовать его примеру, торчать одному всаднику среди пеших — это будет выглядеть попросту глупо.

— Тащите малый штандарт, — приказал вильдграф, — пускай знают, что я сам к ним иду!

Против этого Мартин возражать не стал, и как только к нашему небольшому отряду присоединился знаменосец с личным штандартом вильдграфа, мы отправились к воротам крепости. Нас выпустили из лагеря, отодвинув повозку, преграждавшую проход в частоколе, и мы зашагали по ничейной земле, разделявшей враждующие войска.

Напротив нас отворились ворота крепости, и оттуда вышел такой же небольшой отряд скандинавов. Возглавлял его воин воистину потрясающих размеров в плаще из шкуры чёрного медведя с серебряными застёжками. Не стоило гадать, кто это. За ним шагали двое молодых парней. Первый нёс щит, второй — меч в богато украшенных ножнах, вооружение как раз под стать гиганту-скандинаву. Их окружали крепкие воины, пускай и уступающие в массивности предводителю, однако они тоже производили сильное впечатление, несмотря даже на архаичные доспехи, круглые щиты и мечи с секирами, какими в Европе не воевали уже во времена моего прадеда, а то и пораньше. Это были настоящие воины, и каждый из них куда опасней солдат из вильдграфова войска, пускай даже и с таким устаревшим оружием.

— Привет тебе, — раскатистым голосом первым поприветствовал вильдграфа предводитель скандинавов. — Зачем ты пожаловал в мой дом?

Говорил он со страшным акцентом, коверкая слова и заставляя какое-то время думать над тем, что же он произнёс.

— Это ты пришёл ко мне незванным гостем, кальмарец, — выплюнул ему в лицо вильдграф, — и я говорю тебе: пошёл вон с моей земли!

— Эта земля того, кто сможет удержать её, — нагло ответил Чёрный медведь. — Здесь не было ни одного твоего человека, когда я с дружиной явился в крепость и занял её. Теперь тут моя земля! Я здесь стою и всякая деревня, до которой сумею дотянуться, будет платить

мне! Таков закон!

— Плевать я хотел на твой закон, — отрезал вильдграф. — Здесь я — закон!

— Ну тогда сразишься за свой закон и свою землю? — спросил Чёрный медведь. — Один на один! Кто победит — забирает всё!

— Это ты хотел мне предложить? — разочарованно бросил вильдграф. — У меня больше людей, мы лучше вооружены, я уничтожу тебя, кальмарец. Без поединков.

— Выходит ты трус? — приподнял кустистую бровь скандинав.

Будь вильдграф таким человеком, каким хотел, чтобы его считали, он бы не спустил врагу оскорбления. Но он был куда спокойнее и умнее, нежели желал показаться, а потому пропустил эту откровенную провокацию мимо ушей.

— Скоро узнаешь, — ответил вильдграф и демонстративно повернулся спиной к Чёрному медведю.

— Я буду ждать тебя в гости, — бросил тот на прощание и направился обратно к воротам крепости.

Как только мы вернулись в лагерь, вильдграф тут же собрал короткий военный совет. Он предназначался лишь для того, чтобы подтвердить боевую готовность. План атаки на крепость явно был подготовлен давно.

— Мартин, бери лучших бойцов и отправляйся на позицию, — отдал приказ вильдграф. — Сигнал к атаке обычный.

Ландскнехт кивнул, закинул на плечо двуручный меч и ушёл.

— Мужики готовы? — задал вопрос вильдграф.

— Готовы, — кивнул ему один из офицеров. — Щиты сколотили на совесть, топоры есть у каждого. Бревно для тарана заострили и обожгли.

— Капеллан, — обратился к высокому, облачённому в чёрную монашескую рясу человеку вильдграф, — пускай ваши люди отправляются по лагерю. Мы начинаем атаку через десять минут.

— Этого времени хватит для причастия, — сухим тоном произнёс похожий на грифа капеллан, явно приставленный к вильдграфу инквизицией. Вряд ли у того в войске когда-либо водились священники.

— Тогда, с богом, — кивнул вильдграф. — Начинаем.

Как только священники обошли выстроившихся в лагере солдат, окропив их головы святой водой и дав отведать просфоры, вильдграф отдал приказ атаковать.

Тут же отодвинули телегу, закрывающую проход в частоколе, и на ничью землю выбежало несколько десятков мужиков. Они явно не были солдатами — обычные ополченцы, кого частенько отправляют в первых рядах в атаку, жертвуя ими, чтобы прикрыть настоящих солдат. Одетые в тулупы и овечьи шубы, защищающиеся кое-как сбитыми из досок щитами, вооружённые дедовскими секирами, а кто и просто плотницкими топорами, они неслись к стенам крепости. Шестеро самых крепких тащили таран — здоровенное бревно, обтёсанное с одного конца и обожжённое в костре для пущей прочности.

На стенах выросли фигуры лучников — дали залп по бегущим мужикам, и тут же нырнули обратно. Почти каждый скандинав умел неплохо обращаться с луком, а потому стреляли сейчас едва ли не все защитники крепости. Стрелы ударили по толпе мужиков, выбивая тех, кто не успел поднять щита. Они валились в грязь, в основном раненные, и катались там, под ногами у товарищей. Последние же не обращали на них никакого

внимания и бежали дальше, наверное, в душе радуясь, что смерть выбрала не их.

— Эх, пушчонку бы мне сюда хоть одну, — посетовал вильдграф, глядя на крепость, — можно было б и вовсе без черни обойтись.

Он выразительно глянул на капеллана, стоявшего рядом. Тот сделал вид будто не понял намёка.

Во время второго залпа скандинавы, видя, что ответа с нашей стороны нет, осмелели и теперь кое-кто из них стрелял уже прицельно, выбирая себе в мишени крестьян, тащивших таран. Двое из них рухнули в грязь, но их тут же заменили. Мужикам явно было сказано, что в лагере их не ждут, и пока не будут разбиты ворота, они могут обратно не возвращаться.

Третий залп скандинавы дали уже совсем открыто, убив или ранив многих из крестьян. Те даже уронили таран, отчего образовалась заминка, и пока его поднимали, не прячущиеся уже за стенами скандинавы сумели прикончить ещё несколько человек.

Тогда вильдграф махнул рукой — и над частоколом, отделявшим его лагерь от крепости, поднялись арбалетчики. Слитный залп их едва ли не очистил стены от скандинавов. Десятками те валились внутрь крепости, пронзённые тяжёлыми болтами. Арбалетчики опустили на колено, уступая место шотландским стрелкам. Не всех их вильдграф отправил в засаду. В один голос бахнули аркебузы, окутав частокол облаком порохового дыма. Кислая вонь гари донеслась до нас, хотя мы стояли на приличном расстоянии. Ещё больше скандинавов, не успевших укрыться, попадали, залитые кровью. Дорого им далась мнимая безнаказанность.

Мужики тем временем собрались и рывком преодолели оставшееся до стен расстояние. Кое-как построив жалкое подобие «черепахи», они прикрыли щитами таран, и до нас донеслись его глухие удары о дерево ворот. Им вторили топоры, которыми крестьяне, те, кто не удерживал щиты, рубили ворота изо всех сил.

Скандинавы то и дело пытались обстреливать их. Но теперь это было не так удобно, как на ничьей земле, да и арбалетчики с шотландскими стрелками, бывшие с куда большего расстояния, чем могли дострелить защитники крепости, не давали им делать этого. Пули и болты выбивали неосторожных кальмарцев, сами же арбалетчики с шотландцами были в полной безопасности, и чувствовали себя более чем комфортно.

Какое-то время над полем боя разносились только удары тарана и стук топоров по дереву ворот. Свист стрел и болтов. Редкие выстрелы шотландских аркебуз — всё же каждый выстрел обходился вильдграфу слишком дорого, чтобы бездумно тратить боеприпасы, а потому каждому стрелку выдали весьма ограниченный запас пороха и пуль.

Но вот торжествующий крик немногих оставшихся в живых мужиков возвестил о том, что ворота пробиты. Вильдграф снова вскинул руку, отдавая приказ, и затрубили рога. Куда задорней и веселей, нежели скандинавские. Эти звали в атаку, а не приглашали на переговоры.

Частокол завалили совсем, чтобы не мешать шагать плотным рядам солдат. Наёмники вильдграфа, купленные на деньги инквизиции, отправились отрабатывать жалование. Их вели офицеры во вполне пристойных доспехах, да и вообще вооружение солдат было куда лучшим, нежели у многих.

Вильдграф не спешил идти в атаку в первых рядах, однако в лагере не остался.

— Идёмте, господин официал, — пригласил он меня. — Вам доводилось участвовать в настоящей битве?

— Ни разу, — честно ответил я, не став добавлять, что не хотел бы делать этого и

сейчас.

Да только выбора у меня снова не было. В лагере осталось лишь небольшое охранение, священники во главе с капелланом да обозные.

Вильдграф отправился в атаку пешим, закинув на плечо фламберг. Его, и меня заодно, окружала плотная группа телохранителей. Опытные рубаки, что видно по их манере держаться. Все в отличных доспехах и при двуручных мечах. Развязным поведением они чем-то напомнили мне Мартина, но это было обычным делом среди опытных ландскнехтов, а все они явно не так давно носили цвета тех или иных вольных рот.

Последними в бой отправились стрелки. Выстроившись в несколько длинных шеренг, они шагали по ничьей земле с оружием наготове. Хотя вряд ли им придётся вступить в рукопашную схватку — слишком уж ценны. Скорее всего, станут обстреливать стены, покуда их не займут осаждающие. С безопасного расстояния, конечно.

Опытные наёмники, телохранители вильдграфа, не спешили в битву. Они размеренно шагали к крепости плотной группой, закинув на плечи двуручные мечи. Сам правитель Шварцвальда не сильно выделялся на их фоне — узнать его только по стёганому сюрко и миланской работы шлему-армэ. Я шёл рядом с ним, обнажив палаш, а левую руку положив на рукоять пистолета. С собой я взял только один из пары, полученных в Дижоне, разумно предполагая, что дважды выстрелить в сумятице боя мне вряд ли удастся.

— Надо было тебе большой меч брать, — сказал мне вильдграф, равнодушно переступая через ползущего к лагерю крестьянина. За бедолагой по грязи тянулась тёмная борозда крови, и сразу становилось понятно — он уже не жилец. — В бою такой куда надёжней палаша.

— Палаш мне намного привычнее, — ответил я, стараясь говорить погромче, чтобы вильдграф услышал меня в своём тяжёлом шлеме, — а в бою, думаю, привычное оружие всяко лучше более тяжёлого.

— Это верно, — кивнул тот. — Я слышал от Курцбаха, что ты длинным мечом проделывал под деревом мертвецов. Думал, как раз он тебе привычнее.

Кампеадорский меч отлично разил нежить, ведь именно ради этого был выкован и зачарован. Кампеадоры — лучшие воители небольшого королевства Наварра, получая подобные клинки, приносили присягу на верность королеве, стране и всему роду людскому. Именно они были главным щитом небольшого королевства от порождений чумы.

Вот только если врагом была не чумная тварь, или на худой конец хотя бы некромант, меч становился самым обычным, пускай и отличного качества, оружием. Так что в грядущей схватке со скандинавами мне всё же удобней палаш и гросмессер.

На стенах уже кипела жестокая схватка. Люди вильдграфа приставили короткие лестницы и карабкались по ним. У скандинавов не было ни кипящего масла, ни просто кипятка, чтобы ошпарить атакующих. Они озаботились прочными рогатинами, которыми отталкивали лестницы, но те были слишком короткими и стоящие внизу солдаты легко удерживали их. Скандинавы швырялись обломками камня, из которого была сложена крепость, но и это не особо помогало. Солдат вильдграфа было слишком много.

Телохранители правителя Шварцвальда ускорили шаг, когда до ворот осталось не больше полусотни шагов. Вильдграф явно хотел лично принять участие в жестокой рубке в воротах, и мне придётся-таки составить ему компанию, пускай я как раз этого совсем не желал. За десять шагов они перешли на бег, будто тяжёлая кавалерия перед таранным ударом.

И подобно всадникам тяжёлой кавалерии они врезались в стоящих плечом к плечу, сцепив щиты, скандинавов. Атакующие солдаты других полков разумно уступили дорогу бегущим воинам с двуручными мечами.

Вопреки расхожему мнению, опытному бойцу с двуручным мечом в руках не требуется много места. А уж телохранители вильдграфа ратное ремесло знали туго!

После первого же их удара цепь скандинавов была прорвана. Я даже палашом взмахнуть не успел, лишь выхватил из-за пояса пистолет, и пока подыскивал цель, мы уже оказались внутри крепости. Во все стороны полетели обломки щитов, не выдерживающих могучих ударов тяжёлых клинков. На землю валились обливающиеся кровью трупы, падали отсечённые головы и конечности.

К чему я оказался не готов, так это к тому, что группа внезапно распадётся. Внутри крепости сражение разбилось на десятки отдельных поединков или схваток по два-три человека, не больше. Я тут же потерял ещё мгновение назад окружавших меня воинов с двуручными мечами. Да и вильдграф куда-то запропастился. Зато врагов вдруг оказалось хоть отбавляй.

На меня налетел скандинав с выщербленным щитом, попытался толкнуть им и тут же добавить кистенём. Таким оружием уже давно не сражались в Европе, но надо отдать ему должное. Я едва успел уклониться от удара шипастого шара на цепи, забыв о пистолете ткнул врага палашом под мышку. Он покачнулся, по кожаной рубахе его обильно потекла кровь.

Но прикончить его мне не дали. Меня атаковал какой-то знатный воин, судя по доспеху их стальных пластинок [\[19\]](#) и двуручной секире на длинной рукояти, с которой он чертовски ловко обращался. Я не стал ждать его атаки, нырнул под вражеский удар, и что было сил рубанул по животу. Скандинав успел с какой-то прямо-таки кошачьей ловкостью отпрыгнуть назад и клинок палаша лишь проскрежетал по его доспехам, оставив длинную царапину на пластинках. Парировать ответный удар противника было глупо — слишком тяжёлое у него оружие, и я снова бросился на него. Он вскинул секиру для могучего удара, опережая меня, но тут откуда-то слева из суматохи битвы возник воин с двуручным мечом. Ударив почти без замаха, он повалил скандинава буквально к моим ногам. Я вскинул было палаш, чтобы добить врага, однако и в этот раз сделать это мне не дали.

Скандинав без доспехов, лишь в овчинном тулупе да кожаном шлеме со стальными вставками, коротким мечом отбил мой выпад, предназначенный поверженному врагу, и тут же ринулся на телохранителя вильдграфа, тесня того щитом. Этого времени вполне хватило здоровяку с секирой, чтобы подняться на ноги. Но прежде я вспомнил о пистолете, зажатом в левой руке. Спина скандинава со щитом и коротким мечом представляла собой идеальную мишень. Я вскинул оружие и выстрелил. Пистолет не подвёл меня — тяжёлая пуля угодила врагу куда-то под лопатку, на грязную овечью шубу тут же хлынула кровь.

На меня с рёвом ринулся вскочивший на ноги скандинав с двуручной секирой. Я успел сунуть пистолет за пояс и даже выхватил гросмессер, приняв тяжёлый удар врага на собственные скрещённые клинки. Он оказался столь силен, что едва не сбил меня с ног. В последний раз настолько сильным противником был Кожаное лицо, и я успел пожалеть, что вооружён не кампеадорским мечом.

Скандинав решил развить успех, взмахнул секирой, описывая ею круг над головой, чтобы у меня уж точно не было шансов выдержать второй его удар. Но тут же просчитался, парировать его я не собирался. Я нырнул вправо, перекатился через плечо, сокращая

дистанцию, и подсёк врагу колени палахом. Попал удачно — ноги скандинава подломились, он снова рухнул на землю. Вот только в этот раз его уже некому было спасать. Недолго думая, я прикончил его ударом гросмессера — клинок его до половины ушёл в горло скандинава.

— Вам смерть пришла! — разнёсся над крепостью боевой клич. — Вам смерть пришла! — вторил он сам себе.

Я вскочил на ноги, ища глазами крикуна. Конечно же, им оказался предводитель скандинавов — Чёрный медведь шагал через битву, оставляя после себя лишь трупы. Его чудовищных размеров щит был иссечён, на толстом и широком клинке меча красовалось не меньше десятка зарубок, отчего он стал похож на пилу. Вот только очень уж жуткую пилу, залитую кровью по самую рукоять.

— Вам смерть пришла! — прогремел Чёрный медведь, треснув мечом по щиту, а следом срубил неосторожно подставившегося солдата. Сила удара была такова, что несчастного чуть ли в воздух не подкинуло. Чёрный медведь переступил через его тело и рявкнул в очередной раз: — Вам смерть пришла!

Никогда не понимал смысла боевых кличей — ведь так врагу легче найти лучших воинов в битве. Если раньше это означало вызов на бой, то теперь в сторону столь опасного противника проще направить огонь пушек или стрелков.

Хотя стоит отдать должное Чёрному медведю, одним своим появлением и боевым кличем он едва ли не переломил ситуацию. Скандинавы воспряли духом, словно получив второе дыхание, и с новыми силами — откуда только взялись? — кинулись на солдат вильдграфа.

И тут вдруг как-то оказалось, что между мной и предводителем скандинавов никого нет. Хуже того, я просто не успевал убраться с его дороги. Чёрный медведь треснул мечом по щиту, проревев боевой клич, и ринулся в мою сторону. Я успел трижды пожалеть, что не взял с собой второй пистолет, а единственный выстрел потратил так бездарно. Но поздно было сожалеть, на меня нёсся враг — в этот момент предводитель скандинавов как нельзя больше походил на разъярённого медведя.

Я едва успел отпрыгнуть, уходя от его щита, а следом и меча. Для своих габаритов двигался Чёрный медведь очень быстро. Я обрушил на него целую серию стремительных ударов, закрутив «мельницу» палахом и гросмессером. Чёрный медведь легко закрылся от них щитом, и стоило мне остановиться на мгновение, как тут же рубанул в ответ. Я отлично понимал, что от его меча меня не спасёт ни джеркин, ни поддетый под него жилет с кольчужными рукавами. Парировать удар тяжёлого, варварского оружия, тоже было едва ли не смерти подобно, но я рискнул. Используя чудовищную силу вражеского удара, я попытался проскользнуть вдоль клинка его меча, прокрутился и шагнул вперёд, оказавшись за спиной противника. Казалось, бой уже выигран — победа у меня в руках, остаётся лишь прикончить Чёрного медведя ударом гросмессера. Я даже успел перехватить его, но и только.

Чёрный медведь врезал мне кромкой щита по лицу, даже не оборачиваясь, словно точно знал, где я буду и заранее разгадал мой нехитрый манёвр. В глазах потемнело, я рухнул на землю, как подкошенный. Половина, куда врезалась окованная сталью кромка щита, онемела, но я чувствовал как по шее текут тёплые струйки крови.

— Неплохо для южногослабака, — прогудел надо мной голос Чёрного медведя, — но тебе не сразить меня. Я — Свартбьёрн, вдоводел, сын смерти, убийца мужей и гроза городов!

Ни одному из рождённых женщиной не побороть меня в поединке!

Не знаю уж, намеренно ли, или просто из присущей скандинавам тяге к дешёвым эффектам и откровенной показухе, но он дал мне возможность встать на ноги. Я рукавом стёр с лица кровь, вскинул оружие, показывая, что готов к бою.

И только тут понял, что битва вокруг нас почти затихла. Кое-где на стенах ещё происходили отдельные схватки, но во дворе крепости все замерли, уставившись на наш поединок. Солдаты вильдграфа и скандинавы даже образовали нечто вроде круга, давая нам достаточно пространства. И никто не вмешивался.

Теперь понятно, почему Чёрный медведь дал мне подняться. Он хотел показать свою силу, своё превосходство над южанами в моём лице. Встретив хоть сколько-нибудь достойного противника, которого выкликал на бой, Чёрный медведь не собирался быстро заканчивать схватку. Ему нужна была настоящая победа — красивая, для легенд и песен. И это давало мне шанс!

Он попытался врезать мне ногой — простым прямым ударом, какой всегда хорош. Да только я за версту видел наигранность, однако сделал вид, что купился на этот трюк. Попытался достать Чёрного медведя палашиом. Конечно же, здоровяк тут же с необычайной проворностью изменил направление атаки. Стопа его врезалась в землю, разбрызгав кровавую грязь, а в следующий миг в лицо мне снова летела окованная железом кромка его щита. Я только и успел, что подставить под неё гросмессер, а палашиом отбить могучий удар меча, что должен был разрубить мне бок. Удар был столь силён, что не разожми я вовремя пальцев, быть им переломанными. Так я остался считай что безоружным.

Чёрный медведь атаковал снова, но мы были слишком близко друг к другу, и он с силой толкнул меня плоскостью щита. Я пропустил и этот удар, успев только закрыться локтем правой руки, и повалился наземь, зажимая новую рану на лице, из которой обильно текла кровь. К тому же, чувствительность начала возвращаться к той части моей физиономии, что испробовала на себе кромки щита, и надо сказать это было чертовски не вовремя. Нарастающая боль отвлекала, а сейчас я должен быть предельно сосредоточен. У меня не больше одного шанса, и использовать его надо с умом, иначе я — покойник.

Чёрный медведь навис надо мной, вскинув меч для последнего, как он считал, удара.

— Смерть пришла! — проревел он, прежде чем вонзить оружие мне в живот или в грудь, не знаю уж, куда он там целил.

И это был мой шанс!

Чёрный медведь не мог не промедлить с ударом — как и все подобные ему воины, считающие себя героями баллад, он просто считал себя обязанным сказать что-нибудь, прежде чем прикончить поверженного врага. Вот только и поверженный, враг мог нанести удар.

Я рванулся вверх изо всех сил, какие только были в теле, скидывая гросмессер для колющего удара. Длинный прямой клинок легко вошёл в живот стоящего прямо надо мной Чёрного медведя, пробив прочную кольчугу и глубоко погружаясь в его плоть с неприятным звуком. Вскочив на ноги, я продолжал вгонять оружие в тело врага, покуда широкая крестовина не звякнула о звенья кольчуги. Мы замерли вплотную друг к другу, я ощущал на лице дыхание умирающего скандинава.

Он произнёс несколько слов на родном языке, которого я не понимал, а потому не стал ничего говорить в ответ. Я выдернул гросмессер из раны резким движением, стараясь как можно сильнее расширить её края. Под ноги нам обильно полилась кровь.

Всегда удивлялся, что из небольшой, в общем-то, дырки выливается столько крови. Вроде бы человек и живуч, но стоит проделать в нём дыру, вогнать клинок поглубже, и вот он уже труп. Он может ещё говорить, даже драться, и если это опытный воин, то он будет опасен. Вот только это не отменяет того факта, что он покойник.

Я отступил на полшага, держа гротеск наготове, хотя вряд ли сумел бы отразить вражескую атаку. Однако сил для неё у Чёрного медведя не осталось. Он снова сказал мне что-то, но я не понял ни слова, ведь говорил он на родном наречии. Толстые пальцы его выпустили рукоять меча, и тот упал в грязь. На клинок пролилась кровь из раны на животе Чёрного медведя. Он рухнул на колени, завалился на бок, ноги его дёрнулись в конвульсии... И он умер.

Только в этот момент я осознал, что стою лицом к лицу со строем скандинавов, чьего предводителя только что прикончил у них на глазах. Стою избитый, до предела вымотанный короткой схваткой, с залитым кровью лицом и гротеском в руках. Возжелай любой из них забрать мою жизнь — особых усилий к этому прилагать бы не пришлось.

Однако они стояли мрачной толпой, опустив оружие, но явно готовые к продолжению боя.

— Убирайтесь! — подчиняясь скорее некоему наитию, нежели голосу разума, крикнул им я. — Ваш вождь мёртв! Я убил его! Вам нет места на этой земле! Прочь! Убирайтесь!

Не знаю, многие ли среди них понимали *lingua franca*, но, думаю, смысл моих выкриков был ясен и так.

И скандинавы поддались. Как воины варварского народа, они были ошеломлены гибелью своего самого могучего воина, каким был Чёрный медведь. Они не знали, как быть дальше, и потому подчинились воле того, кто убил их вождя. Того, кто по их собственной логике теперь стал их вождём.

Наверное, захоти я, и смог бы заполучить собственную шайку скандинавских разбойников. Однако я тут же отмёл эту мысль как глупую до идиотизма. Что мне с ними потом делать? На большую дорогу выходить?

Скандинавы не спешили бросать оружие. Они уходили, готовые к удару в спину, со щитами и мечами в руках. Вот только я отлично знал, что направляются они напрямик в расставленную вильдграфом ловушку. Выбора им правитель Шварцвальда не оставил. Сбиваясь в плотные группы, скандинавы направлялись к задней части крепости, откуда было лишь две дороги. В глухую чащобу, где засели шотландские стрелки и личная дружина вильдграфа. Или к старым вырубкам и тракту, где ждали рейтары капитана Курцбаха.

Я отлично знал, что отправляю большую часть скандинавов на верную смерть. Но они были врагами, и каждый из них без зазрения совести прикончил бы меня. У них даже был шанс сделать это, но никто им не воспользовался, предпочтя унести ноги, поджав хвост, будто побитые собаки. Ну так собаке собачья смерть — выживает сильнейший, и уж эту-то истину разбойники из Скандинавии должны бы усвоить на отлично. Как выяснилось, далеко не все.

— Молодчина, официал! — хлопнул меня по плечу вильдграф. — Вот уж не ожидал, что ты мне бой выиграешь!

Он не снял шлема, лишь поднял забрало, и теперь я мог видеть только почти скрытые тяжёлыми надбровными дугами глаза.

— Я и сам от себя этого не ожидал, — честно ответил я.

— И чего же ты хочешь теперь за такую услугу? — подозрительно уставился на меня

вильдграф.

— Ничего, — устало пожал плечами я, — кроме того, что ты уже обещал инквизиции.

— Ну, как Курцбах управится со скандинавами он — твой, хоть со всеми своими рейтарами, — заявил вильдграф. — До моста через Рейн, конечно, — тут же уточнил он, решив, что я могу слишком вольно трактовать его слова.

Я поблагодарил его и направился к лагерю, шагая рядом с вильдграфом и его оставшимися в живых телохранителями. Сейчас у меня было только одно желание — рухнуть и не подниматься как можно дольше. Я был вымотан настолько, что думать больше ни о чём не мог, кроме постели и отдыха.

Безо всякого мытья и услужливых девиц.

Глава 4

Чуткий нос и белый воротничок

Я лежал в постели и терял время. Последнее ощущалось особенно остро, как будто заточенный до бритвенной остроты нож ворочался где-то между рёбрами, не давая покоя. Но поделать я ровным счётом ничего не мог. Вот уже третий день, как я не в силах был подняться с постели.

Пары недель отдыха в картезианской обители Шанмоль, что близ Дижона, и последовавших за ними дней в особняке инквизитора Фюрстенберга, которые я провёл в праздности, оказалось недостаточно, чтобы я восстановился после путешествия в Шварцвальд и того, что приключилось со мной там. Я загнал себя, будто коня на скачках, и теперь вынужден был расплачиваться за это вынужденным бездельем.

Проснулся я после схватки с главарём скандинавов даже относительно отдохнувшим, и чувствовал себя довольно бодро. Вот только вся бодрость моя закончилась ровно в тот момент, когда я попытался подняться с постели. У меня это попросту не получилось. Я не был привязан к кровати, просто тело отказалось слушаться. На меня навалилась слабость, руки и ноги были вялыми, словно все мышцы разом обратились в тесто.

Я сумел выдавить из себя лишь несколько слабых стонов. Пострадавшее в схватке с главарём скандинавов лицо опухло и я не чувствовал половины его, а потому едва ворочал языком.

Меня никто не услышал, и лишь спустя пару часов такой вот постыдной беспомощности в дверь постучались. Я издал настолько громкий и разборчивый стон, на какой только достало сил, и тут же дверь отворилась. На пороге замерла знакомая служанка. Она уставилась на меня, явно не зная, что делать и куда бежать: за врачом, которого тут в округе вряд ли сыщешь, или сразу за священником — отпевать меня. Я не мог видеть себя, однако был уверен, что сейчас выгляжу так, что краше в гроб кладут.

— Что с вами, господин? — выдавила она наконец, не решая переступить порог.

Я сумел достаточно внятно произнести имя капитана рейтар, благо оно было коротким. Оставалось надеяться, что вильдграф сдержит слово и оставит Курцбаха с отрядом при мне. Надежды мои оправдались, не прошло и пяти минут, как в комнату ввалился Курцбах, причём с взведённым пистолетом наперевес. За спиной его маячило бледное личико служанки, на котором испуг смешивался с любопытством.

— Вот же дьявол, — выпалил Курцбах, опуская оружие. — Эта девица наплела мне тут невесть что, я уж думал, что вместо тебя застану в комнате чумное отродье. Хорошо, сразу не выстрелил.

Он подошёл к моей постели и присел на табурет.

— Ставни открой, — велел он служанке, не спешившей переступить порог комнаты. — Да шевелись ты! — прикрикнул на неё капитан, и лишь этот окрик заставил перепуганную девушку выполнять приказ.

При свете дня Курцбах внимательно изучил моё лицо, откинув одеяло, оглядел и тело, пощупал мышцы на руках. Вид при этом имел самый что ни на есть равнодушный, словно коновал, проверяющий скотину перед торгами.

— Скверное дело, — вынес он вердикт. — Могло быть и хуже, конечно, но, всё равно, скверно. Ты слишком сильно получил по голове. Теперь тело будет какое-то время

приходить в себя, покуда под черепушкой у тебя всё на место не встанет.

Я попытался спросить у него, как много времени это займёт, но выдавил лишь несколько вялых стонов. Половина лица, куда угодила кромка щита Чёрного медведя, онемела, при этом отзываясь дёргающей болью на каждую попытку заговорить или пошевелить головой.

— Надолго, — понял меня Курцбах. — Раньше чем через пару недель точно на ноги не встанешь, а в дорогу сможешь отправиться ещё через неделю, и то в лучшем случае. Я отправлю рейтара во Фрейбург, думаю, вильдграф пришлёт тебе толкового врача, при нём вроде как ошивается один. Да только вряд ли он тебе что другое скажет.

Я вполне верил опыту бывалого вояки, но мне от этого было совсем не легче. Потерять в самом лучшем случае три недели было для меня непростительной роскошью. Так я точно не сумею уложиться в отведённый мне Лафрамбуазом срок. Но сейчас я поделаться ничего не мог, только лежать в кровати и терять время.

Врач приехал на следующий день, и я был очень рад его визиту. Он, конечно, подтвердил сказанное Курцбахом, и заявил, что помочь ничем не может.

— Голова — предмет тёмный и исследованию не подлежит, — заявил врач.

Это был невысокого роста плешивый человечек в аккуратной одежде с золотой рукой и белым листом, вышитыми на груди. Несмотря на гибель Парижа, один из старейших университетов Европы — Сорбонна — не прекратил работы. Профессура и кафедры перебрались, пускай и со значительными потерями, в новую столицу — Авиньон, основав там университет, ставший официальным преемником Парижского.

— Я смотрю, ледяные компрессы к лицу вам уже прикладывают, — продолжил он, — верное решение. Это поможет как можно скорее избавиться от отёка на лице, думаю, через пару дней вы сможете внятно говорить и принимать не только жидкую пищу. Головные боли мучают? Моргните, если так, головой дёргать не надо ни в коем случае.

Я тут же моргнул, для уверенности даже несколько раз. Чудовищная, пульсирующая боль под черепом накатывала с какой-то жуткой регулярностью. Мне оставалось лишь скрипеть зубами, да стараться не шевелить головой вовсе. Трижды за ночь я просыпался от приступов и после последнего не смог смежить веки до утра.

— Ну, а вот это как раз вполне нормально, — заверил меня доктор. — Я мог бы попробовать некоторые спорные методики, изложенные в не очень-то одобряемых церковью трактатах, но для них, увы, потребны иные условия работы. Не стану же я сверлить вам череп, любезнейший, пускай даже и с вашего разрешения на этом постоялом дворе. Тут полная антисанитария — никаких условий для операции. Так что придётся обойтись более традиционными средствами.

Он выложил из сумки свёрток и аккуратно пристроил его на столике рядом с моей кроватью.

— Я выдам служанке, что присматривает за вами, подробную инструкцию, как готовить микстуру от головной боли, — заверил меня врач. — Вкус у неё, как водится, премерзкий, и пить придётся раз в два часа, но за всё надо платить, верно?

Он поднялся.

— Через неделю я навещу вас снова, — сказал он и вышел, не прощаясь.

Вкус у микстуры и в самом деле оказался просто отвратительным, но чего ещё ждать от лекарства? Главное, она помогала. Я глотал её, давясь, глотка сжималась, не желая принимать эту дрянь, желудок бунтовал ничуть не меньше, но я как-то справлялся с

рвотными позывами. Головные боли были совсем уж невыносимыми.

Благодаря ледяным компрессам отёк у меня спал за считанные дни, и вскоре я уже мог нормально говорить. Через полторы недели уже удачно сполз с кровати и добрался до ночного горшка, покончив с унижительными процедурами. В конце второй недели, несмотря на возражения доктора, как раз прибывшего осмотреть меня, я самостоятельно спустился в общий зал постоялого двора.

— Знаете ли, если вы сами так наплевательски относитесь к собственному здоровью, — заявил он, — то я умываю руки. Не желаю, знаете ли, чтобы труды мои пропадали втуне.

Я не стал ему говорить, что дальнейшее промедление убьёт меня куда вернее моих рискованных поступков. Инквизитор Лафрамбуаз не из тех людей, кто склонен прощать промахи, тем более таким, как я.

— Капитан, — обратился я к Курцбаху, усаживаясь напротив него за стол, — вам не надоело ещё торчать тут?

— Не особенно, — пожал плечами тот, — хотя ребятам вредно такое безделье. Вильдграф платит за еду и выпивку, а девицы и так рады лечь с моими парнями. Но это уже пахнет лагерным разложением, так что лучше бы пристроить их к делу.

— Тогда завтра отправляемся, — заявил я.

Курцбах смерил меня скептическим взглядом, покосился на доктора, усевшегося рядом с нами, но тот лишь развёл руками и отвернулся, давая понять, что он тут бессилен.

— Ты три дня как сам на горшок с кровати слез, а уже в седло хочешь забраться, — покачал головой капитан. — Смело. Но не слишком ли быстро?

— В седле я не удержусь, — отмахнулся я. — Повезёте меня в телеге, тряску я уж как-нибудь переживу.

— Не с вашим состоянием головы, — резко заметил доктор, не удержавшийся-таки и вставивший свои полпфеннига. — Тряска может привести к самым непредсказуемым последствиям.

— Тогда найдите мне в своей сумке микстуру поядрёней, — заявил я, — и я стану пить её хоть каждые пять минут всю дорогу.

— Вам тут только лауданум поможет, — ответил доктор. — Быть может, если проведёте время в дороге, куда бы вы ни ехали, в беспамятстве, то останетесь живы. Но за состояние вашей головы я ответственность нести не стану.

— Как можно нести ответственность за состояние предмета тёмного и не поддающегося изучению? — приподнял бровь я.

— Ваш сарказм неуместен, — воздел палец наподобие указующего перста доктор, — шутить с собственным здоровьем всегда оказывается себе дороже!

— Давайте уже лауданум, доктор, — произнёс я. — За свою голову я уж как-нибудь сам ответственность нести буду.

На следующее утро отряд из десяти рейтар и я с ними отправились в дорогу. Меня уложили на охапку душистого сена, хоть как-то смягчавшего скачки телеги на ухабах и рытвинах отвратительной дороги. Помогало не слишком хорошо, но всяко лучше, чем ничего. Да и я так основательно накачался лауданумом, что провалился в грёзы, навеянные этим веществом, и почти не обращал внимания на неудобства пути.

В себя я пришёл в знакомом форте, что сторожил мост через Рейн со стороны Шварцвальда. Чувствовал, как это ни удивительно, после такой дозы лауданума, я себя вполне пристойно. Даже поднялся на ноги и самостоятельно оделся.

Выйдя из караульного помещения, куда меня, как я едва помнил, буквально сгрузили по прибытии отряда в форт, я обнаружил, что меня окружают те же лица, что и при первом посещении укрепления. Всё те же неприветливые люди, готовые прикончить и за пару хороших сапог. Сдерживало их в этот раз только присутствие рейтар Курцбаха.

— Ты бы поспешил на тот берег, — сказал мне околачивающийся рядом с караулкой капитан. — Вильдграф прислал сюда письмо, велит мне возвращаться — людей не хватает ему, а договор с инквизицией проводить тебя он выполнил. Этим, — он махнул головой по сторонам, и сразу стало ясно, кого он имеет в виду, — я не доверяю ни на грош. Если б не мои парни, тебя бы сразу прирезали. Им тут плевать на всех.

— Воспользуюсь твоим советом, — кивнул я. — На ногах я крепко держусь, а в Базеле, если что, отдохну ещё немного.

— Тогда бери вещи и идёт, провожу тебя до моста, чтобы уж всё согласно уговору было. Когда я вышел из караулки уже при оружии и с седлом на плече, меня тут же как-то ненавязчиво окружили рейтары. Один даже привёл моего коня. Я закинул ему на спину седло, затянул подпругу, но не туго, садиться на него я не собирался. Взяв коня под уздцы, я вместе с рейтарами направился к воротам, ведущим на мост. Солдаты форта провожали нас алчными взглядами, но как прежде никто не решился связываться с графом Ханнсегюнтером, так и теперь никому не захотелось попробовать на зуб рейтар капитана Курцбаха.

Я попрощался с капитаном, прежде чем выйти за ворота на мост.

— Удачи тебе, — сказал ему я, — надеюсь, теперь в Шварцвальде станет несколько спокойней.

— И тебе удачи, — ответил он, — каким бы делом ты ни занимался.

Мы пожали друг другу руки, и я отправился в короткое путешествие по мосту к воротам кантонского города Базель.

На той стороне меня встретили совсем неприветливо. Стоило мне подойти к воротам, как в створке открылось небольшое окошко и хриплый голос поинтересовался, кого черти несут.

— Разве в вольный город Базель так сложно попасть? — удивился я.

— Со стороны проклятого Шварцвальда, да, — ответил голос и окошко закрылось.

Я хотел было приложить пару раз по створке кулаком и сразу начать пинать ногами, но тут мне отворили небольшую калитку, и стражник жестом велел заходить. Я вошёл в караульное помещение, где сразу стало тесно, а ведь я ещё коня завести не успел.

— Давай, проходи дальше, — велел мне стражник, скорее всего, начальник поста. — Тут дышать нечем. И пошлину готовь сразу.

Я мог бы показать кольцо официала и вопрос с въездной пошлиной решился бы сам собою, однако решил не привлекать к себе внимания. Хотя и содрали с меня совсем не по-божески.

Вот только пошлиной всё не ограничилось.

Я не прошёл и пяти шагов от стены, как меня окружили десятеро солдат с алебардами наперевес. За их спинами показались ещё пятеро — у этих в руках были длинные аркебузы с зажжёнными фитилями в опасной близости от закрытых — слава Богу — полок.

— И как мне это понимать? — ни к кому конкретно не обращаясь, поинтересовался я.

— Не дёргайся и не болтай, — заявил командовавший солдатами унтер, вооружённый протазаном вместо алебарды, — не то живо пять пуль схлопочешь.

Видимо, соседство со Шварцвальдом и обман, учинённый его прежними владыками, заставил власти Базеля в корне пересмотреть вопросы обороны города. По крайней мере, со стороны столь беспокойной провинции.

Из привратной караулки на меня поглядывали стражи ворот, готовые в случае чего прийти на помощь окружившим меня солдатам. Однако я не делал резких движений, лишь изредка поглаживая по шее нервничающего от буквально разлитого в воздухе напряжения коня.

Наконец, явились те, кто волен был принимать решения. Ими оказалась довольно интересная парочка. Пожилой дворянин в чёрной, шитой золотом, очень дорогой одежде, правда, вышедшей из моды лет десять назад. Лысеющая и совершенно седая голова его покоилась, словно на злополучном блюде, на здоровенном белом кружевном воротнике. Он тяжело опирался на резную трость, хотя мне отчего-то казалось, что, несмотря на внушительный возраст, старик чувствует себя куда бодрее, нежели хочет показать. Сопровождала его женщина с суровым, хотя и не лишённым приятности лицом, одетая в лёгкую кольчугу, укрытую под чёрным длиннополым одеянием, левую руку её защищал воронёный наруч с перчаткой, покоившийся сейчас на рукоятке прямого меча. Дополняли этот отнюдь не женский наряд кавалерийские рейтузы в красно-чёрную полосу и высокие сапоги. Одежду её украшал знак открытого глаза, вышитый серебром на груди и плечах. И увидев его, я понял, что без предъявления кольца официала мне уж точно не обойтись. А вполне возможно, и оно не поможет.

Рыцари воротничка, к которым относился пожилой дворянин, были серьёзной организацией в кантонах, отвечавшей за порядок в этих землях. Не являясь духовным рыцарским орденом, они никак не подчинялись теократу Священной Римской империи, а значит, и на инквизицию могли наплевать, хотя предпочитали с могучим соседом всё-таки не ссориться. Сопровождала его женщина из не менее важной организации видящих — людей, которые буквально носом чуяли в других чуму во всех её проявлениях. Их бы назвать нюхачами и гербом вместо глаза назначить нос, да только, видимо, при создании этой организации посчитали, что глаз будет несколько эстетичней.

Мне от этого сейчас было никак не легче, потому что в самом скором времени придётся полагаться на адекватность рыцаря воротничка. Ведь дама из видящих явно у него в подчинении. В том, что она почует во мне чумное отродье, я не сомневался ни мгновения, никакие татуировки не помогут. Это не чёрные свечи — у женщины талант, развившийся в людях во время эпидемий, и обмануть его не может ничто.

Пара благоразумно остановилась позади стрелков с аркебузами. Женщина уставилась на меня столь пристально, что мне стало не по себе. Я видел, как дёргается её прямой нос. Она сомневалась в том, что чует, видимо, татуировки мешали её таланту. Наконец, женщина велела солдатам разойтись, и те беспрекословно выполнили приказ видящей. Она подошла ко мне ближе, миновав алебардистов, втянула носом воздух.

— Он — чумной, — резким голосом выкрикнула видящая, — его надо прикончить сейчас же!

Стоило ей только произнести эти слова, как стрелки без приказа открыли пороховые полки, и всё моё внимание на несколько мгновений было приковано к тлеющим на концах фитилей огонькам пламени. Не выдержат нервы хотя бы у одного, и меня настигнут пулями, как кабана. Меня эта участь не прельщала совершенно. В голове мелькнула шальная мысль вскочить на коня, схватив девицу-видящую, чтобы воспользоваться ею как живым

щитом, и попробовать прорваться, да только я тут же отмёл её. Даже если каким-то чудом переживу первый залп пятерых аркебузирова и сумею миновать заслон алебардистов, то всё равно от пули мне не убежать. Через минуту стрелки перезарядят своё оружие, и я получу в спину пять замечательных свинцовых подарков.

Выбросив из головы глупые мысли, я глубоко вздохнул и обратился к пожилому дворянину. Сразу было ясно, что именно он тут главный.

— Уважаемый господин, простите, не знаю вашего имени, — произнёс я. — Давайте обойдёмся без скоропалительных выводов...

— Мой нос не ошибается, — тут же, будто змея ядом, плюнула мне словами в лицо девица.

— Я этого и не пытаюсь отрицать, — ответил ей я, стараясь говорить как можно более миролюбивым тоном, хотя Господь свидетель, это стоило мне больших усилий. — Да, ваш нос всё верно учуял, но я не заразитель и не некромант, и не какая иная вредоносная для человечества тварь.

— И кто же вы? — поинтересовался предпочитающий оставаться на приличном расстоянии за спинами солдат дворянин.

— Думаю, вы сразу не поверите мне, но я — официал инквизиции, — заявил я, — и могу предъявить доказательства.

— Только обойдитесь без резких движений, — попросил меня дворянин. — Люди на взводе, и самая невинная деталь поведения может привести к печальным для вас последствиям.

Тоже мне, открыл глаза, как будто я этого и без него не знал.

Я очень медленно забрался пальцами под воротник куртки, а затем и под рубашку, быстро нащупал плетёную верёвочку, на которой висел мой нательный крестик, отпустил его, и взялся за более серьёзный кожаный шнурок, потянул его наверх, извлекая на свет божий кольцо официала.

— Весьма предусмотрительно носить его на шее, — заявил дворянин, когда я продемонстрировал всем увесистый серебряный перстень. — Надень его недостойный человек на палец, и тут же отправится в ад напрямиком.

Да, кольца официалов изготавливались индивидуально, над ними работали лучшие мастера ювелиры, и не только они. Никогда не пытался доискаться секретов церкви, но всем известно, что если человек хоть в шутку, хоть с дурными намерениями наденет кольцо официала, не принадлежащее ему, смерть его будет скорой и весьма неприятной.

Я тут же снял кольцо со шнурка и надел его на безымянный палец левой руки. Несмотря на то, что с меня никто не снимал мерки, оно село как влитое, и я не уверен, что смогу снять его при желании.

— Что ж, — кивнул дворянин, — осталось только убедиться, что кольцо не поддельное. Вы ведь составите нам компанию до ближайшей церкви?

Как будто у меня был выбор.

С такой помпой в церковь меня не провожали ни разу в жизни. Рядом со мной шагала злобно поглядывающая видящая, которая явно только ждала момента, чтобы прикончить меня. Длинными пальцами она поглаживала рукоять меча. Плотным кольцом нас обступили алебардисты, а за ними шли стрелки, уложив аркебузы на плечо. Мне бросилось в глаза, что никто из них и не подумал тушить фитиль.

Оказалось, что ближайшей церковью к мосту через Рейн был Кафедральный собор. Да

уж, при таком сопровождении проверять меня должны точно здесь, и делать это будет сам приор, никак не меньше.

Конечно же, чашу со святой водой для проверки вынес вовсе не приор, а мелкий служака, явно робеющий такого количества людей и испуганный из-за присутствия солдат. Я при нём опустил руку с кольцом в серебряную чашу, подержал недолго и вынул обратно. Теперь кольцо на пальце сияло ровным серебристым светом, подтверждая подлинность.

— Надеюсь, теперь у вас больше нет сомнений? — поинтересовался я у всё ещё предусмотрительно державшегося за спинами солдат дворянина. — Или желаете вложить персты в раны мои?

— Не стоит ёрничать в таком тоне, — ответил мне дворянин. — Да, я вполне удовлетворён проверкой. Капрал, я вас и ваших людей более не задерживаю.

Руководивший солдатами унтер только кивнул в ответ. Ему явно не нравилось то, что произошло сейчас, и он бы с радостью отправил меня на тот свет, не посмотрев ни на какие кольца. Я мог его понять, после событий в Шварцвальде и того, как легко обвели вокруг пальца здешнее духовенство, доверять уже нельзя было никому и ничему, включая официалов инквизиции, будь они хоть увешаны самыми что ни на есть подлинными кольцами. Однако спорить с рыцарем воротничка капрал не стал, жестом велел своим людям следовать за ним, и они строем ушли в казарму.

— Чтобы компенсировать вам неудобства, связанные с проверками, — обратился ко мне подошедший ближе дворянин, — я хотел бы пригласить вас на обед в трактир, где сам остановился. Вы же не откажете мне в этой просьбе?

По жёсткому лицу его спутницы я видел: она только ждёт, чтобы я отказался. Тогда никакие проверки и кольца меня не спасут. Она поднимет тревогу, кинется на меня, а солдаты ушли не так далеко. Тем более что видящая всю дорогу вела в поводу моего коня, как-то сразу ненавязчиво забрав его поводья из моих рук.

— Не откажусь, — кивнул я. — Тем более что с утра у меня ещё маковой росинки во рту не было.

— Вы бледны, — заявила видящая, когда мы неторопливым шагом направились в сторону трактира, — это признак болезни?

— Только не говорите, что разглядев мою бледность, не увидели следы стежков на лице, — ответил я. — Мне недавно очень сильно досталось в схватке со скандинавами — кромкой щита по лицу. Я несколько дней пластом лежал, и теперь меня всё ещё мучат головные боли, так что приходится глотать дрянную микстуру.

Тут я не кривил душой. Доктор на прощание оставил мне достаточно микстуры, которую следовало разводить водой или вином, и пить как только начнёт болеть голова. Первую же порцию я проглотил, когда пришёл в себя в форте у моста, и видимо очень скоро придётся пить эту гадость снова. Нервное напряжение от проверок и похода через несколько кварталов в сопровождении готовых прикончить тебя при одном неверном движении солдат заставило чёртовую мигрень вернуться. Боль уже начинала пульсировать где-то в затылке, и мне оставалось только гадать, успеем ли раньше прийти в трактир или она станет просто невыносимой.

— Не стану извиняться за наши действия, официал, — произнёс рыцарь воротничка, теперь державшийся куда ближе ко мне, но всё равно, между ним и мной шла видящая, — Базель переживает не лучшие времена. Особенно из-за соседства со Шварцвальдом. Здешних правителей уже обманули однажды, обвели вокруг пальца, как несмышлёных детей, а потому

они попросили о помощи капитул моего ордена.

— Я и не требую извинений, — ответил я. — Мне нужно как можно скорее покинуть город, так что после обеда с вами, я хотел бы выехать из Базеля.

— Куда-то торопитесь? — тут же спросил у меня дворянин.

— Тороплюсь, — кивнул я, не став уточнять.

— Вынужден настоять, — вежливо, но с напором произнёс дворянин. — Я хотел бы узнать о цели вашего визита.

— В Базеле, как я уже сказал, я проездом, — заявил я, и намёк на то, что распространяться на эту тему более не желаю, как мне показалось, был вполне явным, — и собираюсь покинуть его до темноты.

— Давайте определимся сразу, официал. — Рыцарь воротничка остановился, и обернулся ко мне. От меня не укрылось, как сжались на рукояти меча пальцы его спутницы. — Покинете вы город или нет, решать мне. Несмотря на все проверки и подлинность вашего кольца. В кантонах уважают инквизицию, но мера доверия к ней сильно упала после событий в Шварцвальде. Мы здесь не подчиняемся Авиньонской церкви, и вы всё ещё живы, несмотря на сказанное моей спутницей лишь потому, что заинтересовали меня.

— Мне не нужны проблемы с вами, — сказал я. — Всё, чего я желаю, это покинуть город до темноты. Если вам так интересно, куда я направляюсь, то могу ответить. К Люцерну.

— Уж не к старому ли руднику, где оборудована отличная тюрьма, — проницательно глянул мне в глаза дворянин.

Он не спрашивал и явно не ждал от меня какого-либо ответа. Я и не стал ничего говорить.

— Давайте дальнейшее обсудим за обедом, — решил за нас обоих дворянин, отвернувшись и направившись неспешным шагом дальше по улице. — О серьёзных делах не стоит говорить под открытым небом.

Трактир, куда привёл меня рыцарь воротничка, наверное, был одним из лучших в Базеле. Об этом говорила и внутренняя обстановка, и вежливые слуги, и особенно — удивлённые взгляды, что бросали на меня другие посетители этого заведения.

За рыцарем был зарезервирован отдельный кабинет, куда мы тут же прошли, расположившись со всеми удобствами на мягких, обитых кожей диванчиках. Видящей, чтобы сесть, пришлось отцепить от пояса меч, что она сделала с явной неохотой. Я же легко расстался с палахом, уложив его поверх вещевого мешка. Надеюсь, о коне моём тоже нормально позаботятся, по крайней мере, поводья из рук видящей слуги взяли без каких-либо вопросов.

— Мне приносят всякий раз одно и то же, — заявил рыцарь воротничка, — так что не будем терять время на заказ блюд. Думаю, вы можете положиться на мои вкусы в еде. Они достаточно консервативны.

— Мне нужен будет только кувшин воды, чтобы развести микстуру от головной боли, — кивнул я. — В остальном же, положусь на ваш вкус.

Боль в затылке начала пульсировать всё сильнее, и заглушить её удалось лишь ударной дозой гадкого лекарства. Но каким бы скверным на вкус оно ни было, а помогло сразу, и я смог нормально поесть вместе с рыцарем воротничка и видящей.

— Ну что же, — произнёс он, когда слуги унесли тарелки с остатками пищи и на столе стояли лишь пара кувшинов лёгкого вина да бокалы, и то лишь как знак того, что мы ещё не

окончили трапезу, — теперь мы можем поговорить серьёзно.

Как будто до этого он был склонен шутить.

— Что вам нужно на заброшенном руднике? — спросил он, глядя мне в глаза.

От меня не укрылось, что пальцы его сомкнулись на трости, а видящая как бы невзначай подтянула поближе ножны с мечом.

— Я должен вытащить оттуда двух человек, — честно ответил я. — Первого я, можно сказать, сам туда отправил, а второй служит в тюрьме охранником.

Я решил быть с ними честным, до известного предела, конечно. Не вижу смысла не доверять этой парочке, как бы недружелюбно они ко мне ни относились.

— Очень интересная история, — протянул дворянин, делая глоток вина и промокая губы салфеткой. — Более чем интересная. Я даже не стану интересоваться именами этих двоих. Они мне как раз совсем не интересны, в отличие от вас.

— И в чём же причина столь повышенного интереса, — я тоном выделил не раз повторённое рыцарем воротничка слово, — ко мне с вашей стороны?

— В том, что я, как и вы, собираюсь на этот рудник, — заявил тот, — по делам службы. Там творятся непонятные вещи, и я оказался ближайшим рыцарем воротничка, который может с ними разобраться. Завтра утром сильный отряд воинов отправится к тюрьме, чтобы решить возможные проблемы.

— Это приглашение? — приподнял бровь я. — Если так, то я приму его.

Всё равно, не выпустит из города раньше, чем отправится в путь сам. А скорее всего ещё промаринует в Базеле неделю. Всадник доберётся до заброшенного рудника уж точно быстрее отряда солдат.

— Вы весьма разумный человек, официал, — кивнул дворянин. — Именно этого ответа я от вас ждал. Места в моей карете вполне достаточно для нас обоих.

— Но я бы хотел узнать, что стряслось на руднике, — сказал я в ответ. — Какие вести заставили отправиться туда рыцаря воротничка, да ещё в сопровождении целого отряда солдат?

Про то, что он оставляет Базель, я упоминать не стал, указывать на очевидные вещи было прерогативой моего собеседника.

— Никаких вестей не было, — покачал тот седой головой. — Совсем никаких. На протяжении нескольких недель не было ни единой весточки с рудника. Кроме того, отправившийся туда обоз с провиантом не вернулся. Вот что заставило капитул немедленно отправить на рудник меня, и просить власти Базеля выделить мне отряд в сопровождение.

Час от часу не легче! Не успел я покинуть Шварцвальд, надеясь, что уж в кантонах-то, в закрытой тюрьме на попечении местных властей и инквизиции, сумею быстро разобраться со своими делами и вместе с Агирре и Скрипачом поспешить в Лукку, но не тут-то было. Человек всё же может лишь предполагать, и неприятности, которые так и липнут ко мне со времён злополучного рейда, похоже, не собирались оставлять меня в покое ни на минуту.

Но главное, я уже точно знал, что снова потеряю время, и мне начало казаться, что оно буквально утекает у меня сквозь пальцы, будто песок. И сумею ли я хотя бы собрать нужных людей к Троице, как рассчитывает прелат Лафрамбуаз, я очень сильно сомневался.

Глава 5

Те, кого нет

Путешествие в подрессоренной карете рыцаря воротничка оказалось, конечно же, куда приятней недавнего — в крестьянской телеге. Однако, всё равно, моя сильно ушибленная голова периодически давала о себе знать, приходилось прямо на ходу разводить микстуру, которой оставалось всё меньше, и глотать её. Благо спутник мой оказался человеком всё же добрым, он всякий раз предлагал мне лёгкого вина, чтобы как можно скорее избавиться от скверного привкуса во рту, остававшегося после микстуры.

— Я быстро навёл о вас справки, официал, — сказал он мне, в первый раз протягивая серебряный бокал, — и теперь хотел бы попросить прощения за недоверие.

— Откуда такая любезность? — не слишком вежливо из-за головной боли и выпитой микстуры поинтересовался я.

— Я родом из Лугано, и знаю, что вы спасли мой город, бились на ордалии с наваррским рыцарем, который едва не поверг его в пучины ада. Мне есть, за что быть вам благодарным.

— И как вам удалось так быстро обо мне разузнать?

У меня давно уже начала развиваться паранойя, но возможно именно благодаря ей я ещё жив.

— Чокнутые с Сен-Готарда, — объяснился рыцарь воротничка. — Прежде чем вступить в орден, я не один год прослужил с ними на перевале. Уж они-то о вас наслышаны, и о ваших подвигах в Лугано — особенно.

— Но всё же, доверять мне вы не спешите, — сказал я, даже не потрудившись придать голосу тень вопросительной интонации.

— Вы помогли Лугано потому, что не покинули бы его стен, покуда внутри них творится чёрт знает что. Фактически, вы были вынуждены помочь. Каковы ваши интересы на руднике, мне неизвестно, а неизвестные силы я предпочитаю держать под контролем. Да и согласитесь, вы и поездку в моей карете переносите не лучшим образом, что уж говорить о том, чтобы скакать верхом.

Тут он меня поймал. Даже представлять себе не хочу, каким образом на мне скажется верховая езда. Несмотря на микстуру, внутренности головы моей вовсе не торопились вставать на место и переставать беспокоить меня приступами мигрени.

К заброшенному руднику вела на удивление хорошая дорога, и наш отряд передвигался с приличной скоростью. Помогала и погода, решившая, видимо, встать на нашу сторону. Светило яркое для конца зимы солнце, которое быстро подсушило грязь, не доведя дело до обычной в это время года распутицы. Да, пару раз карета застревала, и солдатам приходилось совместными усилиями выталкивать её, но я лично думал, что это придётся делать куда чаще.

Что интересно, дворянин всякий раз выходил из кареты, чтобы облегчить солдатам их непростую работу. Я видел, что ему неприятно пачкать свои замечательные высокие сапоги из тонкой кожи, однако он ни мгновения не колебался, когда выскакивал из кареты бывало и прямо в грязь. Конечно же, я следовал за ним. И всякий раз рядом с нами как-то сама собой оказывалась видящая, тонкие пальцы которой сжимали рукоять меча. Она поглядывала на меня без приязни и с откровенным недоверием, я же отвечал ей настолько равнодушными

взглядами, какие только мог изобразить.

Путешествие наше выдалось очень спокойным — ни одной стычки с мертвецами или обычными разбойниками. Конец зимы такое время, когда все любители побаловать на дорогах — и живые, и мёртвые — ещё толком не выбрались из своих укрытий, где переживали холода. Да и на сильный отряд мало у кого возникнет желание напасть. Никаких серых орд или чего-то подобного в кантонах не возникает, благодаря сильному ополчению в каждом городе и рыцарям воротничка, вроде моего спутника, которые стараются изо всех сил, вылавливая на территории союза лесных провинций заразителей, некромантов и прочих продавших душу чуме тварей. В общем-то, рыцари воротничка исполняли тут работу инквизиции, что не слишком нравилось церковникам, но с другой стороны церковь кантонов старалась как можно сильнее дистанцироваться от Авиньона, у которого просто руки не доходили сюда. И присутствие в местных епархиях инквизиторов из столицы Священной Римской империи местным епископам тоже не очень нужно. Потому и пришлось пойти с капитулом ордена рыцарей воротничка на союз, который обе стороны считали временным, вот только длился он уже больше полутора десятков лет. Не так и мало в наше смутное время.

Единственным серьёзным происшествием по дороге стало обнаружение разорённого обоза. Мы уже подъезжали к руднику — по словам моего спутника, ехать оставалось не больше трёх часов, — когда командовавший отрядом лейтенант громко велел остановиться. Зычный голос его был отлично слышен в карете, и мы успели подготовиться к тому, что кучер довольно резко затормозил.

— Что случилось? — тут же высунулся из окна рыцарь воротничка, явно не желавший без особых причин покидать кареты.

— Вам лучше самому посмотреть, — ответил подъехавший к нам лейтенант. — Там впереди на дороге разорённый обоз. Видимо, тот, что вёз продовольствие на рудник.

Я заметил, что почти никто не говорит о месте, куда мы едем, как о тюрьме, предпочитая называть её рудником.

— И что такого в этом обозе?

— Вам лучше самому посмотреть, — упорно отвечал командир.

— Идёмте, официал, поглядим, что такого интересного нашли в этом обозе, — вздохнул дворянин, которому совсем не улыбалось шагать по грязи без меня.

Но я и сам хотел составить ему компанию, понимая, что вряд ли опытный лейтенант стал бы отвлекать рыцаря воротничка по пустякам. А раз так, то лучше всё увидеть своими глазами.

Идти пришлось всего-ничего, да и грязь под ногами хорошенько подсушило солнце. Мы подошли к разорённому обозу, и я принялся внимательно оглядываться по сторонам, чтобы понять, что же привлекло внимание командира отряда.

На первый взгляд, это был самый обычный разорённый разбойниками обоз. Ни одной лошади, ни одного трупа — даже самые отпетые бандиты не оставляют покойников гнить на дороге. Все отлично знают, в каких мстительных тварей могут превратиться убитые, если не сжечь тела или не засыпать их негашёной известью. Чума ведь поражает не только живых, но и мёртвых, и последние частенько куда сильнее.

Однако стоило лишь внимательней присмотреться к картине разорения и сразу становилось понятно, что именно заставило лейтенанта вытащить рыцаря воротничка — и меня вместе с ним — из кареты. Кроме людей и лошадей, из обоза по сути не пропало

ровным счётом ничего. Весь провиант, что везли в нём, был вывален из ящиков и корзин, раскидан по дороге, втопан в грязь, испоганен. Но неизвестные нападавшие не взяли себе ни крошки еды, ни глотка вина, хотя со всем старанием уничтожили всю провизию.

— Это не похоже на работу разбойников или мертвецов, — покачал головой рыцарь воротничка. — Я даже не представляю, кто бы мог сделать это.

— Может быть, это направленная диверсия против рудника? — спросил у него лейтенант. Он спешил и теперь ходил вместе с нами среди остатков обоза.

— Разве что очень глупая, — ответил ему я. — Зачем тратить время на уничтожение припасов, если их проще увезти с собой. В тех же телегах. А после бросить в паре миль отсюда. Или вовсе в подходящую пропасть отправить. У вас тут в пропастях недостатка ведь нет.

— Но тогда кто может быть настолько глуп? — пожал плечами рыцарь воротничка.

Ответа на этот вопрос у меня не было. Равно как не было его ни у кого из присутствующих, включая видящую. Даже её удивительно чуткий нос ничем ей не помог, или же она просто не пожелала с нами поделиться.

Мы сели обратно в карету и уже к вечеру того же дня были у рудника.

Ворота тюрьмы были, конечно же, закрыты, над главной башней развевался флаг инквизиции, правда, дополненный кантонским белым крестом. Не знаю уж, что это значило, наверное, что-то о разделении полномочий или нечто в этом роде. Вообще, рудник мало походил на тюрьму, скорее на крепость — с крепкими каменными стенами, укреплёнными парой башен, наверху их торчали тупые стволы пушек. Во дворе возвышался круглый донжон, над которым собственно и реял флаг.

Открывать нам никто не спешил. Вообще, крепость казалась едва ли не вымершей. На башнях никто не дежурил, а в бойницах, несмотря на вечер, не было видно ни одного огонька.

— Странное дело, — опутив подзорную трубу, произнёс рыцарь воротничка. — Вымерли они там внутри что ли.

Я без спроса взял у него трубу и сам долго всматривался, но не нашёл ни единого признака жизни внутри стен.

— Единственный способ проверить, — сказал я, возвращая трубу, — это постучать в ворота.

— Думаете, нас так вот запросто пустят внутрь? — глянула на меня видящая с почти откровенным презрением.

— Рыцарь воротничка — представитель власти, его не имеют права не впустить, — ответил я. — А судя по флагу, эта тюрьма подчиняется инквизиции, так что моё кольцо станет хорошим пропуском за стены.

— Я вовсе не об этом, и вы меня отлично поняли.

Дурацкая манера видящей буквально плевать словами в мою сторону откровенно раздражала. Но приходилось терпеть, куда деваться-то?

За нашими спинами солдаты споро ставили лагерь, обнося его временным частоколом и раскидывая палатки. В середине уже разводили костры, а лейтенант с унтерами распределяли дежурства. Сразу становилось ясно, что эту ночь внутри стен отряд проводить точно не собирается.

— Я бы рискнул всё же постучаться, — предложил я. — Могу пойти и в одиночку, обещаю вернуться сразу, как только представится такая возможность.

— Сбежать хочешь? — тут же подалась в мою сторону видящая.

— Куда? — спросил я у неё. — В тюрьму? Да ещё осаждённую? — Я решил называть вещи своими именами. — Или считаете, что я могу сбежать через старые штольни или что там есть внутри?

Мои слова стали для неё настоящей пощёчиной, и девица так крепко сжала пальцы на рукояти меча, что побелели костяшки. Однако сдержалась. Видимо, без приказа рыцаря воротничка она не посмела бы тронуть меня и пальцем.

— Считаете, там внутри есть кто-нибудь живой? — примирительным тоном спросил у меня дворянин, явно желающий несколько сгладить ситуацию. — Возможно, все давно умерли от чумы.

— Тогда рудник следует сжечь дотла, — пожал плечами я. — У вашего отряда достаточно сил, чтобы сделать это?

— Я узнаю у лейтенанта, но вряд ли, — произнёс рыцарь воротничка. — Никто не собирался уничтожать рудник, только узнать, что тут происходит.

— Значит, считайте, что я отправляюсь на разведку.

В конце концов, меня никто не арестовывал, так что я вполне волен распоряжаться собой как пожелаю. Конечно, рыцарь воротничка легко может задержать меня, но отчего-то я был уверен, что при всём его недоверии ко мне, он этого делать не станет.

Так что, закинув на плечи мешок с вещами, к которому был приторочен кампеадорский меч, я поправил оружейный пояс с палашиом и грессмессером и направился к воротам крепости. Жалел только, что пистолета хотя бы одного при мне нет — оба так и остались в ольстрах, а коня искать в лагере желания не было. Я точно знал, что вели с отрядом, и даже сам лейтенант пару раз выезжал на нём, не давая застояться, но шагать сейчас надо было первым делом к крепости, а вовсе не к коновязи. Не ровен час, рыцарь воротничка передумает, а мне надо попасть за стены.

Прогулка до ворот оказалась далеко не самой приятной в моей жизни, каждую минуту, каждый шаг, я ждал окрика и требования вернуться. Однако ничего подобного не было, и я спокойно дошагал до стен крепости, и подошёл к воротам без сюрпризов.

Стучать в них пришлось довольно долго. Я барабанил кулаками, после развернулся и несколько раз врезал каблуком, затем отошёл и принялся методично лупить ногой. На все мои усилия прочные ворота отзывались только глухими звуками, напоминающими насмешку. Лишь когда я уже почти отчаялся и хотел возвращаться в лагерь не солоно хлебавши, в воротах отворилось небольшое окошечко, и на меня уставилась с подозрением рожа стражника.

— Вы там что внутри, от чумы передохли?! — рявкнул ему я. — Открывайте!

— Эх, да чтоб тебя, — сплюнул стражник, услышав мои слова. — Чего такими словами бросаешься? Нет у нас чумы. Только её нам не хватало.

— Да открывай ты! — крикнул я ещё громче. — Мне надо поговорить с комендантом!

— А ты вообще кто такой будешь? — настороженно глянул на меня через окошко стражник. — Распоряжаешься тут, впускать требуешь.

Я без лишних слов показал ему кольцо официала, которое не снимал после проверки в Базеле. У стража сомнений в подлинности не возникло, и уже спустя пару минут я стоял во внутреннем двореке тюрьмы. Изнутри она казалась столь же зловеще пустой, как и снаружи. Однако не расспрашивать же об этом первого попавшегося стражника, я решил подождать разговора с комендантом крепости.

— Эй, мальй, — обратился впустивший меня стражник к самому молодому из охранявших ворота солдат, — проводи господина официала к коменданту. И чтобы мигом назад!

— Слушаюсь! — выпалил тот, и едва ли не бегом помчался через внутренний двор к донжону, лишь раз обернувшись, чтобы проверить, иду ли я следом. Я старался не отставать от расторопного солдата.

В наступающей темноте мне не слишком хорошо удалось разглядеть рудник, я видел лишь очертания зданий, не очень понимая их назначение. Все они были буквально на одно лицо — длинные, приземистые, с покатой крышей. В окнах не горел свет, из-за чего казалось, что меня ведут в вымершую крепость. С каждым шагом всё сильнее становилось не по себе.

Однако стоило миновать донжон, внутрь которого солдат и не подумал заходить, как мы словно в другом месте оказались. Вокруг, укрытые могучей, бочкообразной башней, горели костры, причём так много, что темноте не оставалось места вообще. Мне доводилось видеть такое на факториях в дни, когда я ещё промышлял рейдерством в мёртвых городах, и всякий раз это означало одно — в окрестностях появились крысолюды. Этим тварям довольно и невеликой тени, чтобы прошмыгнуть в лагерь и устроить пакость. Размеры же пакости иногда бывали такими, что за голову хвататься оставалось.

Командовал гарнизоном тюрьмы здоровенный альбионец, скорее всего, из горных кланов, судя по нашитому на правый рукав белому Андреевскому кресту. Видно было, что никаких гостей он сегодня не ждал, и рад мне совершенно не был. Кроме того, я подметил многодневную щетину на лице, ещё не начавшую превращаться в бороду, да и чёрные круги под глазами говорили о крайней степени усталости. Командир гарнизона явно не спал уже несколько суток и буквально валился с ног.

— И кого ты мне привёл? — вместо всяких приветствий поинтересовался он у робеющего солдата.

— Это... — выдавил из себя парень, — пришёл он тут, а вице-капрал говорит: проводи, мол, к командиру, пускай тот с ним разбирается. А мне велел после, как отведу, значит, мигом назад, к воротам ворочаться.

— Ну так возвращайся, — вздохнул альбионец, и солдат едва ли не вприпрыжку припустил обратно. — Надеюсь, драться он будет лучше, чем говорить, — прокомментировал командир гарнизона, провожая парнишку взглядом.

— И что это за гость у нас? — обернулся он ко мне. — Только давай скорее, мне бы хоть пару часов урвать для сна.

Вряд ли его желанию суждено будет исполниться. Прибытие отряда рыцаря воротничка могло поменять очень многое в текущем раскладе сил. Но пока мне следовало как можно лучше этот расклад узнать.

— Что у вас тут происходит, лучше скажите? — не слишком вежливо вопросом на вопрос ответил я. — От вас никаких вестей, так что власти кантона вынуждены были прислать сюда рыцаря воротничка с сильным отрядом. Я присоединился к нему, потому что у меня тоже имеется дело к вам. — Предупреждая вопросы, я продемонстрировал ему кольцо официала. — Но сейчас оно не так важно, — слегка покривив душой, заявил я.

— А что же важно для вас?

— Узнать, что творится здесь, на руднике, — честно ответил я. — Можно сказать, я отправился на разведку к вам. Отряд рыцаря воротничка сейчас разбивает лагерь под

вашими стенами.

— Они станут драться вместе с нами? — тут же спросил комендант.

— Смотря против кого, — пожал плечами я. — Я так понимаю, у вас проблема с крысами возникла, верно?

— Вижу, вы человек опытный, — кивнул комендант, — а я вот даже не знал, что такие твари существуют, и не верил собственным людям, когда они докладывали о них. Они вылезли из рудника несколько недель назад, но прежде начались непонятные диверсии. Открывались двери барачных, пропадали люди, были испорчены все припасы. Вы знаете, официал, что перед нами во весь рост стоит проблема голода. Можно сказать, мы последнее доедаем. Всех птиц на голубятне вырезали, потому мы не смогли никакое сообщение отправить. Ну а после, в одну ночь крысы вышли из старого рудника и устроили нам тут форменный ад. Иначе не скажешь. Плечом к плечу дрались охранники и заключённые, пришлось их выпустить из барачных. Теперь те, кто выжил, сидят тут и караулят крыс. Заключённых держим отдельно, их пришлось вооружить, потому что людей не хватает просто катастрофически. Мы ведь, можно сказать, в окружении.

— В окружении? — не понял я.

— Крысы просто кишат в донжоне, барачных и хозпостройках, — ответил он. — Мы удерживаем лишь малую часть крепости, да и то лишь потому, что это старый форт бездушных. Уж кто-кто, а они знают толк в обороне.

Мне стало интересно, от кого должен был защищать форт бездушных этот рудник. Быть может, об опасности, исходящей из-под земли, знали ещё его строители, но из-за того, что она никак не проявлялась, оставили его, передав на попечение инквизиции. Как оно было на самом деле, мне, конечно, сейчас не узнать, так что оставалось лишь теряться в догадках. Вряд ли даже нынешний комендант в курсе всей истории этого форта и рудника.

— Так что возвращайтесь к рыцарю воротничка и сообщите о наших проблемах, — сказал комендант. — Следующей атаки мы можем просто не пережить. Нас мало, даже с заключёнными. Припасы на исходе. Вам не попадался обоз с ними? Он со всеми опозданиями должен был прибыть ещё третьего дня.

— Вынужден разочаровать вас, — покачал головой я. — Обоз разорён полностью. Все припасы уничтожены. Скорее всего, там поработали крысолюды.

— Выходит, мы для них не преграда уже.

— Для диверсантов, нет, — подтвердил я, — но если вас атакуют, то, видимо, здесь хотят вывести на поверхность куда более серьёзные силы, нежели пару отрядов, способных лишь на разного рода пакости.

— Жаль, — тяжело вздохнул комендант, — я уж думал, что нас оставят в покое.

Я не мог осуждать его за эти слова. Слишком усталым он был, слишком сильно ему досталось за эти дни или недели, что форт находится в осаде. Скоро на него, как и на большинство солдат, навалится тупая апатия, когда уже наплевать что будет с тобой, и остаётся лишь одно желание: чтобы всё поскорее закончилось. Так или иначе. А переживёшь ты этот конец или нет, уже совершенно не важно.

— Я переговорю с рыцарем, — заверил я коменданта, — но прежде чем уйти, мне нужно узнать кое-что у вас.

— То самое не слишком важное дело, что привело вас в мой форт, официал, — понял тот. — Говорите, только скорее. Если это в моих силах, я помогу вам.

— Меня интересует судьба двух человек, — сказал я. — Охранника по прозвищу

Скрипач и заключённого баска, которого доставили сюда из Лугано.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Скрипача я знаю, — кивнул комендант. — Его сослали сюда за драку с поножовщиной, которую он учинил в том же Лугано. Он бы точно под суд угодил, но комендант тамошнего гарнизона мой хороший друг и попросил за него. Так что Скрипач отправился сюда, а не напрямую на виселицу. Насколько я знаю, он пережил все атаки и сейчас стоит в карауле у выхода из рудника. Про заключённого ничего не скажу сейчас, но, думаю, к вашему возвращению у меня будут сведения насчёт него.

Мне оставалось теперь только надеяться, что Агирре удалось пережить атаки крысолюдов. Не скажу, что весь мой план по устранению Дракулести строился на нём, но без поддержки волчьего брата придётся слишком многое пересматривать.

Я кивнул коменданту и быстрым шагом направился обратно к воротам. Теперь мне ясно было, почему командир стражи ворот велел молодому солдату как можно скорее возвращаться. В отрыве от основных сил у них там каждый человек на счету.

Шагать через кажущийся вымершим форт в сгущающейся темноте было, откровенно говоря, страшно. Всюду мерещились крысолюды, готовые в любой миг выскочить неведомо откуда и прикончить меня парой ударов своих кривых ножей. Я слишком хорошо помнил первую встречу с этими тварями, в ночь нисхождения скорби в мёртвом городе. И я отлично помнил, как одна из них в считанные секунды прикончила Баума.

Однако я без приключений прошёл через форт к воротам. Стражи без вопросов отворили их, и я направился к разбитому неподалёку лагерю отряда рыцаря воротничка.

Вот тут у меня возникли некоторые затруднения. Впускать меня отказались. Дежурившие у перегороженного рогаткой прохода в частоколе солдаты отлично знали меня в лицо, однако приказ после захода солнца никого в лагерь не пускать нарушать не собирались.

— У меня нет времени ждать тут утра, — заявил я. — Не хотите впускать, так отправьте кого-нибудь к рыцарю воротничка. Думаю, он подтвердит, что на меня приказ не распространяется.

Уходить с поста ни один из дежуривших солдат, конечно, не собирался, и пришлось прождать никак не меньше четверти часа, пока не перехватили кого-то из обозных, что проходил мимо. Его отправили бегом в шатёр рыцаря воротничка, и не прошло и пяти минут, как на посту объявилась видящая. Она смерила меня недружелюбным взглядом, однако велела пропустить.

— Убедились, что я не морок и не чумная тварь, замаскировавшаяся под официала, — сказал я, очень уж хотелось хоть чем-то пронять эту железную женщину.

— Ты и есть такая тварь, — напрямик заявила она, — и если бы не приказ, я давно бы прикончила тебя своими руками. И плевать мне, будь у тебя на пальце хоть кольцо рыбака. ^[20]

— Знаешь, при иных обстоятельствах этих слов хватило бы, чтобы отправить тебя на костёр.

Раз она сходу перешла на ты, то и я решил не проявлять вежливости.

— Если мы окажемся в иных обстоятельствах, — её привычка плеваться в меня словами уже всерьёз раздражала, — я не стану просить о снисхождении. Ни у кого.

На этом, по счастью, наш разговор закончился. Мы подошли к просторному шатру рыцаря воротничка. Прежде его не ставили ни разу, равно как и полноценный лагерь не

разбивали. Мы лишь ненадолго остановились прошлой ночью, давая отдых людям и лошадям. При этом рыцарь не покидал кареты, а солдаты просто расселись вдоль дороги, вытянув уставшие от долгого марша ноги. Кое-кто даже спать валился, выбрав место посуше и завернувшись в походный плащ. Офицер с унтерами в этом ничего дурного не видели. Опытный солдат всегда найдёт себе время на сон и полноценный отдых.

Внутри шатёр был обставлен скорее аскетично, и непонятно было, зачем нужно столько места. Как будто его хозяин боялся оставаться даже в относительно тесном помещении. Рыцарь воротничка дремал, сидя на разборном походном стуле. На столе перед ним стояли остатки походной трапезы и открытая бутылка вина.

Войдя в шатёр, видящая вежливо откашлялась, привлекая его внимание. Пожилой дворянин дёрнулся, пробуждаясь, и едва не свалился со стула.

— Официал, — произнёс он, зевая и прикрыв рот ладонью, — простите. Не ждал вас раньше утра.

— Дело не терпит отлагательств, — покачал головой я.

— Тогда излагайте, — кивнул он и махнул рукой видящей. — Ступай, отдохни. С официалом инквизиции мне ничего не угрожает. Тем более что он так хорошо вооружён.

Той явно не понравилось это распоряжение, но спорить с рыцарем воротничка видящая не стала. Она вообще подчинялась ему во всём, даже странно для такой натуры, как эта женщина. Интересно, что же связывает этих двоих, кроме уз подчинения и устава ордена, которому они оба служат? Но и тут, как в истории с фортом, мне оставалось только гадать.

— Так что стряслось на руднике? — спросил у меня дворянин, как только видящая вышла из шатра.

Я без спроса уселся на второй стул — не хотелось нависать над рыцарем воротничка, и без обиняков заявил:

— Если вы со своим отрядом не вмешаетесь, руднику конец.

А после как можно более сжато пересказал то, что видел своими глазами и слышал от коменданта осаждённой крысолюдами крепости.

— Если это была шутка, то должен заметить, у вас отвратительное чувство юмора, официал, — выслушав меня, резюмировал рыцарь воротничка. — Или же вас банально обвели вокруг пальца, будто деревенского дурачка. Скажите, вы всерьёз поверили в эти байки о крысах размером с человека? Этими историями нас кормят не один год. Даже дети давно перестали бояться крысолюдов. А знаете почему, официал? Потому что даже дети знают, что их не существует.

— Зря вы так думаете, — покачал головой я. — Можете верить мне или нет, но я лично имел дело с этими тварями.

— В городах скорби, поди? — быстро нашёл оправдание собственному неверию рыцарь воротничка. — Но ведь там людям какая только чертовщина не мерещится. Нет, даже не говорите мне о городах скорби.

— Несколько я прикончил во время бунта в Пьяченце, — сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее, пренебрежительное отношение к моим словам со стороны рыцаря воротничка начинало выводить из себя. — Они засели на втором этаже дома с длинным мушкетом, напичканным зелёными камнями, его пули пробивали людей насквозь.

— О, Господь милосерд, пощади меня, — наигранно взмолился рыцарь воротничка, видно было, что ни одно моё слово он не принял всерьёз. — Да вы просто кладёшь солдатских баек, официал. Честное слово, я начинаю сомневаться в вашем статусе куда

сильнее, нежели при нашей первой встрече у ворот Базеля. Были у меня, конечно, сомнения в разумности действий авиньонской инквизиции, однако прежде я полагал, что серебряными кольцами там не разбрасываются...

Он осёкся на полуслове, увидев выражение моего лица, побледнел, рука его попыталась нашарить стоящую рядом трость. Уверен, внутри неё скрывается достаточно длинный клинок отличной закалки, которым рыцарь воротничка проткнул не одного противника.

— Вы что себе позволяете, официал? — выдавил он. — Немедленно уберите руки от оружия!

— Сейчас живое доказательство моих слов находится прямо у вас за спиной, — произнёс я, и тут же вскочил, выдёргивая из-за пояса пистолет.

Я успел нажать на курок, но это продлило жизнь рыцарю воротничка на считанные мгновения. Соткавшийся словно из самого мрака за спиной пожилого дворянина крысолюд живо напомнил мне тварь, с которой я столкнулся в ночь нисхождения скорби. Стремительная серо-чёрная тень метнулась к рыцарю воротничка, тускло сверкнули два кривых ножа с зазубренными клинками. Крысолюд умудрился увернуться от пули — та лишь пробила его и без того рваный плащ, а в следующий миг оба ножа вонзились в шею полуобернувшегося рыцаря воротничка. Тот замер в ужасе и потрясении — его прикончила тварь, которую он считал не более чем байкой, страшной историей, из тех, что травят солдаты ночами у походного костра. Но пара кривых клинков, кромсающих горло, и оскаленная крысиная пасть прямо перед лицом могли убедить какого угодно Фому Неверующего.

Я успел только выхватить grosmesser — ни палашом, ни тем более длинным кампеадорским мечом в шатре орудовать было бы неудобно. Крысолюд же оставил в покое умирающего рыцаря воротничка, однако и не попробовал кинуться на меня. Вместо этого он соскочил с умирающего и ринулся обратно в тень, из которой появился. Я прыгнул к нему с grosmesserом наперевес, замахиваясь для удара, однако крысолюд каким-то чудом снова сумел уклониться. Тварь перекатилась по земле, пачкаясь в обильно пролитой крови рыцаря воротничка, отбила второй мой удар скрещёнными клинками и как могла быстро прыгнула к пологу шатра.

Один стремительный взмах, треск прочной ткани, и в следующий миг я увидел лишь крысиный хвост, исчезающий в дыре. Я замер над телом уже мёртвого рыцаря воротничка. Он лежал в луже собственной крови, пытаясь обеими руками зажать несколько чудовищных ран на горле. Лицо его было бледно, глаза остекленели.

А в следующий миг клапан шатра отлетел в сторону, и внутрь подобно буре ворвалась видящая. В правой руке она сжимала длинный меч, и по лицу её было отчётливо видно — никакие мои слова не помогут. Сейчас она не способна слышать ничего — женщиной полностью овладело лишь одно желание. Мстить. Убивать. И целью её был, конечно же, я.

Я не желал драться с нею. Не то, чтобы не верил в собственные силы, но задерживаться сейчас в лагере попросту глупо. Шанс выжить у меня только один — бежать в рудник. Уж там-то меня точно не достанут, и комендант поверит моим словам.

Я бросил тоскливый взгляд на лежащий между мной и видящей вещевой мешок с притороченным к нему кампеадорским мечом. Похоже, всем этим придётся пожертвовать. Оставалось надеяться, что я ещё смогу вернуть себе свои вещи.

И тут видящая кинулась на меня. Сверкнул в свете свечей её длинный меч. Я сумел парировать её быстрый выпад, и ответил не слишком красивым приёмом, попросту толкнул

её плечом, заставляя потерять равновесие. А вдобавок ещё и ногой пнул в живот — удар вышел столь удачным, что видящая, зашипев, будто гадюка, рухнула на пол, споткнувшись о мой вещевой мешок с длинным мечом. Наверное, сейчас я даже мог бы прикончить её, если бы захотел. Но мне это было совершенно не нужно.

Я отскочил к разрезу, в котором скрылся крысолюд. Мне понадобилось столь же короткое движение, чтобы вспороть клинком гросмессера ткань, и нырнуть наружу. Теперь дело за малым — выбраться из лагеря, пока не поднялась тревога.

Я не крысолюд, исчезать в тенях не умею, а потому выбрал самый простой путь. Кинулся к ближайшей повозке — ей оказалась высокая карета рыцаря воротничка. Я легко забрался на крышу, однако лагерь планировали отнюдь не дураки. Расстояние от неё до частокола было слишком велико — в один прыжок его не преодолеть. Вот только выбора у меня попросту не осталось.

В лагере уже звенел тревожный колокол. Из шатра выбралась видящая и ринулась вслед за мной. К ней на помощь спешили солдаты с оружием и факелами. Скрыться в небольшом лагере у меня точно не выйдет. А значит, остаётся только риск — безумный, но оправданный.

Я отступил на полшага, вспоминая нашу с вором эскападу в городе скорби, что в прежние времена звался Милан. Да уж, сейчас у меня приключение едва ли не покруче будет. За спиной уже стучали тяжёлые шаги, слышался перезвон оружия и доспехов, ругань. Ещё пара секунд и на крышу влезут солдаты, схватят за ноги, стащат на землю, и что будет тогда — лучше не думать.

Сделав короткий шаг, я изо всех сил, какие только остались, оттолкнулся от крыши кареты, и прыгнул вперёд — прямо на колья частокола. И будь что будет — в руки Твои вверяю себя, Господи!

Глава 6

Серый потоп

Удар о заострённый конец кола вышиб из меня дух — боль врезалась в рёбра, волной пробежала по всему телу. От серьёзных травм спасли джеркин и поддетый под него кожаный жилет. И всё равно я едва сознание от боли не потерял. Мне повезло не повиснуть на кольях, я скатился на землю, сжавшись в комок. Я лежал, стараясь занимать как можно меньше места, чтобы враги не заметили меня. Очень хотелось вскочить на ноги и бежать к крепости как можно быстрее, но ведь именно этого и ждали от меня.

Над частоколом появились первые фигуры. Замелькали факелы и фонари. Я разглядел стволы нескольких дальнобойных аркебуз и ложа мощных арбалетов. Меня высматривали, искали вдали. Один за другим полетели в ночную тьму горящие факелы. Они падали на землю, освещая небольшие участки её. Дважды солдаты стреляли в неверные тени, что появлялись на миг в неверном свете. От всей души надеюсь, что им удалось подстрелить парочку крыс. Уверен, эти твари не оставили лагерь своим вниманием.

Я же, пока солдаты были увлечены поисками, что не дадут никакого результата, медленно пополз вдоль частокола в сторону. Подальше от освещённого участка. Выходить в сгустившихся сумерках за ограду никто из солдат не горел желанием, да и командир их был слишком опытен, чтобы гнать кого бы то ни было из лагеря. И это давало мне приличные шансы на спасение.

Решив, что отполз достаточно далеко, я поднялся на ноги. Как ни странно, сделать это мне удалось с первой попытки. Конечно, пришлось вцепиться обеими руками в колья, но всё же. Затем последовал первый шаг. За ним второй, третий, четвёртый. Мне очень хотелось думать, что каждый следующий был чуть более уверенным. Однако меня сильно шатало, будто не по ровной земле иду, а пытаюсь удержаться на отчаянно раскачивающейся в шторм палубе. Как назло, вернулась головная боль, и начала яростно соревноваться с болью в рёбрах. Каждый шаг и каждый вдох стоили мне очень дорого. Дважды я падал на колени, и меня тошнило, но лишь сухие спазмы сотрясали тело — с утра я ещё толком ничего не ел. Как-то не до еды было. Горло сжималось так, что дышать становилось невозможно. И всё равно я находил откуда-то силы, чтобы подняться на ноги и захромать к руднику.

Сколько раз я бахал кулаком по дереву ворот, уже не помню. Но когда отворилась калитка — видимо, меня признали сразу, не став глядеть через окошко, за что я страже благодарен, — то я буквально повалился на руки опешившим солдатам.

— Это как?.. — только и смог выдавить из себя унтер, на котором я просто повис.

— Надо с комендантом поговорить, — ответил я. — Срочно.

К чести стражников, они сразу приняли меня всерьёз. Теперь унтеру пришлось выделить двух парней покрепче, оставшись на посту с одним лишь молодым солдатиком, что сопровождал меня в прошлый раз. Опершись на плечи стражников, я даже смог кое-как переставлять ноги, чтобы совсем уж не быть им обузой.

Дорога через крепость, вокруг могучего донжона, заняла куда больше времени, чем в прошлый раз. И реши сейчас на нас напасть крысы, вряд ли кто-то из троих сумел бы пережить эту атаку. Однако нам повезло. Если и кишели крысолоуды в бараках, как говорил комендант, то у них сейчас явно были другие занятия, и мы без приключений добрались до позиций у входа в заброшенный рудник.

— Вот тебе на, — только и сказал комендант, когда меня буквально втащили к нему в палатку. — Официал, что с вами приключилось?

Надо сказать, его место обитания было куда скромнее того, где жил рыцарь воротничка. Палатка немногим больше обычной солдатской. Из обстановки внутри стол, складной стул и сундук, на котором комендант спал, пока мы не ввалились внутрь.

— Давайте его на стул, — велел солдатам комендант, — и бегом обратно на пост. Нечего ворота без защиты оставлять.

Меня быстро усадили на складной стул и тут же оба солдата, в самом деле, бегом бросились прочь из палатки. Едва лбами не столкнулись у выхода.

— Вот же недотёпы мне достались, — покачал головой комендант. — Ну, слава богу, хоть в бою не подводят. Так глупы, что даже не задумываются о бегстве.

Он, ничего не говоря, вынул из-под стола початую бутылку вина и пару стаканов, один из которых, правда, оказался довольно грязным. Комендант как смог протёр его рукавом, даже внутри поелозил, но больше для вида, а после решил оставить грязный стакан себе. Налил в оба вина и протянул мне полный.

Мы выпили молча и не чокаясь, будто на поминках. Вино ничуть не приглушило моей боли, но отказываться от второго стакана я не стал. Оно оказалось креплёным, так что у меня зашумело в голове, но хотя бы немного мигрень притупилась. И на том спасибо.

— Так что же с вами приключилось, официал? — спросил у меня комендант, убирая бутылку и стаканы обратно под стол. — Ран не видно, кровью вы тоже не истекаете, однако выглядите так, что, уж простите, но краше в гроб кладут.

Да уж, видок у меня, наверное, был тот ещё.

— Вышло небольшое недопонимание в лагере рыцаря воротничка, — ответил я. — Его прикончил крысолюд, успевший скрыться прежде чем ворвалась охрана.

— И на вас повесили всех собак, — кивнул комендант. — Да уж, крысолюды мастера на подобные трюки. Теперь они подставили всех нас. Завтра, с рассветом, солдаты рыцаря воротничка будут здесь и примутся мстить за своего командира. У меня не хватит людей, чтобы удержать ворота.

— Значит, и не надо этого делать, — сказал я, опираясь локтями на столешницу. Мысли разбегались, боль терзала отбитый бок, в голове шумело, но я изо всех сил старался сосредоточиться. — Надо спровоцировать крысолюдов на атаку.

— Чтобы оказаться между молотом и наковальней? — удивился комендант. — Да вы верно головой ударились сильно, официал, раз предлагаете такое.

— Не будет никакого молота, — покачал головой я, тут же пожалев об этом. — Подумайте, сейчас солдаты злы на вас, считают, что убийца рыцаря скрылся в руднике. Мне ведь некуда больше бежать, кроме как сюда. Вы верно сказали, что они придут мстить, однако если увидят, что тут идёт схватка, да ещё и с крысолюдами, то резко переменят мнение.

Столь длинная тирада далась мне непросто. Я откинулся на стуле. Некстати подумалось, что все запасы дрянной микстуры остались в вещевом мешке. Так что между мной и головной болью больше никаких преград нет.

— Очень рискованно, — покачал головой комендант. — Если не сработает, то все мы — покойники. Нас же просто сомнут. Не крысы, так солдаты рыцаря воротничка. У меня ведь тут не так много народу. Все смертельно устали, много раненых.

— А выбор есть? — собрав все силы, какие только оставались, выпрямился я. — Или

смертельный риск, или смерть, но уже с гарантией. Вы правильно сказали, комендант, нас просто сомнут. Люди или крысы, не столь важно, не так ли?

— Нет выбора, это вы точно сказали, официал, — кивнул комендант.

Он снова нырнул под стол, доставая бутылку и стаканы.

— Я даже знаю, как этих тварей спровоцировать, — вздохнул он. — План даже имеется, рискованный, но лучше не придумать. Но не решался я на него, понимаете, не мог рискнуть по-крупному. И видимо, растратил все силы свои на мелочи, а теперь вот расхлёбываю.

— Что за план? — спросил я.

— Этот форт строили явно для защиты от угрозы, исходящей не столько снаружи, сколько изнутри. Из проклятого Господом рудника. Пушки на стенах можно развернуть, чтобы они били по крепости. Запаса пороха и ядер там хватит, чтобы армию остановить. У меня и опытные пушкари остались. Да только не решался я всё выманить крыс из их тоннелей. Торчал тут, у входа, и разменивал силы в мелких стычках.

— Но как выманить крыс из тоннелей? — задал я вполне логичный вопрос.

— Не так сложно как может показаться, — отмахнулся комендант. — У входа заложено достаточно пороха, чтобы взорвать его к чёртовой матери и завалить, так что оттуда ещё лет сто никто не выберется. Вот только крысы всякий раз, как мы пытаемся сделать это, воруют запалы. Но есть у меня один умелец, его часовщиком кличут. Вроде как прежде был им, пока сюда не загремел. Он сделал хитрый часовой механизм, крысолюды вряд ли его распознают, жаль только мощи у него на всю мину не хватает, а новый собрать не выйдет. Часовщик говорит — деталей нет. Можно взорвать часть пороха, это наверняка выманит крысолюдов, а после отступить к стенам.

— И оттуда обстрелять их из пушек, — кивнул я. — Вопрос лишь в том, достанет ли сил у нас для этого, верно?

— Я его себе по сто раз на дню задаю, но с каждой стычкой у меня остаётся всё меньше людей. Всё больше раненых. Всё сильнее усталость. Думаю, уже завтра не хватит сил у моих людей, чтобы провернуть подобную авантюру.

— Не забывайте о помощи солдат рыцаря воротничка, — заметил я. — Они явно не станут драться на стороне крысолюдов.

— Тогда решено, — кивнул комендант, — я убираю пост у ворот, и будь что будет. Если Господь с нами, он не даст свершиться несправедному, не так ли?

Удивительно, какими религиозными мы становимся, когда прижимает всерьёз. Хотя и я вручал себя в руки Господа, когда прыгал с крыши кареты через частокол. А что ещё оставалось, кроме как уповать на Него?

— Знаете что, официал, — поднялся на ноги комендант. — Ложитесь спать, на вас лица нет. И не надо спорить, завтра мне нужен будет каждый боец, и я хочу, чтобы вы поднялись на ноги и дрались вместе со всеми.

Я и не думал спорить. В голове шумело от выпитого, бок ещё дёргала боль, но успокаивалась. Я понимал, что если не лягу сейчас, завтра точно не поднимусь на ноги, даже если надо мной нависнет крысолюд со своими зловещими ножами. Мы с комендантом поменялись местами. Я уселся на сундук, кое-как стянул сапоги и растянулся на его крышке. Более удобного ложа у меня не было очень давно.

Сон забрал меня как-то незаметно. Сначала меня покачивало, будто на волнах, а после я провалился в его пучину, будто в омут головой.

И выдернули меня из сна прямо как из омота. Звук взрыва, а следом на плечо легла рука

в кожаной перчатке и сильно встряхнула.

— Вставай, официал, — бодрым голосом бросил мне комендант, решивший без формальностей перейти на ты, — всю драку проспичь! Крысы так и лезут из-под земли, будто... крысы! — не найдя лучшего сравнения выпалил он.

Я как мог быстро скатился с сундука, принялся натягивать сапоги. Справившись с этой задачей, подхватил оружие, даже не цепляя пояса с ножнами, и выскочил из палатки следом за комендантом.

Что удивительно, ни о какой боли, что мучила вчера, я и не подумал в тот момент. Действовал рефлекторно: раз опасность, надо хватать оружие, забывая о ранах, боли и всех невзгодах. Потому что жизнь ведь всегда дороже!

А в форте уже творилось форменное светопреставление. Выстроившиеся тонкой цепочкой солдаты гарнизона вместе с вооружёнными заключёнными едва сдерживали напор лезущих из полузаваленного выхода рудника крысолюдов. Тварей были сотни. Они покрывали землю толстым серым ковром. Среди них резко выделялись совсем уж отвратительные крысы — голые, розоватые, лишённые меха. Они были мельче других сородичей, но куда шустрее и, казалось, вовсе не ведали страха. Кидались под удары мечей, секир и алебард, повисали на жалах и древках копий целыми гроздьями, своими трупами торя дорогу остальным.

— Держи, — ткнул в меня флягой комендант, — дрянь, конечно, алхимическая, но поможет.

Я взял у него флягу и приложился к горлышку. Только сделав пару глотков, понял, что мне предложили алхимический тоник — и в самом деле редкостную дрянь. Не пил её со времён рейдерства, когда мы, бывало, задерживались в мёртвых городах, и надо было как можно дольше продержаться на ногах. Однако за это приходилось платить после, ведь тоник этот не давал сил, а лишь мобилизовывал твои собственные, и когда действие заканчивалось, ты просто валился с ног и засыпал. Зачастую прямо там, где стоял. Слава богу, если это происходило на фактории или поблизости от неё, в хотя бы относительно безопасном месте. Но ведь не всегда же везло. А когда пьёшь этот чёртов тоник, редко задумываешься о последствиях.

Вот как сейчас, например.

Я едва успел вернуть коменданту флягу, как из глубины рудника донёсся до жути знакомый вой. Я слишком хорошо помнил, как вопит громадное чудовище, напоминающее помесь крысы с гориллой. А в следующий миг она выскочила из полузаваленного выхода, стремительным прыжком сократив расстояние до цепи обороняющихся. Приземлившись, тварь смяла не меньше десятка своих сородичей, но даже не обратила на это внимания. Через секунду она снова взвилась в воздух, теперь уже чтобы обрушиться на людей.

Не знаю даже, что на меня нашло. Видимо, тоник, что дал мне комендант, отличался от обычного ещё какими-то свойствами. На меня снизошло какое-то ледяное спокойствие. Я отлично видел, как взмыла в воздух тварь, понимал, что сейчас она рухнет прямо на строй солдат и заключённых, и знал — это будет конец. От такого удара им уже не оправиться. Строй не просто дрогнет, все бросятся бежать, куда глаза глядят, врассыпную, лишь бы подальше от чудовища, в единый миг прихлопнувшего столько народу, будто назойливых комаров.

Я вынул из-за пояса пистолет. Оказывается, я успел его зарядить накануне, хотя не помню этого. Щёлкнул взведённый курок. Я вскинул руку, наведя ствол на голову твари,

словно зависшей в воздухе. Выдохнул и нажал на спусковой крючок. И следом время снова полетело вскачь, как ни в чём не бывало.

Громадная крыса в полёте словно в стену врезалась — пуля попала точно в цель. Совершив какой-то просто немыслимый кульбит, тварь рухнула прямо перед строем замерших на мгновение солдат и заключённых. Монстр ещё несколько секунд дёргался в конвульсиях, но быстро затих.

Однако расслабляться было ещё слишком рано. Через тело твари и вокруг него уже лезли новые и новые крысы. Их ничуть не смутила гибель чудовищного сородича, они спешили вперёд, торопясь дорваться до столь любимого ими лакомства — человеческого мяса.

— Отходим! — громогласно скомандовал комендант крепости, как и я, не спешивший в самое пекло. А после повернулся ко мне и сказал: — Ну ты даёшь, официал, никогда бы не подумал, что человек способен на такое.

Я ничего отвечать не стал, решив, что объяснять ему, что и сам плохо представляю как это вышло, будет лишним.

Цепь солдат и заключённых подалась назад. Крысолюды, посчитавшие, что враг прогибается под их напором, полезли ещё сильнее. Ободренные собственным ложным успехом, они решили развить его, кидаясь снова и снова на оборонительную линию людей.

— Где же чёртовы солдаты рыцаря воротничка? — в сердцах бросил комендант. — Мои люди им даже ворота открытыми бросили! Они давно уже должны быть тут!

Я не хуже его видел, что происходит. Строй солдат и заключённых прогибался под атаками врага, разорваться он мог в любой момент. Если в ближайшее время не появится видящая с солдатами, нам тут точно конец.

Вскоре мне пришлось вступить в бой. Рухнул один из заключённых, на него тут же накнулись несколько крысолюдов, замелькали длинные ножи. Человек кричал так истошно, что не по себе становилось, хотя я многое повидал на своём веку. Во все стороны летели брызги крови. Сидящие на умирающем крысолюды вторили ему своими писклявыми голосками.

Я подскочил к ним. Первую тварь рубанул палашом, легко развалив напополам. Вторую поймал на гросмессер, крысолюд быстро опомнился, и попытался броситься на меня. Третью пнул ногой, отбрасывая в толпу её сородичей. И следом встал на место умирающего заключённого.

Вот тут я пожалел, что при мне нет кампеадорского меча. Орудовать палашом и гросмессером в безумной рубке оказалось очень тяжело. Эта схватка не была похожа на предыдущую. Никаких отдельных поединков, боевых кличей, вызовов на бой. Нет, это была монотонная работа — взмах палашом или гросмессером, парирование не слишком умелого выпада и сразу ответный удар. Новый враг, которого видишь лишь мгновение, прежде чем рубануть его от души. А на его месте сразу появляется новая крыса, целящая в тебя ножом или крючковой алебардой.

Не было среди них знакомых мне по городу скорби крысолюдов в тяжёлых доспехах, вооружённых короткими алебардами. Не кидались на нас и новые гигантские крысы. И слава богу, мы и так едва сдерживали напор врага.

Мы отступали к донжону, теряя людей. Вот уже комендант вступил в схватку, ловко орудую длинным мечом. Рядом с ним мгновенно образовалось пустое пространство. Никакая крыса не была настолько глупа, чтобы лезть под сверкающий в стремительных выпадах

клинок.

Но даже его выдающегося умения было недостаточно. Крысы брали простым числом. Одна ошибка — смерть товарища, стоящего рядом с тобой. Дыра в строю, которую уже нечем заткнуть. Приходится сбиваться ближе, давая врагу возможность обойти с флангов, а после и вовсе окружить. А это уже верная гибель, когда тебе противостоит такое количество тварей, совершенно не дорожащих собственной жизнью. Готовых легко разменивать несколько десятков на одного человека. Для них это была вполне приемлемая цена. Для нас же — нет.

Теперь нас с одного фланга прикрывал донжон, с другого — длинный барак. Мы сражались плотным строем, отмахиваясь от крысолюдов, каким-то чудом сдерживали их чудовищный напор. Но рядом падали и падали люди. Одна ошибка, одно неверное движение — и тут же в кишках оказывается крючковатое лезвие алебарды, или на плечи запрыгивает мелкая, голая, розовая тварь и вцепляется зубами в горло.

А стоит нам отойти от донжона — и всё, нас окружают, зажмут в клещи, и прикончат. Ведь до стен с их пушками, развёрнутыми в сторону форта ещё слишком далеко. Сейчас наш строй ещё в зоне поражения орудий — и стрелять они не могут, нам ведь хватит и пары ядер. Конечно, канониры на стенах примутся палить, как только нас перебьют, и скорее всего прикончат большую часть крысолюдов, прежде чем те доберутся до стен. Но нам-то от этого ничуть не легче.

И тут вдруг за нашими спинами прозвучала зычная команда:

— Разойдись!

Не знаю даже, что заставило нас последовать ей. Строй, ещё мгновение назад такой плотный, что между плечами солдат и соломинку не воткнуть, рассыпался, давая место свежим бойцам. Мы кинулись врассыпную, прямо на стоящих в считанных шагах готовых к бою солдат из отряда рыцаря воротничка. Те стояли пока рассеянным строем, пропуская нас, но стоило последнему защитнику пробежать мимо солдата в стальном шлеме и сверкающей на солнце кирасе, как они тут же сомкнулись плечом к плечу.

— Стрелки, вперёд!

Теперь я узнал голос — это был лейтенант, командующий отрядом.

Из строя алебардистов на шаг выступили аркебузиры и арбалетчики. Их вроде было не так и много, однако слитный залп, что они дали без приказа, произвёл настоящее опустошение в первых рядах крысолюдов. Те попросту не ожидали ничего подобного — десятки тварей повалились разом на трупы убитых нами сородичей.

— Алебарды! — выкрикнул лейтенант, но видно было, что отряд отлично справляется и без его команд.

Снова встали плотным строем алебардисты, выставив перед собой массивное оружие, и обрушили его на врага. В считанные секунды им удалось превратить в кровавый фарш, наверное, не меньше сотни тварей. И опешившие от такого сюрприза крысолюды отступили.

— Десять шагов назад! — скомандовал лейтенант. — Стрелки, вперёд!

Мы попятились вместе с ровным строем отряда. Арбалетчики с аркебузирами, наоборот, не спешили отступать. Зарядив оружие, они замерли перед строем алебардистов, готовые в любой момент дать залп по врагу. Вот только крысолюды пока не спешили атаковать.

— Долго вас пришлось ждать, — прохрипел я прямо в лицо офицеру кантонцев. — Мы думали, что нам уже конец.

Откуда только силы взялись на упрёки в адрес спасших нас наёмников?

Однако лейтенант ничуть не обиделся на мои слова. Он только кивнул в сторону стоявшей неподалёку видящей. Женщина даже меча не обнажила, только сжимала на его рукояти тонкие пальцы.

— Теперь-то вы верите в крысолюдов? — спросил я у неё, подходя поближе.

Я отлично знал, как ей неприятно моё присутствие, и решил доставить ей максимальные неудобства. Несмотря ни на что.

— Я даже верю в то, что не вы убили рыцаря воротничка, — заявила она обыкновенным своим ледяным тоном. — У вас не было при себе того оружия, каким ему раскромсали горло. Но, признаю, вы верно поступили, покинув его шатёр.

— Так почему вы пришли так поздно? — напустился на неё с другой стороны комендант. — Я же вам даже ворота открыл.

— Мы должны были убедиться, что это не ловушка, — ответила она. — Мне пришлось допросить ваших пушкарей, что заняли позиции на стенах. Лишь после этого я приказала своим людям прийти вам на помощь.

— А мы в это время гибли! — крикнул ей прямо в лицо комендант.

— Я не могла рисковать своими людьми.

Крик его разбился о её ледяное спокойствие. Сразу становилось ясно, видящая считает, что полностью права в своих действиях. И вряд ли чьи-либо слова могут изменить её мнение.

Крысолюды тем временем перегруппировались и пошли в наступление. Серая толпа заполнила весь двор форта, обтекая громаду донжона с обеих сторон. В ней яркими пятнами выделялись плотно сбитые группы крыс в доспехах и с короткими алебардами в руках. Вот теперь за нас взялись всерьёз.

— Стрелки! — скомандовал лейтенант, хотя снова в этом не было особой нужды. Фитили уже курились дымком в опасной близости от открытых запальных полок. Толстые болты замерли на ложах арбалетов. Все ждали лишь команды стрелять. Однако её пока не было — офицер отлично понимал, что шанса на второй залп уже не будет, а потому решил подпустить врага поближе.

Я вспомнил о заткнутом за пояс пистолете и принялся как можно скорее заряжать его, чтобы встать в один строй со стрелками. Быть может, не так много пользы будет от моего выстрела, но почему бы и нет.

Из-за отсутствия оружейного ремня, который я бездумно бросил в палатке коменданта, мне пришлось сунуть за пояс grosmesser, а палаш перехватить левой рукой, прежде чем встать вместе со стрелками на дальнем фланге.

— Думаете, ваш выстрел что-то изменит? — бросила мне в спину видящая, явно не отказавшаяся от неприязни ко мне.

— Один раз это уже случилось. — Я не собирался ничего говорить, за меня это сделал комендант, желавший таким образом уколоть женщину. — Официал сумел прикончить одним выстрелом крысу размером с дом.

Не думаю, что видящая поверила в его слова, однако почти уверен, что если нам удастся пережить этот бой, обо мне пойдут легенды. Я даже не знал в тот момент, насколько это окажется правдой, и чего будет мне стоить в ближайшие часы.

Привычные алебардисты расступились, пропуская меня, арбалетчик, которого я, кажется, невольно толкнул плечом, только глаз в мою сторону скосил, но ничего говорить не

стал. Всё наше внимание привлекали наступающие крысы. Серый вал катился на нас, размахивая ножами, короткими мечами, крючковатыми алебардами. В этом хаосе островками порядка оставались лишь закованные в сталь крысолюды, шагающие плотными группами, плечом к плечу. Вот кто будут достойными соперниками, не разменивающими десяток своих на одного врага.

— Пли! — рывкнул за нашими спинами лейтенант, и я нажал на спусковой крючок раньше, чем головой осознал команду. Всё же годы рейдерства в мёртвых городах не прошли даром — команды я умел выполнять на полном автоматизме. — Назад!

Я спиной вперёд шагнул обратно за спины разомкнувших ненадолго строй алебардистов. И тут же солдаты снова встали плечом к плечу, встречая накатившийся вал серых вопящих крыс.

Перезаряжать пистолет уже не стал, снова сунул его за пояс, вынув gros-mesurier. Волна крысолюдов врезалась в кажущуюся непоколебимой стену пехоты. Наёмники как один вскинули алебарды, обрушив их тяжёлые лезвия на головы нападающих. И снова завертелась кровавая карусель рукопашной схватки.

Выжившие солдаты гарнизона и заключённые сбились в тесную группу, уже не делая различий друг между другом. Драка с чудовищным врагом давно сгладила все противоречия, что только бывают между заключёнными и теми, кто их стережёт.

— Мы как, комендант? — спросил у командира один из солдат, такой перепачканный в крови и грязи, что я только по массивному арбалету непривычной конструкции признал в нём Скрипача. — Отвоевались теперь? Вон наёмники славно крыс шинкуют.

— Ты ступай к стрелкам их, — тут же велел комендант, — думаю, у них найдётся работа для твоей Виолины.

Скрипач пожал плечами и ничего не говоря направился к заряжающим оружие стрелкам. Те так же молча приняли его в свои ряды, хотя он был для них чужаком. А может, не совсем и чужаком — опытный наёмник, Скрипач мог быть знаком с кем-то из этих солдат.

— Остальные, — продолжил командовать комендант, — делимся на два отряда. — Он ловко махнул рукой, отделяя одних бойцов от других, и между двумя группами, образовавшимися по мановению его руки, тут же появилось небольшое пространство. Люди просто подались друг от друга, хотя ещё мгновение назад стояли плечом к плечу, словно в плотном строю. — Первой группой команду я, второй — официал. — Комендант кивнул, указывая тем, кто не знал меня, на их нового командира. — Будем прикрывать фланги наёмников. Всё ясно?

Послышался неопределённый ропот, но вроде бы даже одобрительный. Стоять за спинами отступающих солдат, маясь от безделья во время битвы, мало кому улыбалось. Несмотря даже на чудовищную бойню, из которой нам только что посчастливилось выбраться живыми.

— Рота, слушай мою команду! — офицеры явно договорились между собой, и теперь приказы начал отдавать руководивший наёмниками лейтенант. — Строй тупая подкова! Фланги десять шагов назад!

И тут наёмники на моих глазах совершили, как мне казалось, невозможный манёвр. Под чудовищным натиском врага, продолжая крушить крыс тяжёлыми лезвиями своих алебард, они принялись перестраиваться. С такой невиданной чётностью, будто шагали по плацу, а не среди хаоса битвы с нечеловеческим, не знающим никакого порядка врагом. Фланговые

бойцы отступались спиной вперёд, сужая построение. Те же, кто остался на острие вражеской атаки, принялись с удвоенной силой работать алебардами — перед ними образовался настоящий завал из крысиных тел, по которому карабкались всё новые и новые враги.

Лейтенант же уверенно шагал за спинами своих людей. Он сменил офицерский протазан на здоровенный двуручный меч, и по тому, с какой лёгкостью им поигрывал, перекладывая с одного плеча на другое, видно было — это оружие ему очень привычно.

— Официал, вам это пригодится.

Видящая подтолкнула в мою сторону знакомый вещевой мешок с притороченным к нему кампеадорским мечом. И как я прежде не заметил его?

Я кивком поблагодарил её, легко забросил мешок за плечи и вскинул руку с палашом.

— Солдаты, слушай меня! — выкрикнул я, невольно стараясь подражать офицерам. — На врага, вперёд! За мной!

И первым ринулся на фланг загнувшегося подковой построения наёмников. Я точно знал, выделенные мне комендантом бойцы бегут следом. Несмотря ни на что!

Мы с разгона врзались в толпу крыс, обрушив на них скорее гнев и ненависть, нежели оружие. Как бы ни были мы вымотаны предыдущей схваткой, но каждый нашёл в себе силы хотя бы на один удар. А после ещё на один. И ещё один. И ещё. И ещё. И ещё.

Снова потянулась монотонная работа. Мы рубилиседающих на фланги наёмников крысолюдов. Схлынула волна гнева, битва стала для всех нас работой. Кровавой, жестокой, но работой. Рядом снова начали падать убитые товарищи, и некому было встать на их место.

Крыс в броне, вооружённый короткой алебардой, вылетел на меня из суматохи схватки. Стремительный удар едва не отправил меня на тот свет. Всё, что я успел сделать, закрыться скрещёнными палашом и гросмессером. Удар врага был столь силён, что оба клинка разлетелись, обломившись на полдюйма от рукояток. Меня же буквально швырнуло на колени, и это спасло мне жизнь. Алебарда на волосок разминулась с моей головой. Бронированный крыс замер на мгновение, выведенный из равновесия, и мне этого вполне хватило, чтобы вонзить обломок гросмессера ему в горло. Забулькав кровью, тварь завалилась на спину.

Отшвырнув бесполезный обломок палаша, я мельком пожалел о его потере. Отличное оружие, полученное после ордалии в Лугано, служило мне верой и правдой. Но всякому клинку, как и человеку, положен свой конец. Я быстро сдернул притороченный к вещевому мешку кампеадорский меч прямо с ножнами. Первый удар отбил прямо так, не обнажая клинка, пнул настырную крысу в морду подкованным сапогом, и лишь после этого сумел выхватить оружие. Чтобы сразу же вступить в новую схватку.

Клинок кампеадорского меча засиял латинскими буквами, прямо как в драке против молодого хозяина стаи стригоев. Благословение, заключённое в нём, сверкало и переливалось в ярких солнечных лучах. Я пожалел, что не обнажил его раньше. Крысолюды были чумными тварями, а именно против них и ковался этот клинок. Он рассекал тела тварей, почти не встречая сопротивления. Короткий, грязный мех их начинал тлеть стоило только сияющему клинку оказаться рядом. Кровь монстров кипела, разливаясь у моих ног зловонными чёрными лужами, исходящими дымом.

Я понимал, что находишься такой клинок в руках более опытного фехтовальщика, он мог бы им творить чудеса. Быть может, сумел бы в одиночку сильно потеснить крысолюдов, ведь те отвагой не отличаются, и встречая серьёзное сопротивление предпочитают разбежаться,

нежели драться до последней капли крови. Но и мне удалось хорошо поработать, оставив на нашем фланге отступающего отряда изрядное число порубленных крыс.

Гром над нашими головами прозвучал неожиданно. Конечно, я понимал, рано или поздно мы окажемся вне зоны обстрела пушек, и со стен, наконец, откроют огонь. Но монотонность схватки действовала оупляюще. Я работал длинным кампеадорским клинком, рассекая крысиные тела. За каждой удачной схваткой, длящейся не более десятка мгновений, следовала новая. На место каждого убитого врага вставал новый, и приходилось всё начинать сначала. А потому я как-то потерял связь с реальностью, полностью отдавшись неумолимому ритму боя, когда думаешь лишь о следующем враге, забывая, что может быть хоть что-то помимо этого бесконечного танца со смертью.

Пушки ударили слитным залпом, оглушив всех на поле боя. И мы, и крысолюды невольно замерли, опустив оружие. А над нашими головами растекалось здоровенное облако порохового дыма.

Я даже не сразу оценил масштаб урона, нанесённого врагу залпом со стены. Лишь когда от нашего строя отхлынула волна крысолюдов, смешав ряды и уносясь прочь с воплями ужаса, я разглядел сотни и сотни серых тел, скошенных ядрами. В считанные мгновения пушки уничтожили больше крысолюдов, чем мы с наёмниками за всё время нашей кровопролитной баталии.

— Вот они, плоды прогресса, — раздался рядом со мной усталый голос. — Этак скоро и солдаты нужны не будут, верно? Начнём палить из таких вот пушек друг по другу, засев в крепостях. Кто разнёс врагу стены да дома, тот и победил.

Я обернулся и увидел здоровяка Агирре. Баск говорил ни к кому вроде бы не обращаясь, но взгляд его из-под тяжёлых надбровных дуг был устремлён на меня. Увидев, что я заметил это, Агирре поспешил отвести глаза.

Пушки над нашими головами били без остановки, обрушивая на отступающих крыс всё новые и новые ядра. Однако те и не думали прекращать атаки. Даже под этим смертоносным ливнем крысолюды продолжали натиск. Они собирались толпами по несколько сотен, и даже когда в центр такой попадало ядро, расшвыривая тварей направо и налево, всё равно, их оставалось достаточно, чтобы кидаться на атаку.

Теперь мы прикрыли подъёмы на стены и в двери башен, не давая крысолюдам добраться до пушек. Стрелки палили из бойниц без команд, особо и не целясь, лишь бы поскорее всадить пулю или арбалетный болт в очередную тварь. А уж мишеней у них было предостаточно.

Мы рубились, не держа строя, сбившись в плотные группы. Наёмники побросали алебарды, взявшись за тяжёлые шпаги. Лишь в паре мест ещё оставались маленькие отряды, похожие на злобных ежей, ошестинившихся лезвиями алебард по все стороны и не подпускающими к себе врагов. Над головами у нас непрерывно рокотали пушки, выплёвывая во врагов тяжёлые чугунные шары.

Я видел, как один такой, скорее всего, случайно, сбил в прыжке ещё одну громадную крысу, что выпустили против нас. Ядро впечатало её в стену донжона, буквально размазав по его камням верхнюю часть твари. Здоровенная голова монстра упала куда-то в толпу крыс.

На нас натравили целую орду лысых, розоватых, отвратительных тварей. Немногим больше обычных крыс, они кидались нам под ноги, а их острые зубы легко прогрызали голенища сапог. Уверен, твари были ещё и заразными, и очень скоро многих из покусанных ими сможет спасти только ампутация. Нас атаковали небольшие, но дисциплинированные и

обученные драться до конца, отряды бронированных крыс. Их короткие алебарды обрушивались на нас с чудовищной силой — ни мечи, ни тяжёлые шпаги наёмников не могли им противостоять. В коротких, но кровопролитных схватках с такими крысами мы несли очень серьёзные потери, куда большие, нежели могли себе позволить.

Руки налились свинцом, всё тело отчаянно вопило, каждый мускул требовал отдыха. Но я не мог позволить себе расслабиться ни на мгновение, ибо враги были повсюду, с любой стороны меня могли атаковать во всякий миг. Я отвечал на удары, бил в ответ, держа меч обеими руками. Пытался увернуться от атак, но получалось далеко не всегда. Я получил несколько несерьёзных ранений, но кровь из них вытекала — медленно, но верно, потому что перевязать их было некому, да и некогда. А вместе с кровью вытекала и сама жизнь.

Зловещий бой колокола перекрыл все звуки на поле боя. Он заглушил даже канонаду, устроенную пушками на стенах. Звон его живо напомнил мне ночь нисхождения скорби, самую страшную ночь в моей жизни. Ночь, изменившую всё. Этот колокол бил Ultima Forsan для всех нас.

Я поднял голову, не без риска для жизни отвлекаясь от схватки, чтобы разглядеть его. Колокол катили на здоровенной шестиколёсной повозке, собранной, как мне показалось, из всякого хлама, что был под рукой. Он был подвешен на каменной арке, украшенной неизвестными символами, выложенными чумным камнем, светящимся отвратительным зеленоватым светом. Повозку тащили три крысы-переростка, четвёртая же непрерывно тянула на себя цепь, прикреплённую к механизму, заставляющему колокол мерно раскачиваться, исполняя роль звонаря. Впереди на платформе стояли двое крысолюдов в броне и с короткими алебардами. Они защищали средних размеров тварь, одетую в балахон, голову которой украшал костяной шлем, сделанный из черепа, украшенного бараньими рогами. В руках крысолюд сжимал короткий посох с навершием из человеческого черепа.

— А вот теперь конец нам пришёл, — выдавил сражавшийся рядом со мной Агирре. Его длинный меч был сломан в последней четверти клинка, но это ничуть не смущало баска. — Эта тварь прикончит всех нас.

Несколько ядер ударили в повозку, но не причинили ей особого вреда. Несмотря на такой вид, будто сейчас развалится, она оказалась весьма прочной. Ни одну из крыс по какой-то счастливой случайности не задело. А следом крысолюд в балахоне атаковал нас.

Громадная крыса с особой силой дёрнула цепь, колокол ударил особенно сильно, оглушая всех, тварь в балахоне вскинула жезл — и из глазниц черепа ударили две зеленоватые молнии. Они обрушились на нас, уничтожая и людей, и крыс, оставляя после себя лишь обугленные, исходящие зловонным дымом трупы.

Здоровенная крыса снова потянула цепь, колокол ударил ещё раз, казалось, даже громче прежнего, и молнии ударили с новой силой, оставляя целые просеки в наших рядах. И пускай крыс гибло даже больше, чем людей, но враг вполне мог позволить себе такие потери. Мы же, естественно, нет.

На третьем ударе колокола крысолюд в балахоне направил свой жезл на мой небольшой отряд. И тут произошло то, чему у меня ещё долго не будет объяснения. Кампеадорский меч в моих руках засиял ещё сильнее прежнего, обе молнии, вырвавшиеся из глазниц черепа на жезле твари, ударили прямо в него. Меня окутало зеленоватое свечение. Клинок сверкал в руках, подобно огненному мечу архангела Михаила. Тело моё переполняла сила — и она была очень далека от ангельской. Это была сила смертоносной заразы, сила чумы. Во мне просыпался тиран — чудовище вполне под стать Господину. С этой силой надо было что-то

делать, и быстро, покуда она не вырвалась из-под контроля, круша всё вокруг без разбора.

Я сделал единственное, что пришло мне в голову. Ринулся на врага. Сейчас меч в руках моих как будто и не весил ничего. Я легко размахивали им, убивая подчас двух, а когда и трёх крыс разом. Его сияющему клинку не могли противостоять прочные доспехи бронированных крыс — он рубил их словно бумагу. Я бежал к повозке с колоколом и крысолюдом в сером балахоне. Сейчас он был моей целью. Я должен прикончить его — и тогда сражению конец. Я был уверен в этом полностью — потерю такого полководца крысы не перенесут, разбегутся в ужасе.

Рядом в землю ударило ядро, расшвыряв крысолюдов, не успевших убраться с моего пути. Я рубанул наотмашь здоровенную крысу, одну из тех, что тащили повозку, и используя её как подставку легко запрыгнул на платформу. Пара бронированных крысолюдов попыталась остановить меня, но они продержались не больше мгновения. Один за другим полетели на землю — ни доспехи их, ни алебарды не могли помешать мне. Я прикончил их парой взмахов кампеадорского меча.

А следом пришёл черед крысы в сером балахоне. Я легко перерубил жезл с навершием из человеческого черепа и едва ли не надвое развалил тварь одним быстрым ударом. Она повалилась к моим ногам и сдохла едва ли не раньше, чем упала на криво сколоченные доски платформы.

И тут в чудовищную повозку врезались сразу несколько ядер. Пушкарей на стенах, видимо, вовсе не смутило то, что я ещё нахожусь там. Меня подбросило в воздух, вместе со здоровенной крысой, что была в колокол, и с такой силой ударило об землю, что просто дух из меня вон. А вместе с ним и сознание.

Я погрузился во тьму, и последней мыслью было: ну, наконец-то отдых...

Глава 7

Путешествие с комфортом

Уж в чём в чём, а в комфорте рыцарь воротничка понимал. Путешествовать в его карете было самым настоящим удовольствием. Даже когда не находилось постоянного двора, и Агирре со Скрипачом разбивали нашу небольшую палатку прямо у дороги, я предпочитал ночевать в карете. Первые дни дороги я вообще не вылезал из неё, просто потому что на ноги подняться не мог. Однако и когда самочувствие моё улучшилось, не спешил покидать тёплого уюта кареты. Тем более что и погода стояла не самая приятная, откровенно не располагающая к тому, чтобы проводить много времени на улице.

А вот Скрипач с Агирре как раз большую часть времени проводили на козлах. Баск правил, а стрелок сидел рядом со своим здоровенным арбалетом на коленях. Я отлично знал, как ловко Скрипач управляет с этой с виду довольно громоздкой штукой, и был уверен, что он способен отбить любое нападение на нашу карету. По крайней мере, сдержать первое время практически любую угрозу — будь то обычные грабители, какие частенько попадают в кантонских землях, или даже небольшая орда бродячих мертвецов.

Новообретённая сила клочкотала во мне, не давая спать. Она приглушила головную боль, но не избавила меня от неё. Я был вынужден глотать чёртову микстуру, хотя, Господь свидетель, от одной мысли о ней меня просто тошнило. Вот только выбора не было, либо так, либо выть от адской мигрени. Потому что боль вернулась немедленно, стоило мне только открыть глаза.

Я громко застонал — это был самый громкий звук, на какой я был способен в тот момент. И, наверное, самый осмысленный. Однако он привлёк внимание работавших в завалах людей. Их оказалось не слишком много — в основном это были бывшие заключённые рудника. Охрана и наёмники, служащие видящей, заняли пост у выхода шахты, который так и не удалось завалить до конца, несмотря на все старания.

Меня вытащили из-под остатков повозки, как смогли аккуратно уложили на импровизированные носилки и отнесли в госпитальную палатку. Внутри неё царила аура какой-то безнадёжности и смерти. Врач и фельдшеры, работавшие тут, уже давно с ног сбились, пытаясь спасти хоть кого-нибудь. От них за милю несло алхимическим стимулятором, и видно было, что уже не так хорошо помогает. Они едва держались на ногах.

Хуже других, как я вскоре узнал, приходилось единственному врачу. Тот заливал в себя стимулятор галлонами, чтобы не спать, фельдшеров же поделил на две смены, работавшие по двенадцать часов. Он давал им хоть сколько-то времени на сон и еду, а сам только знал, что работать, работать и работать.

— Легко вы отделались, официал, — сказал он мне, заканчивая накладывать тугую повязку на рёбра. — Тут и моего внимания не требовалось, любой из моих охламонов справился бы.

— Так и поручили бы меня кому-то из них, — ответил я, — на вас же лица нет, и на ногах вы едва держитесь.

— Вот и отдохнул, пока с вами поработал, — заявил он. — Да и видящая ни за что не согласилась бы, чтоб вами занимался фельдшер, а не патентованный врач, пускай и без диплома.

— Я не видел её, — попытался покрутить головой я, и это было очень большой ошибкой — боль тут же врезалась в виски, будто меня кузнечным молотом изнутри по черепу приложили. И от души так приложили, не экономя силу.

— Эй-эй, — тут же склонился надо мной патентованный врач без диплома. — Что это с вами? Вам дурно?

— Голова, — едва выдавил из себя я. — В мешке... микстура...

Врачу хватило одного взгляда, чтобы рядом оказался фельдшер, который быстро перетряхнул содержимое моего вещевого мешка. Тот, как оказалось, лежал у меня под койкой. Спустя минуту фельдшер протянул врачу бумажный пакет с пресловутой микстурой. Доктор раскрыл его, понюхал, лизнул палец и попробовал частичку белого порошка на вкус.

— Интересные вы микстуры принимаете от головной боли, — сказал он. — Однако, что ни говори, а средство эффективное.

Он кивнул фельдшеру, и тот принёс воду в бутылке и стакан. Врач сам, тщательно отмеряя пропорции, развёл мне микстуру и помог выпить гадостное лекарство, поддерживая голову, пока я судорожно глотал эту дрянь.

— А теперь вам не худо бы поспать, официал, — сказал врач.

— Вам тоже, — заявил я. — Я ведь отлично знаю, чем заканчивается передозировка той алхимической гадости, которой вы себя накачиваете.

— Сейчас мне не до последствий, — отмахнулся он. — Я должен спасать людей.

— Готовы пожертвовать всеми, кого сможете спасти в будущем, ради пары-тройки людей именно сегодня? — спросил у него я, но врач не ответил.

Он быстро отвернулся, сделав вид, будто не услышал меня, и направился к другой койке, где ждал его внимания очередной раненый.

— Все ему только это твердят, — буркнул больше себе под нос фельдшер, — а он знай своё повторяет: не могу, мол, и всё тут. Надо лечить, спасать здесь и сейчас.

Он тяжело вздохнул и отправился следом за врачом.

Дождь поливал так, что мы решили не покидать постоянного двора. Как бы ни надо было торопиться, но лучше пересидеть день в тепле и уюте, нежели застрять где-нибудь на дороге между кантонами и имперскими землями. Нас было слишком мало, чтобы вытащить довольно тяжёлую карету рыцаря воротничка из того месива, в которое превратилась дорога.

Мы сидели в главном зале постоянного двора, полупустого и скучного. Сам хозяин его расположился в углу с кружкой пива — далеко не первой в этот унылый вечер — и играл в кости с заросшими по самые глаза плотогонами. Судя по эмоциональным выкрикам, доносившимся из-за их стола, скоро у скучающего поблизости вышибалы прибавится работы.

— Слышь, официал, — пригнувшись поближе, обратился ко мне Агирре. От него несло местным пивом и в глазах плясали дурные черти, — а можно мне будет кулаки почесать, когда тут заваруха начнётся?

— Валяй, — разрешил я.

Хоть какое-то веселье. Пускай и сомнительное, конечно, но лучше уж так, чем и дальше тупо накачиваться пивом. Хоть его тут варили и вполне приличное, да только и хорошее пиво может в конце концов набить оскомину.

— Ты только не покалечь никого, — добавил я, — не хочется штрафы за тебя местным приставам платить. А если прикончишь, оставлю гнить в здешней яме.

— Ага, конечно, — хохотнул Агирре, чьё лицо вытянулось, сделавшись похожим на лошадиную морду больше обычного. Сходства добавляли и крепкие зубы, ничуть не пострадавшие во время заключения на руднике.

Агирре отлично понимал, что я блефую, потому и смеялся. Знал, что раз уж я вытащил его с того проклятого рудника, то и теперь не брошу. Но это не мешало мне всякий раз, когда он решал почесать кулаки о чью-нибудь физиономию, грозить ему.

Веселье, конечно же, началось неожиданно, хотя сразу видно было, что шито оно белыми нитками. Хозяина плотогоны поймали на шулерстве, и он, предупреждая их возмущённые крики, вскочил на ноги.

— Ты меня, честного человека, жуликом назвал! — заорал он, хватая ближайшего плотогона за бороду. — Да меня ж вся округа знает!

При этом вышибала как-то незаметно переместился ближе к столу и уже начал недвусмысленно разминать кулаки.

Остальные плотогоны тоже поднялись на ноги. Именно поднялись, никто не спешил, действовали они размеренно и с полной уверенностью в собственных силах. Сразу видно, что ребята это основательные и кулаками работать не дураки.

— Эй там! — рывкнул через плечо хозяин постоянного двора на вяло терзающих дудку и скрипку музыкантов. — Плясовую!

И те тут же нестройно, отчаянно фальшивя, зато вот уж точно от души грянули простецкую мелодию. Из тех, что обычно шпарят на танцах на ярмарку.

— Ну, я пошёл, — кивнул нам со Скрипачом Агирре, и поднялся из-за стола.

Вышибала схватил первого плотогона за волосы и с силой впечатал его лицом в стол. Хозяин же широко раскинул руки, словно приглашая к драке любого желающего. И среди плотогонов такие были.

— Пошла потеха, — вздохнул Скрипач, допивая пиво. — Теперь новой кружки не дождёмся.

— Особенно если Агирре тут всё разнесёт, — кивнул я.

Баск уже ринулся в самую гущу разгорающейся драки, впечатывая могучие кулаки в физиономии первых попавшихся. Ему было совершенно наплевать кто перед ним.

— Мне комендант рудника перед дракой рассказал о тебе, Скрипач, — решил я прояснить один мучавший меня вопрос. — Но я так и не понял, за что ты загремел туда?

— Сволочи одной кровь пустил, — буркнул тот, — а он возьми да и подохни. Но не скажу, что жалею об этом.

— Это я и так знаю, — решил настоять я, — мне подробности нужны.

— Да что там рассказывать, — отмахнулся Скрипач. — Взяли мы с одним — я его тогда товарищем считал, другом, можно сказать — полковую казну очень богатой банды ландскнехтов. Конечно же, решили ни с кем не делить эту добычу, тем более что нас сразу же распустили. А пришёл я в условленное место, и вместо денег получил дубинкой по башке, и ножик под рёбра для верности. Совсем этот, — Скрипач нецензурно выругался, — делиться не захотел. Всю дорогу мне вещал про жену свою и детишек, как он их обеспечит и как заживут они теперь. И не нашлось в этом его светлом будущем уголка для старины Скрипача. Да только оклемался я, не помер. Плюнул на всё да подался обратно в кантоны. Тогда же вот в ту историю с ведьмой влип — деньги-то нужны были. А после неё остался в Лугано, в гарнизоне у друга моего. Я ж там в большом почёте — с тобой знаком, как-никак, с самым спасителем и всё такое. Вроде как даже смирился, простил эту сволочь. После

узнал, что он в Пьяченце вместе со всей своей семьёй сгинул, даже свечку за помин души его жены и деток поставил. И тут он объявляется в Лугано. Живой и здоровый. С женой, детьми и приятелем, бывшим пистольером. Вот и не выдержал я. Встретил его случайно в кабаке, да там и оставил лежать на полу. Шесть или семь раз ножом для верности пырнул. Вот за это меня на рудник и отправили. Добро ещё дело замяли, приятель в стороне остался.

Мне отчего-то вспомнился отец семейства. Бывший наёмник с женой и детьми, которого я спас от нечистых на руку охранников, и с кем мы расстались в окружённом врагами соборе Сан-Антонио, что в Пьяченце. Неужели это был тот самый, кому Скрипач выпустил кишки? Воистину, судьба играет нами, тасуя карты не хуже опытного пизанского шулера. Если бы не слова Скрипача о приятеле-пистольере, я бы ещё мог подумать, что это совпадение. Но так всё слишком уж сходилось одно к одному.

От музыки или от шума драки, а может и от слов Скрипача, вернулась головная боль. Она давно не навещала меня, зато всё сильнее дёргали правую руку судороги от переполнявшей её нечистой силы. Иногда между пальцев проскакивали зеленоватые искорки, а татуировки до самой груди исчезли с моей кожи, словно их и не было там никогда.

Я высыпал остатки микстуры прямо в пиво и выпил кружку в несколько глубоких глотков. Это помогало быстрее справиться с проклятушей мигренью и хоть как-то примиряло меня с отвратительным вкусом лекарства. Правда, приходилось платить — на утро я далеко не сразу понимал, на каком свете нахожусь. Зато и боль долго не возвращалась.

Пальцы свело очередной судорогой, так что разжать их, чтобы поставить кружку на стол, оказалось не так просто. Я заметил, что ногти мои медленно, но верно наливаются чернотой. Каким-то образом, полученная от крысиного шамана — или кем была та тварь в балахоне — сила изменяла меня, окончательно превращая в тирана. Надеюсь, что успею добраться до Лукки вовремя, и у инквизитора Лафрамбуаза найдётся для меня лекарство не столь радикальное, как костёр. Хотя насчёт последнего у меня были сильные сомнения.

Я сжал руку в кулак, чтобы погасить судороги и не видеть чернеющих ногтей.

Лицо видящей не сулило мне ничего хорошего. Она глядела на меня как на врага всю дорогу, и явно не собиралась менять своего мнения, несмотря ни на что. Что ж, ещё можно понять. Как ни крути, а я — опасное порождение чумы, враг всего живого, и то, что служу церкви, для видящей не значит совершенно ничего. В кантонах не признают власти Авиньона, хотя и мирятся с такими организациями как инквизиция — просто потому, что вынуждены делать это. Теократа Константина II слишком многие почитают наследником Римских пап, а следовательно, почти наместником Господа на земле. Да и рвать отношения с Авиньоном кантонам вовсе не с руки, ведь их земли почти со всех сторон окружены имперскими. Ссориться с таким соседом всегда себе дороже.

В свой единственный визит в госпитальную палатку видящая глядела на меня совсем уж волком. Нос её слегка подёргивался, а выражение отвращения она даже и не думала скрывать.

— Твоя... — начала она, но не смогла подобрать верного слова, и решила начать сначала: — Ты превращаешься. Тебя разъедает изнутри. В тебе всё меньше от человека. И с каждым днём...

— Я отлично знаю, — перебил её я. Не слишком-то вежливо, но мне совсем не хотелось выслушивать очевидные для меня вещи, да ещё и высказанные подобным тоном.

Я через голову стянул рубаху, демонстрируя видящей свой покрытый татуировками торс. Вот только на правой руке почти до середины предплечья от них не осталось и следа, как будто кожи не касались иглы художника по телу.

— Ещё вчера татуировки начинались от запястья, как на левой руке, — пояснил я, хотя, думаю, она и сама отлично всё понимала.

— Гляжу, кольцо официала ты снял, — заметила она.

— Надевал на левую руку и даже попросил капеллана твоего отряда освятить немного воды, чтобы проверить. Всё хорошо, но на правую надеть его не рискнул.

— Когда это доберётся до сердца... — Она снова запнулась, но продолжила: — Лучше бы тебе умереть раньше.

И тут я был с ней полностью согласен.

— Это было предложение, — неожиданно заявила она. — Я могу сделать всё быстро — не в первый раз.

Кажется, ей пришлось едва ли не через себя переступить, чтобы сделать мне это предложение. Несмотря на скверное отношение к видящей, я оценил её поступок.

— Вынужден отказаться, — покачал головой я. — У меня ещё слишком много дел осталось.

Она буркнула себе под нос нечто вроде: «Если бы только он не запретил»; и резко развернувшись, вышла из палатки.

Теперь придётся спать вполглаза. Видящая — женщина, как ни крути, решительная, и вполне может решиться прикончить меня, несмотря на запрет неизвестного мне человека. Хотя были у меня кое-какие подозрения на этот счёт, да только от этого становилось только хуже.

Погода, наконец, исправилась и мы несколько суток ехали почти без остановок, нагоняя потерянное во время распутицы время. Однако лошадям всё же требовался отдых. Пускай поначалу они только радовались быстрой рыси, которой их пустили — застоялись животные, их крепкие тела требовали бега, работы мускулов, но и загонять их не следовало. Бросать карету и отправляться дальше пешком в мои планы не входило точно, а почтовых станций, где мы могли бы сменить лошадей, на пути не предвиделось.

Я решил, что и этот вечер проводить в карете как-то глупо, и уселся рядом со Скрипачом. Они с Агирре давно уже соорудили костёр, и теперь стрелок колдовал над котелком, готовя привычную похлёбку из крупы и сушёного мяса.

— А куда баск делся? — удивился я, не увидев у костра Агирре.

— В лес подался, — ответил Скрипач. — Он что ни вечер, то до темноты пропадает, но всякий раз возвращается.

Это стало для меня новостью. Конечно, захоти, оба давно покинули бы меня, да ещё и оставив без денег и вещей. Когда мы отправлялись в путешествие, я уже не пребывал между жизнью и смертью, но всё равно был слишком слаб, чтобы нормально заботиться о себе. Что уж говорить, меня до кустов сопровождал Стрелок со своим арбалетом, ведь я бы не отбился и от самого завалящего мертвеца.

— И зачем он туда ходит, не сказал? — спросил я, хоть вопросительных интонаций в моём голосе было немного.

— Я не спрашивал, — пожал плечами Скрипач. — Останавливать не стал в своё время, а потом, когда он вернулся, как-то глупо было.

Наверное, Скрипач просто не ожидал, что баск вернётся. Я бы на его месте тоже сильно удивился, уйди тот вечером первого же дня путешествия, но вернись с темнотой. Может быть, Скрипач и не любопытен, но я уж точно не удержусь от расспросов.

Агирре пришёл через полчаса после заката. Не знаю уж, как он ориентировался в лесу, где давно уже царила непроглядная темень. Однако шагал он вполне уверенно, и уселся у костра, тут же выудив из своего мешка миску с ложкой.

— Гляжу, ты начал из кареты выбираться, — с набитым ртом проговорил баск, — это добрый знак.

— Да вот засиделся что-то, — кивнул я. — Думаю, тебе компанию составить в прогулках по лесу, а то ноги затекли совсем.

Агирре даже жевать перестал и уставился на меня из-под тяжёлых надбровных дуг, но быстро взял себя в руки. Он запил кашу разбавленным пивом, прежде чем заговорить.

— Не стоит, — сказал он. — Вряд ли ты сумеешь вернуться из такой вот прогулки. — И тут же, предупреждая мои вопросы, продолжил: — Волки не примут тебя, даже если я буду рядом. Они чувствуют чужаков, и стараются прикончить их как можно скорее. Так что даже мне не удастся тебя спасти от них.

— И что же тебе надо от волков в лесу? — удивился я ещё сильнее.

— Я — волчий брат, — ответил Агирре, — и нужен тебе именно в этой роли, верно? Вот я и решил, что лучше сразу найти пару-тройку одиночников, чтобы когда они будут нужны, не пришлось время терять.

— Одиночников?

— Терпеть не могу, когда говорят волк-одиночка, — пояснил он. — Я зову их одиночками. Сейчас их ещё можно найти. Весна, стаи распадаются, но не все самцы могут найти себе волчицу, чтобы завести с ней щенят. Вот такие-то мне и нужны, одиночники. С ними можно договориться, особенно если найти молодых. Тех, кто кроме стаи и не видал ничего в жизни. Они ищут вожака, более сильного и умного волка, вроде тех, кто не давал им сгинуть зимой.

— И этим вожаком для них становишься ты, — кивнул я. — Ловко, ничего не скажешь. Многих удалось завербовать?

— Один есть, но пока я его сюда не тащу, пускай привыкнет доверять мне больше чем себе.

— Верное решение, — снова кивнул я. — А вот скажи ещё, почему ты не ушёл сразу? Ведь Скрипач не стал останавливать тебя.

— Думал я, конечно, в бега податься, — не стал кривить душой Агирре, — да только быстро понял, что глупо это. Я ж как ни крути, а клеймённый каторжник. Увидят мою руку — и много где сразу конец настанет. Тут и со шрамом на плече долго не прогуляешь, дураков нет, все знают, что он значит. Так что, выходит, с тобой мне по пути. И жив буду, а может и перепадёт чего. Ты ведь тоже, сразу видно, из нашего брата, а в официалы выбился. Выходит, и у меня шанс есть.

— Из какого-такого «нашего брата» по-твоему я?

— Да уж не из благородных, сразу видно, — хохотнул Агирре. — На фанатика тоже не похож. Наёмник ты или ещё кто похуже был прежде. И в инквизицию попал вряд ли по своей воле, а ведь в люди выбился. Выходит, и у меня шанс есть, — повторил он.

— Шанс есть у каждого, — кивнул я, — надо только уметь им воспользоваться верно.

Агирре кивнул в ответ и принялся молча доедать похлёбку.

Они стояли передо мной. Два человека, по чью душу я приехал в это Господом забытое место. Обоим посчастливилось пережить безумную битву, и отлично видно было, чего это им стоило. Скрипач выглядел сильно осунувшимся, хотя это всё ещё был тот же крепыш невысокого роста, крепко держащий в руках свой громоздкий арбалет. Нос у него, и без того не раз перебитый, явно снова пострадал в недавнем сражении с крысолюдами, а на правой ноге под распоротой штаниной виднелись сероватые бинты. Перевязочного материала не хватало, и потому ткань, пущенную для этого дела, снимали с выздоровевших и с умерших, кипятили, сушили и использовали снова. Обыкновенная, впрочем, практика — даже на факториях поступали так же, когда из рейда возвращалось несколько сильно потрепанных групп или же в лавки и госпитали долго не завозили ничего. Помню, в начале карьеры рейдера я и сам оказался в такой ситуации, когда из-за конфликта двух городов на факторию, где я промышлял в составе рейдерской группы, лишь мечтая, что когда-нибудь возглавлю собственную, почти полгода не завозили ничего. Ни провизии, ни каких-либо товаров в бакалейные лавки, ни, конечно же, перевязку и лекарства в госпиталь. Из-за этого фактория почти вымерла, ибо никому не хотелось ходить в рейды, всё золото после которых уходило на пару новых сапог или лечение от ран.

Агирре досталось куда крепче, но он по привычке держался с показной весёлостью. Его как будто не смущала даже левая рука, затянута в деревянную шину и подвязанная куском обычной верёвки. На лице баска красовалось несколько хороших синяков и ссадин, отчего он стал ещё уродливей, однако крупные зубы, которые он по привычке скалил в фальшивой улыбке, все были на месте.

— Всякий раз как мы встречаемся, — заявил он, — ты едва на ногах держишься. Традиция прямо.

— Вроде того, — кивнул я.

И в самом деле, не так и давно я смог нормально встать с койки, вместо того, чтобы сползть с неё, задыхаясь и исходя липким потом.

— Вы теперь свободные люди, — сказал им обоим я, — и можете идти, куда душе угодно. За проявленную при обороне рудника доблесть, со всех, кто сражался здесь, сняты обвинения. Вы кровью своей заплатили за второй шанс.

— Но нас ты решил прибрать к рукам, — заявил Агирре, — по старой дружбе.

— Вы оба свободны, — повторил я, — и я хочу, чтобы вы пошли со мной по собственной воле. Тем более что принудить вас я ни к чему не могу. Ты верно подметил, Агирре, я едва на ногах держусь.

— Ну, это может сделать твоя подружка, — хохотнул Агирре.

— Если ты о видящей, то нам с ней не по пути, — покачал головой я. — То, что она отдала мне карету, ещё ничего не значит, уж поверь мне.

— Выходит, поедем с комфортом? — поинтересовался у меня Скрипач. — Мне это по душе.

— Да, а я что? Я — ничего, — снова хохотнул Агирре. — Я вовсе не прочь прокатиться с тобой до Лукки. Ну, а там уж — будь что будет. Хуже, чем тут, уж всяко мне вряд ли придётся.

— Тем лучше, — кивнул я. — Идёмте, поглядим на наш экипаж.

Карета рыцаря воротничка оказалась не только удобной, но и весьма прочной. Вот уже

вторая пуля врезалась в её заднюю стенку, не причиняя ей особого ущерба. С обратной стороны её появилась ещё одна выпуклость, но не более того.

Я высунулся из кареты, оценивая наших врагов. Пятеро конных налётчиков, судя по свободной одежде непривычного покроя, лёгким кольчугам и шапкам с высокими тульями, это были страдиоты,^[21] решившие заняться разбоем. Они уверенно держались в сёдлах, как будто родились в них, но это было свойство всех восточных народов, ловко управлялись со своими длинными пиками, а двое умудрялись палить по карете из пистолетов, перезаряжая их на полном скаку. Их воинское искусство вызывало невольное уважение, вот только направлено оно было против нас. Налётчики вопили дурными голосами, подбадривая себя и коней, и стремительно сокращали дистанцию.

Распахнув дверцу кареты, я уверенно ступил на подножку, зависнув в прямом смысле между небом и землёй, и почти не целясь, выстрелил в ближайшего налётчика. Выстрел оказался удачным — усатый всадник, уже опускавший для атаки свою пику с ярким флажком, откинулся в седле, в разные стороны полетели звенья его кольчуги, разорванной моей пулей на груди. Конь его замедлил бег, всадник выпал из седла и теперь всё медленней волочился по дорожной грязи.

Мне тут же пришлось прятаться обратно — оба стрелка не теряли ни секунды, выстрелив в меня чуть ли не одновременно. Пули просвистели в опасной близости от моей головы. Я едва успел нырнуть в карету и захлопнуть за собой дверцу. Тут же принялся лихорадочно перезаряжать пистолет.

Звук спущенной тетивы мощного арбалета Скрипача был слышен даже внутри кареты, несмотря на громкий стук копыт и гиканье налётчиков. Почти сразу за ним последовал короткий, бьющий по ушам хлопок взрыва. Болт, заряженный нашим стрелком, был начинён какой-то алхимической взрывчаткой. Я рискнул высунуться, чтобы оценить последствия, и меня передёрнуло от увиденного, хотя я считал себя человеком бывалым.

Два коня вместе с всадниками превратились в единое кровавое месиво, медленно растекающееся по дорожной грязи. Из него торчали переломанные кости и конечности, делая похожим на чудовищную многоножку, и что самое жуткое — всё это ещё спазматически подёргивалось, как будто там внутри этого дымящегося месива теплились какие-то остатки жизни.

Оставшиеся двое налётчиков только прищипорили своих скакунов. Теперь ими, скорее всего, двигала не жажда наживы, а уже жажда мести. И ясно было, они не отступят, как бы разумно это ни было.

Один из них ловко перехватил свою лёгкую пику и швырнул её в карету. Она угодила точно в ось заднего колеса, сломалась, конечно, но наконечник застрял в ней, не давая колесу нормально крутиться. Теперь карета подпрыгивала, и править ей стало почти невозможно. Пока едем прямо ещё ничего, а вот первый же поворот явно станет для нашего экипажа серьёзным испытанием. И что-то мне подсказывало, что тяжёлая карета его вряд ли пройдёт.

Я снова высунулся из кареты, распахнув дверцу, и утвердил ногу на подножке, стараясь не думать, что экипаж наш может перевернуться в любую секунду. Налётчик, кинувший пику, успел выхватить кривую саблю и тут же замахнулся ею. Я опередил его на считанные секунды, выстрелил прямо в перекошенное гневом лицо. Оно буквально расцвело передо мной красным. Всадник схватился за него обеими руками, выронив оружие, и скрючился в седле. Из-под пальцев его обильно лилась кровь.

Оставшийся последним налётчик тут же пришпорил своего скакуна. Он помчался в атаку на меня, опустив копьё для атаки. Я попытался нырнуть обратно в карету, но не успел. Та подпрыгнула на каком-то особенно крупном ухабе, повреждённая копьём рессора не смогла нормально погасить этот рывок, и я не удержался. Вылетев с подножки, я на несколько мгновений завис между небом и землёй, пролетел несколько футов и плюхнулся в кювет.

Наверное, только это и спасло мне жизнь. Я проехался по ледяной грязи, но она смягчила падение. Голова от удара о землю, пускай и не очень сильного, взорвалась изнутри болью, о которой я начал было забывать. Я сумел подняться на ноги, пожалев, что не прихватил с собой у наёмников короткого меча или гросмессера, вроде того, какой был у меня прежде. Я старался не расставаться с ним, всё время таская пристёгнутым к оружейному поясу.

Налётчик остановился на краю дороги, поигрывая длинным копьём. Нас разделяли не больше десятка ярдов, но чтобы атаковать, ему пришлось бы пустить коня вниз, в кювет с отвратительно скользким склоном. И делать это всадник не спешил, прикидывая как бы лучше прикончить меня с такого расстояния.

Вылетевшая из леса за моей спиной серая тень промелькнула в воздухе, рванувшись к всаднику. Она одним прыжком преодолела кювет, а вторым бросилась прямо на него. Выбив налётчика из седла, крупный волк — а тень оказалась именно им — встал ему лапами на грудь и принялся рвать кольчугу на горле. Во все стороны полетели обрывки стальной проволоки, из которой та была сплетена, и не прошло и десятка секунд, как налётчик дико закричал от боли. Волчьи челюсти добрались до его горла. Пасть серого зверя окрасилась кровью.

Агирре со Скрипачом глядели на роскошную карету рыцаря воротничка с откровенным сомнением.

— Хорошая штука, конечно, — кивнул баск, — да только нам бы что попроще. На таких же только богачи путешествуют.

— Ага, — поддержал его Скрипач, — она ж что твой магнит для всякого отребья будет. Тут нужен сильный отряд для защиты, иначе нас точно прикончат, не успеем и десяти миль проехать.

Агирре покивал с важным видом, признавая его правоту.

— Если вы не заметили, мы не на почтовой станции, чтобы перебирать, — ответил им я. — Ехать верхом я не могу, так что придётся довольствоваться тем, что есть. Да и могу сказать по личному опыту передвижения в этой карете, она очень удобна.

Скрипач забрался под неё и теперь гремел и стучал где-то под днищем.

— Очень хороша, тут не поспоришь, — вынес он вердикт. — На стальных рессорах. Да таких, что из них можно рёбра для арбалета делать.

— Слишком хороша, — всё же добавил свои полфартинга Агирре. — Резьба эта, фигурки, украшения. Надо над ней поработать, прежде чем отправляться в дорогу.

— Думаю, у видящей сердце разорвётся, если она узнает, что мы надругались над каретой рыцаря воротничка, — покачал головой я.

— Не повод, — отмахнулся Агирре. — Ему она уже без надобности, так что имеем право делать с ней, что захотим.

Он вынул из деревянного ящика с инструментами, который притащил откуда-то

Скрипач, зубило и молоток и направился к карете с самым решительным видом.

— Что этот варвар себе позволяет?! — раздался из-за наших спин злой женский голос, мне и оборачиваться не надо было, чтобы понять, кто это говорил. — Официал, вам, конечно, любезно предоставили карету, но это вовсе не значит, что её можно уродовать самым варварским образом.

Агирре в это время делал вид, что как истинный дикарь не понимает *linqua franca*, и примеривался к украшениям кареты зубилом.

Я же обернулся и подошёл к стоявшей рядом с нами видящей.

— Скажите, — глянул я ей в глаза, — кем он вам приходился? Рыцарь воротничка? Для ручной видящей вы относитесь к нему слишком тепло.

— Да как вы смеете, — отвернулась она. — Не смотрите на меня — в вашем взгляде полно чумной скверны.

Она была полностью права. Теперь даже обычный человек, не одарённый её способностями, мог почувствовать в моём взгляде силу, враждебную самой человеческой природе.

— И всё же? — решил настоять я.

За моей спиной раздались первые удары молотка и треск дерева. Видящая скривилась, будто от зубной боли, услышав эти звуки.

— Он был моим отцом, — сказала она, наконец. — Я его незаконнорожденная дочь, байстрючка, но он признал меня. Может, из-за таланта, так я считала поначалу. Но он был добр ко мне... А теперь его нет.

— Карета только лишняя память, — сказал ей я. — Так что может оно и к лучшему, что мы её сейчас курочим.

Она ничего не сказала в ответ, просто молча ушла, не прощаясь.

Карета рыцаря воротничка представляла собой удручающее зрелище. Лежит на боку, словно убитое крупное животное, вроде лося, с издевательски вращающимся задним колесом. Оно единственное уцелело после крушения кареты и продолжало вращаться, хотя времени с того момента, как наш экипаж перевернулся, прошло не меньше пяти минут.

— А ведь хорошее колесо, — задумчиво глядя на экипаж, произнёс Агирре, — до самой Лукки бы доехало.

— На одном колесе мы уже никуда не уедем, — заявил я. — Давайте выгружать вещи из кареты, придётся дальше шагать пешком.

Как я и думал, карета перевернулась на первом же повороте, подвело повреждённое метким броском пики колесо, оказавшееся не столь прочным, как то, что всё ещё вращалось. Из лошадей, запряжённых в карету, осталась на ногах лишь одна, остальных пришлось пристрелить из христианского милосердия — с переломанными ногами им уже точно не жить. Никогда не забуду страшного, почти человеческого крика несчастных животных, связанных обрывками упряжи, не могущих встать на сломанные ноги. Их добивал из арбалета Скрипач, мой пистолет после падения в грязь придётся перебирать, чистить и смазывать, прежде чем я рискну выстрелить из него снова.

— А зачем пешком топать? — удивился Агирре. — Мой серый приятель вполне может пригнать сюда бандитских коней, те далеко ведь разбрестись не могли. Припасы же погрузим на выючную лошадь.

О таком развитии событий я даже как-то не подумал, а потому сразу же согласно

кивнул.

— Валяй, — сказал я баску, — и передай своему волку мою самую искреннюю благодарность.

— Его ждёт сегодня роскошная трапеза, — махнул рукой тот в сторону валяющихся на дороге мёртвых лошадей.

— А ты дорогу-то вытянешь? — спросил у меня Скрипач, с сомнением поглядывая на мою бледную физиономию. Конечно, я не выглядел так, будто сейчас с ног свалюсь, однако самочувствие моё оставляло желать много лучшего. — До Лукки ведь путь неблизкий.

— Я знаю не хуже твоего, Скрипач, — заверил его я, — но выбора у меня нет. Не могу же я отправить вас вперёд, а сам догонять пешком. Придётся вытянуть эту чёртову дорогу верхом.

— Ну, тогда Господь нам в помощь, — кивнул Скрипач.

На сборы не ушло много времени. Несколько дольше провозились с лошадьми, которых, как и обещал Агирре, пригнал его теперь уже почти ручной волк. Зверь гонял бандитских скакунов по одному, ловко покусывая за ноги, когда те пытались рысить не туда, куда нужно. И в общем, отлично справлялся с ролью пастушьей собаки.

Пока Скрипач занимался тем, что чистил и обихаживал напуганных коней, мы с Агирре не побрезговали заглянуть в седельные сумки погибших разбойников. Но там ничего особо интересного или ценного не нашлось. Я видел, как баск ловко перекидывает найденные деньги себе, но предпочёл не обращать на это внимания.

— Со Скрипачом не забудь их поделить, — сказал ему только, — по-честному.

— А ты не в доле? — удивился баск.

— Я на жаловании, — отмахнулся я, — так что трофеи все ваши.

— Ну, хоть пистоль возьми, — протянул мне Агирре отличное, явно изготовленное где-то в Восточной Европе оружие. — Крымский, как пить дать! Там любят всякие картинки на пистолеты с мушкетами лепить. Кораллы там и прочую дребедень. Но стреляют они отменно, уж можешь мне поверить.

— Я знаю, что огнестрельное оружие, сделанное в Крымском султанате, очень хорошего качества, — кивнул я, принимая оружие и внимательно осматривая его.

И в самом деле, украшен пистолет был чересчур вычурно: воронёный ствол, с травлёным затейливым рисунком и парой коралловых вставок, зачернённое дерево ложа и рукоятки, посеребренный замок. Я присмотрелся к замку и обнаружил на его правой щёчке небольшую готическую литеру «Т», выходит, он произведён в Тевтонии, а значит надёжней его найти сложно. Тамошние замки продавали по всему христианскому — и не только — миру ганзейские купцы, сдирая за них просто неприличные деньги. Вот только тевтонские замки стоили каждого потраченного на них золотого, ведь они почти никогда не подводили, очень редко давая осечки. А что может быть важнее.

— Будет хорошей парой моему, — добавил я, забрав пистолет вместе с ольстрой.

Теперь нет нужды перебирать тот, что уронил в грязь, мне и этого хватит с лихвой. А то ведь даже не помню, куда пропал мой прежний второй пистолет, что я получил от инквизитора Дижона. Я не стал забирать его из своих вещей, когда отправлялся на рудник в первый раз, а после он куда-то делся в неразберихе, и я про него так и позабыл. Хотя хорошее было оружие, надёжное.

Мы отправились в путь вечером того же дня, правда проехали не слишком долго. Через пару часов пришлось останавливаться и разбивать лагерь, пока солнце не село. Нам просто

не хотелось ночевать поблизости от места схватки, где осталось слишком много трупов людей и лошадей.

Ну а после потянулось длинное и чертовски утомительное путешествие. От тряски голова моя раскалывалась, и к концу дня казалось, что она готова взорваться изнутри. Микстуры не осталось совсем, так что мне приходилось лишь терпеть, сжимая зубы крепче. Особенно сильно набрасывалась она на меня, когда я пытался уснуть, и потому ночами я больше вертелся, стараясь найти такое положение, чтобы хоть немного усмирить проклятую мигрень. Поэтому в седле я обычно дремал или клевал носом, и Скрипачу с Агирре приходилось следить, чтобы я не упал.

Ночёвки в лесу сменялись почтовыми станциями или постоянными дворами, где мы меняли лошадей и покупали провизию. Чем дальше на юг, тем больше их было, и наше путешествие можно было бы назвать даже комфортным. Всё реже приходилось ставить палатку, чтобы заночевать у дороги, всё чаще мы спали на кроватях, пускай с клопами и не самыми свежими одеялами. Однако всяко лучше, чем на земле.

Всё бы ничего, но с каждым днём мне становилось всё хуже. Иногда я находил в себе силы, чтобы держаться нормально, или мне так, по крайней мере, казалось, но чаще даже на такую иллюзию их не оставалось. Агирре со Скрипачом помогали мне забраться в седло и слезть с лошади. Они ничего не говорили, но по взглядам, которыми обменивалась эта парочка, мне всё было ясно. Быть может, меня ещё не похоронили, но уже точно списали со всех счетов. И не могу сказать, что они были так уж далеки от истины.

Меня убивала мигрень, рождённая скачкой, не дающая нормально спать. Я уже начал накачиваться крепким спиртным на каждой почтовой станции или постоялом дворе, и Агирре с удовольствием составлял мне компанию. Только это давало мне пару часов сна, правда, не несущего особого отдохновения, но всё же, хоть что-то. Внутри бурлила сила, полученная в бою на руднике. Сила, чуждая всему человеческому. Она разрушала меня изнутри, разъедаая подобно кислоте. Татуировки медленно, но верно исчезали с кожи, ногти почернели, под глазами залегли тёмные круги. Уверен, что вскоре я побледнею, и меня уже не отличишь от нечистого.

Не раз и не два я малодушно думал о том, что стоило принять предложение видящей. Избавила бы меня от мучений. Но я всякий раз отметал эту идею о натуральном самоубийстве, а это было бы именно оно — в какие бы одежды, вроде милосердия, оно не рядилось.

Путешествие наше не было совсем уж гладким. Пару раз нам пришлось быстрым галопом удирать от толп бродячих мертвецов. Мы пересидели на постоялом дворе осаду, что устроила стая стригоев, возглавляемая старым, но удивительно крепким хозяином, сумевшим набрать себе несколько сотен опасных тварей. Лишь отряд бездушных с находившейся по счастью неподалёку заставы сумел прикончить его и перебить стаю.

Неподалёку же от Лукки мы столкнулись с жуткой тварью, напоминающей сильно изменённого чумой медведя. Она устроила себе логово рядом с дорогой и лакомила путниками. Мы чем-то приглянулись ей, и она решила закусить нами, выскочив с вовсе не свойственной такой громадной туше ловкостью. Мы пришпорили коней. Даже мигрень моя и похмелье отступили, уступая древнейшему инстинкту из движущих человеком — инстинкту самосохранения.

Мы мчались галопом, лошади храпели от страха, неслись сами вперёд изо всех сил, понукать их не приходилось. Однако тварь и не думала отставать и, в отличие от наших

животных, усталость ей, похоже, ведома не была. И тогда я принял единственно верное, хоть и жестокое решение. Выхватив кривой, заточенный до бритвенной остроты нож, я полоснул им по верёвке, за которую к седлу моего скакуна была привязана наша выючная лошадь. Монстр вполне удовлетворился таким подношением, прыгнув на отставшую вскоре животину, которая не могла потягаться в прыти с верховыми. Он разорвал ей горло и принялся вырывать куски мяса из ещё живой лошади. Однако это дало нам время убраться подальше.

То ли чудищу хватило одной лошади, то ли мы покинули его охотничьи угодья, однако преследовать оно нас не стало. Мы сообщили о нём на первой же почтовой станции, и там нам сказали, что путники уже пропадали тут прежде, но мы первые, кто пережил встречу с монстром. Раньше думали, что это или разбойники шалят или бродячие мертвецы, мало ли из-за чего могут люди на дорогах пропадать. Теперь же чудовищем займутся бездушные, которым тут же отправили весть.

В Лукку мы прибыли уже под вечер особенно тёплого дня. Меня откровенно хорошая погода не радовала, напоминая о том, что до Троицы остаётся всё меньше времени.

У ворот стояла длинная очередь из желающих войти в город до заката, когда их закроют и придётся ночевать за стенами. Законы строги и обойти их можно за очень серьёзные деньги. Однако мы успели до закрытия ворот войти в город, да только ничего хорошего это нам не принесло.

Не знаю уж, из-за чего случилась усиленная проверка всех входящих, наверное, из-за непрекращающейся войны в окрестностях Пьяченцы. Не раз за время путешествия нам приходилось слышать новости о самой настоящей военной кампании против мертвецов и их хозяев. Хуже того, я едва сидел в седле, наверное, близость цели окончательно вынула из меня стержень, заставляющий держать спину прямо, а голову поднятой. Боль рвала голову изнутри, отзываясь на каждый шаг лошади. Чуждая всему человеческому сила бушевала в теле, то и дело от неё судорогой сводило мускулы на руках, заставляя меня сжимать кулаки, чтобы хоть как-то умерить дрожь.

Едва мы проехали через ворота, как к нам подошли двое монахов с чёрными свечами. Я уже знал, что сейчас произойдёт, а потому сходу протянул им серебряное кольцо официала и прохрипел прямо в прикрытые капюшонами лица.

— Прелат Лафрамбуаз... Поставьте в известность прелата Лафрамбуаза...

И упал с седла прямо на руки опешившим монахам, которые и думать забыли о горящих мертвенно-бледным огнём свечах. Однако опомнились они очень быстро, потому что когда сознание окончательно покинуло меня, последним что я слышал, был тяжёлый топот подкованных сапог.

Глава 8

Поцелуй смерти

Очнулся я, лежа в чистой постели. На отутюженных простынях, с мягкой периной и подушкой, от которой не хотелось отрывать голову. Признаться, от подобной роскоши я успел отвыкнуть давно и очень прочно. Да что там, у меня просто не было возможности привыкнуть к чему-то в этом роде. Ни в прежней жизни, ещё до чумы, ни после — на многочисленных факториях, где деньги мы предпочитали спускать на оружие и снаряжение, а что оставалось — на продажных женщин и более-менее приличное вино. А уж о путешествии в Шварцвальд и обратно и говорить не приходится.

Я не спешил подниматься на ноги, хотя солнце было уже высоко. Пошевелившись под чистыми простынями, я понял, что наг, как при рождении, да к тому же меня ещё и вымыть успели. Я был только рад расстаться с одеждой, которую не менял довольно давно, и вовсе не завидовал тем, кто стягивал с меня башмаки и рваные чулки.

Удивительно, но голова совсем не болела, хотя уверен: стоит пошевелиться и боль накинется на меня с новой силой, как будто мстя за то время, что я провёл в покое. А потому я откинулся на мягкой подушке, так, чтобы луч солнца, пробивающийся сквозь ставни, не слепил глаз, и попытался задремать.

Я погрузился в сладостную дрёму — не полноценный сон, а так, пограничное состояние, когда не понимаешь толком на каком ты свете. Очень похожие ощущения бывали у меня после выкуренного кальяна с восточными травами, или что они там кладут в него вместе с табаком или вовсе вместо него. Ещё недостаточно для сонных грёз Морфея, но уже вполне довольно, чтобы отключиться от суетных забот.

Конечно же, наслаждаться этим состоянием пришлось недолго. Хотя я точно не знаю, сколько так пролежал, но не думаю, что много времени прошло с тех пор, как я открыл глаза. Дверь отворилась почти без скрипа, и я уставился на вошедшего в комнату прелата Лафрамбуаза.

Только в этот момент я осознал, что вовсе не интересовался комнатой, где нашёл себя. Никакого любопытства по этому поводу я не испытывал, хотя стоило бы, наверное. Видимо, подспудно я боялся делать малейшие движения головой, а вдруг боль вернётся.

Однако увидев прелата, тут же попытался подняться, но он остановил меня движением руки.

— Не стоит, Рейнар, — сказал он. — Не прилагай тщетных усилий. Врач, занимавшийся тобой, говорит, что ещё неделю ты не сможешь встать на ноги.

Ну, снова — здорово! Ещё неделю на койке. Конечно, она поприличней той, что мне выделили на постоялом дворе, да только какая разница, где время терять.

— Доклад моих людей в окружении вильдграфа Шварцвальда волею судеб опередил тебя, — продолжил Лафрамбуаз, присаживаясь рядом с моей кроватью на простой табурет, — так что мне известно о твоём вкладе в победу над скандинавами. Получить кромкой щита по голове и остаться на ногах — это очень серьёзно. Мало кто выживал после такого. Чёрный медведь известная в своём роде личность, и вполне заслужил это прозвище.

— А что мои люди? — воспользовавшись паузой в монологе прелата, спросил я.

— Скрипач, как он себя называет, хоть это и не годится — отказываться от имени, данного при крещении, предпочитает проводить время в кабаках и с девицами, о которых

мне неприятно говорить. Прогуливает полученные от меня флорины. А баск Агирре покинул город третьего дня, отправился в лес искать компанию для своего ручного волка. В окрестностях Лукки с лесами не очень хорошо, так что, думаю, вернётся он не скоро.

— Откуда уверенность, что вернётся? — удивился я.

— Он не бросил тебя, — ответил Лафрамбуаз, — хотя имел возможность. Зачем же ему уходить сейчас? Да и к тому же, ты думаешь у меня нет людей, способных проследить за ним в лесу? Надо будет, его приведут обратно силой.

— Тогда от него толку не будет, — пожал плечами я. — Я не могу держать своих людей в узде постоянно. Рано или поздно кто-нибудь всадит мне нож в спину, и на том всё и закончится.

— Именно поэтому я и не препятствовал ему, когда он заявил, что хочет уйти из города на несколько дней вместе со своим ручным волком. Признаться, даже меня этот зверь немного пугает.

— Я себя отменно чувствую, — решил я сменить тему, — отчего же вы сказали, что мне не встать на ноги ещё несколько дней?

— Мой врач — человек весьма разносторонний и не чурается восточных трактатов, — начал издаലെка Лафрамбуаз, — а также рискованных методов лечения. Как он сказал мне, после удара по голове, у тебя под черепом начала скапливаться кровь. Она неизбежно давила на мозг, что вызывало головные боли. То лекарство — он назвал его опиатом, кажется, — что тебе давали, лишь снимало боль, но никак не устраняло её причину.

— И как же ему удалось с этой причиной справиться?

— Это очень старая операция, как сказал врач, — заявил Лафрамбуаз, — её применяли ещё в Древнем Египте, также она описана и Гиппократом. Мой врач уверен, что лишь она могла помочь тебе, и видимо, помогла, раз ты ещё жив. Это называется трепанация, кажется, он добавлял слово «декомпрессивная», что это ни значило. Если же говорить проще, он просверлил отверстие в твоём черепе, в районе левого виска и дал крови вытечь, чтобы она не давила на твой мозг и дальше.

Я ощупал плотную повязку вокруг головы. Пока о ней не сказал инквизитор, я её просто не замечал, настолько меня радовало избавление от головной боли. Пускай и ценой дыры в голове. Надеюсь, она невелика размером, и заживёт скоро.

— Он закрыл отверстие в твоём черепе серебряной монетой, — как будто отвечая на мои мысли, сказал Лафрамбуаз, — и пообещал, что зарастёт всё быстро.

— Спасибо ему за это, — кивнул я. — Талантливый у вас доктор, тот, кто прежде осматривал меня, заявил, что голова, мол, предмет тёмный и исследованию не подлежит.

— Я вообще привечаю талантливых людей, — ответил без тени иронии инквизитор. — И это подводит нас к вопросу, который я бы хотел задать тебе, Рейнар.

— Я даже примерно догадываюсь, о чём он будет, — заявил я. — Устраивайтесь поудобней, рассказ у меня будет совсем не коротким.

И очень надеюсь, что после него я не окажусь в подвале, откуда одна дорога — на эшафот с обложенным хворостом столбом.

Стул был укреплён стальными скобами на углах и прочные ремни на нём явно служили не для украшения. Я глядел на него, и мне всё сильнее становилось не по себе. Слишком уж ясно было назначение подобного сиденья. Хорошо хоть сразу на «лошадку» [\[22\]](#) не усадили. Однако и подобные стулья применялись для не менее жутких пыток. Я машинально искал

глазами жаровню, которую могли бы подставить мне под ноги, когда я буду совершенно беспомощен, притянутый ремнями к прочному креслу, и кувшин с маслом, каким частенько поливали ступни и голени несчастного, чтобы мучился посильнее. Однако ничего подобного не обнаружил, и скрепя сердце умастился на неудобном сиденье под оценивающими взглядами собравшихся в просторной комнате — или даже небольшом зале — людей.

Среди них я знал лишь Лафрамбуаза, да ещё видел, скорее всего, его людей, что сопровождали инквизитора в его путешествии из Пассиньяно в Лукку. Двое сейчас замерли мрачными статуями около двери, сложив руки на оружейные пояса. Кроме инквизитора и его наёмников, в зале присутствовал молодой человек в чёрном дублете со значком в виде кадуцея, ^[23] приколотым на груди. Второй же более походил на какого-то мистика от церкви, каких можно встретить в салонах богатых аристократов Италии и особенно Венгрии, где на них смотрят как на диковинку, а не как на опасных еретиков, распространяющих свои учения на жаждущие подобных глупостей умы. Похоже, молодой врач придерживался того мнения об этом человеке и не считал нужным скрывать презрительных взглядов.

Стоило мне усесться в кресло, как по кивку Лафрамбуаза наёмники живо привязали меня ремнями к нему. При этом, чтобы надеть головной ремень, им пришлось снять с меня повязку, обнажив наполовину выбритый череп со следами операции.

— Интересное решение, — тут же подошёл тот, кого я принял за мистика. — Скажите-ка, дорогой Амбруаз, как вы решили проблему открытого отверстия, идущего прямо к головному мозгу, после трепанации?

— Серебряный флорин старой чеканки, — не без гордости ответил врач по имени Амбруаз. — Мне пришлось врезать его в височную кость, а после прикрыть заранее подготовленным куском кожи самого пациента.

Теперь я знал происхождение бугра у меня на виске, а то всё гадал — что же это такое, и где та монета, о которой говорил инквизитор, когда впервые навестил меня?

— Если вы закончили с первичным осмотром, — вмешался инквизитор, — то перейдите к тому делу, ради которого вас пригласили.

— Ещё не закончил, — ответил мистик, отмахнувшись от Лафрамбуаза, будто от мелкой неприятности, мешающей ему работать. Весьма интересный субъект.

Он подошёл ещё ближе, и принялся в самом деле осматривать меня, будто я был лошадью на рынке. Цокал языком, оглядывая остатки почти сошедших с моего торса татуировок, внимательно присмотрелся к каждому почерневшему ногтю на пальце. Даже в зрачки заглянул, растянув веки, и я не мог сопротивляться, хотя очень хотелось врезать ему посильнее. Но всё, что я мог, это сжимать кулаки — лишь эта свобода осталась мне сейчас.

В зале было тепло, в камине, стоявшем в дальнем углу, весело потрескивал огонь и один из наёмников Лафрамбуаза скармливал ему свежие поленья. Но тепло было одетым, а если на тебе только подштанники, то температуру ощущаешь несколько иначе. Я старался не дрожать, хоть мне было довольно холодно.

— Подбрось в огонь побольше дров, — велел наёмнику Лафрамбуаз, — это нам в одежде хорошо, а вот наш гость скоро околеет в одном исподнем сидеть.

Тот сразу же выполнил поручение, и вскоре зал начал наполняться теплом, отчего мне лично стало лучше. Остальные же начали расстёгивать ворота дублетов, и я заметил, что на обоих наёмниках надеты лёгкие кольчуги. Интересно, они всё время так ходят или же меня опасаются?

— Вы закончили? — снова поинтересовался у мистика инквизитор, когда тот отошёл от

меня, явно завершив осмотр. — Какие выводы можете сделать?

— Сила, полученная вашим гостем и моим пациентом, убивает его, — напрямик заявил мистик, явно не собираясь жалеть меня. — И если ничего не сделать, разъест его изнутри за несколько месяцев.

— Совершенно антинаучное заявление, — решительно шагнул вперёд врач по имени Амбруаз. — Я исследовал пациента и могу сказать, никаких признаков некой силы, о которой говорит этот человек, — два последних слова он даже не сказал, а выплюнул, живо напомнив мне видящую, — не обнаружил.

— А как вы, дражайший коллега, — в голосе мистика было столько ядовитого мёда, что медик скривился, — объясните почернение тканей под ногтями? Это свойственно лишь для нечистых, а разве пациент похож на заражённого чумой? Имеются ли иные признаки этой заразы?

Амбруаз вынужден был признать, что не диагностировал у меня ничего подобного. Как это ни удивительно, но будучи тираном — по сути, опаснейшей разновидностью нежити, я оставался чистым человеком. Ведь я не контактировал с чумными тварями в ту проклятую ночь, меня изменили совсем другие силы. Быть может, они были родственны тем, что породили проклятую болезнь, а может, это были те же силы. Но сути это не меняло — я был проклятым, но не нечистым.

— И что вы скажете насчёт спонтанно пропавших с тела пациента татуировок? Вам прежде доводилось видеть, чтобы они исчезали сами собой, да ещё и не оставляя никаких следов?

И снова врачу нечего было ответить.

— Так вот, — отвернувшись от него и снова обратился к инквизитору мистик, — пациент получил слишком много силы. Она враждебна всему человеческому, и не будь он уже изменён, так сказать, фатально, то не сумел бы пережить подобного... хммм... поражения. Да, лучше всего назвать это именно так. Хотя я ощущаю ещё и действие некой иной силы, той, которую принято, простите уж, прелат, называть святой магией.

— Это то, что практикуют еретические течения в мелких королевствах, где правят эти полоумные бабы? — уточнил Лафрамбуаз.

— Ну, — слегка смутился мистик, — я бы не был столь категоричен в отношении белых дам — всё же они борются с нежитью и чумой, пускай и иным методами, нежели вы.

— Всякая магия — от лукавого, — отрезал инквизитор, — это мнение теократа, а следовательно и моё. А уж магия, практикуемая женщинами — тем более. Надеюсь, этот факт вам объяснять не требуется?

Мистик откашлялся и кивнул, попытавшись сгладить этот неприятный момент.

— И вот теперь сложилась ситуация я бы сказал двойственная, — заявил он. — С одной стороны, сила разрушает своего носителя. Если быть точным, его душу, разъедая её подобно кислоте. С другой же, она защищает его и даёт способности, благодаря которым он превосходит большинство других людей. Вот к примеру, я знаю, что вы, — я даже не заметил, как он обратился непосредственно ко мне, — испытывали некий подъём сил в минуты опасности? Забывали о боли в голове, которая, казалось бы, должна доводить до изнеможения как физического, так и духовного.

Я задумался над его словами, однако по всему выходило, что мистик прав. Во время схватки с налётчиками я позабыл о боли, хотя карету трясло невероятно, да и потом мне пришлось покататься в ледяной грязи. После пришлось сторицей заплатить за это, но в тот

момент я не думал о боли и слабости.

— Не надо ничего говорить, — сказал мне мистик, — мне достаточно реакции ваших зрачков на мои слова.

Он обернулся к наёмникам, и обратился к тому, что стоял у камина.

— Будьте любезны одолжить мне пистолет, — протянул он руку, явно не рассчитывая на отказ. — Он ведь заряжен?

Наёмник глянул на Лафрамбуаза, и вынул оружие из-за пояса только после кивка инквизитора.

— Заряжен, — ответил он мистiku, — так что будьте осторожны.

— Поверьте, хоть по моему виду и не скажешь, но я умею обращаться с огнестрельным оружием, — заверил его тот, и, взяв в руки пистолет, тут же навёл на меня, ловко взведя курок большим пальцем. Не самый простой трюк. — А теперь мы сможем наблюдать защитную реакцию той силы, о которой я говорил вам.

Гнев поднялся из глубин моей души — чистый и незамутнённый никакими иными эмоциями. Я слишком долго сдерживался, даже не говорил ничего, но терпеть и дальше издеательства этого надутого индюка я не собирался. С меня довольно! Мускулы напряглись будто сами собой, налившись силой, какой я давно в них не чувствовал. Вся слабость — одно из последствий трепанации — пропала без следа. Наверное, глаза мои сейчас налились кровью, как у быка. Под ногтями неприятно заломило. Между пальцев начали проскакивать мелкие зелёные искорки.

— Вот видите, — самодовольным тоном произнёс мистик, опуская оружие и возвращая его наёмнику, — как только что-то начало угрожать жизни пациента, сила сразу же запустила некий механизм... эммм... ответной реакции. Вы все видели искры между его пальцев, не лучшее ли это доказательство наличия той самой силы, в которую вы не верили, дорогой коллега?

В третий раз вынужденный признать правоту мистика врач только буркнул что-то неразборчивое.

— К тому же вы можете осмотреть кресло, к которому привязан пациент, — добавил мистик. — Думаю, результат окажется ошеломительным.

Лафрамбуаз вместе с мистиком, последовавшим собственному призыву, подошли к креслу и о состоянии этого предмета, к которому я был притянут ремнями, можно было судить по их лицам.

— Невероятно, — протянул, наконец, инквизитор, — оно ведь рассчитано на то, чтобы держать более крупных людей. Я многих видел в подобном кресле, но никто из них не сумел погнуть сталь, укрепляющую углы, не говоря уж о том, чтобы почти вырвать болты. Прежде я считал это невозможным.

— В некотором роде невозможное и произошло с пациентом, — заверил его мистик. — Вряд ли нечто подобное можно повторить даже намеренно пойдя на невероятный риск.

Мне надоело служить бессловесным подопытным, а может остатки гнева ещё плескались в моей душе, и я не сдержался.

— Быть может, вы скажете, наконец, как мне избавиться от этой силы, что разъедает мою душу? Как-то совсем не хочется остаться без неё вовсе.

— О, — воздел большой палец к потолку мистик, — это довольно несложно. Думаю, трёх лет в отдалённом монастыре на хлебе и воде, а также молитв каждый день и исповедей будет достаточно, чтобы очистить вашу душу, полностью изжив из неё разрушающую её

чужеродную силу. Ну и впредь, конечно, стоит поменьше грешить.

— Отличный совет, — буркнул я, — да только если у меня нет этих трёх лет, что тогда делать?

— Что ж, это несколько более сложная задача, — ответил он. — Обычных татуировок, какими покрывали ваше тело прежде, будет недостаточно. Даже самые сильные символы сила, скрывающаяся в вас, разъест за считанные недели. Да и от ущерба душе нательные глифы, ^[24] увы, не спасут. Так что придётся прибегнуть к более радикальным методам, известным с древнейших времён. И кресло это для них подходит как нельзя лучше.

— И что же это за методы? — поинтересовался я, хотя и знал, ответ мне совсем не понравится.

Вот теперь мне было совсем не холодно. Наоборот, я быстро покрылся потом — липким и противным, и вовсе не из-за близости жаровни, которую внесли двое наёмников. Теперь один из них разводил в ней пожарче огонь, вороша в свежих угольях парой стальных прутьев.

— Клеймо, — распространялся мистик, стоявший рядом с наёмником, — увы, крайне болезненный, но единственный способ помочь вам. А именно, клеймо в виде распятого Господа нашего слева на груди, примерно напротив сердца. И второе — в виде креста меньшего размером на предплечье правой руки. Как я уже говорил, это древний метод, к которому прибегали ещё в Египте, к примеру, или в античной Греции и особенно часто в Риме — во время завоеваний разнообразных варварских племён. Ведь у тех было великое множество колдунов и шаманов, чью разрушительную силу надо было побороть, иначе завоевателям не было бы покоя.

— А не проще было просто уничтожать их? — спросил стоявший тут же Лафрамбуаз.

— Может быть и проще, — пожал плечами мистик, — но ведь даже вашим коллегам в Кастильской короне и печально известным охотникам на ведьм из Альбиона так не удалось искоренить колдовство. Несмотря на самые радикальные методы. К тому же, я думаю, у римлян был резон играть на примитивности варваров. Для них человек, лишившийся своей силы, как бы даже жить переставал, в то время как убитый — он стал бы их героем, мучеником своего рода.

— Крайне интересные рассуждения, — встрял я, — но не могли бы мы поскорее покончить с этим делом. Ожидание боли, знаете ли, куда страшнее самой боли.

— Хммм, — протянул мистик, — да, думаю, тут вы правы. Скажите, — обернулся он к наёмнику у жаровни, — клейма достаточно хорошо раскалены?

— В самый раз, — ответил тот, поворошив одним из них в жаровне.

— Тогда вложите пациенту в рот деревяшку, чтобы язык себе не откусил, и можем начинать.

Я послушно открыл рот, и мне сунули между зубов деревянный кляп, который я тут же сжал покрепче.

— Вы... хммм... готовы? — спросил у меня мистик, и я ответил невнятным мычанием из-под кляпа. Я ведь даже кивнуть не мог. — Ну что ж, — вздохнул мистик и протянул руку за прутком.

Весь мир для меня теперь сузился до небольшого красного распятия на конце раскалённого прута. Мистик, ни секунды не раздумывая, решительным движением приложил его к моей груди. Я застонал от страшной боли, почувствовал вонь сгоревшей плоти — чёрт побери, моей плоти! Из всех сил впился зубами в деревяшку. А после мир

вокруг как будто взорвался болью, и следом милосердно померк, словно я в бочку с дёгтем провалился.

Так что, к счастью, я не почувствовал как клеймили мою правую руку.

Наверное, тело моё и без того основательно истощённое недавними приключениями, сильно ударившими по здоровью, перенесло проклятое клеймение куда хуже, чем рассчитывал мистик. Я отключился ещё во время самой процедуры, а после пришёл в себя — хотя это сильно сказано, конечно, — через довольно продолжительное время. Я лежал на той же мягкой перине, в той же комнате, где открыл глаза в прошлый раз, но теперь простыни подо мной были буквально пропитаны влагой. Я подозревал, что это мой собственный пот. Он выступил на лице холодной испариной, он покрывал всё тело, и ткань уже не могла впитывать его больше. Я завозился среди мокрых простыней, пытаюсь сказать хоть кому-нибудь, чтобы помогли мне. Но из горла не вырвалось ни звука, даже тихого хрипа, который показал бы, что я вообще жив.

Надо мной склонился врач, я с трудом узнал в нём Амбруаза — перед глазами всё плыло, как будто я смотрел со дна реки. Усилием воли удавалось сосредоточиться, чтобы разглядеть хоть что-то, но надолго сфокусировать взгляд не получалось. Амбруаз приложил к моей груди латунную трубку с раструбом, принялся что-то слушать, периодически передвигая её. Затем оттянул веко, заглянул прямо в глаз — как будто в душу глянул. Осмотрел клеймо, вокруг которого я ощущал сильное воспаление. В том месте, где тела моего коснулась раскалённая сталь, на груди и на правом предплечье, мне казалось, будто кто-то насыпал под кожу угля и жгли меня изнутри.

— У него лихорадка, — заявил Амбруаз, — и она убивает его. Быть может, стоит всё же смягчить воспаление вокруг клейм мазями. У меня найдутся подходящие.

— Увы, нельзя, — услышал я голос мистика, стоявшего, видимо, немного поодаль, потому что даже смутного силуэта его фигуры я не видел. — Дело в борьбе не только и не столько тела, но души нашего пациента. Они совместно должны справиться с той силой, которую мы запечатали в нём, без какой-либо сторонней помощи.

— Ну хотя бы простыни можно будет заменить, — резко высказался врач, — а то без вашего указания слуги даже этого делать не хотят. И обязательно надо сбить температуру, пока у него кровь свёртывается в жилах не начала.

— Это может вызвать нежелательные последствия... — начал было мистик.

— Вот в эту епархию лучше не соваться вам, дорогой коллега, — отрезал Амбруаз. — Всё же это касается тела нашего пациента, а не его души. И если кровь в его жилах начнёт сворачиваться, он точно отправится на тот свет.

— Я понимаю вас, но пока лучше остановиться на обёртывании его влажной тканью.

— По вашей милости, дорогой коллега, наш пациент уже был обёрнут ею не один час. Так что придётся прибегнуть к более радикальному методу.

— Вы предлагаете ванну с ледяной водой, верно? — По всей видимости, Амбруаз кивнул, потому что продолжил: — В этом случае крайне важно, чтобы она не попала на оба клейма.

— Вы не желаете хоть в чём-то облегчить страдания нашего пациента?

— В этом вопросе, увы, вынужден проявить известную безжалостность.

— На понижение общей температуры тела это никак не повлияет, — пожал плечами, по крайней мере, я именно так расценил жест, увиденный мной в исполнении его силуэта,

Амбруаз.

Они оба вышли из комнаты, но вскоре явились несколько слуг. Двое подняли меня и, не особенно церемонясь, отнесли в соседнее помещение. Остальные занялись сменой постельного белья. В том помещении, куда меня принесли, будто мешок зерна, уже стояла довольно большая ванна. Причём весьма приличная, чему я успел мельком удивиться, несмотря на общее состояние, близкое к бреду. Бронзовая ванна на четырёх львиных лапах — их я заметил особенно чётко — отлично смотрелась бы в купальне какого-нибудь аристократа. На подобные я несколько раз наткнулся в те времена, когда ещё промышлял рейдерством. Отчего-то вспомнилось, как в такой вот ванне я просидел несколько часов, прячась от толпы мертвецов, чёрт знает зачем решивших заглянуть в дом, который обносила наша дружная компания молодых рейдеров.

Меня аккуратно уложили в ванну, и я не сразу даже понял, что она полна ледяной воды. Не знаю, как чувствуют себя другие люди, объятые лихорадкой, к которым применяется эта мера для сбивания температуры, но я не ощутил почти ничего. Ни малейшего дискомфорта. Чувствовал, как меня поддерживают, не давая опуститься с головой, и следя за тем, чтобы клеймо на груди и правом предплечье не попадали в воду. Но в остальном никаких особых ощущений погружения в ледяную ванну у меня не было.

Наверное, когда вода начала нагреваться, меня вынули из ванны. Пара слуг быстро растёрли меня полотенцами насухо, и отнесли обратно в кровать. Я снова смог насладиться чистыми простынями.

Чёрт побери, до сих пор не могу привыкнуть к подобному комфорту!

Поэтому стоило мне улечься в постель, как сознание снова уплыло, а после я и вовсе уснул.

Очень смутно помню, как меня несколько раз вынимали из кровати, чтобы вымыть, и снова сменить простыни. Но всё было как в тумане, и фокусировать внимание на размеренной работе слуг никакого желания не было. А вот диалог между мистиком и прелатом Лафрамбуазом, который я невольно подслушал, очень сильно удивил меня.

— Он идёт на поправку, — услышал я уверенный голос мистика.

Он словно доносился издалека, так слышишь голоса, когда засыпаешь во время попойки в кабаке. Вроде бы говорящие вот они — рядом с тобой, ты даже видишь их, но слух начинает играть с тобой в какие-то игры, словно в каждое ухо напихали по хорошему комку корпии. [\[25\]](#)

— Я слышу в вашем голосе удивление, — ответил ему инквизитор. — У вас были сомнения в избранном методе?

— Появились, когда мне сообщили все факты о пациенте, — заявил мистик. — Почему вы сразу не сказали, что на нём лежат два проклятья? И сейчас к ним добавилось третье.

— И как бы вы посоветовали лечить его в этом случае? — непробиваемый тон прелата тут же сбил всю спесь с мистика.

— Не знаю, — ответил тот. — Просто не знаю. Клейма, конечно, помогут в некотором роде усвоить полученную пациентом силу, не дадут ей вырваться наружу. Вот только как быть с остальным... То, что кипит и клокочет сейчас внутри пациента, может убить его. И в этом случае мы можем получить такое чудовище, что правитель Иерусалима покажется просто ребёнком.

— Не стоит говорить таких вещей, — оборвал его Лафрамбуаз. — Даже там, где как вы думаете, вас никто не слышит. И как вы рекомендуете поступить с пациентом?

— Он — опасен, безусловно, — заявил мистик, — но если судить по его поведению, то скорее верен вам. Однако, если уместно подобное сравнение, то пациента можно уподобить цепному волку. Быть может, он кажется опасным лишь для врагов, но остаётся в душе своей диким зверем, и всегда может вцепиться вам в горло.

Спасибо, конечно, за столь лестную аттестацию, однако теперь, видимо, я отправлюсь на костёр раньше, чем приду в сознание в следующий раз.

Однако этого не произошло. То ли инквизитор был слишком рискован человеком, то ли не совсем поверил словам мистика. Но как бы то ни было, а я пришёл в себя от того, что в глаза бил узенький, но удивительно противный лучик света. Он словно пытался пробуравить мне веко, чтобы добраться до глаза.

Я заворчал, словно медведь в берлоге, а примерно так я сейчас и чувствовал, и зарылся в подушку лицом. Просыпаться отчаянно не хотелось, несмотря на то, что ощущал я себя скорее очень хорошо отдохнувшим. Как будто после особенно длинного и тяжёлого рейда смог, наконец, выспаться как следует, дав себе много часов отдыха. Даже с избытком. Именно поэтому так не хочется подниматься на ноги, да и вообще просыпаться.

Однако вскоре к противоположному лучику присоединился хлопок двери — в комнату вошёл врач Амбруаз. И этого проникательного человека было не обмануть.

— Вставайте, — бодрым тоном заявил он. — Кризис давно миновал, вы почти здоровы. По крайней мере, настолько, чтобы подняться на ноги и самостоятельно добраться до кухни. Вам давно пора принимать нормальную пищу, вместо тех жиденьких бульончиков, которыми вас кормили прежде.

Стоило ему произнести эти слова, как у меня, словно по волшебству, забурчало в животе. Я понял, насколько голоден — и это чувство заставило меня забыть о сне.

Встать на ноги я, конечно, смог, вот только и это оказалось практически подвигом. Врач тут же шагнул поближе, подставляя плечо. Я с благодарностью принял его помощь, и вместе мы зашагали в сторону кухни. По крайней мере, я надеялся, что Амбруаз ведёт меня именно туда — ведь в доме, где поселил меня инквизитор, не ориентировался совершенно.

Хотя особенно ориентироваться и не надо было — на кухню меня бы привёл нос. Столько запахов готовящейся еды я не ощущал уже давненько. Нет, конечно, в многочисленных трактирах и на постоянных дворах, где мы останавливались по дороге сюда, тоже готовили много, вот только запахи были далеко не такими аппетитными. Последние шаги мне пришлось глотать слюну, чтобы не захлебнуться ею.

Врач усадил меня за стол, и кухарки тут же принялись выставлять передо мной тарелки и блюда с самой разнообразной снедью. Амбруаз, наверное, предупредил их о моём визите, потому что вряд ли они готовили бы столько еды. Время-то было неурочное. Тот самый час, когда завтрак уже прошёл, а обед ещё и не думает начинаться.

Я ел и пил — много, как, наверное, никогда в жизни. Сердобольные женщины, глядя как я поглощаю блюда одно за другим, подкладывали новые. А на плите уже шкворчали сковородки и булькали кастрюли. Останавливаться на уже приготовленном кухарки явно не собирались. Они переговаривались тихими голосами, и я, несмотря на то, что был увлечён в первую очередь едой, да так, что за ушами трещало, всё же слышал, отдельные слова. Чаще всего повторяли нечто вроде: «бедолага» или «как из голодного края», а более осведомлённые принимались то и дело пересказывать мою историю. Точнее то, что слышали и как это поняли, часто перебивая друг друга и принимаясь спорить по сущим пустякам. Ну, по крайней мере, мне это казалось именно пустяком, однако женщины имели

по этому поводу совсем иное мнение.

Надо сказать, я умял почти всё, что они поставили передо мной, и даже не ощущал особенной тяжести в желудке, которая должна была неизбежно возникнуть после такого количества съеденного. Сидевший тут же Амбруаз едва притронулся к своей порции, скорее из вежливости, и совершенно не возражал, когда я подвинул к себе его тарелку. Он периодически подливал мне сильно разбавленного вина, которым я запивал еду, и за время моей трапезы ушло почти полтора кувшина довольно внушительного объёма. От выпитого слегка закружилась голова, а от съеденного почти сразу потянуло в сон. Амбруаз помог мне встать и кое-как, опять же с его помощью, я доковылял до кровати.

Оказывается, пока я ел, успели поменять простыни, хотя они и не пребывали в столь плачевном состоянии, как когда я пришёл в себя в первый раз после клеймения.

— Теперь вам лучше поспать подольше, — сказал на прощание Амбруаз. — Сон и плотная еда для вас сейчас лучшее лекарство.

— А может быть найдётся какое-нибудь средство, — решил поинтересоваться я, — которое поднимет меня на ноги? В более короткие сроки, чем еда и сон.

— И думать забудьте, — отрезал стоявший в дверях врач, — ваш организм слишком ослаблен для подобных препаратов. Да и вы уже употребили достаточно. Одно то, что вы пили сильный опиат, видимо, чтобы умерить головную боль, и принимали некие тонизирующие средства алхимического производства, так ударило по вашей печени, что ей ещё долго оправляться. Так что выбросьте из головы эти глупости.

Он решительно шагнул через порог, однако остановился и снова обернулся ко мне.

— К тому же, ваше тело восстанавливается куда быстрее, нежели должно. Думаю, вы и так окажетесь на ногах в кратчайшие сроки.

Капитан корабля был настоящим кладезем контрастов. Потрёпанный, но модный дублет тёмно-красного сукна характерного кастильского кроя, бриджи и чулки ему под стать, зато отменная перевязь для рапиры, покоящейся в потёртых ножнах. А на плечах изумительный просто плащ, украшенный павлиньими перьями. В правой руке он держал шляпу тонкого фетра, правда без перьев, что меня лично удивило. Левая же покоилась на гарде шпаги. Был капитан немолод и явно повидал многое — об этом говорили и продублённое солнцем и ветром лицо, волосы цвета соли с перцем, но в первую очередь, конечно, глаза. Такой взгляд бывает лишь у опытных искателей приключений, уж я таких навидался на факториях.

— Хуан Санчес Вилья-Лобос Рамирес, — изобразил он довольно удачно изысканный поклон. По крайней мере, на мой невзыскательный взгляд, он выглядел именно таким. — Капитан прекраснейшего галеона «Espirito Santo». Мы к вашим услугам, монсеньор.

Я не сразу понял, что он говорит о себе и своём корабле, как будто тот был своего рода живым существом. Хотя кто ж их, моряков, разберёт. Как по мне, так все они чуточку чокнутые. Нормальному человеку не придёт в голову отправляться в море на деревянной скорлупке, какой бы крепкой та ни казалась.

Я чувствовал себя уже почти отлично, хотя с того дня, когда пришёл в себя и с помощью доктора Амбруаза добрался до кухни, прошло не так уж много времени. Но последние несколько дней я даже вернулся к тренировкам. Благо помахать мечом в усадьбе, принадлежавшей прелату Лафрамбуазу, было с кем. В город вернулся в сопровождении трёх нервных молодых волков и одного ещё более нервного егеря Агирре, который весьма неплохо управлялся с клинком. Скрипач тоже завершил своё турне по кабакам и борделям,

оторвавшись за месяцы вынужденного поста на руднике, и теперь целыми днями торчал или в мастерской или на стрельбище. Он завёл себе приятеля — тевтонского инженера, работавшего на инквизитора, и вместе с ним копался в своей ненаглядной Виолине, доводя до совершенства и без того отличный арбалет.

Этим утром, сразу после завтрака, на кухню появился сам прелат Лафрамбуаз, сильно напугавший кухарок, не привыкших к визитам столь облечённых властью особ в их хозяйство. Надо сказать, аппетиты мои умерились не слишком сильно — я продолжал, вульгарно выражаясь, жрать в три горла. Как объяснил доктор Амбруаз, продолжавший наблюдать меня, мой организм восстанавливается, и ему нужно было куда больше энергии, которую мы получаем из пищи, нежели обычно.

Прелат не стал объяснять цель своего визита, просто сделал мне знак следовать за ним. Он привёл меня в знакомую большую комнату, где нас уже ждал кастилец в павлиньем плаще. Входить в комнату, в которой меня заклеямили, очень не хотелось, и, пускай я видел через распахнутые створки, что ни стула, ни жаровни внутри нет, мне всё равно было очень не по себе. Однако я пересилил себя и шагнул через порог.

— Ваши услуги понадобятся для небольшого путешествия, — сказал капитану прелат, — которое будет щедро оплачено. Аванс, как мы и условились, вы получите немедленно, и отправиться должны будете с первым же приливом.

— Я хотел бы узнать пункт назначения, — поинтересовался тот.

— Всё на борту, — опередив прелата, заявил я.

— Опять вся эта секретность, — неизвестно кому посетовал кастилец. — Ну что ж, я знал, на что подряжаюсь. Кто бы из вас двоих не отправлялся со мной, советую поторопиться, иначе пропустим прилив. Я намерен нынче же отчалить из Виареджио.

— Мне не нужно будет много времени на сборы, — заверил его я.

Капитан Рамирес снова изящно поклонился, будто бы особам королевской крови кланялся, никак не меньше, и вышел из зала.

Прощание у меня много времени не заняло. Прелат проинструктировал меня прямо в том же зале, стоило только дверям закрыться за кастильцем.

— К Троице ты явно не успеешь собрать людей, — сказал он, — однако это вовсе не значит, что торопиться не следует. А потому, раз ты отправляешься за Гизбертом в островную тюрьму, то я пошлю своих людей за выбранной тобой ведьмой.

Честно говоря, своё намерение взять в отряд полубезумную ведьму я хотел сохранить в тайне от прелата. Всё же, насколько я успел узнать этого человека, да и то, что я знал о нём прежде, подтверждало его верность 18 завету 22 главы Книги Исхода.^[26] Однако я понимал и тщетность усилий что-либо скрыть от инквизитора Тосканы. Но теперь он сам разрешил мои сомнения, и я вовсе не горел желанием уточнять, отчего же изменились его взгляды на колдовство и ведьм, которые он недавно высказал весьма резко.

— Твои люди это время погостят у меня, — продолжил он. — Откровенно говоря, я рад, что Скрипач взялся за ум — он просадил достаточно приличную сумму. Теперь, правда, они с инженером тратят не сильно меньше, но хотя бы на благое дело, а не на кости, вино и продажных женщин.

— К Агирре, как я понимаю, претензий у вас нет, монсеньор, — заметил я.

— Никаких, — пожал плечами Лафрамбуаз. — Он в основном пропадает за городом со своими волками и моим егерем. Надеюсь, тот совсем не одичает от общения с баском и его зверями.

Я кивнул, принимая это к сведению. Моя уверенность в Агирре выросла, хотя я до сих пор не был уверен в искренности его намерений.

На прощание с баском и Скрипачом тоже много времени не понадобилось. Мы не слишком много общались даже после того, как я пришёл в себя и начал тренироваться. Арбалетчику куда интересней было работать над своим оружием и опробовать новые технические решения, придуманные вместе с тевтонским инженером. Агирре же стал как-то дик и нелюдим, предпочитая компанию своих волков. Он больше не хохотал и не шутил натушно, как прежде. Да и к кабацким дракам с бордельными приключениями остыл.

— Надолго уплываешь? — спросил только у меня Скрипач. Ему явно хотелось как можно скорее вернуться в мастерскую или на стрельбище.

— Несколько недель точно, — ответил я. — Надеюсь, к этому времени ты с инженером закончишь работать над Виолиной.

— Совершенству нет предела, — вздохнул арбалетчик, — и наш труд можно будет, наверное, только прервать, но не назвать завершённым.

— Ты неплохо начал обращаться с мечом, — сказал мне на прощание Агирре, крепко пожимая протянутую руку.

— Надеюсь, к моему возвращению ты разживёшься нормальным мечом, — неуклюже пошутил я.

Баск оставил себе обломанный в битве на руднике меч, и во время наших тренировок продолжал пользоваться именно им. Хотя легко мог взять себе любой — куда лучшего качества — в оружейной при поместье инквизитора.

— Этот меч мне верой и правдой служил, жизнь спас, — серьёзно ответил Агирре, — я не могу просто так взять и отказаться от него.

— Варвар, — хлопнул его по плечу я, и, развернувшись, зашагал к воротам инквизиторского поместья.

За ними меня уже ждала карета, которая отвезёт в небольшой портовый городишко Виареджио. Ближайший к Лукке морской порт. Внутри уже сидел кастилец в плаще из павлиньих перьев. А вот то, что вместе с ним поместился иудей Гедалия, меня сильно удивило.

— Решил проводить меня? — поинтересовался я у него.

— Хотел спросить о судьбе одного нашего общего знакомого, — ответил он. — Он остался должен мне внушительную сумму денег, и до сих пор я был уверен, что потерял их.

— Вряд ли, находясь там, где он есть, — пожал плечами я, — наш общий знакомый отдаст тебе деньги.

— То, что ты хочешь, обойдётся в ещё более солидные деньги!

Когда дело касалось серебра, а особенно золота, Гедалия мог дать фору многим своим братьям по вере.

— На сей раз они не твои, Гедалия, а твоего покровителя, — отмахнулся я. — И он уже дал добро.

— Вот только отчитываться за расходы прелата приходится мне, — заявил он, — и, скажу тебе, делать это всё сложнее. Ты обходишься прелату в солидные суммы.

— А во сколько обошлась бы империи потеря Шварцвальда? — поинтересовался у него я с самым невинным видом.

Наверное, Гедалия смог бы мне быстро посчитать сумму убытка, даже так, что называется, на коленке, и вряд ли она бы сильно грешила против истины. Уж с чем-чем, а с

цифрами, особенно когда это касается денег, иудеи обращались просто виртуозно. Однако ответить ему не дал капитан Рамирес.

— Теперь я понимаю, отчего Католичка велела вам покинуть пределы страны в трёхмесячный срок, [\[27\]](#) — скучающим голосом бросил он.

Гедалия воззрился на него с откровенной ненавистью, однако ничего говорить не стал. Только стукнул тростью по крыше кареты. Кучер тут же остановился и иудей, не прощаясь, вышел.

Я глянул на кастильца, но тот так и просидел всю дорогу до порта молча, со скучающим видом поглядывая время от времени в окно кареты.

Глава 9

Один шанс из сотни

Каюта капитана Рамиреса была полным его отражением. Только у человека, носящего плащ из павлиньих перьев, может быть столь роскошный салон. Тем более что жить он предпочитал в небольшой комнатке рядом с основным салоном, размерами уступавшими только кают компании. Эту комнатку капитан любезно предоставил мне, сам же расположился в роскошном алькове на большой двуспальной кровати. По его словам, в ней перебивало немало знатных дам.

— Простушкам хватает и моего природного обаяния, — сообщил он мне за первым обедом, — а вот благородным шлюхам этого, увы, маловато. Приходится производить впечатление.

Я не был ханжой, и частенько на постоянных дворах делал более чем откровенные намёки симпатичным служанкам, однако отношение к женщинам капитана Рамиреса меня коробило. Он всех их скопом причислял к шлюхам, все желания и помыслы которых устремлены мужчине в штаны. Я был с ним не согласен, ибо весь мой опыт рейдерства говорил об обратном. Уж где-где, а среди рейдеров, ходящих в мёртвые города, достаточно было сильных женщин, многим из которых было вообще плевать на мужчин. И это вовсе не значило, что в постели они предпочитали женщин. Просто их бесшабашная вседозволенность последнего дня, царившая на факториях, не цепляла так сильно, как большинство мужчин.

— Но это не идёт ни в какое сравнение с моей «Галегой»,^[28] — частенько вздыхал Рамирес. — Конечно, она была карракой,^[29] старушкой, можно сказать, но я любил её больше всего. Первый корабль, как первая женщина — такого не забыть с другими.

— Что с ней стало? — рискнул спросить я на третий или четвёртый вечер нашего знакомства. Наверное, капитан уже считал меня достаточно близким человеком, чтобы поведать историю своего первого корабля.

— Говорят, она погибла где-то в неизвестных морях, вместе со всей экспедицией этого проходимца Колона, — ответил он. — Ушли для короны искать новые земли, а толку... Только отличные корабли сгубили. А мою «Галегу» чёртов кантабриец де ла Коса забрал себе за долги. Переименовал её в «Санта Марию» и сам решил выйти в море капитаном. Да только какой из него капитан — ясно теперь!

Видимо, рана была старой, но заживать не спешила. Рамирес охотно рассказал мне всю историю, как будто заново растравляя её. Это доставляло ему какое-то почти извращённое удовольствие. Поэтому я поспешил сменить тему.

— Повезло вам, Рейнар, что нашли тех мальтийцев, — заявил Рамирес, когда мы взяли курс на Кандию, обогнув Сицилию. — Мало кто согласился бы взять на борт пассажира, даже если и по пути.

— Мир и море не без добрых людей, — развёл руками я. — Даже в наше время.

— На море, скажу я вам, — сказал кастилец, — вообще, мало что изменилось. Я считал, что чума станется для нас едва ли не золотым веком. Что все побегут на острова, бросив гниющий труп континента исходить смрадом и заразой. Но нет, — вздохнул он, — люди остались сухопутными. Лишь венецианцы сбежали на Крит, переименовав его в Кандию.

— А как же Земли улыбок? — прищурившись, глянул ему в глаза я.

— Видите мой салон, — обвёл рукой всё величие позолоты и искусной резьбы по дереву капитан, — посуду, с которой мы едим, — вкушать пищу земную он предпочитал из тарелок тонкого фарфора, с позолоченной вязью восточных букв по краю, наверное, какие-нибудь цитаты из Корана насчёт еды, еда, конечно же, была под стать посуде, и кубки с вином — только из драгоценных металлов, украшенные мелкими камнями, ну и вина, естественно, только лучшие, — добавьте к этому стоимость всего корабля, команды, если продать её безбожным работоторговцам, и содержимое всей моей маленькой кубышки на чёрный день. Вы не иудей, но, думаю, понимаете, какая выходит сумма. Так вот, сударь, этого не хватит и на половину, да что там, на треть, взноса, который обеспечил бы мне лишь возможность попасть на эти острова. Те самые вежливые господа из Мальтийского ордена, что согласились подбросить пассажира до Салерно, отправят на дно любого, кто приблизится к Святой Марии или Сан Мигелю.^[30] Уж там-то их морские патрули никого не пропустят. Они стерегут свои денежки так же рьяно, как их бывшие братья сражаются с мертвецами на суше.

Я знал о расколе в стане ордена Госпитальеров. Часть из них, остававшаяся на острове Мальта, придерживалась примерно той же точки зрения, что и капитан Рамирес. Их возглавил старый магистр ордена Джованни Баттиста Орсини, призвавший всех верных иоаннитов вернуться на Мальту. Однако далеко не всем этот приказ пришёлся по душе. Лидером несогласных стал Пьер д'Обюссон, первым сгордо принявший именование Бездушного. Вокруг него сплотились те рыцари, кто считал своим долгом защищать людей от кошмарного недуга, странствующего по Европе. Так орден разделился на красных или морских госпитальеров и чёрных или бездушных.

Между двумя ветвями ордена больше не было братской любви и согласия. Они лишь терпели друг друга. А уж после того, как Орсини возглавил удачную экспедицию на Ястребиные острова,^[31] сделав их новым оплотом ордена, и заодно теми самыми Землями улыбок, отношения между братьями испортились окончательно. Д'Обюссон считал предательством то, что госпитальеры наживаются на чуме, пуская на острова людей за баснословные деньги, и при условии прохождения строжайшего трёхмесячного карантина. Если у человека, уже заплатившего за проезд и землю на островах обнаруживали хотя бы малейшие признаки в заражении чумой, его немедленно возвращали обратно на континент. И сколько бы ни сулил такой неудачник после, его кандидатура никогда не рассматривалась. Д'Обюссон отрёкся от мальтийцев, объявив себя великим магистром единственно верного Суверенного военного странноприимного ордена Святого Иоанна, Иерусалима и Родоса, навсегда вычеркнув Мальту из официального наименования.

Не раз и не два между ветвями расколотого ордена вспыхивали конфликты, но никогда они, по большому счёту, ни к чему не приводили. За Мальтийским орденом стояли огромные деньги и не иссякающий поток желающих оказаться на Землях улыбок сильных мира сего, а также едва ли не сильнейший во всей Европе флот. Однако острова не могли прокормить себя сами, и известная доля золота шла на покупку провианта для них в портах севера Италии. За бездушными была полная поддержка со стороны теократов Священной Римской империи, товарищеское отношение тевтонов и, что немаловажно, хотя многие считают, что это не так, авторитет среди простого народа. Если мальтийцы были своего рода орденом знати и богачей, то бездушные, несмотря на мрачную репутацию и вырезанные селения, оставались орденом простонародья. Ведь в их командориях и на заставах все получали приют и лечение, конечно, если не были заражены чумой, и оставались чистыми. Для

нечистых оставались закрытыми как ворота застав бездушных, так и Острова улыбок мальтийцев — в их отношении обе ветви ордена были солидарны. Наверное, это был единственный вопрос, где их мнения оставались едиными.

В целом же, морское путешествие оказалось скорее скучным. По весеннему времени погода стояла хорошая, и ничего даже отдалённо похожего на шторм не было. Ветер, конечно, не всегда дул исключительно попутный, а кое-когда приходилось и маневрировать при встречном, рыская галсами, как объяснил мне капитан, и полагаясь на течения, но, опять же, обстоятельства были скорее благоприятными.

— Матросы болтают, что ты приносишь удачу, *amigo*, — заявил мне как-то Рамирес. — Не удивлюсь, если они попросят несколько локонов твоих волос, или обрезки ногтей. В море народ удивительно суеверный, так что имеешь неплохие шансы нажиться на этом. Только не уступай первому же за медяки, погоди пока серебро предлагать не начнут.

Он опустил роскошную подзорную трубу, явно восточной работы, украшенную слоновой костью и золотыми накладками. Скорее всего, прежде она принадлежала какому-нибудь вельможе или крупному морскому военачальнику Чёрной порты.

— А ещё лучше начни торговать ими, Рейнар, — добавил он враз севшим голосом, — когда мы выпутаемся из той передраги, куда я влез по самые уши. Никогда не следует соглашаться на предложения, пока не узнаешь их, даже если они столь щедры. Особенно если они столь щедры.

— Разве всё так скверно? — удивился я. — Мне уже приходилось вытаскивать людей из закрытых тюрем, к тому же при мне не было писем, подписанных инквизитором Тосканы.

— Этот остров — тюрьма дожей, — покачал головой Рамирес, убирая трубу в столь же роскошный чехол, в котором легко узнавался адмиральский жезл, или как он там называется у безбожников из Порты, — и они давно уже считают её своей вотчиной. Властям Новой Венеции очень не нравится, когда кто бы то ни было вмешивается в дела, которые они считают своими внутренними. Венеция всё же не часть империи, и власть инквизиции там далеко не так сильна. А потому, сойдя с борта моего «*Espirito Santo*», мы полностью окажемся во власти начальника этой самой тюрьмы. Тот же отчитывается непосредственно перед дожем и казначеем Новой Венеции.

— Большой человек, — присвистнул я.

— Не совсем, — ответил Рамирес. — Эта должность — опала для провинившихся аристократов Новой Венеции. Несмотря на кажущуюся солидность, начальник тюрьмы не имеет никакого веса при дворе дожа, он фактически исключён из тамошней игры. И ты понимаешь, Рейнар, насколько озлобленными становятся аристократы, вынужденные сменить блеск, хоть и серьёзно потускневший после того, как Венеция перебралась на остров, двора дожа на скалу посреди моря. Так близко к тому месту, куда ему никогда не вернуться. Но знаешь, что хуже всего?

— Более удачливые аристократы постоянно являются в тюрьму, чтобы сделать ставки или просто поглазеть на гладиаторские бои, — сказал я, легко сложив из слов Рамиреса простенькую мозаику. — Наглядное выражение его собственного падения. А ведь многие ещё не прочь поиздеваться над ним, пнуть бывшего недруга особенно приятно, когда тот скатился с Олимпа.

— Ты полностью прав, Рейнар, — кивнул капитан, — и самое пренеприятное известие, что сейчас этой тюрьмой руководит человек, вознесённый очень высоко. Да, дни его славы миновали давненько, но пребывание на этой должности лишь сильнее закалило его

ненависть. Буквально ко всем.

— Теперь понимаю, почему у тебя нет желания идти со мной, — заявил я. — Но ты вполне можешь остаться на борту. Я подам сигнал, если что-то пойдёт не так.

— Меня просто подмывает согласиться, — повернулся в мою сторону Рамирес, — да только не стану. Хотя бы потому, что это будет чертовски подозрительно, что капитан остался на борту.

Я лишь плечами пожал в ответ.

— Тогда прикажи: как причалим, зарядить все пушки по тому борту, что обращён к крепости, — сказал я. — Надеюсь, твои люди сумеют понять сигнал.

— Дураков я в команде стараюсь не держать, даже юнгами, — ледяным тоном ответил мне Рамирес, которого мои слова, похоже, задели за живое. — А уж среди офицеров их точно не найти.

— Тем лучше, — кивнул я. — И как скоро мы окажемся на месте?

— Завтра утром, — сказал Рамирес, — можно было бы и раньше, но не хочу рисковать в этих водах.

Однако утром нам пришлось ждать своей очереди, чтобы пришвартоваться у небольшого причала островной крепости. Рядом с ним уже замерли два здоровенных корабля, разительно отличавшихся друг от друга. Первый, с борта которого сходили дамы в платьях и кавалеры, одетые по последней моде — их мы с Рамиресом разглядывали через линзы подзорной трубы — был обильно украшен резьбой и выкрашен золотистой краской, отчего в лучах поднимающегося из-за горизонта солнца сверкал просто нестерпимым блеском.

— Золотая барка, — пояснил мне капитан, пока я разглядывал сходящих с борта корабля роскошно одетых пассажиров. — Видимо, сегодня будет какой-то особый бой, раз прибыло столько сиятельных особ из Венеции. Быть может, среди них и сам дож, конечно же, инкогнито.

— А зачем ему таиться? — удивился я.

— После одного случая, когда начальник тюрьмы — предыдущий, — пустился в объяснения Рамирес, — решил улучшить своё положение, а то и вовсе покинуть незавидное место. Он подстроил дело так, что выиграл любимец тогдашнего дожа — одного из первых в Новой Венеции. Но к несчастью для начальника, дело вскрылось, благодаря кому-то из его недоброжелателей, и начальник остался на своей должности уже навсегда. Правда, пробыл недолго — через пару дней после скандала он выбросился из окна. Дож же с тех пор не имеет формального права ступить на землю острова, чтобы и впредь не было подобных недоразумений.

— Интересная история, — кивнул я, опуская трубу, с непривычки начал побаливать глаз. — А что чёрный корабль? Похож на военный транспорт.

— В точку, amigo! — прищёлкнул пальцами Рамирес. — Ты чертовски умный парень — всё на лету схватываешь, быть может, нам и удастся выпутаться, раз ты с нами. Это именно военный транспорт и его прибытие может означать только одно.

Капитан сделал театральную паузу, будто находился на подмостках, и я готов был проклясть его за это. Но таким уж был человеком Рамирес, и мне приходилось его принимать — выбора-то не было.

— Сегодня будет битва против сотни, — выдержав паузу, заявил он. — Небывалое дело.

— Можно подробнее? — попросил я, едва сдерживаясь, чтобы не нагрубить, сейчас его

поведение особенно сильно злило.

— Правила в тюрьме весьма строги, — начал Рамирес издали, не то намеренно издеваясь надо мной, не то просто потому, что не мог иначе, — и вначале все проходят горнило общего отбора. В ходе него выясняется тот, кто сильнее прочих, и он поднимается выше в иерархии. Если доказывает свою силу и дальше, то имеет право побороться за свою свободу. Для этого надо победить сначала пятерых опытных воинов, как правило, находящихся на той же ступени иерархии, что и соискатель свободы. После десятерых, двадцать и сотню.

— Одному? — опустив трубу, глянул я в лицо Рамиресу.

Видимо, в моих глазах отразилось столь явное сомнение в его словах, что он только плечами пожал в ответ.

— Это правила, не я их писал, мне довелось лишь слышать о них. Однако я сам видел схватку одного с двумя десятками. Того заключённого называли ассасином, и он весьма ловко управлялся с противниками.

— И что же, одолел всех?

— Нет, — покачал головой Рамирес, — одному повезло зайти с той стороны, где он не видел, и ткнуть его алебардой. На этом всё и кончилось. Но кроме этого ассасина на песке арены остались лежать больше десятка убитых гладиаторов. И это были не местные преступники, а профессиональные бойцы, вроде тех, кто сейчас сходит с борта транспорта.

И в самом деле, золотая барка отшвартовалась, встав дальше от острова, или мористее, как говорили на борту корабля, и теперь по причалу шагали солдаты в лёгкой броне и при самом разнообразном вооружении. Сразу видно было, что это не просто отряд наёмников, потому что даже банды ландскнехтов не вооружаются столь замысловато. Всё это были профессиональные бойцы с других арен, подпольных и не очень. Попадались среди них и светловолосые гиганты скандинавы, и чернявые живчики — уроженцы Италии, и полуголые чернокожие здоровяки, которым нипочём была довольно прохладная погода.

— И как тебя занесло в эту крепость? — поинтересовался я, продолжая следить за выгружающимися наёмниками через линзы подзорной трубы.

— Я искал замену моей прекрасной «Галеге», — мечтательным тоном произнёс Рамирес, — и вкушал все прелести нового мира. Подальше от разлагающегося трупа Европы. Так меня занесло в Новую Венецию, где я пускай и недолго, но был уважаемым человеком, командиром флотилии. Дрался с берберийскими, алжирскими и египетскими пиратами. Ну и конечно, не мог пропустить такое событие, как схватка одного с двадцатью. А вот теперь мне суждено стать свидетелем ещё более выдающегося события.

Я же про себя отчаянно молился, чтобы мы спокойно забрали кого надо, как говорится, под шумок, и убрались из тюрьмы поскорее. Вот только что-то подсказывало мне: не выйдет, потому что тот, кто мне нужен, сегодня и будет биться один против сотни врагов.

Комендантом тюрьмы оказался человек, мало похожий на венецианского аристократа. По крайней мере, я жителей этого островного полиса считал несколько иными. Хотя, конечно, находился в плену стереотипов, но что поделать. Комендант же был из той породы, оком точнее всего говорит фраза — ни рыба, ни мясо, самый средний человек. Среднего роста, средней внешности, среднего, по первому впечатлению, ума. Одевался он тоже вполне себе средне, как бы сглаживая контраст между скромно одетым мной и роскошным, пускай и слегка потрёпанным, Рамиресом. Капитан «Espirito Santo» снова нацепил свой плащ из

павлиньих перьев, и шляпу его украшало длинное перо той же птицы.

— Господа, прошу простить, но все места на арене проданы давно, — покачал головой комендант. — Мне искренне жаль, что вы проделали столь долгий путь напрасно.

— Я здесь не для этого, — ответил я в тон коменданту. Рамирес же как будто случайно шагнул к окну, положив на подоконник шляпу, и принялся со скучающим видом глядеть на пристань. — Извольте ознакомиться с моими бумагами.

— Я принял вас лишь потому, что вы официал Авиньонской инквизиции, — резко ответил мне комендант, — но это не значит, что я буду терять на вас время.

— Ну что вы, — развёл руками я, палец украшало массивное серебряное кольцо, — я не столь важная персона. А вот автор сих эпистол — другое дело. Вы же не желаете задерживать личного официала прелата Лафрамбуаза, не так ли?

Надо было, я бы и легатом самого Папы Римского назвался, хотя это уже совсем наглая ложь, но у меня имелись и кое-какие бумаги посерьёзнее тех, что я предъявил сейчас коменданту тюрьмы. Однако хватило и этих, к тому же снабжённых именем и личной подписью прелата. Всё-таки Новая Венеция, как ни крути, а зависела от Тосканы — ближайшего к ней населённого региона Италии, а потому и с инквизитором его здесь не могли не считаться.

— Эту просьбу выполнить я не могу, — решительно заявил мне комендант, бегло просмотрев бумаги. — Именно этот человек будет сегодня драться один с сотней врагов, а потому или он получит свободу, согласно закону, или умрёт на песке.

— И какие ставки принимают? — лениво поинтересовался у него Рамирес, глядя в окно.

— Один к тридцати на него, — ответил комендант, явно не выпуская из рук тотализатора и не дававшего ему стать подпольным. Конечно, иначе ведь деньги мимо него проплывут, и как я подозреваю, весьма немалые. — И один к двум на то, что он погибнет.

— И большая часть ставит на смерть?

— Никому и никогда не удавалось покинуть этой тюрьмы, — отрезал комендант.

— Выходит, счастливчик будет тот, кто поставит на этого мечника.

Рамирес оторвался от окна и шагнул в угол комендантова кабинета, где стоял без ножен просто чудовищных размеров меч. Никогда прежде не доводилось мне видеть подобного оружия. Я даже не уверен — меч ли это, потому что не знаю, можно ли приравнять этот прокованный кусок стали шириной с моё бедро, если не больше, к кажущемуся на его фоне прямо-таки элегантной рапирой, кампеадорскому клинку. О палаше я и не говорю.

— Странное оружие у вас в кабинете, — заметил Рамирес, протягивая руку к широченному воронённому клинку. — Никогда прежде ничего подобного не видел. Откуда он у вас?

— Этим оружием орудовал заключённый, который сегодня будет сражаться с сотней.

— И вы решили, будто Дева Озера вручить ему меч перед боем? — глянул на коменданта Рамирес.

— В этот раз, — тон коменданта стал ледяным и не сулил нам ничего хорошего. Я как-то сразу подумал о четверых охранниках, стерегущих кабинет снаружи, — он решил воспользоваться более лёгким мечом. Слишком много противников, и бой продлится несколько дольше, а потому и усталость может своё взять. Я считаю, это более чем разумное решение.

— Как считаешь, Рамирес, — сказал я капитану, — мы вдвоём эту дуру утащим?

— Разве что утащим, — согласился кастилец, — не представляю себе, кто мог бы орудовать таким чудовищем.

— Как вы смеее распоряжаться в моём кабинете?! — вспыхнул комендант. — Немедленно убирайтесь!

— Вы сами только что сказали, что это имущество человека, которого мы должны забрать, — пожал плечами я. — Думаю, он не будет против, если мы вернём ему меч.

— Это уже переходит все границы! Охрана!

— Не надо этого делать, — тут же шагнул к коменданту я, а Рамирес без единого намёка плавным движением буквально перетёк к окну. — Стоит только моему другу швырнуть из окна свою замечательную шляпу, как его галеон даст полный бортовой залп, — я специально выучил этот в высшей степени эффектно звучащий морской термин, — всеми двадцатью пушками. С той убойной дистанции, на какой он стоит, этого будет более чем достаточно вашему форту. А после будет ещё парочка залпов, чтобы окончательно подавить сопротивление. Нужно ли вам это, когда в крепости столько титулованных особ, которых вы взяли под свою опеку?

— Этот шантаж вам с рук не сойдёт, — процедил сквозь зубы комендант, но я видел, что мне удалось главное — запугать его. Теперь он точно не пойдёт против нас с Рамиресом, даже когда наши угрозы окажутся попросту невыполнимыми.

— Мне, сударь, очень много сходило с рук, — покачал головой я, — и ещё больше сойдёт. Потому что *finis sanctificat media*.^[32]

Комендант ещё пару секунд глядел на нас с Рамиресом, однако всё же опустил глаза, признавая поражение.

Мы кое-как подхватили с Рамиресом меч — нести его и в самом деле было под силу лишь вдвоём. Конечно, я бы и один мог поднять это чудовищное оружие, даже махнул бы им один раз, но после, скорее всего, оказался бы с вывихнутыми плечевыми суставами. Да и вряд ли вообще смог бы удержать в руках. Даже тащить его было непросто, хотя через кольцо в основании клинка и была продета прочная перевязь. Без неё бы точно не управились.

— И куда вы с ним собрались? — глянул на нас комендант.

— В вашу ложу, конечно же, — самым наглым тоном, на какой был способен, заявил я. — Думаю, она достаточно просторна, чтобы вместить всех нас.

Комендант только губы поджал от такого обращения, но ничего возражать не стал. Он спокойно вышел из кабинета и зашагал по коридору. За ним, держась на уважительном расстоянии, чтобы не слышать возможных разговоров, двинулись трое охранников. Шли они всё же достаточно близко, и при малейшей опасности тут же пришли бы на помощь. Да даже и без неё — стоило коменданту приказать, и они бы, уверен, прикончили нас с Рамиресом. Мы и дёрнуться не успели бы из-за тяжкой ноши на плечах. Вот только комендант во всех отношениях был очень средним человеком, а кое в каких, как я подозревал, даже слабее. Например, в коленках. Не было в нём стержня, не было настоящей силы духа, сломать его оказалось очень просто.

По мере того, как мы подходили к ложе, вокруг начал нарастать шум. Как будто кричали сотни людей, точнее не просто кричали, а скандировали. Звук не только нарастал, он повторялся — это была пара слов, не больше. И вскоре я уже смог разобрать их.

— Чёрный дьявол, — удивился я, когда понял, что же кричат. — Что это значит? — обернулся я к шагающему рядом поникшему коменданту.

— Так зовут нужного вам человека, — ответил он. — Сначала называли Чёрным

мечником, а после боя с двадцатью стали звать Чёрным дьяволом. Вы сильно задержали меня, схватка уже началась. Из-за того, что меня нет в ложе, никто не станет откладывать её.

— Похоже, нам стоит поторопиться, — сказал я, и мы с Рамиресом честно попробовали прибавить шаг. Вот только получилось не очень — слишком уж тяжела была ноша у нас на плечах, и с каждым шагом она словно прибавляла пару-тройку фунтов.

Наконец, мы остановились перед неприметной дверью, ведущей в ложу коменданта. Он велел охране оставаться в коридоре, сам же первым вошёл внутрь. Мы с Рамиресом поспешили за ним. Огромным облегчением стало для нас обоих поставить, наконец, чудовищное оружие на пол, избавившись от его веса.

Рамирес выпрямился и потянулся, положив руки на поясницу, в ней что-то отчётливо хрустнуло. Я решил воздержаться от подобных упражнений, и шагнул прямо к ограждению ложи, чтобы своими глазами увидеть арену и схватку на ней.

Арена была точной копией римских — тех самых, на которых львы рвали первых христиан — круглой, засыпанной песком. Трибуны, где находилась и наша ложа, возвышались над ней, давая всем прекрасный обзор. Прежде арена, скорее всего, была тренировочным двором крепости, где гарнизон отрабатывал строевые упражнения, в те времена, когда она ещё не была тюрьмой, конечно. После всё тут сильно перестроили, возведя подобие Колизея.

Сейчас песок арены был залит кровью и завален телами. С начала схватки вряд ли прошло так уж много времени, но Гизберту уже удалось прикончить не меньше десятка наёмников. И ещё столь же покалечить — среди трупов выделялись живые люди, стремящиеся покинуть схватку. Они ползли к краю арены, оставляя за собой тёмные дорожки крови, впитывающейся в песок.

— Да уж, он настоящий дьявол, раз сумел перебить столько народу, — покачал головой Рамирес, вставший рядом со мной. — Но, похоже, мы вовремя.

И тут с ним было не поспорить. Кто-то сломал двуручный меч Гизберта, в руках он сжимал жалкий обломок — полфута стали от рукоятки, не больше. Этим попытался воспользоваться чернокожий здоровяк с круглым щитом и увесистым кривым мечом. Он ринулся на Гизберта, но тот в последний момент шагнул ему навстречу, плечом отбил в сторону щит и вогнал обломок клинка в живот стремительным движением. Чернокожий и дёрнуться не успел. Гизберт явно хотел завладеть его кривым мечом, но ему не дали. С двух сторон удивительно слаженно его атаковала пара воинов с алебардами. Словно дикого зверя они отогнали его быстрыми тычками — крючковатые, хищные лезвия алебард заскрежетали по воронённому доспеху Гизберта. Тот был вынужден отступить, оставшись вовсе безоружным.

Я вложил два пальца в рот и оглушительно свистнул. Да так, как не свистел, наверное, с рейдерских времён, привлекая к себе всеобщее внимание. Сейчас многие на трибунах затаили дыхание в ожидании развязки, крики и скандирование стихли, а потому свист мой прозвучал едва ли тише Иерихонских труб.

— Рамирес, взяли! — обернулся я к капитану, и мы вместе подхватили чудовищное оружие Гизберта.

— Лови! — крикнул я во всю мощь лёгких.

Это стало командой для Рамиреса. Напрягши все силы, какие только были, мы швырнули меч Гизберту. Тот полетел над ареной, вращаясь медленно, как будто время вокруг него застыло. Мне, по крайней мере, показалось именно так. Однако Гизберт

среагировал на наш бросок с удивительной для одетого пускай и в лёгкие, но стальные доспехи человека, ловкостью. Как только стало видно, куда именно упадёт меч, к которому в недолгие секунды его весьма эффектного полёта были прикованы все взгляды, даже многочисленные враги Гизберта следили сейчас не за ним, а за его мечом, он ловко перекатился через плечо и подхватил его прежде, чем оружие упало на песок арены. И тут же нанёс первый удар.

— Я думаю, те, кто ставил один к тридцати на его победу, сейчас существенно повысили свои шансы на победу, — заявил Рамирес, едва увидев этот удар.

Глава 10

И на старуху бывает проруха

Капитан Рамирес был чертовски зол — и не видел никаких причин скрывать этого. Пускай он и не мог сказать мне ни слова поперёк, более того, вынужден был подчиняться, даже после того, что произошло на арене, однако же всем видом своим показывал мне куда бы послал и меня, и прелата Лафрамбуаза, от которого принял контракт. Он стоял лицом к иллюминатору, демонстративно не глядя ни на меня, ни на моющего в тазу руки судового врача.

— Поразительный организм, скажу я вам, — не переставал восхищаться Гизбертом врач. — Просто невероятный. Вы знаете, что раны на его теле — от калёного железа на лице, которым ему выжгли глаз, и от ампутированной выше локтя руки, свежие. Я бы дал им не более полугода. А протез... — Он шумно высморкался прямо в красноватую от крови, смывой с рук, воду. — Это нечто удивительное. Я просто не знаю, кто мог быть его изготовителем. Это не массовый продукт точно — некий кустарь-одиночка, но он просто гений. Других слов у меня нет.

— Ты вымыл уже руки? — окрысился на него капитан, обычно обращавшийся с врачом достаточно вежливо. — Так бери чёртов таз и выметайся из моей каюты!

Врач молча кивнул пару раз, и быстро вышел вместе с тазом.

— А теперь, Рейнар, расскажи-ка мне, — тут же насел на меня Рамирес, стоило только за доктором закрыться двери, — что это за чертовщина творилась на арене? Что там, мать твою, вообще происходило, а?!

— Ты точно так хочешь знать это? — не слишком вежливо, вопросом на вопрос ответил я.

— Бросай эти иудейские замашки, чёрт тебя побери, и рассказывай! Кто такой этот проклятый мечник, и кто ты такой?

Я не мог не признать, что капитан Рамирес имел право задавать подобные вопросы. То, что произошло на арене в самом финале схватки Гизберта с сотней наёмников, могло стать причиной и куда более неудобных вопросов. Особенно со стороны тех, кто понимал в иных вещах побольше Рамиреса.

Гизберт дрался и в самом деле как настоящий дьявол — и только теперь, получив от нас свой меч, он начал убивать по-настоящему жестоко. А главное, быстро и беспощадно. Мне никогда прежде не доводилось видеть, чтобы удары были столь сильны, что попавшего под них бедолагу подбрасывало в воздух на полфута. В тот день я увидел это. Обливающиеся кровью наёмники разлетались в разные стороны под ударами чудовищного меча. Враги нападали на него слаженными парами и тройками, пытались достать длинными выпадами алебард и копий, или наоборот, максимально сократить дистанцию, чтобы достать короткой булавой или тяжёлым топором. Но никто не преуспел.

Гизберт метался, словно чёрная молния среди врагов, казалось, он не остановился ни на мгновение, и ни на мгновение не остановился его жуткий меч. Каждым движением, каждым ударом он собирал кровавую дань. В разные стороны летели руки с зажатым оружием или разбитыми в щепу щитами, отсечённые в коленях ноги, головы — когда в шлемах, когда отдельно. Падали, падали и падали на багровый от пролитой крови песок арены наёмники. А

среди них плясал ангелом смерти Гизберт, не знающий усталости, хотя казалось, ещё меньше минуты назад он тяжело дышал и был далеко не в лучшей форме.

— Как такое может быть, чёрт бы его побрал, — протянул Рамирес, как и все на трибунах, внимательно всматривающийся в схватку. — Это уже не бой, а избиение какое-то. У несчастных просто шансов нет против этого убийцы.

— Что ему эта сотня, — раздался за нашими спинами мрачный голос коменданта. — Он же в Страсбурге вырезал столько флагеллантов и прочих фанатиков, что улицы были трупами завалены.

Я знал, что произошло в том проклятом городе на самом деле, однако спорить сейчас не стал. Истина была куда страшнее слов коменданта, которому явно была известна лишь официальная версия тех событий, но к чему заявлять о ней здесь и сейчас? К тому же, я прислушивался больше к собственным ощущениям — и они мне совсем не нравились.

Гизберт вышел из небольшого алькова, который прежде занимал я, уже на второй день после нашего спешного отбытия из тюремной гавани. Он был замотан в бинты, прямо как египетская мумия, что только придавало ему особенно жуткий вид. Но сам факт, что он сумел не просто подняться на ноги, а достаточно свободно выйти из выделенного ему помещения, говорил о многом.

— Где я? — прохрипел мечник.

Видно было, что просто оставаться на ногах ему уже стоило больших усилий, но он не сдавался. И несильная, но всё-таки ощутимая качка лишь заставила его схватиться рукой за ближайшую переборку.

— На борту галеона «Espirito Santo», — поведал ему я, — в капитанском салоне, как сам капитан называет это место. Если интересно, куда идёт этот корабль, то он самым быстрым ходом, какой только возможен, движется к берегам Италии.

— Зачем? — голос Гизберта уже более походил на разумную речь, нежели на животный рык, но всё равно отголоски его были слишком хорошо слышны. — Зачем я нужен тебе?

— Этот вопрос, с твоего разрешения, мы обсудим, когда ты достаточно придёшь в себя...

— Я уже, — перебил меня Гизберт, не без труда преодолев расстояние от алькова до стола, за которым сидел я. — Уже в норме. Почти. Говори, что тебе надо от меня?

— Ты человек дела, как я погляжу, — сказал я. — Что ж, раз так, то и вправду, не стоит затягивать. Ты нужен мне, твои таланты и твоя невероятная сила.

— И что мне с того? — глянул мне прямо в глаза мечник.

— Не ври ни мне, ни себе, Гизберт, — вернул ему прямой взгляд я. — Я отлично знаю, чем ты занимаешься, и почему оказался в Страсбурге в самый разгар безумия. Ты охотишься на самых опасных чумных тварей — тиранов, и я хочу предложить тебе такую охоту.

Он долго вглядывался в меня своим единственным глазом, а после вдруг откинулся на стуле, приняв совершенно отстранённый вид.

— А кормить меня будут в дороге? — спросил он самым беспечным голосом, какой только смог симитировать.

В руку и в грудь мне, ровно в тех местах, где тела коснулась раскалённая сталь, словно вонзились иглы. И, конечно же, тоже раскалённые добела. Это было ответом на преобразование Гизберта.

То, что творилось на арене, казалось невозможным, однако я точно знал, что это означает на самом деле. Гизберта захватывал тёмных дух, демон, обитающий в нём и в его жутком оружии. Тот самый, что позволил ему уничтожить охранника безумного прелата Монтгиза в Страсбурге, а после одолеть и его самого. Доспехи на Гизberte меняли форму, превращаясь в совсем уж нереальные, состоящие, казалось, из одних только углов и шипов. Теперь и ими он ранил и калечил всё ещё атакующих его — неизвестно, правда, на что надеющихся — наёмников. Шлем превратился в пародию на собачью морду — не устаревший уже хундсгугель, ^[33] а именно настоящую морду оскалившего чёрные зубы пса с горящими, словно алые угли, глазами — щелями забрала.

Если прежде Гизберт убивал быстро, расчётливо, в высшей степени профессионально, то теперь в действиях сквозила чудовищная жестокость. Всё больше наёмников падали на арену, обливаясь кровью, лишённые конечностей, но ещё живые. Они бились в конвульсиях, но умирали далеко не сразу. Мучения их длились и длились, по ним топтались товарищи, на них сверху падали новые убитые и раненые. Уверен, многие успели задохнуться под тяжестью собственных доспехов и брони тех, кто упал на них.

И среди всего этого безумия плясал Гизберт, раздавая последние удары.

— Скоро вы поймёте, что наделали, — пробурчал из своего угла комендант, — когда это чудовище прикончит всех нас. Всех, кто в этой тюрьме.

А вот этого я как раз и не должен был допустить.

Мальчишка-юнга, состоявший при капитане, вернулся с камбуза, передав мне, явно не без удовольствия, ответ кока.

— У нас тут корабль, а не ресторация, — сказал он, подражая раздражённому тону хозяина камбуза, — и кормят всех, даже капитана, в определённое время. А холодные закуски вы можете поискать на берегу.

— Очень мило с его стороны, — кивнул я и захлопнул перед носом наглеца дверь капитанской каюты.

— Похоже, вы тут не в чести, — заметил Гизберт, продолжавший делать вид, будто его ничего не заботит. — Капитана я ещё ни разу не видел, а остальная команда глядит на вас волком, наверное.

Я не стал ему рассказывать, что ещё вчера мог за серебряные флорины или марки или ещё какие монеты — правда, в основном, обрезанные, конечно — продавать свои ногти и волосы матросам на талисманы. Прав был Рамирес, стоило для начала разобраться с тюрьмой, а потом уже продавать их. Теперь и вправду на меня глядели волками — и если бы не непререкаемый авторитет капитана, нас с Гизбертом тут же отправили бы за борт без лишних слов.

Слишком уж странным и пугающим было наше появление на борту.

Жжение в руке и левой стороне груди стало просто нестерпимым. Я скривился, прижав к груди правую руку, но тут же отдёргнул, так сильно стрельнуло болью. Пора было начинать действовать — так хотя бы можно было одолеть проклятую боль.

— Рамирес, поможешь мне? — спросил я у капитана.

— Чем именно? — удивился тот. — Да на тебе же лица нет, Рейнар! Что творится?

— Все вопросы потом, — отмахнулся я, усилием воли стараясь не думать о боли вовсе — получалось не очень. — Сейчас мне важна только ваша помощь!

Я отвернулся от арены, глянул на стоявшего, словно бледной тенью самого себя, коменданта тюрьмы.

— Как быстро спуститься на арену? — спросил у него я.

— Никак, — покачал головой он. — Только три круга по коридору, он сам выведет вас ко входу.

— А быстрее?! — рявкнул на него я.

— Только если сделать один круг, а после зайти в ложу — оттуда уже можно будет спрыгнуть прямо на арену, не опасаясь переломать себе ноги.

— Другое дело, — кивнул я, как можно скорее направляясь к выходу из ложи. — Рамирес!

— Я за тобой, — махнул мне рукой капитан.

Мы пробежали круг по постепенно идущему вниз коридору, но я понимал, что опаздываю. Слишком увлёкся наблюдением за резнёй, учинённой Гизбертом на арене. Нечто тёмное и мрачное поднималось во мне, нечто порождённое силой тирана и той, что я получил от крысолюда. И между ними, между обращением в опаснейшую нежить и мной стояли лишь два выжженных на коже, и на самой душе моей, клейма. Они предупреждали меня, но я слишком поздно внял боли. А теперь приходилось бежать со всех ног, понимая, что опаздываю, и пытаюсь обмануть само время.

Мы ворвались в первую попавшуюся ложу. Внутри сидели двое господ в роскошных колетах и две дамы, чьи наряды ничуть не уступали мужским. Все взоры сейчас были обращены на арену, а потому даже когда мы с капитаном ввалились прямо в ложу, нас заметили не сразу. Лишь когда мы протолкались через ложу и я первым, а Рамирес сразу за мной, прыгнули через бортик на арену, за нашими спинами послышались крики, исполненные удивления и праведного гнева.

На арене же всё было кончено. Не отличишь уже, где бьются в агонии ещё живые люди, а где судорожно содрогаются отрубленные чудовищным мечом конечности. И посреди всей этой картины, достойной Дантова ада, замер чёрный человек в гротескной броне с несуразным мечом. И он, и оружие его были залиты кровью, но при этом каким-то образом не потеряли своего цвета.

Я шагнул к нему, но Гизберт, повинувшись инстинктам заключённого в его теле и душе демона, подался назад, вскидывая меч. Сейчас от человека в нём осталось слишком мало — ещё чуть-чуть, и тварь, куда хуже тех, что может породить чума, окончательно возьмёт верх. А может быть, и уже взяла. Но я не хотел в это верить, а потому бросился к нему, перекатился через плечо, вымазавшись в крови по уши, но сумел оказаться к нему вплотную, прежде чем мечник успел разорвать дистанцию. На таком расстоянии его оружие было бесполезно, но и у меня с собой не было ничего, кроме кинжала. По традиции в тюрьму нельзя было входить с оружием — кинжал же за таковое не считался никогда.

Я мёртвой хваткой вцепился в плечи Гизберта. Острые грани его доспехов ранили меня, но мне было плевать на эти мелкие порезы. Сейчас куда важнее было поймать его взгляд. Я вперился в горящую красным огнём щель забрала. Из пасти, меж обсидиановых зубов, вырывались клубы пара — дыхание демона было очень жарким.

— Слушай меня! — крикнул я. — Гизберт! Слушай меня! Ты — человек! Это твоё тело и твоя жизнь! Верни её себе! Верни, Гизберт! Ты — человек!

— А ты? — услышал я голос из-под чёрной брони. — Человек ли ты? Нет, хоть и лжёшь себе, как этот мальчик. Я верну его. Верну лишь потому, что после ты вернёшь его мне. Это

— неизбежно!

Я старался в тот момент, да и после, не задумываться над этими словами...

Гизберт упал на колени, как будто тело его разом потяжелело на полсотни фунтов. Он по-прежнему крепко сжимал в правой руке свой чудовищный меч, но уродливые доспехи начали опадать с него, будто лепестки с цветка. Не долетая до песка арены, они распадались клочьями мрака и исчезали, словно и не было их вовсе.

Крыши над ареной не было — она прикрывала лишь ложи по её краям. И потому, стоило начать накрапывать дождичку, как тяжёлые капли тут же упали на воздетое к небу лицо Гизберта. А уже через полминуты они колотили нас по плечам, смывая кровь.

— Рамирес, помогай! — крикнул я капитану, и вместе мы подняли на ноги почти бесчувственного Гизберта.

Он кое-как, но передвигал ногами, а главное крепко держал свой меч. Клинок его волочился за нами, неприятно скрежеща о каменные плиты пола.

Мы дотащили мечника, потерявшего свои уродливые доспехи, до пристани, с помощью матросов втащили в каюту капитана. Рамирес почти сразу выскочил оттуда и рванул бегом на шканцы, разбрасывая команды к отплытию. Я хотел было подойти к нему, сказать какую-нибудь утешительную глупость, хоть как-то попытаться успокоить. Но как только увидел, что Рамирес срывает с себя перепачканный понизу кровью плащ из павлиньих перьев и в гневе швыряет за борт, понял — делать этого не стоит. Сейчас в капитане кипела его горячая кастильская кровь, и вполне мог вызвать меня на дуэль. И ни один из результатов этого поединка меня бы не устроил.

Поэтому я поспешил убраться в каюту, подальше от глаз команды. Матросы и офицеры уже тогда начинали поглядывать на меня без прежней приязни. А то ли ещё будет...

Ели мы всё-таки все вместе. Рамирес нашёл в себе силы, чтобы спуститься со шканцев в собственную каюту. Наверное, понимал, что такая демонстрация собственного страха перед новым пассажиром или же неприязни к нему, может спровоцировать команду. Конечно, матросы и офицеры были преданы ему, однако есть определённая грань, переступать которую не стоит, даже если полностью уверен в собственных людях.

Он глядел на жадно поглощающего пищу Гизберта волком, не считая нужным скрывать своих чувств к мечнику. Гизберт же накинута на еду с просто нечеловеческим аппетитом. Он ел, не особенно озабочиваясь приличиями, тем более что одной рукой управляться со столовыми приборами было не так просто. Левая же его рука заканчивалась чуть ниже локтя. Судовой врач временно снял его механический протез, покуда не заживут раны, но видно было, что Гизберт и одной рукой управляет вполне уверенно. Мне же оставалось делать вид, будто я тут совершенно ни при чём и не поднимать глаз от тарелки.

— Хватит, — звякнул о край своего блюда Рамирес, когда мы почти покончили с трапезой, хотя видно было, что Гизберт ещё не совсем заморил червячка и съел бы с удовольствием ещё что-нибудь. — От официала я ничего добиться не могу, потому спрашиваю у тебя, мечник. Кто ты, чёрт тебя подери, такой?!

— Гизберт, — напустив на себя явно привычный ему равнодушный вид, пожал плечами мечник, — по крайней мере, так нарекли меня. Какое имя дали при рождении не ведаю, но крещён был под этим.

— Прекрати издеваться, — насупился Рамирес. — Ты думаешь, что можешь играть со мной в эти игры? Зря! Я видел всё, что случилось на арене. Что ты за монстр такой?

— Если бы ты не торчал на палубе всё время, я бы тебе уже рассказал, Рамирес.

Я намеренно обратился к нему по имени, хотя отлично слышал, как он назвал меня официалом. Капитан хотел отгородиться от меня, от нашей прежней почти дружбы, но я снова пытался сократить дистанцию.

— Да нет уж, тебе больше веры нет, — отмахнулся он. — Пускай этот тип мне всё сам рассказывает.

— Ну, раз жратвы больше нету, то можно и потрепаться, — кивнул Гизберт, — если только не усну. Меня после еды всегда в сон быстро клонить начинает.

— Хватит! — треснул кулаком по столу Рамирес. — Или ты начинаешь сейчас же, или я велю и тебя, и официала вышвырнуть за борт — и будь, что будет.

— Если думаешь, что до его судьбы мне есть дело, — Гизберт указал обрубком руки на меня, — то ошибаешься. Но раз уж захотел, то давай расскажу. Тебе какую версию — полную или покороче?

— Давай уж короткую, — несколько успокоился Рамирес. — А то и в самом деле уснёшь ещё за столом.

— Тогда не стану рассказывать, как я дошёл до жизни такой, — кивнул Гизберт. — Думаю, тебе будет более интересно то, что случилось в Страсбурге. Так вот, тамошний инквизитор, отец Мотгиз, слегка слетел с катушек на почве мучений еретиков и всего в том же духе. Ну, ты же кастилец, думаю, тебе известны подобные случаи. И вот в городе, охваченном чумой, с которой толком никто не боролся, потому что все искали еретиков днём и ночью, а мертвецы исправно поднимались по утрам, чтобы собирать кровавую жатву, он чувствовал себя как рыба в воде. Ей-богу, не лгу ни единым словом. Когда я приканчивал его, он улыбался, словно у райских врат стоял, хотя вокруг творился кромешный ад. Мертвецы, флагелланты, еретики — а были там и они — а среди этого безумия отряд рыцарей, охраняющих лично Мотгиза, да пятёрка его личных палачей.

— Так, — оборвал его Рамирес. — Довольно с меня. Рейнар, давай и в самом деле, рассказывай ты. А то у мечника, как я погляжу, ещё и талант барда прорезался.

Гизберт в ответ только руками развёл, как бы нелепо ни выглядело это в его исполнении, и снова показательно откинулся на спинку крепкого стула.

— В общем, картину Гизберт обрисовал верно, — сказал я. — Еретики, а если быть точным, некроманты, пытались получить в Страсбурге невероятную силу, проведя ритуал гекатомбы.^[34] Не надо объяснять значения этого слова? Они бы заполучили себе всю жуткую силу смерти и безумия, что скапливалась в проклятом городе. Однако ритуалу помешал отец Мотгиз вместе со своим отрядом личных палачей и рыцарями-телохранителями. Вот только вся сила, которую накопили в результате ритуала еретики, досталась и без того находившемуся не в своём уме Мотгизу.

— И что же началось тогда? — спросил поражённый Рамирес.

— Вот тогда-то и начался настоящий ад на земле, — мрачным голосом произнёс Гизберт, враз потерявший всё своё напускное равнодушие. — Инквизитор возомнил себя архангелом Гавриилом, потому что мёртвые поднимались из могил по его приказу, и шли за ним настоящим крестным ходом. Да и те, кто были жертвами чумы, тоже. А уж чем стали его личные палачи, и вовсе думать противно.

— А ты, значит, прикончил этого инквизитора?

— Это было очень тяжело, и я едва сам не отдал Богу душу, но всё же справился, — кивнул Гизберт. — Правда, потом меня можно было вязать голыми руками. Вот рыцари,

которым доверили охранять Мотгиза, и повязали меня. Видимо, хотели как-то оправдаться за то, что не сохранили безумца.

— Ты забыл сказать, что даже в том состоянии, в котором был, сумел прикончить половину оставшихся телохранителей, — добавил я. — А это были отборные паладины инквизиции.

Гизберт только плечами пожал, мол, какое это имеет значение для его рассказа.

— Но что тебя вообще понесло в Страсбург-то? — задал явно мучавший его вопрос Рамирес. — Зачем было переться в этот Господом проклятый город? Там ведь только тебя, наверное, и не хватало.

Гизберт решил отмолчаться, но я не видел причин, чтобы не говорить капитану всей правды.

— Раз Гизберт не хочет говорить, снова расскажу я.

Мечник гневно глянул на меня единственным глазом, и перебил:

— Хочешь знать, капитан, пожалуйста. Я пришёл туда за отцом Мотгизом. Я хотел мести и получил её, пускай и несколько иначе, нежели думал. Как я уже говорил, святой отец был помещан на пытках, и это его палачи выжгли мне глаз, а после отпилили руку. И не сразу, капитан, о нет, они делали это не быстро. Сначала пальцы, потом кисть, потом предплечье. Я был привязан к прочному креслу, но когда они снова взялись за меня, сумел разломать его. Я сумел придушить палача, что занимался мной и сбежать из застенков инквизиции. И именно то безумие, которое овладело мной на арене, помогло мне тогда.

— А меч ты там же нашёл? — поинтересовался у него Рамирес.

— Это уже отдельная история, — покачал головой Гизберт, — и вот её-то я лучше оставлю при себе.

Я знал, что даже на допросах во время второго ареста он не рассказал о том, где получил свой чудовищный меч и кто изготовил ему протез. Однако и без его рассказа, над этим вопросом удалось приподнять завесу тайны. Жуткий меч, которым якобы святой Георгий сразил дракона, [\[35\]](#) подобрал всю сатанинскую сущность этой бестии. Он хранился в семье языческого царя в Бейруте, но после смерти и чудес, явленных святым, его передали церкви. Вот только меч этот оказался исполнен слишком страшной силы, и его укрывала у себя семья потомственных кузнецов. Согласно легенде, они вовсе сумели расплавить проклятую сталь и уничтожить оружие, но, видимо, всё же были правы те, кто утверждал, что те кузнецы решили проникнуть в секретыковки и металла, а потому оставили его у себя. И живым подтверждением этого был Гизберт, владеющий проклятым мечом. Интересно только, почему тот кузнец или кузнецы отдали его мечнику, хотя вполне могли сделать это и не по доброй воле. Вот только это не объясняло, откуда у него доспехи отличнойковки и протез, какой могут сделать далеко не в каждой мастерской.

Но над этими вопросами я сейчас задумываться не хотел.

Высадить нас Рамирес решил в Ливорно, не довезя до Виареджио. Однако объяснялось это вовсе не его нежеланием терпеть нас на борту «Espirito Santo». После разговора с Гизбертом, мнение капитана о мечнике всё же изменилось. А уж после того, как я рассказал подробности о том, что тот носит в душе своей отголосок мощи сражённого святым Георгием дракона, так и подавно.

— Мне нужен он и его сила в борьбе с тем злом, с которым я вскоре вступлю в схватку, — сказал я Рамиресу.

— Ты играешь даже не с огнём, Рейнар, а с адским пеклом, — покачал головой капитан. Он ещё не знал многого обо мне, но я, конечно же, не спешил ему исповедоваться.

Из Ливорно было ближе до Пизы — известнейшего на всю Италию города разбойников, жуликов и моряков. Лучшего места не сыскать для планирования убийства тирана, скрывающегося под маской венгерского вельможи. Главным же достоинством его было то, что он располагался недалеко от Флоренции. Именно туда уже должны были прибыть Агирре со Скрипачом, а также отряд, отправленный прелатом Лафрамбуазом за ведьмой.

Вот только в порту Ливорно нас ждал сам прелат. С несколькими своими наёмниками он торчал на пирсе, наблюдая за швартовкой «Espirito Santo». Я не видел выражения его лица — инквизитор был одет в мирское платье, более чем скромное для его положения в обществе, и лицо его скрывалось в тени полей шляпы. Однако само его присутствие ничего хорошего нести не могло — в этом я был уверен полностью.

На берег мы сошли втроем. Капитан Рамирес облачился в лучший свой дублет, где пуговицы, включая сугубо декоративные, заменяли некрупные жемчужины, как будто стараясь таким образом компенсировать потерю роскошного плаща из павлиньих перьев. Гизберт щеголял матросскими обносками, поверх которых нацепил свои порубленные доспехи и, конечно же, чудовищным мечом на спине. Я же как раз выглядел самым обыкновенным образом, даже неудобно как-то становилось из-за контраста с двумя такими личностями, идущими рядом.

— Благодарю вас, капитан, — обошёлся как обычно без приветствий Лафрамбуаз. — Вот небольшая премия за беспокойство, что пришлось испытать в связи с моим поручением.

Прелат кивнул, и один из его людей шагнул к Рамиресу, протянув на ходу весьма увесистый даже на вид кошелек. Я был уверен, что наполнен он явно не серебром. Капитан с благодарностью принял его. Лафрамбуаз же сделал нам с Гизбертом знак следовать за ним. Ни я, ни мечник не захотели ничего говорить.

Прелат обошёлся и без прощания с капитаном, быстрым шагом направился прочь от пристани. Мы с Гизбертом успели попрощаться с Рамиресом ещё на борту, а потому сейчас только махнули ему и, не дожидаясь ответного взмаха, поспешили за Лафрамбуазом.

— Я вынужден извиниться перед тобой, Рейнар, — на ходу произнёс инквизитор, не поворачиваясь ко мне.

По голосу его было слышно, насколько неприятно ему говорить эти слова, а потому я решил промолчать, несмотря на несколько затянувшуюся паузу.

— Дело в том, что мои люди упустили ту ведьму, за которой я их отправил, — сделал ещё несколько быстрых шагов, продолжил Лафрамбуаз. — Вмешался полоумный де Бельзак. Вам он отлично знаком. После неудачи с порученной ему ведьмой, он собрал отряд охотников и принялся истреблять ведьм — настоящих и мнимых, больше последних, конечно — прикладывая к этому очень большие силы.

— И как он узнал о том, что ваши люди везут именно ведьму? — решил всё-таки вставить слово я.

— Вы просто ещё не знакомы с этой особой, — ответил Лафрамбуаз. — Она не считает нужным скрывать свои таланты, и даже активно выпячивает их. Так что нападение отряда де Бельзака оказалось скорее закономерностью, а также стечением обстоятельств, из-за которых он обретался поблизости от маршрута моих людей. Они сумели отбиться, но ведьме удалось сбежать.

— Выходит, мне придётся обходиться без неё, — кивнул я, принимая сказанное

инквизитором к сведению.

— Чтобы сказать тебе это, мне достаточно было голубя в Ливорно прислать, — остановился Лафрамбуаз и глянул мне прямо в глаза. — Раз мои люди оказались недостаточно компетентны, значит, тебе буду помогать я сам.

Мне было жаль людей, которых он отправил за ведьмой, а они вернулись к нему с пустыми руками.

— И в чём будет заключаться помощь? — уточнил я.

— Мы вместе отправимся на ведьмин шабаш, — заявил он. — Твоя девица слишком долго была отрезана от своих, а потому ни в коем случае не пропустит его.

Я даже поперхнулся от этих его слов. Инквизитор на ведьмином шабаше? Это уже пахло каким-то безумием.

— И сколько человек вы с собой хотите взять, чтобы разогнать этот шабаш? Видимо, армию, не меньше.

— Не будь ослом, Рейнар! — вспыхнул инквизитор. — Здесь не Франция, и не Германские земли империи, а потому есть шабаши, на которые тут предпочитают закрывать глаза. Иначе как, ты думаешь, мы ловили бы самых опасных ведьм и колдунов? Раз уж вынуждены играть на их поле, так надо подправлять правила в свою пользу.

Да уж, его слова просто перевернули весь мой мир с ног на голову. Теперь он уже никогда не будет прежним. Конечно, я подозревал, что Лафрамбуаз далёк от ортодоксов Авиньонской церкви, иначе не держал бы при себе Гедалию, и со мной бы уж точно обошёлся совсем иначе. Однако закрывать глаза на ведьмины шабаши, да к тому же посещать один из них, это уже совсем другое дело.

И чтобы это знание уложилось у меня в голове, нужно будет едва ли не больше времени, чем в своё время, чтобы оправиться от путешествия из Луки в Шварцвальд и обратно.

Глава 11

Очень большая ведьма

Даже когда мы сели в чёрную карету, напомнившую мне ту, в которой я проделал долгое и опасное путешествие в Лукку, я всё равно не мог уместить в голове тот факт, что вот прямо сейчас в сопровождении инквизитора Тосканы и мечника Гизберта отправляюсь на ведьмин шабаш. Всю дорогу до экипажа меня так и подмывало задать Лафрамбуазу самый дурацкий вопрос, какой только возможен в сложившейся ситуации. Нечто вроде: а как же 18 завет 22 главы книги Исхода? Думаю, снизойди инквизитор до ответа, мне бы он уж точно не понравился.

Гизберта пришлось взять с собой, потому что отправлять его в Пизу одного не рискнули. Несмотря на мою беседу с ним, мечника лучше всё-таки держать поближе. На что он способен, я отлично видел в тюрьме, а сдержат силу демона, сокрытого в нём и его мече, наверное, мог только я. Ну, или некто столь сильный в потустороннем смысле. Мне очень не хотелось думать, что это может быть, например, Дракулести.

— И долго ехать до места шабаша? — спросил я немного не то, что хотел, но надо же было как-то развеять повисшую в карете тяжёлую тишину. Попытаться, хотя бы.

— До самой горы мы не поедem, — ответил Лафрамбуаз, — даже мне не стоит появляться там без... — Он хмыкнул, но всё же продолжил. — Да что там, без разрешения. И сейчас мы едем его получать.

— Вам ещё и разрешение нужно, чтобы на шабаш попасть, — удивился я, окончательно впадая едва ли не в ступор.

— Есть определённые договорённости, заключённые во время чумы, когда всему человечеству мог прийти страшный конец, — начал он, видимо, решив прояснить ситуацию раз и навсегда. — У Священной Римской империи были паладины, войска, артиллерия и помощь Тевтонского ордена, чтобы бороться с чумными отродьями. А после насаждать свою власть всюду, куда только дотянется. Кастильская корона, королевство Арагон, халифаты Сицилии и Гранады закрывали границы для всех, распадались, каждый сеньор держался за свой феоd, и многие до сих пор держатся, не признавая над собой ни чьей власти. Италия же и без того была раздроблена, и потому церкви, чтобы сохранить паству, пришлось идти на определённые уступки. Не настолько широкие, как в Арагоне или Наварре, но всё же такие, каких никогда не поймут в Авиньоне или Мариенбурге. Ведьмы и колдуны выдают нам самых опасных среди них, тех, кто не хочет признавать законов и договорённостей с инквизицией. Иных судят сами, представляя нам доказательства их смерти, чаще всего кто-то с нашей стороны присутствует на показательной казни. Другие же отправляются в очистительное пламя костров. Нам помогают ловить заразителeй, бороться с осквернителями и некромантами, а также с последствиями их действий. Ну, и время от времени мы посещаем их шабаша, чтобы следить.

— За чем именно следить? — не очень понял я.

— Чтобы там не творили ритуалов поклонения Козлу и прочих подобных мерзостей, — ответил Лафрамбуаз, — чтобы в котлах не было человечины, чтобы не искали мандрагору известным способом,^[36] чтобы человеческих жертв не приносили, чтобы не призывали демонов из ада.

Сейчас он перечислил примерно всё, что, как я считал, творится на ведьминых шабашах.

Если ничего подобного там не происходит, интересно, что же именно там делают собравшиеся со всей округи ведьмы с колдунами? И для чего все они, собственно говоря, собираются тогда на шабаши.

— Это древние празднества, — пожал плечами Лафрамбуаз, — подлинное значение которых известно разве что таким, как хозяйка этого шабаша. Та, к кому мы едем. Это весьма опасная женщина, и мне доподлинно известно, что кроме санкционированных инквизицией шабашей, она устраивает и такие, где творятся подлинные непотребства. Вот только за руку её ещё никто не поймал. Да и связываться с ней нет особого желания.

— И, выходит, от её разрешения зависит успех нашего дела?

— Я просто ставлю её в известность о своём прибытии на шабаш, — решил всё-таки смягчить формулировку в свою пользу инквизитор, — и отказать мне она точно не сможет.

— А в известность ставите, — впервые за всю дорогу подал голос Гизберт, — чтобы там не случилось никаких непотребств, которым вы можете стать нежеланным свидетелем.

Отрицать это Лафрамбуаз не стал.

Дом ведьмы ничем не напоминал убогое жилище в лесу или же пряничный домик из сказки. Вполне себе презентабельный особнячок в центре небольшого городка Кальчи, расположившегося у отрогов Пизанских гор. В таком может жить, к примеру, купеческая вдова, крепко держащая в руках дело покойного мужа, покуда не подрастут дети. Или, к примеру, вдова богатого дворянина, которой родственники выделили приличное содержание, и она доживает свой век в воспоминаниях о былом. В том, что обитает здесь именно вдова, сомнений как-то не возникало. Слишком уж мрачно он выглядел, и на пристанище одинокой старой девы походил ещё меньше, чем на пряничный домик.

Карета остановилась рядом с порогом, и первым оттуда энергичным движением выскочил Лафрамбуаз, напомнив мне отчего-то прыткого кузнечика. Я выбрался следом, а за мной и Гизберт, разумно оставивший своё чудовищное оружие в экипаже. Мне даже не пришлось напоминать ему об этом. Инквизитор нетерпеливым движением постучал молотком в медную пластину, врезанную в дверь. Та отозвалась удивительно густым, единым звуком, как будто Лафрамбуаз и не опускал било раза три, не меньше.

Почти сразу же дверь отворилась. Я ожидал увидеть на пороге кого угодно, хоть бы чёрного кота на задних лапах, однако открыл нам самый обыкновенный слуга. Пускай и чернокожий, но это не удивительно, многие зажиточные граждане Пизы предпочитали покупать себе «подневольных слуг», фактически рабов, из жителей Чёрного континента. Те были послушны и отлично вышколены, к тому же, даже самым отчаянным было попросту некуда бежать — они совершенно не представляли себе мира вокруг них. А уж изловить такого не составляло труда.

— Госпожа ждёт вас в библиотеке, — густым, будто гуталин голосом произнёс он. — Вас проводят.

Он посторонился, пропуская нас, и ни у кого не возникло вопроса — откуда хозяйка дома может знать о нашем визите и уже ждать нас. Мы отлично знали, к кому решили нагрянуть в гости с неожиданным визитом.

Нас уже ждала чернокожая служанка, одетая, как и дворецкий, в скромное европейское платье, она кивнула нам, чтобы шли следом. Шагала впереди практически тенью, стараясь выглядеть как можно незаметнее, и ей это вполне удавалось. Изнутри дом был обставлен не роскошно, но вполне прилично, сразу становилось понятно, что у его хозяйки всё в порядке с финансами. Стены украшали маски чёрного дерева с жуткими физиономиями африканских

божков, а на некоторых углах стояли тотемы. Когда мы проходили мимо них, внутри меня всякий раз что-то всколыхивалось, как будто поднимались волны со дна болота. И тут же наливались жаром клейма на руке и груди. По пути нам попались ещё пара слуг и служанок — все исключительно чернокожие, самым же старшим был дворецкий.

Библиотека в особняке была просто поразительных размеров. Ящики и сундуки с книгами громоздились от пола до потолка. Ни одной книги не было на виду, кроме той, что держала в руках удивительно молодая женщина, сидевшая у окна. Она с удобством расположилась в мягком кресле, перед ней на столике стояла бутылка вина и бокал, а также тарелка с какой-то лёгкой закуской. Рядом же замер слуга, готовый по первому сигналу наполнить бокал вином. В руках женщина держала небольшую книгу в кожаном переплёте. И отчего-то я был уверен, что по первому же слову слуга будет и страницы переворачивать. Если хозяйке станет лень делать это самой.

— Я не ждала вас, инквизитор, — обернулась к нам ведьма, оторвавшись от чтения. — А уж тем более в столь странной компании.

— И тем не менее, я здесь, — ответил он.

— Что же привело вас и ваших компаньонов ко мне?

Видимо, ни приличия, ни правила гостеприимства ведьма решила на нас не распространять. Даже поприветствовать нас сочла излишним, сразу перейдя к делу.

— В ночь ближайшего полнолуния ты как обычно будешь устраивать шабаш на горе Сера, что близ Кальчи. — Инквизитор не спрашивал, он точно знал, что и когда станет устраивать ведьма. — Я с моими компаньонами буду присутствовать там. Так что изволь придержать своих псов, чародейка, чтобы они ненароком не кинулись на нас.

Ведьма долго глядела ему в глаза, словно оценивая, стоит ли принимать сказанное Лафрамбуазом всерьёз. А после подняла руку с пустым бокалом и дважды постучала длинным ногтем по стеклу. Звук вышел в высшей степени неприятный, как будто по зубам этим ногтем прошли, но, видимо, этого эффекта она и добивалась. Слуга тут же подхватил бутылку и наполнил бокал.

— А что если мы хотим повеселиться там как следует? — спросил она. — А ты хочешь испортить нам всё веселье, инквизитор.

На этот вопрос ответа не было нужды давать, и потому мы ждали, когда она продолжит.

— Знаете ли, — сказала она, — ответьте честно на один вопрос, и я решу — стоит ли давать вам свою протекцию, чтобы вас не сожрали мои псы.

— Я ставлю тебя в известность о своём прибытии на твой шабаш, — ледяным тоном заявил Лафрамбуаз. — Мне не требуется твоя протекция, чтобы прибыть туда.

— Будь это так, — ответила ведьма, — ты бы не приходил сюда заранее, не просил бы отозвать моих псов...

— Ты забываешься! — вспыхнул Лафрамбуаз.

Видно было, что этот визит дорого ему дался, и ведьма своим поведением лишь ухудшала положение. Скорее всего, намеренно.

— Давай, я угадаю твой вопрос, — шагнул вперёд я, прежде чем ведьма успела сказать нечто провокационное, что уже точно обрежёт наш визит на полное фиаско, — и если мой ответ будет верным, ты дашь нам покровительство на своём шабаше.

— А ты наглец, юноша, — подалась вперёд ведьма, — мне такие нравятся куда больше святош, вроде твоего спутника. Ну что же, я жду твоего ответа.

— Мне нужна юная девица, ведьма, которая будет на твоём шабаше, — сказал я. — Она

слегка безумна и изображает из себя театральную маску.

— Неужели, ты хочешь забрать ту юницу, что лишь только-только чудом освободилась из застенков инквизиции, — покачала головой ведьма. — Это будет просто бесчеловечно по отношению к ней.

— Она должна будет пойти со мной добровольно, — ответил я, — и никак иначе. У неё будет уйма возможностей сбежать, пока она будет в моём отряде. Стеречь её уж точно никто не станет.

— Если весь твой отряд набран из людей, вроде тебя, то ничего удивительного, что тебе понадобилась ещё и полоумная ведьма. — Женщина поставила на столик полупустой бокал, но слуга и не подумал наполнять его без команды. — Ты мне не нравишься, и третий ваш спутник тоже. Мне не особо по душе ладан и фимиам, но сера с лепрой и чумой разят куда хуже.

Она поднялась на ноги, и слуга быстрым движением поправил на ней платье. Он касался её так, будто это была не женщина из плоти и крови, а воплощённое божество.

— Вот что я решила, — заявила ведьма. — Вы двое отправитесь на шабаш, ты же, инквизитор, возвращайся к себе в Лукку — не желаю, чтобы ты своей постной рожей портил нам веселье.

Я заметил краем глаза, как побледнел Лафрамбуаз, как стиснул зубы с такой силой, что набухли желваки. Но он ничего не сказал. Вышел из библиотеки первым, не кивнув даже на прощание. Мы поспешили за ним.

Инквизитор не произнёс ни слова, пока мы не покинули дома ведьмы и не уселись в карету. Кучер медленно тронул лошадей, не получив никакого приказа, а потому, верно, решил покатасть нас по городку, пока начальство не решит, куда же ехать дальше.

— И что же, — рискнул спросить у него я, — вы примете во внимание её слова? Вас не будет на шабаше?

— Слова я во внимание точно приму, — процедил сквозь зубы он, — а вот насчёт бездействия ты ошибаешься, Рейнар. Эта тварь ответит мне за оскорбления.

Меня так и подмывало спросить — как же именно она ответит, но я отчего-то был уверен, что ничего мне Лафрамбуаз не скажет. Не из тех людей он был, кто легко делится своими планами, особенно планами мести.

— И всё же, я не понимаю, отчего она вела себя так нагло, — покачал головой я. — Пускай и в собственном доме, но ведьма же точно знает, кто вы такой, что за сила стоит за вами.

— Это послужит мне хорошим уроком, Рейнар, — сказал он. — Я пришёл в её жилище, закутавшись в плащ собственного высокомерия, а она ловко спустила меня с небес на грешную землю. Что ж, не люблю оставаться в долгу.

Он дважды стукнул костяшками пальцев по крыше, и кучер остановил карету. Я думал, Лафрамбуаз не следит за дорогой, однако он велел вознице остановиться прямо у дверей небольшой гостиницы. Над ними покачивалась кованая вывеска с кроватью, ключом и кружкой пива — настоящее произведение искусства.

— Моих денег вам обоим хватит на то, чтобы прожить тут до шабаша, — сказал он.

— А как нам попасть на него? — удивился я, сразу поняв, что оставаться с нами Лафрамбуаз не собирается. — Я вот слабо себе представляю, где на этой горе шабаш может происходить.

— Не сомневайся, — покачал головой инквизитор. — Ведьма приедет за вами, чтобы

проводить лично.

Мне оставалось только плечами пожать, да быстро выбраться из кареты. Я решил не прощаться, потому что знал, от Лафрамбуаза не дожусь и короткого кивка в ответ. Гизберту пришлось несколько сложнее — вытащить его громадный меч из экипажа оказалось не такой и простой задачей.

В гостинице было немногочисленно, что меня полностью устраивало. Я заплатил, не торгуясь, за две комнаты, велел слугам тащить наши пожитки наверх. Мы же с Гизбертом устроились в общей зале в ожидании заказанной еды. Мы оба завтракали ещё на «Espirito Santo», и надо сказать, завтрак наш вполне можно было назвать скудным, ничуть не покрывив душой против истины.

Первым, конечно же, принесли пиво, и мы отдали должное этому напитку. Конечно, было оно так себе, но для утоления жажды сойдёт и такое. Правда, от него сильнее разыгрался аппетит, а потому стоило только появиться на столе тарелкам и мискам с едой, мы тут же накинулись на них, будто пара голодных псов.

— Ты погляди на них, — раздался скрипучий голос. — Нет, ты только взгляни на этих варваров, мой просвещённый друг. Их пытались приучить к благам цивилизации на протяжении тысяч лет, но они так и остались дикарями.

Мы с Гизбертом обернулись и увидели парочку пожилых людей. Первый напоминал больше всего профессора какого-нибудь университета — из Лукки или Флоренции. Может быть, доктора философии. Он был одет в одежду строгих, исключительно тёмных тонов, а редкие по старости волосы укладывал в некое подобие причёски. Обращался он к смуглому жителю востока, наверное, из Крымского султаната, а может, с Пиренейского полуострова. По виду, спутник философа был настоящим учёным, даже очки в стальной оправе на носу таскал, хитровато прищуриваясь из-за них.

— Не будь строг к этим молодым людям, рафик, [\[37\]](#) — покачал головой араб. — Они юны и стараются жить. Ты и сам был таким, когда обучался в достойной академии, где сейчас преподаёшь.

— Не стоит ровнять нас, — покачал седой головой профессор. — К тому же, я видел из какой кареты они вышли. Обыкновенно, если уж человек сел в такую, то редко его после этого видят. Разве что на главной площади, привязанным к столбу с обложенными вязанками хвороста ногами. Вот что я тебе скажу, друг мой.

Вот, значит, в чём дело. Глазастый не по годам старичок приметил, в какой карете мы приехали к гостиничному крыльцу, и решил вволю поизгаляться. Во все времена студенческая братия и профессура были проникнуты духом вольнодумства и открыто враждебно относились к церкви, а уж к инквизиции так и подавно. Интересно, что бы случилось, будь с нами тут ещё и Лафрамбуаз. Вполне возможно, завтра к утру говорливый старичок и в самом деле оказался бы привязанным к столбу на центральной площади.

— А вы не боитесь, что сами можете оказаться в этом положении? — как будто прочтя мои мысли, высказался Гизберт, которого, видимо, слова старичка задели за живое.

— Если вы считаете, что можете запугать меня, молодой человек... — начал было тот, однако Гизберт умудрился скроить такую жуткую гримасу, что пожилой профессор мигом заткнулся.

— Угрожаю я, папаша, совсем иначе, — голос мечника разом стал тише и каким-то хриплым.

— Кажется, стоит найти более приличное заведение, — поднялся на ноги не на шутку

перепуганный старичок, — сюда, как я погляжу, пускают слишком уж подозрительных личностей.

Араб только плечами пожал и вышел вслед за профессором.

— И кто эти двое такие? — спросил я у хозяина гостиницы, похоже, ничуть не огорчённого тем, что старичок с арабом покинули её.

— Да так, — пожал плечами тот, продолжая протирать кружку, — пара сбрендивших стариков. Каждый год пытаются попасть на шабаш ведьм, вроде как влюблены в одну и ждут, когда та ответит им согласием. Но их и близко к горе не подпускают, как и всяких других.

Видимо, шабаш тут был чем-то вроде местной достопримечательности, раз знали о нём все, кому ни лень.

Расправившись с едой, я оказался перед неразрешимой на первый взгляд проблемой. Мне оказалось совершенно нечего делать. Вот уже много месяцев я жил в таком безумном ритме, что просто не мог позволить себе времени на отдых больше, нежели нужно для восстановления сил. Да и это удавалось очень и очень редко. Если не считать дней, проведённых в поместье Лафрамбуаза в Лукке, я и не отдыхал-то толком. Постоянно куда-то бежал, за кем-то гнался или наоборот, удирал от кого-нибудь — и второе куда чаще первого. Так что отдых давно уже стал для меня коротким периодом времени, когда можно посидеть у костра и поглядеть в его пламя, не думая о завтрашнем дне и том, что он принесёт. Да и вообще, доживу ли я до него — в этом у меня были серьёзные сомнения.

У Гизберта подобных проблем, похоже, не возникало. Как только закончилась еда, он отправился в свою комнату. Наверное, сейчас валяется в кровати и глядит в потолок. О чём он думает в этот момент, я даже представить себе не мог. Мечник пережил многое, быть может, даже побольше моего. На его долю выпали кошмарные испытания, но он каким-то чудом ещё остаётся человеком. Даже приютив в душе своей немалую часть демона.

Идти к себе мне не хотелось, а потому я расплатился с хозяином за обед и отправился гулять по городу. Кажется, со времён короткой прогулки по Специи ни разу мне не представлялась возможность вот так запросто, спокойно пройтись по городу. Без какой-либо цели, не оглядываясь за спину — а не следят ли за мной враги — просто бродить по улочкам, глядя на людей. На таких же как я прохожих, на докторов в чёрных плащах и опущенными на шею масками, на стражников, строго поглядывающих по сторонам, побрякивая окованными сталью «пятками» алебард о мостовую, на крысоловов с целыми сворами злющих терьеров, готовых ловить и рвать любую крысу, какая только будет иметь несчастье попасться им на глаза. В общем, обычный, мирный, сонный городишко, который мало изменился даже из-за кошмара чумы. Да и вряд ли она добралась сюда.

Наверное, когда всё закончится, я поселюсь именно в таком городе — тут очень хорошо всё забывать. Хотя к чему обманывать самого себя — ничего не закончится, по крайней мере, так, как мне бы хотелось. После Шварцвальда — Дракулести, и после него мне ещё какое-нибудь дело найдётся. Уж кто-кто, а инквизитор Лафрамбуаз не оставит меня в покое. А значит, мечты о тихой жизни в таком вот сонном городке, где даже шабаш не воспринимали как нечто из ряда вон выходящее, останутся для меня пустыми мечтами.

В гостиницу я вернулся в сумерках, пребывая в исключительно мрачном настроении. Без ужина отправился к себе в комнату, коротать часы перед сном за не самыми приятными раздумьями.

Утром я не слишком рано спустился в общую залу. Дважды ко мне заглядывала

служанка, которая хотела поменять простыни, но оба раза я прикидывался спящим, и она закрывала за собой дверь. Однако голод и естественные надобности выгнали-таки меня из кровати. Я не особенно удивился, застав внизу знакомую уже парочку — пожилого профессора, как оказалось, влюблённого в ведьму, и его арабского приятеля. В столь ранний час лишь они да Гизберт, у которого за ушами трещало, так старательно он перемалывал явно не первую порцию еды, сидели в общей зале.

Я махнул хозяину, скучавшему за стойкой, как мне показалось, с той же самой кружкой в руках. Однако подсел не к Гизберту, а к паре пожилых людей. Мечник был натурой не слишком общительной, и коротать утро в его компании как-то не тянуло. В то время как старик-профессор был куда более интересным собеседником. Конечно, из тех, кто предпочитает больше слушать собственный голос, да только мне, собственно, это и было нужно.

— Отчего вы решили выбрать наш стол? — тут же окрысился на меня старик. — Тут полно свободных. Если не желаете садиться с вашим приятелем-варваром, который, по всей видимости, не имеет представления даже об основах культуры поведения за столом, так выберите любой свободный по вкусу.

— Мне по вкусу пришёлся именно этот, — ответил я, садясь напротив него.

Кажется, арабу реакция старика доставляла удовольствие.

— Вы пропустили в моей фразе слово «свободный», юноша, что, впрочем, неудивительно, раз вы путешествуете в компании этого одноглазого варвара. Однако я, раз уж вы пропустили его, то глаза вас не должны обмануть — этот стол занят.

— Для меня место же нашлось, — пожал плечами я. — Принесите что-нибудь, что уже готово. Не хочу ждать.

— Послушайте! — стукнул ложкой о край тарелки старик. — Что это за бесцеремонность?! Вы что же, вовсе не в грош не ставите наше уединение? Вам слово «деликатность» знакомо? Или хотя бы «вежливость»?

— Их давно уже нет в моём лексиконе, — заявил я, видимо, немало удивив старика тем, что знаю достаточно «сложные» слова, явно выходящие за рамки понимания простого наёмника.

— Согласись, рафик, — тут же встрял пожилой араб, — этот юноша отбрил тебя красиво. Не ты ли любил поддеть умствующих господ в юности подобными шуточками?

— Послушай, — окрысился теперь уже на него старик, — если ты будешь становиться на сторону этого молодого нахала, то скоро перестанешь быть мне другом!

— Если бы ты платил мне всякий раз, как обещаешь забыть нашу дружбу, хотя бы по медной монете, — в обычной для арабов манере отозвался тот, — я давно уже стал бы богаче моего султана.

Седовласый профессор надулся и глядел теперь только в свою тарелку, явно не собираясь больше ничего говорить. А потому араб взял инициативу на себя.

— И всё же, что привело вас за наш столик? — спросил он у меня.

— Если честно, я соскучился по хорошей беседе, — ответил я почти правду. — Спутник мой — человек молчаливый, и порой из него неделями слова не вытянуть, а мне с ним ещё коротать и коротать дни. Так что, увидев вас, я решил воспользоваться okazjiей. Тем более что вчера хозяин гостиницы много интересного рассказал про вашего друга.

— Опять про меня лишнее болтают, — буркнул профессор, но продолжать не стал.

— Да и про вас — тоже, — добавил я.

— О, эти благословенные времена, — протянул араб, которого ничуть не смутили мои слова, — мы были молоды, куда моложе вас с вашим молчаливым другом, и боролись за сердце юной женщины. Конечно, мы не знали, кто она такая, и даже не подозревали, отчего отвергает обоих. Быть может, сейчас и сложно поверить в это, но и я, и мой рафик, были настоящими красавцами. Ну, или считали себя таковыми, конечно.

— Ты был красивым варваром, — встрял-таки старик, — а я — молодым, но уже умудрённым жизнью учёным мужем.

Подавальщица как раз принесла еду, и я слушал стариков, которые, кажется, совсем позабыли обо мне. Оба ушли в мир своих воспоминаний о молодой ведьме, за которой ухлёстывали много лет назад. Вспоминали победы друг над другом, араб то и дело подшучивал над профессором, а тот сразу же кидался в бой, будто слова друга и действительно задевали его за живое.

Их дружескую перепалку прервало появление ведьмы. Я даже не ожидал, что она явится так рано. Стоило отвориться дверям гостиницы, как внутри тут же установилась тишина. В ней перестук каблуков был слышен особенно отчётливо. Знакомая мне ведьма вошла в общую залу, критически оглядела её. Взгляд женщины скользнул по нам с Гизбертом, но остановился на двух стариках.

— Ты снова явился ко мне, — вздохнула она. — Зачем? Ты не был нужен мне молодым и красивым, не нужен и сейчас, когда ты стар и сед. Для чего ты каждый раз отправляешься в путешествие, чтобы попроситься на шабаш?

— Ты знаешь ответ, женщина, — гордо заявил ей профессор.

— Глупцы, — отмахнулась она. — Были молодыми глупцами, стали глупцами седыми. А вы двое чего сидите? Я приехала за вами, между прочим.

— До ночи ещё есть время, — пожал плечами я, и не думая отрываться от еды, — если ты пришла показать нам дорогу, то ещё рано.

— А ты ещё больший наглец, чем инквизитор, — глянула она на меня с откровенной злобой. — Или вы оба сейчас отправляетесь со мной, или можете забыть о шабаше и о той, за кем приехали.

И тогда я глянул ей в глаза, отпуская свою силу. Мои проклятья хлынули в её сознание, в самую душу ведьмы. Клейма на груди и правой руке налились болью, но я стиснул зубы и терпел её. Я чувствовал, как к моей собственной силе примешивается ещё что-то, нечто, полученное во время схватки с крысолюдским шаманом, проникшее в мои тело и душу через кампеадорский меч.

Ведьма отшатнулась в первый миг, ошеломлённая моей силой и напором, однако уже через мгновение ответила. Не шевельнув и пальцем, она обрушилась на меня. В голове моей раздался вой — не волчий, как будто даже не имеющий отношения к нашему миру. Свет померк вокруг нас. Какие-то злобные духи заметались рядом, их стремительные перемещения я ловил краем глаза. А потом где-то вдали забили барабаны туземцев Чёрного континента, послышались отголоски пения, приглушённые расстоянием. Но звуки нарастали, как будто приближаясь к нам.

Тогда я усилил напор. Клейма горели огнём, но я просто выбросил эту боль из головы. Сейчас имело значение лишь наше противостояние с ведьмой. Я должен был заставить её отступить любой ценой. Барабанный бой нарастал, пение становилось всё громче, всё больше духов металось меж нами. Однако ни я, ни ведьма не переходили в наступление.

Я видел, как она изменилась в той тьме, что сорвала с нас все покровы. Маленькая, даже

какая-то щуплая женщина с давно не мытыми длинными спутанными волосами, одетая в складывающиеся в замысловатый узор цепочки потускневшего металла. Лоб её украшал полумесяц, отлитый, видимо, из того же металла, что цепочки, но он сиял в свете невидимой луны, будто начищенный песком. Она сидела на корточках, глядя на меня исподлобья недобрым взором, а после произнесла одними губами короткое слово, и всё прекратилось. Я скорее угадал, чем услышал или прочёл по губам, что она сказала мне, но был точно уверен, что это слово «хватит».

Мы снова находились в гостинице. Она стояла в дверях, я сидел за столом с ничего не подозревающими стариками. Ведьма побледнела, однако держалась по-прежнему уверенно. Мы словно два хищника обменялись приветственным рыком, признали силу друг друга, но дальше не пошли.

Интересно, как я выглядел в той тьме, где шёл наш короткий поединок? Хотя, быть может, ведьма видела совсем не это.

— Что ж, теперь мне придётся задержаться в этом месте, — с явным сожалением произнесла она. — Ты убил нескольких моих слуг, что прибыли со мной, и теперь мне придётся ждать, когда придут новые, чтобы отвести нас на гору.

Она щёлкнула пальцами, и к ней тут же подбежал сам хозяин. Ведьма в городе была явно далеко не последней женщиной.

— Я буду в комнате, — распорядилась она, даже не сказав в какой именно, — принесите туда вина и пришлите кого-нибудь из моих слуг, что ещё остались на улице.

— Конечно-конечно, — закивал тот, и принялся раздавать команды служанкам.

О нас он позабыл напрочь.

— Я не понял, что между вами произошло, юноша, — покачал головой пожилой араб, — но, скажите, как вы сумели уничтожить нескольких слуг?

— Вы же видели, я не встал со своего стула, — пожал плечами я. — Как я мог сделать это?

— Не прибедняйтесь, — отмахнулся араб. — Ей же служат лоя, ^[38] которых она селит в телах своих чернокожих слуг. Вот их-то вы и уничтожили, как я понял из её слов. Точнее из того, что не было ею сказано.

— А вы много знаете об этой женщине, — заметил я, — но это вовсе не значит, что я стану рассказывать вам о себе.

— Вы слишком противоречивый человек, юноша, — заметил профессор, — и я теперь даже не знаю, как относиться к вам.

— Лучше не менять первого впечатления, — ответил я, и поднялся на ноги.

Теперь меня более чем устраивала молчаливая компания Гизберта.

Глава 12

Шабаш с последствиями

Я стоял перед красивым вороным конём, однако не спешил забираться в седло. Краем глаза заметил, что Гизберт не торопится, разглядывая животное своим единственным глазом.

— Вы что же, — поторопила нас вышедшая из гостиницы ведьма, — верхом ездить не умеете? Места в моей карете для вас обоих нет, так что кому-то придётся бежать за нею.

Верхом ездить я, конечно, умел. Пускай до поляков или венгров мне было далеко, но всё же не просто в седле держусь. Уверен, что и Гизберт — тоже, он бывалый путешественник и вряд ли все мили, пройденные им, отмерил только ногами. Просто мне не нравился этот конь, и Гизберту, по всей видимости, его скакун тоже не пришёлся по душе. Было в них нечто такое, что заставляло насторожиться. К тому же, как только я подошёл к животному и положил правую руку ему на холку, клеймо тут же начало покалывать.

— Что с ними не так? — обернулся я к ведьме, ожидая объяснений.

За ней прибыл эскорт спустя примерно полчаса с нашего немого столкновения. Оба старика предпочли откланяться, поняв, что и на сей раз не встретят понимания. В гостиницу вошли несколько её чернокожих слуг, сразу же направились на второй этаж, и вместе с ними ведьма вышла из комнаты уже через пять минут.

На улице её ждала карета, скорее всего, в ней она сюда и приехала и пара вороных жеребцов, что так не приглянулись нам с Гизбертом.

— В них заключены малые лоа, — ответила ведьма. — Постарайся не убивать их, как некоторых моих слуг. Без них вам не попасть на гору. Вернее, не попасть туда, где собираются на шабаш.

Мне вовсе не улыбалось ездить на этих малых лоа верхом, но раз выбора нет, приходится подчиниться. Правда, делать это мне чертовски не хотелось, как, видимо, и Гизберту. Однако я первым заскочил в седло, подавая ему пример, и мечник последовал за мной. Не в первый раз я подивился тому, как ловко он движется, несмотря на громоздкий меч за спиной.

— Ну что ж, — махнула рукой кучеру из кареты ведьма, — раз все готовы — поехали.

Тот молча стегнул коней вожжами, и четвёрка вороных рванула, что называется, с места в карьер. Наших жеребцов и погонять не пришлось, они тут же помчались вслед за каретой. Скакать по городу в таком темпе вообще было не самым разумным решением, однако мы никого не встретили, хотя ещё вчера я гулял по городу и встретил довольно много прохожих даже в более позднее время. Не попадались нам ни стражники, ни доктора, ни крысоловы. Как будто город вымер или только те его улицы, по которым мчалась наша кавалькада.

А вскоре мы покинули его пределы, миновав безлюдный пост с поднятой рогаткой, что было не просто удивительно. Этого я уже понять не мог. Города не остаются без охраны ни днём, ни ночью. Я не был бы удивлён, если бы стражники вытянулись по фрунт и отсалютовали ведьме с кортежем. Да что там, меня не удивил бы и кланяющийся ей и просящий возвращаться поскорее подеста, однако пустой пост с поднятой рогаткой — это уже переходит все границы.

Я решил выбросить это из головы, да и после хватило впечатлений. Потому что стоило нам отъехать от города на полмили, как ведьма снова высунула руку из кареты и щелчком

пальцев подала знак кучеру. Тот хлопнул коней вожжами, но те не прибавили шагу. Нет, они начали подниматься в воздух — быстро, как будто под ногами их дорога сама собой уходила в небо. Думаю, не надо говорить, что и наши кони последовали за ними.

Не прошло и пяти минут, как мы скакали на уже довольно приличной высоте. Я старался не глядеть вниз, и не цепляться за уздечку так сильно, что аж пальцы побелели. Получалось не очень. Как-то не было у меня привычки глядеть на мир сверху вниз. Хотя, признаться, зрелище было в высшей степени захватывающее — особенно когда я к нему привык и перестал то и дело жмуриться.

Мы летели над лесом, над дорогами, по которым перемещались фигурки людей и похожие на коробочки повозки. Лошади с такой высоты вообще казались чем-то непонятным, но напрочь лишённым грации, присущей этим животным. Реки не толще моего пальца, озёра размером с ладонь, и, конечно же, отроги гор. Мы кружили над ними, снижаясь по долгой спирали. Я уже не боялся смотреть вниз, а потому всю любовался небыстро увеличивающимися в размерах видами.

На горное плато можно было попасть только по воздуху, по крайней мере, я не заметил ни одной дороги и даже козьей тропки, что вела бы сюда. Однако было оно достаточно просторным и могло вместить народу никак не меньше, чем хорошая бальная зала.

Тут уже всюду шуровали чернокожие слуги ведьмы, и если не присматриваться внимательно, то могло показаться, что готовились они к обыкновенному загородному празднику. Такие пускai и нечасто, но проводились в спокойных провинциях, конечно же, под внушительной охраной, в которой народу насчитывалось никак не меньше, нежели гостей. Однако здоровенный котёл, под которым разводили огонь, пока отставленные поодаль клетки с голыми людьми, а также здоровенный детина в козлиной маске навели на не самые добрые мысли. Этот шабаш явно будет из тех, на какие церковь никогда не закроет глаза.

Мы приземлились и ведьма, не обращая на нас внимания, занялась организацией праздника, отправившись напрямик к детине в козлиной маске. У нас же с Гизбертом приняли коней, предоставив в дальнейшем самим себе. Мы отошли подальше, где, как мне казалось, никто не мог нас слышать, да и не путались под ногами у спящих туда-сюда чернокожих слуг.

— Не нравится мне всё это, — тут же заявил Гизберт, озвучив мои мысли.

Мне оставалось лишь пожать плечами в ответ. А что мы могли поделать? Я был там, где должен быть, теперь надо дожидаться появления особы, из-за которой я прилетел на этот шабаш.

— Я чувствую себя главным блюдом на обеде, — неожиданно резко сказал он.

— Мы, в отличие от жареного кабана, можем показать клыки, — попытался успокоить его я.

— Разве что только показать, — отмахнулся он. — Здесь соберётся столько нечисти, что им не составит особого труда справиться с нами.

— Не прибедайся, Гизберт, — хлопнул его по плечу я, — в твоём мече достанет силы, чтобы расправиться со всеми, кто прилетит на шабаш, и с его хозяйкой в придачу.

— Так вот зачем ты потащил меня сюда, — прищутив единственный глаз, глянул на меня Гизберт. — Ты ведь знаешь, чем я плачу всякий раз за эту непрошеную силу.

— Я за свою плачу не меньше, — заверил его я, — но раз уж ввязался в эту игру, то придётся идти до конца.

— Ты не оставил мне выбора.

— У меня его тоже не было.

Вряд ли от этих слов Гизберту стало легче, но должен же я был хоть что-то сказать.

Мы сидели в своём, можно сказать, медвежьем углу, когда начали прибывать первые гости. Чернокожие слуги возвели для ведьмы высокий помост, лестницей к которому стали её слуги. Они пали ниц, чтобы гости могли по их спинам подняться к хозяйке шабаша. Последним распростёрся верзила в козлиной маске, чья белая спина резко контрастировала с чёрными телами остальных.

Сама ведьма сильно преобразилась, как только поднялась на свой помост. От прежней женщины не осталось и следа. Она словно бы даже в росте немного прибавила. На ней теперь была лёгкая туника, прикрывающая лишь самые интимные части тела. Волосы сами собой собрались в строгую причёску, а головным убором служил знакомый мне по видению полумесяц, вот только он вырос в размерах и сиял каким-то потусторонним светом. Как будто вобрал в себя свет луны и сейчас отдавал его обратно, кидая на лицо ведьмы зловещие отблески.

Как я и предполагал, все гости являлись на шабаш по воздуху. Летели, правда, подчас на самых удивительных и для полёта никак не предназначенных предметах. Да и выглядели они более чем пёстрой компанией. Вопреки расхожему мнению, были тут не одни только ведьмы, было среди гостей предостаточно людей мужского полу.

Первой прилетела в роскошной белой карете женщина в платье, словно сплетённом из инея. Она быстро поднялась по спинам слуг, задержавшись у козлоголового, присела в коротком реверансе перед ведьмой и столь же быстро убралась. За ней уже шагала крупных форм тётка в какой-то невероятной чёрной хламиде и остроконечной шляпе, прилетела она, как и положено, на помеле. Потом был первый из чародеев или колдунов, или как они там себя называют — чудаковатого вида старикан в профессорской мантии и смешной шапочке с кисточкой. Прилетел он, стоя в непонятном, но чертовски сложном на вид механическом устройстве с множеством шестерёнок, пружин и каких-то мелких деталей. Он припал на колено перед ведьмой, поцеловав ей кончики пальцев, и весьма бодро для своего возраста подскочил на ноги, уступая место следующему.

Я вскоре перестал следить за прибывающими. Слишком уж пёстрой толпой они шли. Лишь запомнилась развесёлая компания не то русских, не то венгров, не то ещё кого, прилетевших верхом на существе, напоминающем чёрта с церковных фресок, которого они то и дело погоняли нагайками. Вели себя они настолько шумно, что ведьма на своём помосте поморщилась при их появлении, однако на дверь не указала. Тем более что поднимаясь к ней, гуляки смирили свою удаль и вели себя прямо-таки пристойно. Хватило их, правда, ненадолго, стоило компании сойти с лестницы из спин, как они тут же снова принялись горланить песни и приставать к молоденьким ведьмам. Нельзя сказать, что последним это не нравилось.

Солнце село за горизонт, окрасив округу в незабываемые цвета заката, когда к нам подошёл высокий слуга и сообщил, что хозяйка приглашает нас подойти поближе.

— Стоит воспользоваться приглашением, — кивнул я, поднимаясь на ноги.

По всей видимости, Фантеска должна скоро появиться. Я направился поближе к помосту, Гизберт шёл следом. Мне стоило известных усилий не стиснуть пальцы на рукояти кампеадорского меча, который я теперь постоянно носил за поясом. Отчего-то у меня появились самые неприятные подозрения относительно ведьмы и её истинных намерений на

наш счёт. Гизберт поравнялся со мной, и, не глядя в мою сторону, произнёс:

— Мне кажется, сейчас что-то начнётся.

И снова как будто мои собственные мысли озвучил.

Ведьма уже сошла с помоста, последней пройдясь по лестнице из спин. Следом за ней шагал здоровяк в козлиной маске, подскочивший на ноги, как только она ступила с него. Он чем-то напоминал домашнего питомца, вроде комнатной собачки, какие стали популярны после первых удачных экспедиций в Серику,^[39] даже с учётом размеров и угрожающей маски. Повадки были какие-то рабские, угодливые, а потому даже смотреть в его сторону было неприятно. Чернокожие слуги ведьмы вели себя всё-таки немного иначе, хотя и являлись её рабами сразу в нескольких смыслах. Если, конечно, верить словам учёных, с которыми я свёл короткое знакомство в гостинице.

— Наконец, с этим утомительным приветствием покончено, — кивнула нам ведьма, принявшая прежний облик шикарной дамы, — и можно заняться насущными делами. Идёмте, я провожу вас к нужной вам юнице и её опекунше. Та дама весьма строгих правил и не подпускает к ней посторонних.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Нервозность моя никуда не делась, несмотря на то, что ведьма вроде не собиралась нарушать своего слова. Мы прошли через половину плато, и все спешили уступить дорогу хозяйке, а попутно обменяться с ней хотя бы парой слов. Одних она приветствовала лёгким наклоном головы, кому-то бросала короткую фразу, иных же попросту игнорировала. Словом, вела себя прямо как царствующая особа на приёме, и с ней обходились соответственно, ища протекции или стараясь хотя бы не впасть в немилость или же, наоборот, избавиться от опалы.

Фантеску я узнал сразу. Она не так уж изменилась с тех пор, как рисовали её портрет сразу после заключения в особую тюрьму инквизиции, к тому же она облачилась в разноцветный костюм — сплошная чересполосица красного, синего и белого, нанесла на лицо театральный грим, выбеливший кожу, отчего стала похожа на привидение. Весьма озорное привидение, надо сказать, судя по безумным искоркам, мелькавшим в больших, подведённых чёрным глазами. Рядом с ней торчала опекунша, от одного вида которой мне сделалось нехорошо. Древняя старуха, одетая во вдовье платье столетней давности, со свисавшими на лицо тонкими, словно паутинка седыми прядями, кокетливо — что смотрелось вдвойне отвратительно — прятала за спину руки с уродливыми кистями, украшенными длинными когтями. Она была стрыгой — чумной тварью, что может потягаться силами с сильнейшими из тиранов. Говорили, что стрыгами после смерти от чумы становились ведьмы, полностью отринувшие пути Господа и предавшиеся Тьме и поклонению Козлу. Также легенды — а о стрыгах ходили только легенды и байки, причём исключительно кошмарного свойства — утверждали, что ведьмы сами заражали себя чумой, чтобы не просто умереть, унеся свои знания и силы в могилу, но обрести некое жуткое подобие бессмертия.

Завидев нас, Фантеска уставилась сначала на ведьму, потом на Гизберта, а после не сводила взгляда с меня. Мне даже как-то не по себе стало от столь пристального внимания. Девчонка — а выглядела ведьмочка именно что девчонкой — сунула в рот леденец непристойной формы и принялась его облизывать с самым хищным видом. Стоило же нам подойти поближе, как она протянула наивно-детским голоском:

— Да это же сам дьявол.

И продолжила пялиться на меня самым что ни на есть наглым образом. Она чем-то напомнила мне кошку — такая же полная бесцеремонность и уверенность в себе.

Стрыга опомнилась первой, ловко отпустила подопечной подзатыльник, не поранив её, что было не так-то просто, учитывая длинные когти нежити, и опустилась в глубоком реверансе, поддерживая юбки. Фантеска тут же последовала её примеру, однако заметив, что опекунша не следит за ней, повернулась в её сторону и показала язык.

— Фантеска, — обратилась к ней ведьма, словно и не заметившая выходки, — с тобой хочет поговорить один из моих гостей. В присутствии опекунши, конечно, — кивнула она не без труда выпрямившейся стрыге.

— А можно без неё? — тут же заканючила Фантеска. — Она мне уже надоела так, что зубы болят.

— Меньше кушай сладостей, дитя, — наставительным тоном произнесла стрыга, — и зубки болеть не будут.

От её тона меня просто передёрнуло. Конечно, умом я понимал, где нахожусь, и что, наверное, тут всё совсем иначе должно быть, но стрыга, отчитывающая молоденькую ведьму за то, что та ест слишком много сладкого, да ещё и пытаюсь говорить неким подобием елейного голоса... Проклятье, да у меня в голове подобное уложиться просто не может!

— Сия дама — твоя опекунша моим решением, — ледяным тоном отозвалась ведьма, и на миг словно снова преобразилась в ту почти статую, что стояла на помосте, приветствуя гостей. — Ты ведь не хочешь оспаривать мои решения?

— Нет-нет-нет, — тут же замотала головой Фантеска. — Не хочу, не хочу, не хочу. Совсем не желаю.

— Вот и отлично, — кивнула ведьма, и удалилась, вслед за ней поспешил и здоровяк в козлиной маске. Он, вообще, не отставал от неё ни на шаг.

— Так какое же у вас дело к моей подопечной? — тут же напустилась на нас стрыга, но я сразу же перешёл в контратаку.

— Я пришёл поговорить с ней самой, в твоём присутствии, и никак иначе, — отрезал я. — Ты ведь слышала королеву шабаша, стрыга?

Старуха недовольно засопела, но была вынуждена отступить.

— А красиво ты её, — заявила Фантеска, — мне понравилось. Ты ведь дьявол, верно?

Она шагнула ко мне поближе, вытерла ладошку о панталоны и протянула мне.

— А я — Фантеска, — представилась она, — Фантеска Дзанни, если хочешь знать, господин дьявол.

— Зови меня Рейнар, — представился я, пожимая её руку, — а это мой товариш Гизберт.

— Он тоже ничего, — с почти детской непосредственностью заявила Фантеска, — но ты... — Она закатила глаза. — Так чего вам от меня надо-то?

— Есть одно дело, с которым ты могла бы мне помочь, — ответил я максимально честно.

— И что это за дело такое?

— Надо прикончить одного весьма опасного субъекта и, соответственно, не дать ему прикончить нас.

— Уммм, — протянула девица, снова сунув в рот леденец, отчего вопрос её прозвучал несколько невнятно, но я его понял: — Это кто же это такой будет?

— Тиран, — сказал я настолько нейтральным тоном, насколько смог.

— Ух ты! — В глазах Фантески было столько неподдельного восторга, что я понял — и в самом деле придётся иметь дело со слегка ненормальной девицей. Вот только нормальный человек ни за что и не возьмётся за то дело, которое мне предстоит. — Это же вроде как будет хороший поступок, верно? Тогда, конечно же, я согласна!

— Это решительно невозможно, — снова встряла стрыга, однако стоило мне на неё глянуть, ответила ехидным взором и добавила: — без одобрения королевы, что поместила сию юницу под мою опеку.

От слова «юница» Фантеску аж передёрнуло, и она снова показала стрыге язык, опять так, чтобы та этого не заметила.

Однако в следующий миг стрыге стало не до нас — из груди её вырос длинный клинок меча, сверкающий латинскими литерами. Видимо, он был зачарован примерно так же, как кампеадорский, что я носил в ножнах. Мёртвая ведьма задёргалась на нём и через секунду опала, рассыпаясь прахом. За спиной её стоял высокий человек в кожаной кирасе и тяжёлом плаще, на голове его красовалась шляпа с высокой тульей и узкими полями. Такие считались чем-то вроде отличительного знака охотников на ведьм. В правой руке он сжимал длинный меч, на клинке которого ещё сверкали золотом буквы, в левой же — тяжёлый клевец^[40] на короткой рукоятке.

— Mea culpa, — возгласил он знакомым голосом, — mea maxima culpa.^[41]

В неверном свете факелов, расставленных по краям плато и фонариков в бумажных абажурах, висящих над головами, я не сразу признал в нём преподобного де Бельзака.

— Я должен карать! — продолжил он. — Я пришёл сюда карать!

Он вскинул клевец, зажатый в левой руке, и попытался ударить им Фантеску. Но я опередил его. Быстрым движением успел отшвырнуть зашипевшую рассерженной кошкой ведьму себе за спину, и шагнул навстречу де Бельзаку.

— Что это за безумие?! — крикнул я ему. — Вы узнаете меня, преподобный?

— Не зови меня так, — отмахнулся он. — Я отрёкся от сана. Я недостойн его. Я пришёл карать ведьм и чародеев. Не вставай на моём пути, человече!

Кажется, он даже не узнал меня, и скорее всего, кинется, если и дальше буду преграждать ему путь. Вот только пропускать его к Фантеске я не собирался.

— Добром прошу в последний раз, — лицо де Бельзака перекосило от гнева, — уходи!

Вокруг же начинался самый настоящий бой. Откуда-то из-за краёв плато выбирались люди, одетые примерно как де Бельзак, вооружённые до зубов, а главное экипированные алхимическими бомбами. Они без зазрения совести швыряли их в толпу ведьм и чародеев, опешивших от этого вторжения. Бомбы взрывались среди людей, расшвыривая в разные стороны тела и их окровавленные куски. Краем глаза я заметил, как в воздух взлетели бранные останки старика в профессорской мантии и его странного устройства, с помощью которого он перемещался.

Однако колдуны с ведьмами были не лыком шиты, и сразу же дали нежданному врагу отпор. Компания русских — или венгров или кто бы они ни были — с жуткими криками, которых я не понял, но звучали они весьма воинственно, кинулись на врагов с саблями наголо.

— Сарынь на кичку! — вопил их предводитель, весьма ловко парируя удар охотника на ведьм и ответным разрубая тому грудную клетку, и тут же схватившись со следующим.

— Руби их песи! — поддержали его товарищи. — Круши в хузары!

Похоже, они получали от происходящего немалое удовольствие.

Белая ведьма, прилетевшая, как и королева шабаша, в собственной карете, обрушила на охотников ледяные вихри. Целые глыбы льда вырастали из земли по единому её жесту. Кажется, в сказках о снежной королеве было куда больше правды, нежели я думал прежде.

Остальные колдуны с ведьмами тоже не остались в долгу, так что у нападающих появились серьёзные проблемы. Первые из них упали на ровный камень плато, поливая его собственной кровью. Вот только было их слишком много, из-за края поднимались новые и новые люди в кожаных кирасах и при бомбах. С фанатичным безумием они швыряли их в толпу, не разбирая, где свои, а где враги, видимо, рассудив, что Господь узнает своих.^[42]

— Да ты, верно, такой же еретик, как остальные тут, — напомнил о себе де Бельзак, и ринулся на меня с клевцом и мечом.

Мне ничего не оставалось, кроме как парировать его умелые удары. Драться с ним мне совершенно не хотелось, вот только двинувшийся рассудком бывший преподобный выбора мне не оставлял.

Я отвёл в сторону клинок меча, уклонился от размашистого, хотя и весьма умелого удара клевцом. В контратаку переходить не спешил — не хотел я убивать де Бельзака. Не хотел. Даже при том, что он решил отправить меня на тот свет, и решимости своей не изменял. Де Бельзак атаковал снова и снова, с неубывающей яростью кидался он на меня. Клевец и меч грозили всякий раз то слева, то справа, я извивался будто угорь на сковороде. И с каждым выпадом врага понимал всё отчётливей — выбора у меня нет. Либо я, либо он останемся лежать на окровавленном камне плато.

— Еретик! — вскричал де Бельзак, и мне показалось, что он сейчас рухнет в припадке некоего фанатического транса. — Отступник! Предатель! Смерть тебе, защитник ведьм!

И он ринулся на меня с новыми силами — даже не знаю, откуда они у него взялись. Вот тут-то я уже не выдержал. Двумя широкими взмахами я как будто попытался удержать его на расстоянии. Де Бельзак же попался на эту простую, в общем-то, уловку, бросился на меня, стремительно сократив дистанцию. Я отбил в сторону его меч, выпад из-за рывка оказался не слишком ловким, нырнул под боёк клевца, пролетевший в опасной близости от моей головы, сорвав с неё шляпу. И вонзил бывшему преподобному меч под грудь, перехватив левой рукой клинок ближе к середине. А после ещё и надавил посильнее, погружая сталь в тело застонавшего от боли де Бельзака. На руки мне обильно хлынула его горячая кровь.

— Ты этого хотел? — прохрипел я прямо в лицо бывшему товарищу по оружию. — Этого? — процедил я через стиснутые зубы, убивая его, крестовина клинка упёрлась в грудь де Бельзака. — Смерть пришла к тебе.

— Господи, — прошептал он немеющими губами, — отчего ты оставил меня...

И умер.

Я скинул его тело с клинка, оно даже не дрогнуло в последней конвульсии на камнях плато. Под ним растекалась чёрная в ночи лужа крови. Отчего-то я всякий раз поражался её количеству в теле человека, хотя не раз и не два мне приходилось выпускать её из него едва ли не всю.

— Эй, — раздался у меня из-за спины голосок Фантески, — хватит торчать тут над трупом. У нас проблемы есть — и немало.

Я обернулся к ней. Гизберта рядом не было — и это меня насторожило. Не так-то много времени прошло с тех пор, как я потерял его из виду.

— Куда делся мечник? — тут же спросил я у ведьмочки.

— Ну, — протянула она, — тут наша хозяйка, которая королева, малость вышла из себя,

и спустила своих духов с цепи. Теперь они рвут охотников на части, и к мечнику тоже испытывают определённую ненависть.

Я окинул плато быстрым взглядом, и понял, что пока внимание моё было предельно сосредоточено на схватке с де Бельзаком, вокруг воцарился уже крошечный ад. Чернокожие слуги королевы шабаша, которых тут было довольно много, почти утратили человеческий облик — ими, видимо, полностью завладели лоя или как там звали этих африканских духов — и кидались теперь на охотников. Те сильно сдали позиции, не ожидая столкнуться с подобным сопротивлением, и, несмотря на подкрепление, продолжающее прибывать, отступали к краю плато. Гизберт, каким-то чудом державшийся на грани своего боевого безумия, когда им овладевал демон, отчаянно рубился в толпе звероподобных чернокожих. Его громадный меч собирал кровавую жатву, но всё новые и новые враги кидались на него со всех сторон.

Чудом выжившие в этом кошмаре ведьмы с чародеями сбились на краю плато, где ледяная колдунья выставила непроходимый барьер из нескольких айсбергов. Лёд их местами был сильно оплавлен, скорее всего, это были следы бомб, кинутых охотниками, прежде чем королева шабаша спустила с цепи своих псов. Теперь-то я понял, что значили её слова.

— А отчего нас не трогают? — удивился я, поняв, что в нашу сторону ни один из одержимых даже не глядит.

— Так я-то рядом, — пожала плечами Фантеска, — а я под опекой королевы.

Я подумал, что ей ничего не стоило отойти в сторону, и нас с де Бельзаком разорвали бы чудовищные твари, ещё недавно бывшие людьми. Однако она этого не сделала, за что я ей был премного благодарен.

Вот только опека продлилась недолго — ровно до того мига, как королева шабаша обратила свой взор в мою сторону.

— Ты, — возгласила она, снова преобразившаяся во всей своей мощи, — ты, — повторила она громовым голосом, заставив всех замереть на мгновение и обратить своё внимание на мою скромную персону. — Ты! — в третий раз выкрикнула королева шабаша. — Псы мои, уничтожить его!

Да что ж это такое! Всем я не угодил! Бывший преподобный счёл меня помощником ведьм и еретиков, собравшихся тут, а королева шабаша решила натравить на меня своих псов. Вечер явно не задался.

Я снова попытался отодвинуть Фантеску за спину, укрывая от грядущей опасности, но на сей раз ведьмочка ловко вывернулась из моей руки.

— Нееееет, — протянула она. — Хватит с меня. Я тоже хочу принять участие в этой потехе.

А на нас уже ринулся с десятков чернокожих, потерявших всякое сходство с человеком. Пальцы скрючены наподобие звериных когтей, челюсти вытянулись, зубов как будто стало больше, а клыки торчали наружу, не помещаясь во рту. Да и в росте с весом они хорошо прибавили — плечи раздались вширь, набухли мускулы. Вот только передвигались они с удивительной скоростью и проворством для такого телосложения.

Я выхватил из-за пояса пистолет — трофей, оставшийся после схватки с разбойниками-страдиотами, и выстрелил в голову первого попавшегося одержимого. Тот дёрнулся, затылок его буквально взорвался кровавыми ошмётками, и чернокожий слуга королевы шабаша повалился на землю. Через него перепрыгнул следующий, а за ним ещё один. Тело убитого никак не мешало бегущим следом.

Я перехватил меч поудобнее, готовясь к атаке и, вполне возможно, последнему бою. Фантеска рядом захихикала и вдруг как-то неловко всплеснула руками. С пальцев её сорвалось облако неопределённо-неприятного цвета и врезалось в бегущих к нам одержимых. Те тут же ринулись врассыпную, чтобы не попасть под него, однако одному оно врезалось прямо в грудь, заставив тут же расплыться, словно на него кислотой плеснули.

Но первые враги были уже близко. Один прыгнул на меня, пытаясь облапить, схватить, повалить наземь и добраться длинными клыками до горла. Я отступил на полшага и поймал его на клинок. Одержимый легко насадился бы на него, словно каплун на вертел, но мне нужно было вовсе не это. Рубящим ударом я буквально вскрыл ему грудную клетку, ломая рёбра клинком. Тут же на обратном движении освободил оружие, чтобы снести голову следующему врагу, на свою беду оказавшемуся слишком близко. Третий тянул ко мне руки, и я отсёк ему правую в локте, а после пнул так, чтобы он натолкнулся на следующего, мешая тому добраться до меня.

Фантеска сумела одолеть пару одержимых, атаковавших её. Видимо, опека королевы шабаша исчерпала себя, как только юная ведьма прикончила одного из её псов. Сейчас ещё двое или трое лежали у ног Фантески малоприятного вида кучами, ничем не напоминающими людей.

— Назад! — крикнул я ей, видя, что к нам бегут новые одержимые. — Назад же!

Но тут на пути врагов как из-под земли вырос Гизберт. Широким взмахом он прикончил двоих одержимых, разрубив их напополам. Третий повис у него на руке, но мечник стряхнул его, словно назойливого котёнка и раздавил голову ударом подкованного сапога.

— Гизберт! — крикнул ему я. — Помоги прорваться! Надо добраться до королевы шабаша!

Фантеска за моей спиной завизжала — ведьмочка пребывала в полном восторге от моей безумной идеи. В другое время меня бы подобная реакция разозлила, но сейчас я был полностью сосредоточен на деле. Надо остаться в живых и прикончить королеву шабаша — только в этом случае у нас есть шансы дожить до восхода солнца.

Мы ринулись в самоубийственную атаку. Гизберт орудовал мечом с невероятной скоростью — я не уставал поражаться его воинскому умению. Как можно так легко махать этакой громадиной. Я ведь держал в руках чудовищное оружие мечника, понимал его вес и решительно не представлял себе, какой силой на самом деле обладал Гизберт. Сейчас он прокладывал нам путь через кидających на него со всех сторон обезумевших окончательно одержимых. Он легко разрубал сразу двоих, а пару раз и троих одним широким взмахом. Нам с Фантеской почти не оставалось работы. Лишь изредка кому-нибудь из врагов удавалось каким-то чудом миновать жуткого оружия Гизберта, но тогда его всякий раз настигал или кампеадорский меч или меткий удар Фантески. Пальцы ведьмы светились неприятным светом — ей достаточно было лёгкого касания, чтобы отправить одержимого на тот свет. Персты её оставляли на чернокожих телах исходящие гноем и отравленной кровью борозды, словно каждый был украшен не довольно ухоженными для недавней узницы ногтями, а когтями, размером, по крайней мере, с медвежьи. Попавшие под них одержимые валялись на камни плато замертво, поливая их кровью, гноем и ещё некими жидкостями, что находятся в теле человека, и названий которых я не знаю. Зато отлично знаю, что они были отравлены касанием сочащихся магией пальцев Фантески.

Королева шабаша кидала против нас всё новых и новых своих слуг, одержимых духами

Чёрного континента, а потому охотники заметно приободрились, снова перейдя в наступление. Колдуны с ведьмами сбились тесной группкой под защитой ледовой магии снежной королевы, однако в барьеры, выставляемые той, летело всё больше бомб. Взрывы гремели один за другим — в разные стороны летели куски льда. И наращивать новые барьеры снежная колдунья явно не успевала.

Сбежать собравшиеся на шабаш колдуны и ведьмы не могли, потому что ловкие охотники первым делом атаковали то место, куда слуги отводили и относили те удивительные средства передвижения, на которых волшебники с ведьмами прибыли сюда. И сейчас все их помела, ступы, мётлы, кареты, диковинные звери — всё пылало в большом костре очистительного пламени. Уж зажигательной жидкости на то, чтобы лишить врага путей к отступлению, охотники не пожалели, и сейчас его пламя освещало едва ли не всё плато. В его всполохах фигуры сражающихся казались гротескными пародиями на человеческие, что придавало всему действию, творящемуся здесь, некий фантасмагорический оттенок.

Да что там, всё это очень сильно отдавало безумием — бредом окончательно свихнувшегося сумасшедшего художника или поэта, регулярно злоупотребляющего популярными в богемной среде наркотиками.

А уж когда на помост, где стояла королева шабаша, окружённая самыми преданными и сильными своими слугами во главе с козлоголовым, пала тень, закрывшая небо, всё окончательно стало представляться мне неким кошмарным сном. Подняв голову, я увидел небольших размеров корабль, кажется, каравелла, каким-то чудом удерживавшаяся в воздухе. С обоих бортов её упали вниз верёвки и по ним принялись споро спускаться бойцы. Они явно превосходили охотников покойного де Бельзака дисциплиной и воинской выучкой, двигались, словно детали единого механизма. Мне отлично знакома была подобная манера действий, хотя видеть её приходилось лишь дважды. В первый раз — в городе скорби, и во второй — во дворе монастыря Пассиньяно, где готовили к казни выпотрошенного мною паразита.

Последним спустился не слишком-то ловко человек в мирской одежде, которого я узнаю с любого расстояния. Он не был вооружён, однако стоило ему ступить на твёрдую землю, тут же вынул из-под плаща некий предмет. Что это такое, разобрать я не смог.

Ведьма тут же обернулась к новоприбывшим и жестом отправила своих слуг в атаку. Первым ринулся в бой козлоголовый, размахивая громадной дубиной, вырезанной не иначе как из цельного ствола дуба или иного большого дерева. Он сам, единственный белокожий слуга королевы шабаша, тоже прибавил в росте и мускулатуре, с необычайной лёгкостью обращаясь со своим неуклюжим оружием. К тому же, он бил ещё и длинными рогами, торчащими из маски, что стало неприятным сюрпризом для пары первых его противников. Те полетели на помост, обливаясь кровью, с глубокими ранами на груди.

Гизберт был уже в полушаге от помоста и запрыгнул наверх одним невероятным прыжком, какие только в цирке и увидишь. Нам с Фантеской до него было далеко, а потому я посадил её, сунув в ножны кампеадорский меч. Она сразу же протянула мне руку, уже не светящуюся зловещим сиянием, что убивало одержимых. Ведьма оказалась довольно крепкой для её скорее миниатюрной комплекции. Она помогла мне забраться на помост, потянув с удивительной для женщины силой.

Перевалившись через край помоста без всякого изящества, я как можно скорее вскочил на ноги, выхватил меч и лишь после этого огляделся. Ведьма стояла в центре, окружённая

верными одержимыми. Гизберт отчаянно рубился с козлоголовым, который едва сдерживал напор не ведающего усталости мечника. От здоровенной дубины ведьминого слуги во все стороны летели длинные щепы. Сразу становилось ясно — долго это оружие не продержится, а значит и козлоголовому скоро конец.

Солдаты, спустившиеся с борта летучего корабля, атаковали последних слуг ведьмы, своими телами защищающих госпожу и повелительницу. Стоявший поодаль — на другом конце помоста — предводитель нападающих сделал нам с Фантеской пригласительный жест. Я кивнул ему в ответ и, по широкой дуге обогнув яростную схватку, направился к инквизитору. Фантеска хоть и не без опаски, последовала за мной.

— Решил не лезть в драку? — поинтересовался у меня Лафрамбуаз. — Разумно.

— Мне там делать уже нечего, — пожал плечами я, демонстративно возвращая кампеадорский меч в ножны. — Ваши люди отлично справляются, прелат.

— Без помощи твоего мечника им пришлось бы туго, — заметил инквизитор Тосканы. — Этот козлоголовый весьма меня удивил, не думал, что ведьме служит нечто подобное.

В этот момент Гизберт как будто специально обрушил на слугу ведьмы особенно могучий удар, и его меч перерубил-таки дубину. Однако на этом не остановился — широкий клинок его продолжил полёт и обрушился на плечо козлоголового. С хрустом и треском, которые я услышал, несмотря на шум вокруг, он вошёл в тело здоровяка. Кровь из чудовищной раны хлынула рекой. Козлоголовый рухнул на колени, голова его поникла. Следующим ударом Гизберт отсёк её с ловкостью бывалого палача.

Взрывы внизу прекратились, и слышны были звуки резни, что учиняли теперь охотники над последними выжившими колдунами и ведьмами. Хотя, судя по всему, те решили продать свои жизни подороже, и обрушивали на охотников всю разрушительную силу, какой только владели.

— Дело окончено, ведьма, — шагнул вперёд Лафрамбуаз. — Сдавайся мне, и останешься в живых до суда.

— Ты считаешь, что одолел меня, жалкий клирик, — ответила та. — Но тебе никогда не справиться со мной!

Она вскинула руку, и последние слуги, что защищали её от наёмников Лафрамбуаза, рухнули замертво. В пальцах королевы разгромленного шабаша засверкала изумрудная плеть. Она взмахнула ею, обрушивая на ничего не успевших предпринять наёмников. Все, кого касалась её плеть, валились на землю, осыпаясь прахом, словно в одно мгновение для них проходили даже не годы, а целые века.

— Назад! — крикнул прелат Лафрамбуаз, но было поздно — все его люди, заседавшие на королеву шабаша, были мертвы, а ветер развеял их прах.

— И что ты можешь противопоставить мне? — спросила она, вновь обратившись в сгорбленную женщину с длинными, спутанными волосами и полумесяцем на лбу. — Своего щенка, получившего силу, которую ты же и запечатал в нём. Ты знаешь, — обратилась она ко мне, — что печати убивают тебя. Сила бурлит в тебе, не имея выхода. Внутри тебя словно горит костёр, в котором корчится твоя душа. Ты можешь швыряться лишь жалкими крохами, не понимая своего подлинного могущества.

— Заткнись, ведьма, — перебил её инквизитор. — У меня есть отменное средство против тебя.

Он сделал ещё один шаг вперёд и продемонстрировал королеве шабаша предмет, что

держал в руках. Это оказалась небольшая деревянная шкатулка без каких-то украшений или резьбы. Лафрамбуаз немного театральным жестом открыл её, и я увидел содержимое — живое, человеческое сердце. Оно сокращалось, как ему и положено, хотя и не находилось в груди.

— Ты укрываешь своё сердце, чтобы стать неуязвимой, — заявил Лафрамбуаз, — так делают многие ведьмы и колдуны. Мне стоило немалых усилий, чтобы отыскать именно твоё, но я уверен, что выбор мой был верен.

— И что теперь? — Ведьма пыталась сохранять спокойствие, но видно было, что это лишь игра, пускай и весьма умелая. — Прикончишь меня или станешь угрожать, чтобы доставить на суд?

— Хотел бы судить тебя по всем правилам, и отправить на костёр, — сказал Лафрамбуаз, — но вряд ли буду понят охотниками на ведьм, что потеряли сегодня многих боевых товарищей. Да и слаб я духом, не могу удержаться от соблазна.

— Но если это не моё сердце, и ты ошибся, — ответила королева шабаша, — тогда смерть твоя будет воистину ужасна. Все муки ада не сравнятся...

Лафрамбуаз вынул из шкатулки бьющееся, живое сердце. Ведьма схватилась за грудь, рассеивая все сомнения относительно его подлинности.

— Вот и пришёл тебе конец, — произнёс прелат, и сдавил сердце в крепких пальцах, превращая его в комок исходящей кровью плоти.

Королева шабаша содрогнулась в конвульсиях, рухнула прямо на тела своих чернокожих слуг, которых сама же и убила, вырвав из них лоа, и умерла... Последняя конвульсия уже неживого тела перевернула её лицо вверх и невидящие глаза мёртвой ведьмы уставились в светлеющее небо.

Глава 13

Неприятные разговоры

Я сидел на краю помоста, наблюдая за последними приготовлениями охотников. Те перевязывали раны товарищам, которых ещё можно было вытащить с того света, и складывали два больших погребальных костра — один для погибших братьев по оружию, второй — для колдунов с ведьмами. Похоронить здесь никого не получилось бы никоим образом — разве что попытаться оставшимися бомбами взорвать камень плато, чтобы устроить там братскую могилу. Но делать этого, конечно, никто не стал, ограничившись огненным погребением, признанным церковью всех стран как вполне подобающее.

Небо на востоке давно уже посветлело, однако солнца видно не было, его закрывали плотные облака. Вот-вот пойдёт дождь — и отчего-то я был уверен, что будет это вовсе не гроза или ливень, но мелкий такой, морозящий дождик, от которого на душе становится как-то особенно гадко.

А у меня на душе было именно такое, крайне неприятное состояние. Вроде бы всё кончилось — я получил, что хотел, но случившееся пришлось мне совсем не по нраву. Особенно убийство де Бельзака — в сущности, совсем неплохого человека, у которого мозги съехали набекрень, но разве это его вина?

Шаги за спиной я услышал одновременно с первыми каплями дождя. Они ударили в дерево помоста, на котором я сидел, забарабанили по полям шляпы, по порванному в недавней схватке джеркину. Я даже не заметил, когда успел получить несколько несерьёзных ранений, пока они не начали доставлять неудобства — боль то и дело стреляла, то в бок, то в руку, то в спину. Но не настолько сильная, чтобы обращать на неё внимание.

Я поднялся на ноги, обернулся к инквизитору Лафрамбуазу, подошедшему ко мне.

— А вы ведь подставили меня, — сказал я. — Самым тривиальным образом сделали из меня болвана. Показали ведьме, чтобы она сосредоточилась на мне, как на потенциальном источнике опасности для неё, а после ударили в спину. Да ещё и де Бельзака с его охотниками в свою игру впустили.

Инквизитор не стал отрицать вполне очевидных фактов и моих выводов. Лишь плечами пожал.

— Да, — кивнул он, — я уладил за твой счёт кое-какие старые дела. Но ты же видел котёл, козлоголовую тварь, рабов в клетках. Думаешь, для чего они предназначались на этом празднике жизни? Ведьму никто так за руку и не поймал, но подозрений было более чем достаточно. А за появление охотников де Бельзака ей стоит поблагодарить своего старого воздыхателя — старого профессора Сорбонны. Он, видимо, вконец отчаялся завоевать её любовь в своём довольно преклонном возрасте, и, повстречав людей бывшего преподобного, сообщил им о шашаше. Ну, а де Бельзак мимо такого события пройти никак не мог.

— И как он и его люди попали сюда? — поинтересовался я. — Если не с вашей помощью? Разве на это плато можно подняться с земли?

— Погляди сколько тут охотников, — кивнул в сторону костра, разгорающегося, несмотря на начавший всё сильнее лить дождь, Лафрамбуаз, — ты считаешь, что на одной летучей каравелле я сумел бы их всех сюда привезти? Это заняло бы несколько суток, а у меня попросту не было столько времени на подготовку этой акции.

— Вы долго готовились к ней, — покачал головой я. — Раз сумели даже сердце ведьмы

достать где-то. А ведь это вряд ли было так просто, верно?

Он снова кивнул, не споря со мной.

— Де Бельзака, если тебе так уж интересно, провёл местный охотник-недотёпа по имени ван Винкль, который как-то раз угодил на шабаш, поднявшись по козьей тропке. Он наблюдал его и вернулся в город, но ему никто не поверил, ведь все считали, что на это плато можно попасть только по воздуху. А у этого ван Винкля и без того сложилась репутация местного полудурка и никчёмы.

— Де Бельзак же поверил ему, — сказал я.

Что ж, это весьма складно и даже похоже на правду. Но мне-то всё равно, по большому счёту. Я получил, что хотел — теперь можно лететь в Пизу, готовиться к самой странной охоте, в какой я только принимал участие.

— Одного я только не могу понять, — уже собираясь уходить к верёвочному трапу, скинутому с борта летучей каравеллы, сказал я — тут было столько ведьм, колдунов, прочих там, — я сделал неопределённый жест рукой, — а с ними разделалась неполная сотня наёмников, вооружённых лишь сталью и бомбами. Как такое возможно? Я думал, что магия способна двигать горы, обрушивать на врагов огненный дождь, а здесь... Разве только белая ведьма смогла дать достойный отпор охотникам. Не считая, конечно, королевы шабаша.

— Прежде всего, королева шабаша не держала рядом с собой никого, кто хотя бы в малой степени мог сравниться с нею силой, — объяснил мне Лафрамбуаз. — Тебя вот впечатлила ледяная ведьма, но ей далеко до её сестёр из холодных фьордов и заснеженных полей. Но главное не это. Просто век великих магов и волшебников канул в Лету, ушёл безвозвратно. Сейчас торжествует разум, ratio, и древнему мракобесию нет места в наше время. Когда-нибудь свет разума, что мы несём, вместе с нашей Верой, доберётся до самых тёмных углов мира. И эта ночь была первой вестью — разум сильнее магии.

Вдохновенная речь вышла у него хоть и экспромтом, но весьма убедительно — по крайней мере, звучала она куда лучше той полуправды, которой он потчевал меня только что.

Я кивнул Лафрамбуазу и направился-таки к трапу. На борту опустившейся так низко, как только могла, каравеллы, я видел разноцветную фигурку Фантески. Ведьма с интересом исследовала летучий корабль, что, скорее всего, вовсе не радовало его матросов. Экипажи небесных судов набирали из опытных моряков, пропитанных многочисленными суевериями, и уж конечно женщин на борту они тоже не обошли стороной. Гизберт же сидел на каком-то мотке каната или чём-то подобном, стараясь не мешать команде.

Я дважды дёрнул за верёвочный трап, давая понять, что собираюсь подняться, и быстро начал карабкаться по перекладинам. Никогда не боялся высоты, однако всё-таки доверять свою жизнь нескольким сколь угодно крепким верёвкам я не хотел дольше необходимого.

Лафрамбуаз взобрался на борт следом за мной, и тут же направился к капитану летучей каравеллы. Я хотел было пойти туда же, но передумал и присоединился к Гизберту.

— Кхм, синьор, — обратился ко мне один из матросов, а может быть даже офицер — одет он был в целом приличней большинства, но хуже капитана, — вы бы свою дамочку того...

Я понял о ком идёт речь, однако смысл косноязычной просьбы остался для меня тайной.

— Что — того? — уточнил я.

— Ну, того, — повторил моряк, — приструнили бы как-то... Нервирует она команду.

Судя по тому, какие слова он употреблял — это был всё же офицер.

— Я улажу это дело, — кивнул я, направляясь к торчащей на носу ведьме.

Та обернулась, увидев меня, и тут же подбежала.

— Когда мы уже полетим, а? — спросила она. — Скоро?

Я обернулся на мостик, где капитан о чём-то беседовал с инквизитором.

— Думаю, да, — кивнул я. — А тебе стоит держаться поближе ко мне, и не нервировать команду.

— Это чем же я тут всех так нервирую? — с самым невинным видом огляделась вокруг Фантеска.

— Одного твоего присутствия достаточно, — заверил её я. — Ты женщина, да ещё и ведьма, а нам, скорее всего, придётся ночевать на борту каравеллы. Не хочешь же ты проснуться связанной, с камнем на ногах, да к тому же летящей вниз. Вряд ли такой полёт понравится тебе.

— Ну, — она приложила палец к губам, — он определённо будет недолгим. Но ведь ты же меня защитишь, верно?

— Скорее всего, к этому моменту я и Гизберт будем лежать с перерезанными глотками, — честно ответил я.

— А разве они посмеют сделать это с людьми того важного господина, что сейчас беседует с капитаном? — удивилась она.

— Прелат Лафрамбуаз, думаю, огорчится из-за нашей безвременной кончины, — заявил я, — но вряд ли сумеет доставить капитану каравеллы и его команде нечто более серьёзное, нежели не особенно крупные неприятности.

Я был уверен, что он может и на костёр их всех отправить — хватит для этого и власти и силы — вот только другое дело, захочет ли он делать это. И ответа на него у меня не было.

— Эх, — махнула рукой Фантеска, — вот всегда с вами так. Никакого веселья. Подвинься, — толкнула она бедром Гизберта, и тот уступил ей часть мотка каната, на котором сидел.

Я же опёрся руками о фальшборт и снова глянул на мостик. Лафрамбуаз закончил разговор с капитаном и шагал к нам.

— В вашем распоряжении отдельное помещение, — сказал он. — Его выделяют из общего жилого трюма. Завтрака сегодня не будет, а пообедаем, если погода будет благоприятствовать, уже во Флоренции. Остальные твои люди уже ждут там, Рейнар.

— Капитан хочет избавиться от нас как можно скорее? — поинтересовался я, хотя ответ был вполне очевиден.

— Вроде того, — кивнул прелат.

Нас проводили в выделенное помещение, которое юнга, показавший дорогу, называл кубриком. Мы сразу же улеглись в подвешенные между балками гамаки. Фантеске они так понравились, что она мгновенно позабыла об идее понаблюдать за полётом корабля с палубы. Ведьма принялась раскачиваться, а когда каравелла вскоре оторвалась от земли и началась настоящая качка, ведьма была в полном восторге.

Меня же качка и гамак быстро усыпили — так что глаза я продрал от того, что Фантеска трясла меня за плечо.

— Что стряслось?! — тут же выпалил я, пытаясь выбраться из гамака.

— Всё отлично, — заверила меня ведьма. — Просто пришёл тот же мальчишка, который нас сюда привёл. Говорит, что мы уже во Флоренции и капитан просит всех как

можно скорее покинуть его корабль.

Вряд ли мы пришли по душе капитану небесной каравеллы. Да и сам я хотел как можно скорее покинуть её борт. Не скажу, что боюсь высоты, но скреплённым канатами и гвоздями балкам и переборкам я не хотел доверять свою жизнь дольше необходимого.

Прощание в пригороде Флоренции, где было устроено нечто вроде поля для таких вот летучих кораблей, было коротким и, мягко говоря, прохладным. Капитан сухо кивнул инквизитору, когда тот первым начал спускаться по трапу. На сей раз для нас приготовили нормальный, вроде лестницы, упирившейся нижним концом в землю. Там уже дежурили несколько наёмников Лафрамбуаза, стоявших у вбитых в землю кольев, к которым, собственно, и привязали этот более надёжный трап. Для остальных покидающих его корабль, у капитана и такого проявления вежливости не нашлось. Он просто поднялся обратно на мостик, провожая нас тяжёлым взглядом. Мы же в свою очередь постарались как можно скорее покинуть борт его корабля.

На земле нас уже ждали две кареты. Я был уверен, что отправлюсь вместе со своими людьми в тот дом, где поселил остальных Лафрамбуаз, но прелат сделал мне знак садиться к нему.

— Стоит ли? — спросил я.

Мне, говоря по чести, хватило с головой предыдущей нашей прогулки в карете.

— Как это понимать? — Лафрамбуаз приподнял тонкую бровь.

— Да так и понимать, — гнул своё я. — Времени на выполнение вашего же поручения немного осталось. Так что дайте мне уже свободно поработать. Довольно контролировать каждый мой шаг.

— Я только хотел предложить помощь, — пожал плечами инквизитор, — но раз ты так уверен в себе, что ж, справишься и сам.

Он велел одному из наёмников закрыть дверцу кареты.

Меня вовсе не обрадовала его резкая отповедь, но и ходить на коротком поводке больше желания не было. Хватит. С помощью прелата или без неё, я справлюсь, должен справиться.

Я забрался внутрь кареты побольше, где уже сидели Фантеска и Гизберт, а львиную долю места занимал его чудовищный меч. Когда я залез сюда, сразу стало совсем тесно, и я поспешил стукнуть по потолку костяшками пальцев, давая кучеру знак трогаться.

— Мог бы и снаружи посидеть со своей чуркой, — буркнула Фантеска мечнику.

Тот в ответ лишь равнодушно пожал плечами, никак не отреагировав на её слова.

— А так будет лучше, — неожиданно заявила девица и перебралась ко мне на колени, обхватив к тому же за шею руками. — Вот! Намного удобней.

Не могу сказать, что мне это пришлось по нраву. Фантеска явно вела себя не просто излишне раскованно — она ловко прикрывалась своей показной наивностью и проказливостью маленького ребёнка. Эта ведьмочка, сумевшая выжить в застенках инквизиции, была далеко не так проста. Иначе бы я не выбрал её для своего дела. Вот только кое о каких возможных затруднениях не подумал.

И вот сейчас, когда она устроилась со всем удобством у меня на коленях, а лицо её оказалось в непосредственной близости от моего, я понял, что, наверное, надо было поискать какого-нибудь колдуна или мага или чародея на худой конец, лишь бы только мужского пола.

— И чего все такие хмурые, а? — спросила, ни к кому конкретно не обращаясь,

Фантеска. — Мы выкрутились из одного неприятного дела, пережили чертовски безумную ночь...

— А впереди у нас таких ночей будет столько, что не сочтёшь, — перебил её Гизберт, глянув единственным глазом.

— Фу, как грубо! — заявила ведьма. — Некрасиво, — произнесла она по слогам. — Тебя в детстве не учили, что перебивать других нехорошо?

— Меня с детства учили только убивать, — пожал плечами Гизберт.

К счастью, перепалка не успела разрастись, хотя Фантеска уже явно настроилась на скандал. Карета остановилась перед фасадом большой инсулы,^[43] какие в народе метко прозвали муравейниками. Десятки квартир, где не повернёшься толком, заполняли пять, а то и шесть этажей крепких каменных палаццо.^[44] Внутри проживали рабочие с мануфактур и мелкие чиновники, которые даже за взятки не могли позволить себе лучшего. Здесь же обитали девицы древнейшей профессии, снимавшие вскладчину несколько квартир, чтобы жить и работать. Попадались и городские грабители попримичней, отсылавшиеся днём и выходящие на промысел после захода солнца, а по возвращении заглядывающие к весёлым девицам, чтобы спустить тут же изрядную долю добычи. Конечно, если промысел их бывал удачен.

В общем, в таком месте наша более чем пёстрая компания не привлечёт к себе особо пристального интереса. Тут вообще интересоваться чужими делами не принято, да и опасно — за излишне пристальный взгляд можно и нож под рёбра схлопотать.

— Шесть комнат на третьем этаже, — сказал кучер, высадив нас. — Сразу налево от лестницы. Все ваши, сняты на месяц. Две квартиры объединены так, что почти нет иных стен, кроме наружных, там можно хоть военные советы проводить.

Я поблагодарил его и кинул монетку для маскировки. Тот ловко поймал её затянутой в перчатку рукой, приложил два пальца к шляпе, словно благодарил меня, а после взял вожжи и хлопнул коней по крупам.

— Вот тут, значит, мы и будем жить? — оглядела пристальным взором не самого презентабельного вида инсулу Фантеска.

— Рассчитывала на отдельный особняк? — глянул на неё Гизберт, и первым направился к входу.

Мы поднялись на третий этаж, миновав два более респектабельных, и теперь уже я первым вошёл в двери квартиры, выделенной нам. На них не было никаких опознавательных знаков, и оставалось только надеяться, что я застану внутри именно своих людей. За дверью меня ждала небольшая комнатка с кроватью, парой стульев да вбитыми в стенку крючками для одежды. И ни единой живой души.

— А где все? — озадаченно огляделась по сторонам Фантеска. — Ты же говорил, тебя тут ждут твои люди?

— Это смотря кто пожаловал, — раздался из-за наших спин знакомый голос.

— Свои, Скрипач, — не оборачиваясь, сказал я. — Убери Виолину.

— И как ты догадался, что я нацелил её на вас? — спросил у меня Скрипач, а следом я услышал стук приклада его тяжёлого арбалета об пол. Он намеренно громко ударил им, демонстрируя нам, что убрал оружие.

— Я не слишком долго знаю тебя, — я повернулся к стоявшему в дверном проёме стрелку, — однако достаточно хорошо.

— Выходит, я такой предсказуемый, — притворно огорчился он. — Представишь

гостей?

— Мне сказали, тут есть комната, где можно военный совет держать, — вместо ответа заявил я, — давай продолжим разговор там.

Скрипач пожал широкими плечами, устроил на одном из них арбалет и махнул нам. Квартира, куда он привёл нас, была больше по размеру, к тому же она запиралась. Да и дверь, ведущая внутрь, выглядела куда более крепкой. Вокруг стола стояли пять стульев, хоть и потрёпанных, но вполне надёжных, по крайней мере, с виду, и одно кресло, куда первым делом уселась Фантеска.

Я представил Скрипачу Гизберта и ведьму, и спросил: где Агирре?

— Наш баск сейчас, как обычно, выступает на площади Стронци, — ответил Скрипач, — показывает народу ловкость своих волков.

— Днём? — удивилась Фантеска, развалившаяся в кресле что твоя королева. — Разве много соберёшь днём? Это ж убыток сплошной так выступать.

— Верно, барышня, — подмигнул ей Скрипач, — да только на иное время у него денег нет. Угол на площади Стронци стоит недёшево даже в это время, а скупающие господа, что по временам фланируют там, всё же подкидывают какую-то денежку. Так что концы с концами худо-бедно да сводим.

Проживание уличного актёра с волками, да ещё и баска к тому же, в подобной инсуре вполне понятно. Скрипач же, скорее всего, вообще без надобности носа на улицу не кажет.

— Но почему именно там? — спросил я у него.

— От площади Стронци рукой подать до палаццо Стронци, где обитает сейчас наша цель, — ответил Скрипач. — Он ездит после захода солнца по самым разным местам города — обыкновенно значным, вроде лучших игорных домов и шикарных борделей, но иногда его приглашают те или иные семейства, которым хочется заполучить себе столь необычного гостя.

— И ездит он всегда именно через площадь Стронци, — кивнул я. — Но почему Агирре не разорится на выступление попозже?

— Это было бы подозрительно, — заметил Скрипач, — а с другой стороны, в то время, когда там выступает баск, Дракулести возвращается домой. Ближе к полудню обыкновенно.

— Дракулести? — тут же подалась вперёд ведьма. — Мы будем охотиться на самого Дракулести? Вот это да! Ты слыхал, здоровяк?! — Не поднимаясь из кресла, она хлопнула Гизберта по бедру. Тот буркнул что-то неразборчивое себе под нос и отступил от неё на шаг. — На самого Мирчу Дракулести! Да я поверить не могу просто!

— С ней точно всё в порядке? — нагнувшись поближе, так, чтобы не слышала Фантеска, спросил у меня Скрипач.

— Конечно нет, — так же тихо, хотя и был уверен, что ведьма слышит каждое сказанное нами слово, ответил я. — Но для нашего дела нормальные и не подходят.

Спорить со мной Скрипач не стал.

Не знаю, что именно наваяло именно этот сон, но стоило мне только закрыть глаза, и я снова оказался в том самом постоялом дворе посреди Шварцвальда. Я лежал на полу среди чёрных драгун графа Ханнсегюнтера, которые заливисто храпели на разные голоса. А когда лица моего коснулась чья-то рука, отреагировал точно так же, как и тогда. Кривой нож — последний из шварцвальдских трофеев — словно сам собой ткнулся рукояткой в пальцы. Я лишь усилием воли сумел удержаться, чтобы не перехватить горло склонившейся надо мной фигуре. Ещё пару мгновений мне мерещилось в темноте бледное лицо вора, однако у того не

было таких длинных волос, чьи кончики щекотали сейчас мне грудь.

— Что ты тут делаешь? — прошипел я прямо в лицо Фантеске, оказавшееся от моего на неприлично маленьком расстоянии.

— Уммм, — приложила та палец к губам, — пришла поговорить кое о чём.

— Тогда давай займём более приличное положение, — заявил я, понимая, что просто так ведьма от меня точно не отвяжется.

— А чем это плохо?

Она придвинулась ещё чуть ближе и теперь её горячее дыхание щекотало моё лицо.

— Не очень подходит для разговоров.

Я всеми силами пытался сохранять невозмутимость, но получалось это не очень — подводи́ла вульгарная плоть. Уверен, Фантеска заметила это, хотя виду и не подала.

Я сел на койке, накинув на чресла простыню, которой укрывался. Фантеска же, одетая в тот же свой разноцветный костюм, вальяжно расположилась в кресле напротив, закинув ногу на ногу. Я занял себе одну из комнат, снятых для команды Лафрамбуазом, ещё одну выделили Фантеске, однако ведьма не пожелала оставаться долго в одиночестве.

— Эти звуки вокруг, — произнесла она, — они действуют на меня...

Стены в инсуле были не самые толстые, а потому было отлично слышно, что происходит в соседних комнатах. Именно эти звуки, скорее животного, нежели человеческого происхождения и показались мне, спящему, храпом чёрных драгун. Смешно даже.

— Не могу лежать одна, когда кто-то рядом получает удовольствие, — пропела ведьма.

— Давай серьёзно, — буркнул я. — Ты бы не пришла ко мне лишь с этой целью, так что выкладывай — чего тебе надо. На самом деле.

— Нуууу, — она проказливо потянулась, — не скажу, чтобы главной целью был разговор, но если уж ты такой серьёзный — давай поговорим. Для начала.

— Не тяни, — отмахнулся я. — Ночь не такая длинная, и я хотел бы поспать, сколько получится.

Конечно, я не успел выспаться за те несколько часов, что занял перелёт до Флоренции.

— Ой, да ладно тебе, — махнула в ответ ладошкой Фантеска, — ты же слышал что баск сказал — Дракулести после того случая не кажет носу из своего палаццо уже который день.

Да уж, новости Агирре принёс не самые обнадеживающие. Мирче удалось-таки перегнуть палку и вместе со своими приятелями — детьми лучших семей города, между прочим, золотой молодёжью — устроить такое, что заставило всех сидеть тише воды ниже травы.

Я даже не знал прежде альбионской легенды о леди Годиве, что проехала по улицам города нагишом, чтобы смягчить сердце своего мужа. Не помню уже, чем именно он там провинился, но народ ненавидел его и обожал его супругу, а потому все закрыли ставни и двери, и никто не бросил на неё взгляда. Красивая сказка дополнялась неприятным эпизодом с ослепшим мальчишкой, который решил-таки хотя бы одним глазком взглянуть на обнажённую леди.

Вот этой легендой и впечатлялась компания Дракулести — молодые парни, которых венгерский воевода изящно развращал, осыпая золотом и завлекая во всё более откровенно безрассудные авантюры. Они раздели девицу самого что ни на есть лёгкого поведения, усадили на лошадь и принялись возить по улицам ночного города. Всех же, кто попадался им на пути, они обзывали Томом в честь ослепшего паренька и кидались на них с

кинжалами, чтобы также лишить зрения за то, что посмели бросить взгляд на их леди Годиву. Дошло до нескольких серьезных стычек. Большинству, вместе с Дракулести, удалось скрыться, но кое-кто попался стражам порядка и был препровождён в ближайшую кордегарию. Так что теперь, пока родители юных олухов улаживали вопросы с властями города, хотя многие этими властями и предержали, вся компания предпочитала и носу не казать из родных палаццо.

— У нас будет время выспаться завтра, — заявила Фантеска, — и послезавтра тоже.

— Если ты и дальше станешь болтать о пустяках, то изволь выйти из комнаты, — заявил я. — Думаю, Агирре будет более благосклонен к твоим заигрываниям.

— Да он глядел на меня как голодный волк, — поёжилась Фантеска. — Он же съест меня.

— Вот и проверишь.

— Ну ладно-ладно, хочешь о деле, давай о деле. — Она поменяла позу, снова наклонившись ко мне поближе. — Помнишь, что говорила королева о тебе? Ну, тогда, на шабаше. Перед тем как инквизитор прикончил её.

— Про мою силу и всё такое? — уточнил я, сделав неопределённый жест. — Я не очень хорошо её понял, если честно.

— Я вижу то же, что и она, — заявила Фантеска. — Для этого не надо обладать талантами королевы, ты горишь словно факел. Только пламя твоё внутри, оно выжигает тебя. Саму душу, понимаешь.

— Ничего нового, — притворно зевнул я.

— Королева не хотела помогать тебе, хотя могла, — в голосе Фантески было столько неподдельного энтузиазма, что она невольно заразила им и меня, — и я могу. Я уверена в этом.

— А зачем? — глянул я ей прямо в глаза. — Для чего тебе помогать мне?

— Ты спас меня, — решительно заявила ведьма. — Ведь из-за тебя меня вытащили из той проклятой тюрьмы, откуда обычно выходят лишь на костёр. Ты знаешь, зачем вообще она нужна, а? — Я только плечами пожал. — Так я тебе скажу. Для того, чтобы инквизиторы могли поддерживать свою власть. Периодически оттуда выводят ведьм, чтобы торжественно сжечь в каком-нибудь городе или деревне. Так они упрочивают свою власть, показывают борьбу со злом, поддерживают страх. Вот почему разоблачив какой-нибудь ковен или просто изловив кого-то из нас, они не всегда сразу тащат на костёр. Да я обмочилась от страха, когда меня из камеры выволакивали.

— Ты не забыла, что я официал той самой инквизиции, Фантеска, — заметил я. — Я такой же враг вашего колдовского племени, как и Лафрамбуаз с де Бельзаком.

— Но ты-то не спешишь сжигать меня, — ответила она. — Я уверена, что с тобой буду в безопасности. Ты сумеешь защитить меня от инквизиторов.

— Это как же? — Мне очень захотелось усмехнуться сейчас, как и положено, сардонически. — За моей спиной всё время маячит тень костра.

— Брось, — махнула она рукой, — ты нужен им. Ты очень полезное орудие в руках этого Лафрамбуаза, козырной туз в рукаве. Он ни за что не откажется от тебя, а значит и от твоих людей.

Я готов был поспорить с ней. Не питаю никаких иллюзий относительно прелата — если будет выгодно, он отправит меня на пытки и костёр вместе со всей командой единым росчерком пера или мановением руки. Для таких людей, как он, важнее цели и идеи, а вовсе

не люди. Он и себя положит на алтарь идей и убеждений, если посчитает, что так нужно.

— Но с моей помощью ты можешь стать куда больше, нежели просто орудием инквизиции.

Фантеска поднялась из кресла, шагнула ко мне плавной походкой. Сейчас она двигалась словно одалиска из сераля султана Андалусии.

— Я могу освободить твою силу, — продолжила она, подходя ближе. — Сделать так, чтобы она служила тебе. И тогда тебе самому не придётся никому служить.

Она опустила на колени передо мной, не отрывая, однако, взгляда от моих глаз. Её голос, её движения — она завораживала меня. Сейчас я чувствовал себя кроликом под взглядом хищника. Ему отчаянно страшно, но он не может и пальцем пошевелить, полностью подчинённый воле хищника.

Наверное, именно эта мысль вырвала меня из апатии. И на место ей мгновенно пришёл гнев. Я схватил не сопротивляющуюся Фантеску за плечо, кинул себе на колени и за неимением плети или хотя бы ремня принялся охаживать по заднице рукой. Ведьма же дёргалась, шипела разъярённой кошкой, но быстро успокоилась и принимала мои удары уже с какими-то непристойными стонами. Она принялась ёрзать самым развратным образом, подставляя под мою руку то одну ягодицу, то другую. А потому я быстро прекратил эту глупую экзекуцию.

— О-о-о-о, — прошептала ведьма, каким-то прямо акробатическим движением садясь мне на колени, — папочка наказал плохую девочку. Теперь она будет хорошей.

Она толкнула меня с удивительной для тонких ручек силой, и я повалился на койку, каким-то чудом не врезавшись головой в стену. Фантеска же торжествующим жестом сорвала покрывало с моих чресл.

И кто бы удержался в такой момент? Да только скопец!

Глава 14

Косые взгляды

Дверца кареты открылась бесшумно, однако экипаж едва заметно качнулся на рессорах, когда невидимый для меня воевода покинул его. И как только он сделал это, я понял — всё пошло не так, как мы рассчитывали. Да что там, всё просто-напросто полетело ко всем чертям!

Потому что из кареты вышел вовсе не изящный Мирча Дракулести, а закованный в сталь с ног до головы гигант. Он был одет в тяжёлый доспех, какие обыкновенно носят только кавалеристы, да и то далеко не все. Эту броню назвали в честь соперника Константина II за престол теократа Священной Римской империи Максимилиана — курфюрста многих немецких земель, не пожелавших войти в состав Тевтонского ордена. Массивный, тяжёлый доспех делал человека, закованного в него, неповоротливым и удивительно неуклюжим, вот только вышедшему из кареты гиганту как будто вовсе ничего не мешало. Он вытянул из кареты двуручный меч, лишь немногим уступающий чудовищному оружию Гизберта и возложил его на рифлёный наплечник, как будто бросая нам вызов.

Я хотел уже дать команду уходить — бросить всё и бежать, куда подальше, но было поздно. Уже летела первая стрела холодной былью — тяжёлый арбалетный болт, выпущенный Скрипачом из его Виолины, преодолевал расстояние по пологой траектории и я провожал его взглядом. Карикатурно большой наконечник его был сосудом с мощной алхимической взрывчаткой, древко обвивал шнур, по которому бежал огонёк запала. Даже если бомба не сдетонирует от удара, она взорвётся парой мгновений позже. Будучи не только стрелком, но и сапёром, Скрипач отлично разбирался в подобных адских машинах.

Однако достигнуть цели болту было не суждено. Закованный в максимилиановский доспех гигант недаром чувствовал себя в полной безопасности. Болт ударился словно о невидимую преграду и взорвался в воздухе в нескольких ярдах от шлема с забралом в виде клыкастого черепа, закрывавшего голову нашего врага. Тот упёр закованный в сталь кулак левой руки в бронированный бок и как будто беззвучно засмеялся над нами.

Вот только веселье его продлилось недолго. Длинная чёрная стрела каким-то образом преодолела невидимый барьер и вонзилась прямо под шлем гиганта. Как стрелку удалось попасть в маленькую щель, открывшуюся всего на пару мгновений, я даже не задумывался. Слишком хорошо знал того, кто стреляет — он никогда не промахивается. Хотя был один раз...

Гигант показным жестом сломал древко, не обратив никакого внимания на рану, для обычного человека ставшую бы смертельной.

— Вот теперь наша очередь! — крикнула Фантеска. — Давай, проверим, что у нас получилось!

Мне совсем не хотелось делать то, что предлагала чокнутая ведьма. Я понимал, что иного выхода у нас нет, что лишь так можно пробить защиту кареты и гиганта в доспехах, чтобы до него смог добраться Гизберт, а Скрипач поддержал его с крыши. Но, чёрт побери, я не хотел этого делать! Не хотел испытывать эту жуткую боль снова.

Но я стиснул зубы и сделал Фантеске знак. Ведьма тут же радостно выскочила прямо из окна, акробатически плавным движением приземлившись на мостовую. Я последовал за нею, далеко не так изящно, конечно, как мог быстро. Фантеска грациозно опустилась на

колено и стремительным, но исполненным жеманства — и как только у неё это получалось? — движением сдёрнула с плеча одеяние, которое сама кроила для такого трюка. Я положил ей левую руку на обнажённое плечо, готовясь к боли, что неминуемо обрушится на меня, как только моя кожа соприкоснётся с её.

— И как это будет работать? — усомнился я в словах ведьмы, когда та наутро в нескольких словах описала мне идею.

— Тебе заклеили правую руку и сердце, — пустилась она в объяснения, которые я уже слышал, — считая, что таким образом надёжно закрыли в тебе силу. Считается, что для использования скрытой силы нужна именно правая рука.

— Но я не могу использовать её, хотя бы потому что не знаю, как это делать, — пожал плечами я.

— Ты можешь не перебивать! — вспылила Фантеска, подскочив с кровати.

Набросить на себя хотя бы покрывало она, естественно, не удосужилась, а потому зрелище было в высшей степени привлекательное.

— Использовать твою силу могу я, — заявила она, снова нависнув надо мной, но теперь уже выпрямившись и уперев маленькие кулачки в бока, — а ты мне её передашь.

— Как я сделаю это, если она закрыта во мне? — задал я вполне резонный вопрос.

—левой рукой, конечно же, — словно неразумному дитяте объяснила она. — Этому даже печать напротив сердца не помешает. Она ведь не даёт использовать силу именно тебе, а вот кому-то другому — запросто.

— Что-то мне кажется, тут есть какой-то подвох, — покачал головой я, хотя это было и непросто сделать, лежа на кровати. — Рассказывай, Фантеска, я должен знать всё.

— Ой, да ерунда на самом-то деле, — отмахнулась она. — Тебе ведь не привыкать терпеть, верно?

— Говори!

Раздражённый, я сел на койке и попытался поймать ведьму за руку, но та текучим движением отступила в сторону, не дав схватить себя.

— Это будет очень больно, — пропела ведьма, и повторила: — Но тебе ведь не привыкать терпеть, верно? Вон сколько шрамов.

— Не скажу, что мне понравилось их получать, — буркнул я, откидываясь на подушку.

Я стиснул зубы в ожидании боли, сдавил пальцами тонкое девичье плечо Фантески, заметив, что с кожи её не сошли синяки от прошлого раза. Ведьма пропела несколько слов какого-то наговора, принялась делать быстрые пассы руками, и вдруг скривила пальцы наподобие птичьих когтей, вытянула руки — и из ладоней её вырвался гнилостно-зеленоватый, отдающий чем-то нездоровым, гнойным, болезненным, чумным луч света. Боль объяла меня, взгляд помутился, внутренности будто калёным железом жгли, но кошмарней всего была боль от клейм. Они впивались в кожу, горели пламенем, испепеляя, казалось, не только плоть мою, но и саму душу.

И всё же я нашёл в себе силы следить за происходящим, не потерял контроля. Я увидел, как барьер, окутывавший гиганта, стал виден — словно десятки мятущихся душ, пребывающих в постоянном движении, ни на мгновение не останавливающихся, закрывали его. И в них бил луч, срывающийся с пальцев Фантески. Ведьма выкрикнула ещё несколько слов, сдёрнула руками, выпрямила пальцы — и луч набрал силу, а через мгновение по нему

проскочил некий импульс света, как будто внутри зажглась и помчалась по струне маленькая, но невероятно жгучая звёздочка. Она стояла мне приступа такой боли, какой словами не передать. Оба клейма вспыхнули ничуть не хуже этой звёздочки, и мне показалось, что плоть сейчас должна осыпаться пеплом с костей.

Удар разрушил барьер, закрывающий гиганта в максимилиановском доспехе, однако повредить ему самому уже не смог. Силы не хватило. Но тут в дело вступил Гизберт, до поры скрывавшийся в переулке. Он преодолел отделяющее его от кареты расстояние в несколько длинных прыжков и обрушил на гиганта свой чудовищный меч. Противник отбил удар — двигался он вполне под стать Гизберту, и явно был настоящим профессионалом.

Они обменялись несколькими ударами такой силы и стремительности, что я сразу понял: в эту схватку титанов мне лучше не лезть. Я лишь помешаю Гизберту, и уж точно никак не смогу помочь ему.

— Фантеска, за мной! — превозмогая боль, всё ещё жгущую меня, особенно там, где стояли клейма, я кинулся к карете.

— И ты ещё говоришь, что я сумасшедшая? — легко обгоняя меня, бросила на бегу ведьма.

Она ловким движением проскользнула буквально под мечом гиганта в максимилиановском доспехе, и рыбкой нырнула в карету. Я же предпочёл обежать схватку по широкой дуге и прыгнул на козлы. Кучер продолжал сидеть, держа в безвольных руках поводья, длинная чёрная стрела пригвоздила его к стенке кареты. Я перескочил через него, спрыгнул на землю и рванул на себя ручку, распахивая дверцу.

Внутри обнаружились сразу две женщины, хотя я ожидал увидеть там лишь Фантеску, и проверял больше для уверенности, что Дракулести там точно не было. Однако вместо воеводы на роскошном сиденье вольно раскинулась моя давняя знакомица, а ныне слуга моего злейшего врага — Гитана. Она держала за горло стоящую перед ней на коленях Фантеску, повернув к ней мёртвую половину лица. Однако душиТЬ явно не пыталась, скорее просто удерживала ведьму длинными тонкими пальцами.

— А я всё думала, когда же ты покажешься, — сказала она, делая мне приглашающий жест. — Забирайся внутрь, тут у меня уютно, и компания вполне подходящая.

Я выхватил из-за пояса пистолет — трофей схватки с разбойными страдиотами — но не успел взвести курок, как Гитана сжала пальцы на шее Фантески. Ведьма издала тихий полувсхлип-полустон.

— Без глупостей, — покачала головой цыганка, — или твоя ведьмочка умрёт тут же.

— С чего ты взяла, что она хоть что-то значит для меня? — спросил я.

К звону клинков по ту сторону кареты прибавились звуки ещё одной схватки. Агирре и его волки сцепился с грумами, а если уж быть точным, то с гайдуками венгерского воеводы. Те отлично управлялись с саблями, что я не так давно имел возможность проверить на собственной шкуре.

— Ты не выстрелил, когда я слегка сдавила ей горлышко, — ответила Гитана.

— Ладно, — кивнул я, давая понять, что она раскусила меня, — и чего же ты хочешь?

— Для начала поговорить. Передать тебе слова нашего Господина, предложение от него. Ты прикончил Чумного Доктора, сорвал его планы в Шварцвальде, но Господин может простить тебе всё, взять на службу. Лишь склонись перед ним, принеси клятву верности, от которой отказался в прошлый раз.

Я сунул пистолет обратно за пояс и забрался-таки в карету. Устроился на сиденье

напротив цыганки. Лишь мельком глянул на открытое плечо Фантески. Я не мог подать ей никаких знаков — Гитана слишком хорошо знает меня и раскусит в одно мгновение. Значит, придётся импровизировать, действовать наобум. Ну что ж, не впервой.

— Ты считаешь меня таким глупцом, Гитана? — спросил я у цыганки. — Я вечная угроза твоему Господину. Моё проклятье едва не прикончило его в городе скорби, и я в любой момент могу довершить начатое. Хотя бы когда стану приносить клятву, например.

— Теперь у него есть сила противостоять твоему проклятью, Рейнар, — ответила она. — Он получил весьма могущественных покровителей, которые многое ему дали.

— А я думал, что у него уже всё и без того имеется, — пожал плечами я.

— Разумный человек всегда желает большего, — покачала головой цыганка. — Вот, например, Баум — прежде он бы точно не смог противостоять демоническому мечнику, которого ты завербовал себе. А теперь же рубится с ним едва ли не на равных, и всё благодаря нашему Господину.

— Хорошо же над ним поработали, — сказал я. — Он и прежде был отменным мечником, но откуда столько силы и такая нечеловеческая ловкость.

— Всё благодаря нашему Господину, — заявила Гитана. — Ему и ведьма твоя, думаю, пригодится.

Она почти нежно погладила пальцами горло Фантески.

— Только она, — покачал головой я, — больше никто?

— Никто, — твёрдо ответила Гитана, — больше Господину не интересен.

Я намеренно откинулся назад, приложил пальцы правой руки к подбородку.

— А с этим твой Господин сможет что-нибудь сделать? — Я продемонстрировал заклеимённую распятием ладонь. — Очень, знаешь ли, мешает. И ещё одно такое клеймо есть над сердцем.

Я заметил, что всё внимание Гитаны в этот миг было приковано ко мне, она как будто даже думать позабыла о Фантеске, которую держала за горло. Я воспользовался этим — резким движением подался вперёд и положил руку на плечо ведьмы, заранее сжав зубы в ожидании боли.

И Фантеска не подвела!

Мы выбрались из остатков кареты, усилиями сцепившихся внутри ведьмы и цыганки превращённой в груды обугленного дерева. А уж что случилось с бедными лошадьми, лучше и не думать — их тела размазало по мостовой на протяжении нескольких десятков ярдов. Взрыв, которым завершилась весьма эффектная, несмотря на небольшое внутреннее помещение кареты Дракулести, дуэль был направлен Гитаной на меня. Однако Фантеска сумела прикрыть нас обоих пепельным щитом, едва выдержавшим мощь последнего удара цыганки, и большая часть его силы пришлась на стенку кареты, а после на несчастных животных.

Схватка снаружи тоже закончилась, и мы наблюдали сцену самого настоящего побоища. Гизберт стоял, опираясь на свой чудовищный меч. Он сумел удержать в себе демона. О том, что тот пытался вырваться на свободу, говорили только клубы пара, кружащиеся вокруг губ мечника при каждом выдохе, несмотря на царящую вокруг удушающую жару. Да ещё крохотные волокна тьмы, не толще паутинок, что летят в августе, падающие с его ног и плеч. Остатки потусторонней чёрной брони, которой он обрастал, когда демон в нём набирал силу.

У ног мечника валялся изрубленный труп, как я теперь знал, Баума. Мой бывший товарищ, не раз спасавший всю команду во время рейдов в мёртвые города, обращённый силой Дракулести в жуткую нежить, был уничтожен окончательно и бесповоротно. Из щелей в тяжёлой броне его торчали обломки чёрных стрел, а сам доспех был прорублен мечом Гизберта в нескольких местах, но ни капли крови не вылилось из ран. Правый наплечник был почти полностью снесён, однако на сей раз постаралось не оружие мечника. Сталь вокруг дыры покрывал чёрный налёт от мощного взрыва. Скрипач тоже времени даром не терял.

— А что Агирре? — спросил я у Гизберта.

Тот молча махнул рукой куда-то за карету. Кажется, в этом направлении скрылась Гитана. Баск лежал на залитой кровью мостовой. Вокруг него валялись вперемежку тела его волков и гайдуков Дракулести. Видимо, к воеводе на помощь устремились ещё слуги из палаццо, которое он занимал, а Мирча всегда держал при себе только исключительно опытных рубак. Однако Агирре со своими зверьми сумел дорого продать свою жизнь — никто из гайдуков не ушёл живым.

— Жаль, — кивнул я, глядя на изрубленное саблями тело баска.

— Может быть, нам стоит убраться отсюда поскорее, а? — дёрнула меня за рукав Фантеска. — Мы тут так нашумели, что стража уже должна скоро явиться.

Тут она была полностью права. Даже удивительно, что после того светопреставления, которое мы устроили, здесь ещё не толпятся стражи порядка с алебардами и аркебузами в руках.

— Идём, — кивнул я, и обернулся к Гизберту. — Ты как, идти можешь?

— Немного устал, — ответил тот, — но ещё пару часов на ногах продержусь. Перевязать бы меня только надо, но это тоже может подождать.

Только сейчас я заметил, что он левой рукой зажимает рану на боку. Насколько серьёзную, я разглядеть сейчас не мог, да и времени не было.

— Тогда бегом! — бросил я, первым устремляясь обратно в доходный дом, где мы скрывались перед нападением.

Предусмотрительные агенты инквизиции сняли тут комнаты, расположенные напротив, чтобы мы могли как можно скорее покинуть место, не привлекая к себе ничьего внимания. Я первым миновал короткий коридор, распахнул настежь незапертую дверь и выскочил в окно первого этажа уже на площади Даванзати, где нас уже ждал экипаж с купленным с потрохами извозчиком. К тому же, я уверен, он тоже был агентом инквизиции, иначе не попался бы нам столь вовремя и не оказался таким удивительно сговорчивым малым.

Он привёз нас на условленное место, оставив в паре кварталов от доходного дома, где нам сняли квартиры. По дороге от тряски Гизберту стало заметно хуже, он прижимал руку к ране все сильнее, не дав Фантеске даже осмотреть себя. Между пальцев его струилась кровь.

— После, — отмахнулся он, когда ведьма попыталась хотя бы глянуть на ранение. — Здесь, всё равно, перевязывать меня нечем, а дома уже нормально займёшься мной, если так хочешь.

До дома пришлось тащиться переулками, потому что ноги Гизберта уже отказывались держать его. Мы с Фантеской поддерживали его с двух сторон, а подъём на третий этаж стоил нам больших усилий. Мы уронили Гизберта на койку, которую прежде занимал я, и Фантеска тут же отняла его руку от раны. Досталось нашему мечнику очень сильно — вражеский клинок глубоко погрузился в его тело, разрубив плоть. Правда, кости, скорее

всего, остались целы — обломков их в ране я не видел. Но и крови, как ни зажимал рану по дороге, Гизберт потерял немало.

— Не стой столбом! — прикрикнула на меня ведьма. — Неси бинты, корпию, воду.

— А ты и в медицине соображаешь? — удивился я, направляясь к двери без дальнейших понуканий.

— Да уж побольше, чем вы, мужики, — бросила она мне в спину. — Вы друг друга только молотить в кровь и горазды, а латать вас кто будет? Мы, конечно.

Я поспешил за медицинскими принадлежностями, которыми прежде заведовал Агирре. Баск неплохо справлялся с этой ролью, тем более что делать ему ничего не приходилось особенно, кроме как таскать сумку, куда никто и не заглядывал.

Когда я вернулся, Фантеска успела раздеть Гизберта до пояса и теперь ждала только меня.

— Его же только что латали, — покачала головой она. — И месяца, наверное, не прошло с тех пор, как его, считай, всего заново скроили.

Она ничуть не смущалась говорить в третьем лице о человеке, что лежал сейчас перед ней, и пребывал в ясном уме, несмотря на боль и кровопотерю.

— На мне всё как на собаке заживает, — сказал Гизберт. — Шей скорее, пока я совсем кровью не истёк.

Ведьма быстро промыла рану, вычистив из неё тампонами корпии и длинной иглой жутковатого вида все инородные тела. После стянула края, велев мне держать их крепко, и недрогнувшей рукой принялась шить тело мечника как кусок ткани. Быстрыми, мелкими стежками она соединяла его плоть воедино. Рана сочилась кровью, пачкая нам пальцы, Гизберт изредка поскрипывал зубами, но в целом словно не обращал внимания на боль. Закончила Фантеска довольно быстро, затянув на конце нити узел и перекусив её зубами, прямо как заправская швея.

— Теперь тебе надо выпить побольше вина, чтобы скорее забыться и восстановить потерянную кровь, — наставительным тоном произнесла она. — Ну и, конечно же, полный покой.

— Он только в могиле бывает, — отмахнулся здоровой рукой Гизберт. — А насчёт вина я не против.

Я прикинул, что время до возвращения Скрипача и начала неприятного обсуждения итогов нашего неудачного покушения на Дракулести ещё есть. Так что можно и вина выпить. Думаю, оно пойдёт на пользу не только раненному мечнику.

Скрипач ворвался в нашу квартиру настоящим вихрем эмоций. Мы как раз поднимали очередной тост под скудную закуску, отыскавшуюся в здешних закромах, когда дверь нашей комнаты со стуком врезалась в стену. На пороге стоял рассвирепевший Скрипач, хорошо ещё не с оружием наперевес.

— Вы тут пьёте, значит, — произнёс он удивительно тихим голосом. — Пьёте, выходит, — повторил он.

— Ну да, пьём, — кивнула Фантеска, наполняя предусмотрительно взятый для Скрипача стакан вином. — И тебя только ждём. — Она протянула ему стакан, хотя стрелку пришлось бы пройти через полкомнаты, чтобы взять его. — Давай, скажи тост, раз опоздал.

— Да вы что, с ума посходили все?

Скрипач треснул кулаком по дверному косяку — в разные стороны полетели длинные щепки.

— Не кричи, тут у нас раненый, если ты не заметил, — осадила его Фантеска.

— Нет, — теперь уже ударил в пол прикладом Скрипач, — я этого терпеть не буду. Командир, идём немедленно — ты должен рассказать мне всё.

— Секретов у меня ни от кого нет, — пожал я плечами. — Идёмте все в большую комнату, там и поговорим.

— Но Гизберту же нельзя вставать, — твёрдо заявила решившая примерить на себя роль сестры милосердия Фантеска. — Он столько крови потерял.

— Как-нибудь, — отмахнулся тот. — Я и не такое переживал, можешь мне поверить.

Он с трудом поднялся на ноги, взял свой опустевший стакан и направился к двери. Шагал мечник по-прежнему тяжело, однако в помощи уже не нуждался. Я направился следом за ним, потеснив отступившего от дверного проёма Скрипача. Фантеска только плечами пожала и поспешила за нами с двумя стаканами вина в руках. По дороге она сунула один Скрипачу.

— И бутылку заberi со стола, — велела она ему, — а то вина осталось кот наплакал. Не хочется потом сюда за ним топать.

Стрелку ничего не осталось кроме как подчиниться. В итоге он вошёл в большую комнату последним, неся в руке початую бутылку вина и стакан. Арбалет свой он, видимо, оставил в комнате.

— Ну хоть теперь мне, может быть, объяснят, какого чёрта тут вообще творится? — дал выход скопившемуся раздражению он.

— Что именно тебя интересует? — решил я уточнить. — Давай по порядку.

— Кто был стрелок, который страховал меня? И зачем вообще надо было меня, чёрт побери, страховать!

— Таков был замысел с самого начала, — заявил я. — Своим выстрелом ты должен был сбить защиту Дракулести. Видел же преграду, что окутала того здоровяка, не дав болту добраться до него. Но ей нужно какое-то время, чтобы снова набрать достаточно силы, чтобы она могла остановить следующий летящий снаряд. Стрела должна была прикончить Мирчу, но, увы, на её пути оказался не он.

— А кто это вообще был? — поинтересовался у меня Гизберт. — Теперь-то ты ответишь, верно?

Я кивнул, прежде не хотелось повторять всю историю несколько раз. Ведь как только вернётся Скрипач, ему тоже надо будет всё рассказывать. Но теперь время для этого рассказа пришло.

— Значит, это был один из твоих бывших товарищей, которые теперь служат Дракулести, — заключил Скрипач, когда я закончил рассказывать. — И ещё один из них, точнее одна, сидела в карете и ждала тебя. Очень интересная картина получается.

— Это какая же? — глянула на него Фантеска.

— Нас предали, думаю, в этом никто не сомневается, — заявил Скрипач. — Дракулести заранее знал о покушении, его не было в карете. Зато были двое твоих бывших друзей, командир. Меня страховал неизвестно кто, о ком, думаю, никто, кроме тебя не знает, верно? — Гизберт и Фантеска покивали, подтверждая его слова. — Ты явно нам многое недоговариваешь, командир. И лично мне это совсем не нравится. Твоё затянувшееся морское турне, визит на шабаш. Люди, которых ты притащил с собой. Что всё это, чёрт меня побери, означает?

— Ты и Агирре торчали во Флоренции, пока я собирал остальных, — заметил я. — Так

что любой из вас мог продать нас Дракулести. Ни у тебя, ни у баска не было особых причин любить меня или выполнять это задание. А Мирча богат, как Крёз, у него вполне хватило бы денег купить тебя и баска с потрохами.

— Я лично не продаюсь! — рявкнул явно уязвлённый моими словами стрелок. — И не пытайся уйти от вопроса. Я не отстану от тебя, пока не узнаю, кто был тот чёртов второй стрелок, который страховал меня!

— Тебя только это волнует, — пожал плечами я. — Уязвлена твоя профессиональная честь?

— Чёрт побери, да! — даже не попытался спорить Скрипач. — Меня никто и никогда не страховал с тех пор, как я стал солдатом роты арбалетчиков капитана Браганзы. Я думал ты взял меня за профессиональные качества.

— Именно за них, — кивнул я. — Ты и твоя Виолина отлично сыграли в моём плане покушения на Дракулести. Вот только сам Мирча нас облапошил, увы.

— Но почему так получилось? — уставилась мне в глаза Фантеска. — Как Дракулести узнал о нападении?

— Среди нас предатель, — не стал отрицать очевидного я. — И чтобы понять, кто он, мне придётся навестить кое-кого в городе.

— А почему им не можешь быть ты сам? — глянул на меня Скрипач. — Ты ведь даже не отрицаешь своей связи с нашим врагом. Очень ловкий ход, а? Инквизиция велит тебе прикончить тирана, ты организуешь охоту на него, которая ни к чему толком не приводит. А сейчас попросту сбежишь, оставив нас на растерзание прелату Лафрамбуазу. Тот ведь ошибок не прощает, и даже если не отыщет тебя, сорвёт зло на нас.

Надо сказать, слова стрелка не были лишены логики. После неудачного покушения, когда неизвестно даже, где теперь скрывается тиран, у меня немного шансов пережить этот день. И сбежать было бы самым разумным, даже если я не был слугой Дракулести. Чтобы избежать новых, вполне обоснованных обвинений, я решил сменить тему.

— Ты ведь хотел узнать, кто страховал тебя, — сказал я Скрипачу. — Давай, я вас познакомлю.

Я подошёл к большому окну, вечно задёрнутому пыльной шторой, чтобы солнце и жара не превращали комнату в подобие адской кузницы. Распахнув её, я открыл дверь и вышел на небольшой балкон с коваными перилами. Вскинув руку, несколько раз помахал, привлекая внимание наблюдавшего за окнами второго стрелка нашей команды. Того, о ком не знал никто, кроме меня. Сделал приглашающий жест, надеясь, что он сейчас на своём посту и видит меня.

Он, к счастью, оказался на месте. Я заметил чёрный силуэт, мелькнувший на фоне неба, а после он большой летучей мышью спланировал на балкон. Махнул вместо приветствия.

— Идём внутрь, — сказал ему я. — Пора уже познакомить тебя с остальными.

И мы вместе вошли в большую комнату. Лишь когда я снова плотно закрыл шторы, гость скинул с лица капюшон, являя всем своё бледное лицо нечистого с длинным ветвистым шрамом на правой стороне и разноцветными глазами.

— Ну вот, Скрипач, — сказал я арбалетчику. — Именно он тебя и страховал — Абеле Аркури, наш лучник.

Тот, кого я звал просто вором, покуда не убедился в его подлинной личности, шагнул ближе к столу. Каждое движение его сопровождалось тихим механическим жужжанием. Он кивнул всем и опёрся обеими руками о стол.

— Ты же говорил, что он тоже из этих, — махнул рукой Скрипач. — Из твоих бывших бойцов, которых подчинил себе Дракулести.

— Теперь уже нет, — ответил я. — Абеле снова служит мне верой и правдой. Верно, друг мой?

— После всего, что было, — заявил вор, и тонкогубый рот его скривила воистину сардоническая усмешка, — конечно, я служу тебе, командир.

— Может быть, расскажешь подробнее, а? — попросила Фантеска.

И я понял, что длинных объяснений не избежать.

— Давайте хотя бы сядем, — сказал я, — история будет долгая. И, Скрипач, мог бы ты принести ещё вина? С пересохшей глоткой вещать как-то совсем тяжело.

Стрелок глянул на меня недобро, однако отправился в комнату, которую прежде занимал вместе с покойным баском. Не прошло и пары минут, как он вернулся, неся в каждой руке по паре бутылок.

— Больше нет, — заявил он, ставя их на стол.

— Ну, — пожал плечами я, — вряд ли рассказ настолько затянется.

Штырь Горгоны был крайне неприятным местом. Даже с расстояния в полкабельтова^[45] выглядел он попросту отвратительно. Высокая, узкая башня, увешанная клетками, делающими её похожей на жуткое дерево висельников. Сходство определённо имелось, ведь во многих клетках сидели уже давно мертвые люди, а кое-где в линзы подзорной трубы, одолженной мне капитаном Рамиресом, я видел иссохшие скелеты. Иные заключённые, заведя наш корабль со своих высот, принимались махать энергично руками, раскачивая клетки. Их рты разевались в криках, которые не доносились до корабля, а оттого становилось ещё более жутко.

— Этот парень, которого ты отсюда вытащить собираешься, — сказал мне Рамирес, поправляя нервным движением свой плащ из павлиньих перьев, — тебе в ноги упадёт и всю жизнь за тебя молиться станет.

Капитана нервировал вид Тюрьмы Свободы. Ведь во многих клетках сейчас качались люди, обвинённые в морском разбое и переданные для наказания сюда как нераскаявшиеся грешники. Иные из них прибегали к помощи колдунов и шаманов, а потому все деяния их приравнивались к ереси. Конечно, Рамирес никоим образом не относил себя к пиратам и подобным тёмным личностям, но всё же видеть братьев по морскому ремеслу в столь плачевном положении ему было неприятно.

— Вряд ли, — покачал головой я, возвращая ему подзорную трубу, — ведь именно по моей милости он сюда и угодил.

— Вот как, — пожал плечами Рамирес, явно не понимая меня. — Ну, тебе видней, конечно, Рейнар. Но я был бы осторожнее на твоём месте.

— Отчего же? — обернулся я к нему.

— Ты знаешь, как тут общаются с заключёнными? — спросил он, и тут же кивнул сам себе, понимая, что я не знаю этого. — Так вот, им открывают широкое окно, чтобы можно было поговорить с висящим в клетке человеком. Было несколько случаев, когда заключённые намеренно раскачивали клетку, хватали несчастного и прежде чем стражники успевали оттолкнуть клетку, те успевали утащить его с собой. Так что бедолага оставался висеть над пучиной, пока механизмами клетку не подтягивали ближе к стене и его не снимали.

— Но, видимо, не все могли довисеть до этого момента, — сказал я, и Рамирес утвердительно кивнул. — Спасибо, буду предельно осторожен.

Комендантом Штыря оказался невысокий жизнерадостный толстяк, на котором удивительно скверно сидел мундир. Он говорил без остановки и очень быстро, судя по резкому акценту, родом он был из Новой Венеции, а в недавних предках у него были греки, а то и турки.

— Хорошо нашим подопечным, — говорил он, шагая в сопровождении пары крепких парней, на которых мундиры как раз сидели очень хорошо, а вместо алебард они несли на плечах длинные багры, — сидят себе на свежем воздухе, любуются видами. Вы знаете, что в хорошую погоду отсюда — из самых верхних клеток — можно увидеть даже Пизу. Если, конечно, долго вглядываться в горизонт. А мы тут сидим внутри, в холодных стенах, которые никакой огонь не прогреет. Нам ведь летом совсем безбожно урезают запас дров, знаете ли.

Приходится спасаться иными мерами.

От него ощутимо пахло чесноком и вином, а потому сомнений в мерах спасения от холодов и сырости не возникало.

— Так-с, — остановился комендант на очередном витке казавшейся мне бесконечной винтовой лестницы. — Нам сюда.

Он снял с пояса связку ключей, быстро подобрал нужный и открыл небольшую дверь. Я перешагнул порог первым, кивнув коменданту и обоим охранникам.

— Я хочу побеседовать с заключённым наедине, — сказал я.

— Но это может быть опасно, — всполошился комендант. — Знаете ли, разные случаи бывали...

— Я уже предупреждён, — ответил я, — так что знаю, как держать себя.

— Оставьте тут багор на всякий случай, — заявил комендант, и один из стражников, сопровождавший нас, поставил свой шест у стены внутри комнаты. — Так будет лучше.

Я не стал спорить, а просто сделал пару шагов, преодолев расстояние от двери до большого окна, закрытого плотными ставнями. За моей спиной лязгнул засов — теперь комендант откроет дверь лишь после того, как я сообщу через встроенное в стену переговорное устройство, что всё в порядке. Тогда сюда явится усиленный отряд из четверых стражников, вооружённых баграми и короткими мечами, готовых изрубить на куски всякого заключённого, который обманом или ещё каким путём выбрался из своей клетки. На этот случай я предъявил коменданту свои бумаги, подписанные прелатом Лафрамбуазом, дающие мне право забрать с собой одного заключённого тюрьмы. Очень надеюсь, что он не забудет о них, когда я сообщу в переговорное устройство, что закончил беседу.

Я распахнул ставни, и в комнатке сразу стало намного светлее. За окном, лишённым стекла, висела большая клетка, внутри которой скорчился на полу человек в чёрном. Абеле сейчас выглядел жалко, как и положено заключённому, да ещё такой жуткой тюрьмы, как Штырь Горгоны. Нога его, простреленная мной, срослась, но он явно будет хромать до конца жизни и о прежней ловкости не может быть и речи. Услышав стук ставен, вор поднял на меня воспалённые глаза и смотрел, наверное, полминуты, не меньше, прежде чем узнал.

— Ты, — голос Абеле был хрипл, — явился ко мне после того, что сделал? Не думал, что тебе достанет наглости явиться сюда, чтобы позлорадствовать.

— Я тут не для этого, — покачал головой я. — Рад, что ты узнаёшь меня. Говорят, тут многие быстро сходят с ума.

— А я не знаю, настоящий ты или моя галлюцинация, — заявил Абеле. — Подойди ближе, я коснусь тебя, чтобы понять.

Я кивнул и шагнул ближе к краю, остановившись в опасной близости.

— Протяни мне руку, Рейнар, если это ты.

Я сделал, что он просил, хотя отлично понимал, для чего ему это нужно.

Абеле резко качнул клетку, та со скрипом подалась в мою сторону. Одновременно его правая рука змеей рванулась ко мне, и крепкие, длинные пальцы вора сдавили мою ладонь.

— Вот теперь я чувствую, что ты настоящий, Рейнар, — произнёс он совсем другим, уже живым голосом. — Теперь я могу отправить тебя в полёт, короткий, правда, зато успеешь насладиться видом.

— Жаль, не успею, — кивнул я. — Говорят, из верхних камер в хорошую погоду можно и Пизу увидеть.

— Врут, наверное, — пожал плечами вор, не спеша дёргать клетку обратно. — А ты что

же, совсем не боишься? Я ведь могу теперь прикончить тебя в любой момент.

Держать его и клетку, конечно, было трудно. Я вцепился левой рукой в ставень, подался назад всем весом, чтобы не рухнуть вниз прямо сейчас, но не знаю, как долго смогу так продержаться.

— Валяй, — ответил я как можно равнодушной. — Только ведь даже тут есть карцер, верно? Камеры шипами внутрь, ничуть не лучше «железной девы» или те, что болтаются вверх-вниз, и человек в ней постоянно как будто подвешен между небом и землёй. Я-то буду в адском котле ждать Страшного суда, а вот тебе ещё придётся помучиться на этом свете.

— Так скажи, для чего ты явился ко мне, если не чтобы позлорадствовать? — спросил Абеле, но прежде чем я успел ответить, он отпустил мою руку.

Клетка его качнулась обратно, я же, не сумев удержать равновесия, повалился на пол. Выглядело это, наверное, удивительно смешно, потому что вор расхохотался, откинувшись на прутья клетки и свесив ноги между ними.

— Видел бы ты своё лицо, Рейнар, — давясь от смеха, заявил он. — Давненько мне не приходилось так потешаться. Спасибо тебе хотя бы за это.

— Рад, что доставил тебе удовольствие своим визитом, — ответил я, поднимаясь на ноги. — Теперь ты готов выслушать меня?

— Валяй, — бросил вор, изображая попытку устроиться поудобнее в своей клетке.

— Ты нужен мне, — сказал я. — Для охоты на Мирчу Дракулести. Думаю, с твоей помощью я сумею прикончить его.

— Вот так новость! — воскликнул Абеле. — Ты едва не прикончил меня в подземелье под замком вильдграфа, а потом волок на себе через пол Шварцвальда, чтобы передать инквизиции в Дижоне. Они упекли меня сюда, без суда, сразу как только зажила нога. И теперь являешься ты и говоришь, что я тебе нужен, чтобы прикончить Господина. Ты что же, идиот, Рейнар? Какой нормальный человек способен на подобные глупости, а?

— Я, — пожал плечами я.

— И почему же я должен согласиться на твоё предложение, — глянул мне в глаза Абеле.

Взгляд его говорил: убеди меня! Я понял — он мой, что бы я ни сказал ему сейчас, он согласится.

— Я могу не просто вытащить тебя отсюда, — заявил я. — Ведь кем ты будешь за пределами этой клетки? Жалким калекой, бледной, немощной тенью себя прежнего. — Я намеренно бил в самые больные места. — Я дам тебе не только свободу, но и могу вернуть прежнюю ловкость.

— Слушай, — подался ближе ко мне Абеле, уткнувшись лицом в рёбра решётки, — ты кто такой? Ты дьявол что ли, принявший облик Рейнара? Я должен тебе душу продать?

— А разве ты бы не согласился, — ответил я, — будь на моём месте действительно сам Сатана?

— Конечно, согласился бы, — честно заявил Абеле. — Дай только иглу, палец проколоть.

— Я не дьявол, — покачал головой я, — чтобы требовать подписи кровью.

И я направился к переговорному устройству, чтобы сообщить, что хочу воспользоваться полномочиями, дарованными бумагами прелата Лафрамбуаза.

Двое рыцарей-мальтийцев непринужденно беседовали с капитаном Рамиресом на пристани. Их корабль — старомодная, но крепкая каррака — не смог пришвартоваться.

Пристань Штыря Горгоны была рассчитана лишь на одно судно, а потому рыцарям с их грузом пришлось подходить к острову на нескольких гребных лодках. Сами мальтийцы воспользовались яликом с их карраки, за грузом же отправили пару больших шлюпок с острова. Собственно, грузом были больше десятка новых заключённых для тюрьмы. Мальтийцы везли сюда не только собственных еретиков, но и кое-кого из Новой Венеции с Сардинией, было такое соглашение между орденом и этими государствами.

Всё это я узнал из разговора между рыцарями и капитаном Рамиресом. Он, несмотря на кажущуюся непринуждённость, был более чем напряжённым. Оба рыцаря считали Рамиреса ничем не лучше тех пиратов, которых они привезли на остров-тюрьму, а потому вели себя с ним насмешливо, но высокомерно, мол, пока не поймали, да только всё впереди. Рамирес, конечно, платил им той же монетой.

— Синьоры, — кивнул я всем сразу, приложив два пальца к полю шляпы, — очень рад, что вы оказались тут. Весьма вовремя, скажу я вам.

— Не имеем чести, — ответил старший из рыцарей, кивая мне в ответ с той же прохладцей, что и обращаясь к Рамиресу.

Оба мальтийца были одеты в красные дублеты из плотной шерсти, украшенные крестом. Только у одного он был просто белым, а у второго по краю шёл заметный серебристый кант. У обоих на поясах висели короткие мечи, головы же они укрывали широкополыми шляпами без украшений.

— Представляться совершенно не нужно, — отмахнулся я, демонстрируя им кольцо официала инквизиции, которое предпочитал не снимать с того момента, как сошёл с трапа «Espirito Santo». — Вы ведь не откажете мне в одной небольшой просьбе?

— Смотря какого рода, — несколько более вежливо, но ничуть не менее холодно заметил старший рыцарь.

— Ничего такого, что ущемило бы вашу честь или нанесло урон ордену, конечно же, — примирительно поднял руки я. — Дело в том, что мне надо вывезти с острова одного человека. Он был ошибочно обвинён и теперь, когда дело разъяснилось, его ждёт свобода.

— Рад за вашего товарища, — кивнул мальтиец, — однако при чём тут мы?

Я указал ему на стражников, что несли Абеле на носилках. Передвигаться самостоятельно или даже с чьей-либо помощью тот попросту не мог. Сказались и рана на ноге, и пребывание в камере.

— Дело в том, что ему нужно как можно скорее попасть в Специю, а оттуда в Лукку, — объяснил я. — Я же с капитаном Рамиресом отправляюсь несколько в иную сторону, и никак не могу позволить себе возвращаться. Вы очень обяжете меня, если возьмёте на борт одного пассажира до Специи. И к тому же окажете услугу прелату Лафрамбуазу, чьим официальным я, собственно говоря, и являюсь.

— Специя нам по пути, — произнёс старший рыцарь, — так что мы возьмём вашего товарища на борт. Но что с ним делать в порту?

— Я отправлю весточку в город, — заверил его я, — вас будут ждать.

— Тем лучше, — кивнул явно не слишком обрадованный моей просьбой, которую лучше было всё-таки выполнить, мальтиец.

Отказывать официальным инквизиции, да ещё и таких могущественных её представителей, как прелат Тосканы, было себе дороже. Рыцарь это отлично понимал. Он кивнул стражникам, что несли носилки с Абеле, чтобы грузили их в ялик.

— Вынужден откланяться, — сказал он, — дела зовут.

Старший рыцарь сделал младшему знак и оба поспешили навстречу коменданту тюрьмы, чтобы поскорее сбыть с рук свой груз.

— Решили убраться от греха подальше, — прокомментировал их ретираду Рамирес, поправив сбившийся на ветру плащ из павлиньих перьев, — пока ты их ещё о чём-нибудь не попросил.

— Думаю, нам тоже стоит поспешить, — сказал я.

— Ну уж вторая-то тюрьма от нас точно не сбежит.

— Вот так мой бывший товарищ снова оказался в строю, — закончил я рассказ. — Я знал, что без него мне трудно будет в охоте на Дракулести, да и вообще не хотел бросать в той адской тюрьме, куда его упекли.

— Куда ты сам меня и упёк, — уточнил без особой надобности Абеле.

— А было бы лучше прикончить тебя, — повернулся я к нему и глянул в глаза, — или бросить в том Богом забытом подземелье, где ты медленно загнулся бы от потери крови? Я понимал, какая судьба ждёт тебя, но вытащил при первой же возможности, хоть ты и стрелял мне в спину.

— Какие чувства, — пропела Фантеска, растягивая гласные на манер уличных певичек, — вы просто словно старые супруги.

— Заткнись, — бросил ей вор, который терпеть не мог, когда в его разговоры вмешиваются.

— Повезливей, будь любезен, — тут же всплыла ведьма, подскочив на ноги, — ты с женщиной разговариваешь...

— Видали мы таких... женщин, — буркнул вор, похоже, невзлюбивший Фантеску с первого взгляда.

Она уже хотела припечатать его, но я остановил. Тоже поднялся на ноги и почти силой усадил ведьму обратно на стул.

— Мы тут не пререкаться собрались, — сказал я, сам не спеша возвращаться на стул и нависая над столом и всеми, кто сидел за ним, — и это касается всех! Я ясно выразился? — Я дождался понимающих кивков, и продолжил: — А теперь, Абеле, раз уж мы выяснили всё, расскажи, что тебе удалось выяснить?

— Я проводил Гитану, когда та выскочила из остатков кареты, — произнёс вор, — правда, ушла она недалеко. Даже до площади Стронци добраться не успела, её прежде перехватили несколько крепких парней в тёмной одежде. Им нелегко было совладать с Гитаной, но, похоже, не впервые они имели дело с цыганской магией, а потому знали, что с ней делать. Набросили сеть и спеленали будто ребёнка, сунули в рот кляп, а под нос пистолет, чтобы не дёргалась лишний раз. После заскочили в карету и уехали.

— Так работают господа из инквизиции, разве нет? — глянул на меня Скрипач, продолжавший подозревать меня, несмотря на явление вора.

— Очень похоже на их работу, — кивнул я. — Но не стоит забывать, что мы тут на секретной, и если можно так выразиться, частной миссии прелата Лафрамбуаза. Вполне возможно, что какой-нибудь другой инквизитор, не меньшего ранга, обстрепывает тут свои дела. И, конечно же, они с прелатом забыли поставить друг друга в известность о действиях их людей.

— Левая рука не ведает, что творит правая, — пробурчал Скрипач. — Что же это за инквизиция тогда.

— Ну, — пожал плечами я, — это всё-таки не армия, потому порядки у них царят совсем иные. К тому же, как я понимаю, инквизиторы просто помешаны на тайнах, скрывают что могут и от кого могут.

— Бардак, — припечатал их Скрипач, и я был с ним не так уж не согласен.

— Так куда отвезла карета Гитану? — спросил я у Абеле.

— На виллу недалеко от города, — ответил тот. — Я сумел проследить экипаж только до границы пригорода, оттуда наблюдал уже через подзорную трубу. Вилла стоит на отшибе, в полумиле от последних лачуг пригорода, не поместившегося за стену. Это самая настоящая крепость, со стеной, утыканной металлическими кольями и крепкими воротами, которые сторожит пара наёмников. А сколько их внутри, даже не представляю. Я посидел немного, понаблюдав за виллой, так туда потом ещё две кареты приехали, видимо, палаццо Стронци крепко обложили.

— А это значит, — произнесла значительным тоном Фантеска, — что среди нас точно есть предатель!

— И кто же им может быть? — тут же глянул на меня Скрипач.

— Любой из вас, — жёстко ответил я. — Ты, Гизберт, Фантеска, Абеле, покойный Агирре.

— А можешь и ты быть, верно? — продолжил наседать арбалетчик.

— С моей стороны это была бы чудовищная глупость, — покачал головой я. — И уж точно я бы сейчас не сидел с вами, а сбежал бы куда подальше. Плыл бы в Кастильскую корону, а ещё лучше в Кальмарские фьорды Скандинавии. Уж там меня точно не достали бы.

— Как знать, — прищурился Скрипач, — я всегда думал, что у инквизиции очень длинные руки, которые достанут куда угодно. Хоть бы и на Острова улыбок.

— Тогда с моей стороны ещё глупее было предавать, — заметил я.

— А может, это ты? — спросила невинным тоном Фантеска. — Кто громче всех кричит «Держи вора»?

Скрипач, понявший, что в её словах есть резон, тут же замолчал, оставив при себе обвинения, лишь одарил ведьму злобным взглядом.

— В тихом омуте, — буркнул он, выразительно глянув теперь уже на молчавшего всё время Гизберта.

Я понял, что команда трещит по швам после первой же неудачи. Надо брать дело в руки и не выпускать, иначе всё просто развалится у меня на глазах.

— Что будем делать дальше? — задал вопрос Гизберт, совершенно не обративший внимания на слова Скрипача.

Похоже, мечнику удалось сохранить ясный разум, а может быть, ему было и в самом деле на всё плевать, как он усиленно демонстрировал.

— Мы с Фантеской отправимся на эту виллу, — заявил я. — Остальные ждите нас до утра, и если мы не вернёмся, и от нас не будет никаких вестей, обратитесь вот по этому адресу. — Я вынул из кармана клочок бумаги с нацарапанными на скорую руку строчками. — Вам помогут убраться отсюда подальше и начать новую жизнь.

— А вот и отличный способ сбежать, не привлекая к себе внимания, — тут же наставил на меня палец, словно пистолетный ствол, Скрипач.

— Тебе-то какая разница? — спросил у него я. — Мы уйдём, а ты хоть сейчас можешь покинуть город. Но здесь, — я постучал пальцем по бумажке с адресом, — тебе хотя бы заплатят. А если не доверяешь, что ж, — я пожал плечами, — ты волен убраться на все

четыре стороны. Я ещё тогда, на руднике, говорил: мне нужны люди, которым я стану доверять.

— Но предатель-то меж нами всё-таки есть, — напомнил арбалетчик.

— Не стоит напоминать об этом через каждые пять минут, — сказал я. — Фантеска, ты не против прокатиться со мной до виллы за городом?

— О, — протянула ведьма, сложив губки бантиком, — от такого предложения я не могу отказаться. Только надо нам обоим себя в порядок привести для визита.

Да уж, после схватки с Гитаной, в которой я, правда, не принимал активного участия, выглядел я не лучшим образом.

— Получаса тебе хватит? — спросил я у Фантески.

— Ты просто убиваешь меня, — приложила она пальчик к щеке, — но что же, придётся согласиться.

Ведьма театрально вздохнула и ушла в выделенную ей комнату. Проводив её взглядом, Абеле только что на пол не сплюнул, похоже, его нелюбовь к женскому полу лишь усилилась со временем. Он на фактории проявлял к женщинам исключительно потребительское отношение, считая их скорее товаром, вроде скота, нежели людьми. И потому ведьма своим независимым поведением его очень нервировала. Он и Гитану в своё время лишь терпел, и мне пришлось не раз с ним хорошенько потолковать, чтобы тогда ещё просто наёмник усвоил простую истину: хочешь быть в моей команде, уважай всех своих товарищей, а нет — так можешь отправляться на все четыре стороны, насильно никто не держит.

Получаса Фантеске вполне хватило, я управился и того быстрее, и мы вместе спустились на первый этаж, чтобы взять наёмную карету до загородной виллы. Прямо как молодая семья, ей-богу.

Глава 16

Серый город памяти

Кучер наёмного экипажа, сыскавшегося удивительно быстро, запросил за поездку на другой берег Арно как совсем уж немного. И это меня только убедило в том, что это агент Лафрамбуаз. Ну и пусть, всё равно не успеет вовремя сообщить инквизитору о моём самоуправстве. Мне становилось душно, когда он пытался контролировать меня — пускай и не напрямую, но через своих многочисленных фактотумов и агентов, которых у него было без счёту даже в свободном городе вроде Флоренции.

Когда меня отправили улаживать дела в беспокойном Шварцвальде, то кинули практически в омут головой — поглядеть, сумею ли я выплыть, или же побарахтаюсь, да и пойду на дно. Но тогда я был свободен в своих действиях, за мной никто не приглядывал, по крайней мере, я не ощущал на себе наблюдения, мне не было нужды постоянно оглядываться и прикидывать, а как отреагирует на тот или иной мой поступок прелат Лафрамбуаз. Охоту же на Дракулести инквизитор Тосканы, видимо, посчитал слишком важным делом, чтобы оставлять меня без надзора.

Я ничуть не удивлюсь, если вместо указанного места кучер привезёт нас с Фантеской на какую-нибудь тайную квартиру, где сидит сейчас Лафрамбуаз, словно паук, дёргая за ниточки. И там мне придётся ответить за провал покушения на Дракулести.

Однако кучер отвёз нас именно туда, куда я ему сказал, взял деньги и поинтересовался, не подождать ли нас.

— Это нам может дорого обойтись, — покачал головой я, прикидывая про себя, понял ли возница мою неуклюжую шутку — ведь он вполне мог и не быть агентом Лафрамбуаза, и потому я добавил, чтобы не звучало настолько двусмысленно: — Я не знаю, когда мы поедем обратно.

Кучер пожал плечами с отменным равнодушием, свойственным людям его профессии, и слегка хлопнул конягу по спине вожжами. Та медленно затрусила вдоль по улице.

Мы же с Фантеской направились к кованым воротам виллы, о которой говорил Абеле. Перед воротами дежурила парочка крепких парней в кожаных, укреплённых сталью кирасах и с алебардами в руках. Были у них и шлемы, но оба стража предпочли повесить их на пояс, явно не опасаясь нападения. Видно было, что охранять ворота виллы было для них своего рода синекурой, и оба явно не прочь были постоять на часах, а после вернуться в тёплую караулку к вину и картам. Однако при нашем появлении оба тут же профессионально напряглись, перехватив алебарды так, чтобы можно было сразу атаковать.

— Куда прёте? — без особого почтения спросил у нас старший годами стражник с сидящими усами и бородкой клинышком. — Кто такие?

— У меня дело к вашему господину, — напрямик заявил я. — Пропустите.

— Это с какой радости? — поинтересовался стражник. — Не велено никого пускать.

— Меня этот приказ не касается, — отмахнулся я. — Открывайте ворота.

— Это с какой же радости? — повторил страж.

Я продемонстрировал ему заблаговременно надетое кольцо официала.

— Ты же не хочешь, чтобы через час виллу брали штурмом полсотни таких же крепких ребят, вроде тебя и твоего приятеля. — Я кивнул в сторону второго стражника. — Если будет ещё ваша смена, то вам погибать первыми — инквизиторские наёмники сначала рубят и

стреляют, а с тем, что осталось, разбирается уже их наниматель из Авиньона.

— Вот только давай без угроз, приятель, — осадил меня стражник. — Не такие мне грозили.

— Ну, как хочешь, — пожал плечами я, и кивнул ведьме. — Догони-ка кучера, он далеко уехать не успел. Мы возвращаемся. Видит Господь, мы сделали всё, что могли. Пускай теперь переходит к силовому решению проблемы.

— Вам далеко ходить не придётся, — раздался с другой стороны кованой ограды знакомый голос. — Инквизитор уже гостит на этой вилле, и будет рад видеть своего официала. — Из-за ограды показался Гедалия, одетый в тёмное и с неизменной звездой Давида, нашитой на груди. — Тем более что тот обходится ему очень дорого, а результата от его действий пока не видно.

Иудей велел стражу открывать ворота и те подчинились, хотя и видно было, что им это совсем не нравится. Им не хотелось ни слушаться Гедалию, ни пускать нас с Фантеской на виллу. Однако они явно получили соответствующие распоряжения, и отворили ворота.

Гедалия встретил, вежливо поклонился, но на лице его было написано почти злорадное выражение, и я понял, что дела наши плохи. Лафрамбуаз не простит провала покушения на Дракулести. Значит, надо продумывать варианты быстрого побега отсюда. Вот только пока мы шагали через заброшенный и сильно разросшийся сад к самой вилле, я, чем дальше, тем сильнее уверялся — сбежать отсюда не выйдет. Едва ли не у каждого куста околачивались наёмники, вроде тех, кто сторожит ворота, или крепкие парни в длиннополых кафтанах с позументами и маленьких шапочках, украшенных перьями. Все, как один, были лихо усаты, а левые кисти рук у всех лежали на рукоятках тяжёлых сабель. Кое у кого под кафтанами я заметил лёгкие кольчуги.

— Кто это такие? — поинтересовался я у Гедалии, пока шли к вилле. — Прелат начал себе страдиотов на службу брать?

— Это люди хозяина виллы, — ответил тот. — Ты что же, не слышал, как я сказал, что монсеньор гостит здесь.

— Я думал ты про то, что он здесь временно поселился, — пожал плечами я. — А кто хозяин этой виллы?

— Ты всё сам скоро узнаешь, потому скажу, — кивнул иудей. — Эту виллу снял Януш Корвино, воевода, и эмиссар короля Венгрии в Южной Италии.

Интересно, а знает ли Лафрамбуаз, чьи люди захватили Гитану, и что цыганка сейчас, скорее всего, сидит в одной из запертых комнат на этой вилле под охраной нескольких крепких парней с усами и тяжёлыми саблями на поясе. Но об этом я распространяться уже не стал — подобные вещи лучше держать при себе.

Гедалия проводил нас мимо ещё двух постов охраны, где дежурили люди Корвино вместе с наёмниками. Последний стоял у крепких, явно недавно обновлённых дверей.

— Туда я уже не пойду, — кивнул нам Гедалия. — Держать ответ перед прелатом будешь сам. Девушка пойдёт со мной и подождёт тебя.

Фантеска глянула на меня, я же кивнул ей в ответ. Бежать вряд ли получится, даже с её помощью, а потому придётся и в самом деле держать ответ. Вот только вряд ли злорадный Гедалия знал, что у меня в рукаве припрятана карта — правда, я и сам толком не ведаю, козырная или нет.

Иудей велел охране пропустить меня, те отворили крепкую дверь, и я шагнул внутрь. В большой, довольно светлой комнате меня уже ждали двое. Я сразу узнал инквизитора

Лафрамбуаза, стоящего у окна и обернувшегося на звук открывшейся двери. Он по-прежнему был одет в мирскую одежду, и ничто в его облике не выдавало принадлежность к Псам Господним. Вторым же оказался весьма занимательный тип. Он явно происходил родом из Восточной Европы, был крепкого телосложения, одет в кафтан, как и его люди, только обильно декорированный мехом и золотом. На каждом пальце носил по массивному перстню, однако я сразу обратил внимание на его ладони — они были явно привычны к рукояти сабли или ножке кубка. Он стоял, заткнув пальцы за широкий пояс, по другую сторону массивного стола, разделявшего его и прелата Лафрамбуаза. На благородном лице хозяина виллы выделялись пронизательные глаза и выдающийся прямо-таки орлиный — или если исходить из фамилии, то вороний^[46] — нос.

Я не знал в лицо этого человека, однако по поступкам он был весьма широко известен. Князь Януш Корвино — эмиссар венгерского короля в Южной Италии, известный охотник на нежить, один из самых талантливых командиров кавалерии, не раз громивший целые орды восставших мертвецов. Он славился своей почти открытой неприязнью к правящим в королевстве нечистым, а потому очень редко покидал Италию.

— Это и есть твой человек? — глянул на инквизитора через стол венгерский князь. — Я думал, он повыше ростом будет.

Мог бы придумать остроу и пооригинальней.

— Не смешно, — поддержал мою невысказанную мысль Лафрамбуаз. — Это именно тот человек, о котором я тебе говорил. — Привычка прелата ко всем обращаться на «ты», похоже, распространялась и на сильных мира сего, вроде князя Корвино. — Именно его люди напали на карету Дракулести.

— Неудачно напали, — сказал князь. — Воеводы-то внутри не было.

— Этого никто не знал, — рискнул вставить слово я, и оба воззрились на меня, будто изваяние заговорило. — К тому же, нам удалось прикончить одного из его ближайших слуг — Гербрахта Баумхауера.

— Сомнительный успех, — скептическим тоном произнёс князь, — у него таких слуг довольно.

— Этот был особенный, можете мне поверить, — покачал головой я. — Он прежде был моим близким знакомцем.

— Тут я склонен согласиться с официалом, — потёр длинными пальцами острый подбородок Лафрамбуаз. — То, что именно Баумхауер был в карете, говорит о многом.

— Например, о чём? — тут же глянул на него Корвино.

— Например, о том, что Дракулести готовил ловушку, — заявил я. — Мне известно, что Баум... — я слегка запнулся на привычном имени бывшего товарища, но тут же добавил: — ... хауер командовал либо всей армией, сражающейся под Пьяченцей, либо существенной её частью.

— Да плевать мне, кто он такой, — отмахнулся князь. — Покушение провалилось, и теперь Дракулести чёрт знает где. Он затаился, залёг на дно и как достать его я просто не представляю.

Всё время с начала беседы, я медленно подходил к столу, как будто приближался к опасному хищнику. И князь Корвино отчасти именно таким и был — я не знал, чего от него ждать. Однако я явился сюда, чтобы рисковать, а значит надо идти до конца. Я подошёл к столу, опёрся об него кулаками и заглянул прямо в пронизательные глаза венгерского воеводы.

— А ведь вы лукавите, князь, — заявил я, не отводя взгляда, хотя это было и непросто. — У вас в подвале сидит ещё один человек — ну или почти человек — Дракулести, захваченный после покушения. Вот только как к ней подступиться вы не знаете. Вы же привыкли уничтожать нежить, а не допрашивать. Именно с этой целью вы пригласили сюда весьма кстати оказавшегося во Флоренции прелата Лафрамбуаза, инквизитора Тосканы. Человека с очень богатым опытом по части вытаскивания нужных сведений из нежити, вроде той, что захватили ваши люди. Разве я не прав, князь?

— Ты кто такой? — не слишком вежливо ответил вопросом на вопрос князь Корвино, но видно было, что он поражён моими словами. — Откуда ты знаешь о ней?

— О ком это — о ней? — тут же уточнил инквизитор, но венгерский воевода не обратил на него внимания. Взгляд его был прикован ко мне.

— Я простой официал инквизиции, — пожал плечами я, — и раз серебряное кольцо на моём пальце не прожгло мне плоть до кости, то я точно не *Hostis generis humani* ^[47] и никто из его слуг. Просто у меня тоже есть свои люди, которые в состоянии проследить за удирающей с поля боя женщиной, а после за каретой, в которую её затолкали неизвестные.

— Кто эта женщина, Рейнар? — нетерпеливо спросил у меня Лафрамбуаз, и по тону его я отлично слышал, что он едва сдерживает кипящий внутри гнев.

Уж к чему к чему, а к небрежению собственной персоной инквизитор Тосканы не привык.

— Гитана, — ответил я, обернувшись к нему.

Откровенно говоря, я рад был возможности прервать нашу с князем дуэль взглядов под благовидным предлогом.

— К ней теперь трудно подступиться с обычными методами допроса, — продолжил я. — Если честно, я даже не очень понимаю, как людям князя удалось связать её и затолкать в карету, и отчего она до сих пор не сбежала.

— Есть у меня методы против таких, как она, — не без гордости заявил Корвино. — И прежде чем вы, инквизитор, потребуете от меня, чтобы я допустил вас с вашим официалом к ней, я хочу вам кое-что сказать.

Он отступил от стола и сложил руки на груди, однако торопить себя не заставил.

— До недавнего времени уничтожение Мирчи Дракулести было внутренним делом, практически семейным, можно сказать. Однако теперь мне стало доподлинно известно, что вы знаете о его истинной природе. Я допущу вас и вашего личного дьявола к захваченной твари, но лишь при одном условии. Правда о том, кто такой Мирча Дракулести не должна быть предана огласке. Ни в коем случае. О последствиях, думаю, вам не стоит напоминать.

Тут он полностью прав. Венгерское королевство, управляемое не первый год семейством нечистых, было бельмом на глазу всей Европы. Эстергомская династия, захватившая власть, оказалась слишком серьёзной силой, с которой приходится считаться и Священной Римской империи, и Тевтонии, и прочим менее крупным государствам. Правители и знать королевства были сродни аристократии Чёрной порты, однако порядки в Венгрии всё же царили иные, а уж князь Корвино показывал, что готов бороться с нежитью, несмотря ни на что. Вот только если станет известно, что один из виднейших вельмож королевства оказался не просто нечистым, но тираном — кошмарным порождением чумы, это вполне может сподвигнуть европейских монархов сплотиться против общего врага, которым так легко будет объявить Венгрию. И тогда нового крестового похода не избежать. Конечно же, ничего подобного князю Корвино не нужно. Как бы ни относился к нечистой

аристократии, войны со всей Европой, сплотившейся против его родины, он точно не хотел.

— Как и вы, я не желаю войны между людьми, — заявил со всей сердечностью, на какую только был способен, наверное, прелат Лафрамбуаз.

Скорее всего, князь не слишком поверил его словам и тону, вот только особого выбора у него тоже не оставалось. Он сам пригласил инквизитора к себе, а значит, тот был ему нужен.

— Раз так, — кивнул князь, — вас проводят в подвал, где держат эту нечисть.

Он хлопнул в ладоши, и тут же двери отворились. На пороге стоял один из людей князя — седоусый, одетый в кафтан с галуном и, конечно, при сабле на поясе. Он коротко поклонился ему и спросил что-то на венгерском.

— Говори на *linqua franca*, — тут же осадил его князь, — крайне невежливо говорить на языке, который не все понимают.

Тот снова поклонился, и попросил у нас прощения. На *linqua franca* говорил он с безобразным акцентом, так что слова приходилось скорее угадывать и додумывать, нежели понимать.

— Ходите за мной, — сказал он.

И мы вместе с инквизитором покинули комнату, отправившись вслед за человеком князя по коридору. Сам же Корвино с нами никуда не пошёл, что вызвало у меня определённые подозрения.

— Где женщина, с которой я пришёл? — спросил я у нашего провожатого.

— С юдом осталась, — ответил тот, не оборачиваясь, даже по спине его было понятно, как неприятно венгру наше общество. — Сидят в комнате, вино пьют, болтают, наверное.

— Скажи, чтобы её тоже привели в подвал, — заявил я. — Она будет нужна для допроса нечисти.

— Скажу, — кивнул тот.

Он остановил первого же попавшегося слугу и бросил ему несколько слов на родном языке. То ли слуга не знал *linqua franca*, то ли седоусый решил, что если князя рядом нет, о вежливости можно и позабыть.

Вслед за ним мы спустились в подвал, который сторожила пара крепких парней. Седоусый обменялся с ними несколькими быстрыми фразами, снова на родном языке, и нас с инквизитором впустили внутрь, отворив дубовую, укреплённую стальными полосами, дверь.

Видимо, люди князя Корвино и в самом деле умели обращаться с подобными Гитане существами. Назвать цыганку человеком после нашей предыдущей встречи язык уже не поворачивался. Она сидела накрепко прикованная к металлическому стулу цепями, обвивавшими её тело, словно стальные змеи. Я не заметил ни одного замка, видимо, они скрывались под полом, куда уходили концы цепей. Гитана не могла пошевелить даже пальцем — ладони её лежали на длинных подлокотниках стула, зафиксированные в хитрое приспособление, скорее всего, отлично знакомое Лафрамбуазу. Оно держало каждый палец отдельно от остальных, а стальные скобы охватывали каждую фалангу, не давая Гитане ни малейшей возможности даже предпринять попытку дёрнуть одним из них. Цыганка была без шляпы, но длинные, спутанные чёрные волосы падали ей на лицо, скрывая жуткий переход живой плоти в белёсую кость.

Услышав, что дверь открылась, Гитана подняла голову и поглядела на нас единственным глазом.

— Как такое может быть, — голос её был таким хриплым, что я едва разбирал слова, —

Рейнар, именно ты пришёл пытаться меня. Я едва унесла ноги от тебя и твоей ручной ведьмочки, но не прошло и дня, как ты появляешься снова. Да ещё и в компании со святошей, обряженным в мирские тряпки.

— Замолчи, безбожное отродье, — припечатал её Лафрамбуаз.

А после быстро произнёс несколько слов на латыни. Говорил он так быстро, что я не понял их смысла, да и не силён я, откровенно говоря, в высокой латыни. От слов его — хотя меня, можно сказать, задело по касательной: удар был направлен всё-таки в Гитану, — всего передёрнуло. Я покачнулся, клейма на груди и правой руке на мгновение похолодели, даря какое-то удивительное спокойствие, отдохновение не столько телу, сколь душе. С другой же стороны, внутренности как будто латная перчатка сдавила, а после ещё и перекрутила там всё, вызвав приступ тошноты. Каково же пришлось Гитане — ведь инквизитор бил силой своей фанатичной веры именно в неё, и защиты в виде клейм-распятый у неё не имелось. Да и нежитью она была уже куда больше, нежели человеком.

Цыганка забилась в удерживающих её цепях, будто рыба в неводе. Она хватала ртом воздух, отчего ещё сильнее походила на выброшенную на берег рыбу, которая бьётся за жизнь, не зная ещё, что уже мертва. Гитана откинула голову назад, волосы упали с её лица, и оно предстало перед нами во всём своём кошмарном великолепии. Пускай я видел его не в первый раз, но меня снова передёрнуло внутри. Я слишком хорошо помнил её лицо, когда оно ещё было живым, чтобы теперь спокойно смотреть на половину, превратившуюся в голый череп с пустой глазницей.

— Ты ведь стрыга, верно, — произнёс инквизитор, — именно поэтому мои слова так подействовали на тебя. Но тебя сделали такой, ты не умирали, а была обращена в нежить при жизни.

— Сейчас это не имеет значения, — покачал головой я, подходя ближе к Гитане. — Ты знаешь, зачем мы здесь, так что давай обойдёмся без прелюдий и взаимных обвинений.

— Сразу хочешь перейти к делу? — поинтересовалась цыганка; несмотря на ослабевший голос и усилившуюся хрипоту, она сумела придать ему весьма скабрёзный тон.

— Именно, — кивнул я, не поддавшись на провокацию. — Скажи, где твой господин, и мы немедленно оставим тебя в покое. Иначе инквизитор может произнести ещё несколько слов, от которых тебе станет куда хуже, верно же, монсеньор? — обернулся я к Лафрамбуазу.

— Допрос такого существа, как она, невозможно вести привычными средствами, — подтвердил мои слова инквизитор, — поэтому придётся бить её исключительно силой моей веры. А это для подобных тварей куда хуже пыток огнём или колесом.

Я чувствовал, что ему не нравится пассивная роль вроде некоего пыточного инструмента. Он сам привык вести допрос, а не подчиняться своему официалу. Вот только сейчас иного выбора у нас не было — читать молитвы и допрашивать Гитану он не смог бы никоим образом.

— Я не могу предать Господина, — ответила цыганка. — Как бы вы ни пытали меня, мои уста запечатаны его силой. Он параноик, не доверяет никому, даже Бауму не доверял до конца, хотя тот был его рабом в куда большей степени, нежели все мы.

— Что ж, — произнёс я, снимая перчатки, подходя ещё ближе и склоняясь над Гитаной, — тогда я буду допрашивать тебя всерьёз.

Поймать взгляд её единственного глаза оказалось не так просто, однако она как будто сама глянула на меня, и я мгновенно провалился в её мир.

Мы стояли посреди города — того самого, где прервался путь нашей команды. Часы на

башне остановились, стрелки их замерли на самой грани Ultima Forsan. Небо над нашими головами было пепельным, с него сыпались тяжёлые хлопья не то грязного снега, не то пепла. Мы очутились на площади с фонтаном, где крысолюд напал на Баума и, хоть не смог убить его, но поразил чумой. Невдалеке виднелся фасад проклятого дома, в котором нас захватили в плен.

Гитана не изменилась — всё та же молодая женщина в обносках прежней одежды, только на голове её снова красовалась потёртая широкополая шляпа. Она стояла, скрестив руки на груди, и глядела мне прямо в глаза, как будто оценивая. Я не мог видеть себя, но отчего-то знал, что на мне привычный кожаный джеркин, а под ним жилет с кольчужными рукавами. В общем, одет я точно так же, как в ту проклятую ночь.

— Вот теперь мы можем поговорить, Рейнар, — сказала она.

Из голоса цыганки куда-то волшебным образом пропала хрипота и слабость. Здесь она снова была полна сил.

— У меня будет лишь один вопрос к тебе, Гитана: где Дракулести? — заявил я.

— Я не солгала тебе и инквизитору, — покачала головой она. — Я не могу сказать этого — Господин надёжно запечатал нам уста.

— Тогда ты бесполезна для нас, — пожал плечами я. — Могу разве что прикончить тебя быстро, чтобы не оставлять князю Корвино. Вряд ли он будет настолько милостив с тобой.

— Это, конечно, мило, — ответила Гитана, — но я могу кое-что рассказать тебе. Например, кто оказался предателем в твоей команде.

— И кто же это? — спросил я, даже не стараясь казаться равнодушным.

— Смотри, — сказала она, и я провалился ещё глубже.

Теперь я снова был во Флоренции, из-за плеча Дракулести наблюдал за уличным представлением, устроенным Агирре. Баск развлекал небольшую группу любопытных трюками ручных волков. Похоже, тирану это нравилось, он несколько раз вяло хлопнул в ладоши, прежде чем задёрнуть занавеску на оконце кареты.

В следующий миг я увидел Агирре распятым на дыбе в подвале палаццо Стронци. Даже не думал, что Дракулести сумел организовать там пыточную, хотя она вполне могла быть наследством от прежних хозяев. Над баском успели уже хорошенько поработать, и он больше напоминал отбивную с кровью. Но сломить его явно не удалось — Агирре скалился, демонстрируя всем свои крепкие, лошадиные зубы в привычно-фальшивой усмешке. И тогда тиран пустил в ход свою силу, ломая сопротивление баска, выжигая его душу. Этого Агирре вынести уже не смог — и я даже не винил его, он не был готов к тому, чтобы столкнуться с кошмарной мощью тирана.

Ещё миг, как будто моргнул, и вот уже Агирре явился с докладом к Дракулести. Тиран принимал его только лично, не доверяя никому — даже самым верным слугам. Гитана не солгала, назвав его параноиком.

— Что ж, мой Ганелон, — произнёс Дракулести, — ты славно послужил мне. Мы подготовим отличный Ронсеваль для нашего Неистового Рейнара.

А после я, даже сам того не желая, провалился ещё глубже, в те воспоминания, куда Гитана не желала меня допускать.

Подвал был тот же, где пытали Агирре, но теперь дыба была пуста, зато на большом столе лежал прикованный цепями Баум.

— Он станет сильнее, — говорил сгорбленный человек в чёрном балахоне и клювастой докторской маске, — его рефлексy улучшатся во много раз. Он станет идеальным воином.

— Только совсем лишится разума, — рискнула возразить Гитана. — Разве вам нужен безмозглый генерал для армии под Пьяченцей, Господин?

— У меня есть замена Бауму в этом деле, — отмахнулся Дракулести, и обратился к горбуну в маске: — Начинай же, у меня нет желания торчать тут до заката.

— Конечно, конечно, — подобострастно закивал тот, — немедленно приступаю.

Он склонился над телом Баума с каким-то жутким инструментом, от одного вида которого мне стало не по себе.

Что было дальше, я не узнал, потому что Гитана опомнилась и выкинула меня из своей памяти.

Мы снова стояли в сером городе скорби, и на головы нам сыпался пепел. Теперь я точно знал, что это именно пепел.

— Ты залез слишком глубоко, — сказала мне Гитана. — Не стоило лазить туда.

Я в ответ лишь плечами пожал — какая теперь разница, когда я всё уже видел.

— Всё ещё пляшешь под дудку инквизиции, — без тени вопросительной интонации произнесла цыганка, не дождавшись ответа. — Это ведь тот тип, что меня латынью приложил, притащил тебя в подвал, верно? Ты теперь работаешь на него.

— Что работаю, верно, — кивнул я, — но мы встретились случайно. Тебя выследил мой человек. Он увидел, как тебя сунули в карету, а после незамеченным прошёл за ней до самых ворот виллы, куда тебя привезли.

— Кто же это такой ловкий у тебя? — удивилась, похоже, неподдельно Гитана. — Меня повязали настоящие профессионалы своего дела, даже не будь я так вымотана схваткой с тобой и твоей ручной ведьмочкой, не уверена, что справилась бы с ними.

Весьма серьёзное заявление, особенно от женщины, которая на моих глазах в своё время появилась буквально из воздуха в главном зале замка Шварцвальдского вильдграфа, и скрылась так же, уйдя в тени — только её и видели.

— Абеле Аркури, — ответил я. — Он теперь служит мне.

— Да брось, — отмахнулась Гитана, криво и жутко усмехнувшись живой половиной лица. — Ты же знаешь, он с самого начала был фактотумом Господина и завёл нас в ловушку. А теперь ты говоришь, что он работает на тебя.

— И тем не менее, это именно так, — сказал я. — Помнишь, как я сумел приложить вашего господина ещё тогда, в городе скорби, когда он попытался поработить меня? Той же силой я выжег из Абеле всё подчинение ему. То же могу проделать и с тобой, хотя вижу, что в этот раз Дракулести зашёл намного дальше.

— А зачем мне это? — с вызовом глянула на меня Гитана. — Я служу Господину, ты — инквизитору. Вон тебе даже колечко серебряное на палец нацепили.

— Все мы кому-то, да служим, — пожал плечами я. — У всех есть те или иные господа и покровители, за которыми стоит кто-то из ещё более сильных мира сего. Свобода — миф, и ты, думаю, это понимаешь ничуть не хуже меня.

— Миф, — согласилась она. — Но ты думал, что станет с тобой, когда ты прикончишь Господина? Тебя ведь спасли лишь потому, что ты оружие против него. Ты меч, который куют для одного врага, и что с тобой будет после того, как ты исполнишь своё предназначение?

Я и сам не раз задавал себе подобные вопросы, но ответы на них были крайне удручающими. Поэтому я решил задуматься над тем, что делать после смерти Дракулести, когда сумею прикончить его. В конце концов, это чертовски сильный тиран, и вся моя охота

на него может закончиться для меня плачевно. Так есть ли смысл умирать раньше смерти?

Но теперь, когда передо мной стояла Гитана, а с неба сыпался серый пепел, я не мог солгать ей, глядя в единственный живой глаз цыганки.

— У меня нет выбора, — честно сказал я. — Инквизитор крепко держит меня за горло. Видела же клейма на руке и напротив сердца. А сейчас, когда мы приблизились к Дракулести вплотную, как нам казалось, он вовсе дышит мне в затылок. Не доверяет, я понимаю...

— Или хочет расправиться с тобой, как только дело будет сделано, — продолжила Гитана, высказав то, что я не нашёл в себе сил произнести.

— Или так, — кивнул я. — Но я же ничего не могу поделать с этим.

— Не ври хотя бы самому себе, Рейнар, — со злостью в голосе произнесла Гитана. — Я же дралась с тобой в карете, и вижу, на что ты способен. Ты — не твоя ручная ведьма, а ты сам. Она лишь освобождает твою силу.

— Моё проклятье, — отрезал я. — Оно убивает меня!

— Меняет, — покачала головой Гитана. — Ты просто перестаёшь быть человеком, Рейнар, не более того.

— Тогда может и к лучшему, что инквизитор прикончит меня после того, как я убью Дракулести, — сказал я. — На смену одному чудовищу придёт новое.

— А это уже тебе решать, — с показным равнодушием пожала плечами Гитана.

— Я ведь могу освободить тебя, помнишь, — решил резко сменить неприятную тему я. — Присоединяйся к моей команде, как Абеле. Конечно, Чумного Доктора и Баума уже не вернёшь, но так мы сможем отомстить Дракулести за то, что он сделал с нами. Со всеми нами.

— Заманчиво, — произнесла Гитана, в голосе её промелькнула какая-то прямо-таки мечтательная интонация, она явно сама лелеяла планы мести поработившему её тирану. — Особенно после того, что он сотворил с Баумом, превратив его в безмозглую машину убийства. — Она попыталась поймать в ладонь хлопья пепла, сыплющегося с неба, но тот мгновенно распался тонкой пылью. — А чем ты соблазнил Абеле? Не думаю, что одного освобождения ему было достаточно.

— Я прострелил ему ногу в подземельях под замком Шварцвальдского вильдграфа и он угодил на Штырь Медузы. Знаешь же, что это за тюрьма. — Гитана только плечами пожала да махнула мне рукой, чтобы продолжал. — Он потерял свою ловкость и скорость, то, чем гордился всегда. Я отнял их у него, я же и вернул. Тому инквизитору, что пришёл со мной, служит один весьма талантливый врач и протезист Амбруаз Паре. Он сумел приживить Абеле протез, изготовленный механиками, с некой хитрой машинерией, которая вернула ему былую ловкость. Врач этот не побоялся работать с нечистым, не испугался его проклятой крови. Так что теперь наш наёмник снова скачет с прежней резвостью, разве что при движении машинерия издаёт негромкий скрип и скрежет. Абеле поначалу жаловался на него, но потом, видимо, привык, смирился как с неизбежным злом.

— Ловко, — кивнула Гитана. — Да только мне теперь уже ничего не нужно. Освободи меня от его рабского ошейника, и я тебе всё скажу, но при одном условии.

— Каком же? — спросил я, хотя и догадывался, чего она попросит.

— Ты прикончишь меня, — жёстко произнесла цыганка. — Мне незачем жить такой тварью, уродливой стрыгой. Раньше был хотя бы Баум и планы мести, которые я лелеяла, но после его окончательной смерти всё стало пустым и тщетным. Не хочу я такого

существования дальше.

— Твоё право.

Наши взгляды снова встретились.

Глава 17

Ненадёжный капитан

В темноте подвала картина выглядела удивительно печальной. Несмотря ни на что, я не считал Гитану своим врагом по-настоящему, и отбирать её жизнь было неприятно. Сейчас она сидела в кресле так же ровно, как когда я только заглянул в её единственный глаз. Однако я знал — тронь тело хоть пальцем, да что там, подуй даже несильный сквозняк, и она рассыплется пеплом. Тем самым серым пеплом, что шёл в городе скорби, навсегда отпечатавшемся в её разуме.

— Ну и? — услышал я голос Лафрамбуаза, но звучал он как будто издали.

Я ещё не совсем вернулся из мира мрачных грёз, где отправил душу Гитаны в ту бездну, куда придётся кануть и мне. Быть может, даже скорее чем я ожидал.

— Я узнал всё, что было нужно, — ответил я, оборачиваясь.

Наверное, пауза между вопросом и ответом затянулась настолько, что Лафрамбуаз посчитал меня слегка свихнувшимся после такого долгого контакта с сильным чумным отродьем. Ведь, как ни крути, а Гитана была стрыгой просто чудовищной силы, и пожелай она сопротивляться — мне бы пришлось туго. Наверное, я бы в конце концов одолел бы её, вот только стоило бы мне это очень дорого.

— И где же прячется Дракулести? — недоверия в голосе Лафрамбуаза было хоть отбавляй.

— Он ещё три дня назад бежал на Кандию, в Новую Венецию, — сказал я, только сейчас обратив внимание, что кроме инквизитора в подвале находится ещё и Фантеска. — Даже знаю, кто ему там оказывает покровительство.

— Удивительно много удалось узнать из допроса, — покачал головой инквизитор, видно было, что доверия моим словам у него нет вовсе. — Обыкновенно приходится прикладывать куда больше усилий к тому, чтобы добыть подобные сведения из куда менее преданных... существ.

Он не смог употребить слово «человек» в отношении Гитаны.

Фантеска же, пока мы разговаривали, неуверенно подошла к мёртвой цыганке и протянула к ней руку. Видно было, что ведьма боится тронуть её даже пальцем, однако она старалась изо всех сил перебороть свой страх.

— Не надо делать этого, — сказал ей я. — Она рассыплется пеплом от самого лёгкого касания.

— Ты выжег её? — удивился Лафрамбуаз, взглянув на труп Гитаны, как будто впервые увидел её. — Уничтожил не только душу, но и тело?

— Полностью, — подтвердил я. — Она сама этого хотела — надоело служить Дракулести. Собственно, она выдала мне его с потрохами, а после попросила уничтожить её. Даже не сопротивлялась, когда мои проклятья выжигали её изнутри, хотя, наверное, это был очень болезненный процесс.

— И ты поверил ей? — приподнял бровь в крайнем удивлении Лафрамбуаз. — Цыгане — лживое племя, а эта ещё и продалась душой и телом тирану, и ты, всё равно, поверил ей.

Я лишь плечами в ответ пожал — что тут скажешь? Да, я верил Гитане, но как заставить поверить ей прелата Лафрамбуаза, которого не было с нами в том пепельном городе скорби, не видевшего стрелок часов, замерших за мгновение до Ultima Forsan, я не знаю.

— С меня довольно, Рейнар, — неожиданно произнёс Лафрамбуаз. — Ты останешься здесь, вместе со своей ведьмой. В гостях у князя Корвино, правда, ненадолго. Он настаивал на том, чтобы люди, провалившие одно покушение на Дракулести, более не участвовали в этом деле. И я склонен с ним согласиться. Все вы вернётесь туда, откуда вас вызволили моей милостью...

— Не, — протянула Фантеска, — я в тюрьму больше не пойду. Я ж ещё вкус свободы не распробовала!

— Молчать, безбожница! — воскликнул инквизитор. — Ты отправишься не в тюрьму. Я гарантирую тебе костёр.

— Монсеньор, — я и сам не знал, что мой голос прозвучит настолько угрожающе, — я прошу вас сменить гнев на милость. Мы подоברались очень близко к Дракулести. Дайте мне и моим людям завершить это дело.

— Ты провалил дело однажды, — отрезал прелат Лафрамбуаз, — и у меня больше нет к тебе доверия. Ты собрал команду подонков, — при этих словах Фантеска громко фыркнула, но инквизитор ожёг её таким взглядом, что она тут же опустила глаза и сделалась тише воды, ниже травы, — неудивительно, что тебя ещё и предали. Кто это был, кстати? Тот вор в чёрном, которого ты вытащил из Тюрьмы Свободы, да ещё и ногу ему новую сделал за мой счёт?

— Он привёл нас с Фантеской сюда, — покачал головой я. — А предателем был Агирре — баск, волчий брат.

— Который так удобно погиб во время провалившегося покушения, — кивнул Лафрамбуаз.

Да уж, как-то всё выходило у меня не слишком гладко. И я отлично понимал подозрения инквизитора в отношении меня и моей команды. Вот только никаких доказательств невиновности у меня не было, кроме слов. А уж им-то Лафрамбуаз точно не поверит.

— Мы должны закончить начатое, монсеньор, — повторил я с нажимом, шагнув как можно незаметнее поближе к Фантеске.

Ведьма, надо отдать ей должное, мгновенно поняла мой манёвр и тоже бочком двинулась ко мне. На ходу она протянула в мою сторону руку.

— И не надейся на мою милость, Рейнар, — отрезал Лафрамбуаз. — Я допустил огромную ошибку, когда спас тебя из города скорби. Ты не стал ключом к силе Дракулести. Ты — может статься, куда опасней его!

— Лестно, — сказал я, — но вряд ли я заслуживаю столь громких слов.

— Разговор окончен, — взмахнул рукой в раздражённом жесте прелат. — Ты остаёшься здесь, пока за тобой и твоей ведьмой не придут мои люди.

— И вы не измените своего решения? — спросил я, подпустив в голос надежды.

Очень бы хотелось, чтобы прозвучала она искренне — сейчас от этого зависело слишком многое.

— Нет! — рявкнул Лафрамбуаз, совершенно потерявший терпение.

Он открыл уже рот, чтобы позвать стражу, но я опередил его. Быстро шагнув к Фантеске, я сжал её тонкие пальцы своей левой ладонью.

Мы вывалились из тени и тут же рухнули ничком прямо на грязную мостовую — хорошо хоть не лицом в лужу. Я первым пришёл в себя, удивительно быстро, надо сказать, после того, что только что с нами было. Никакого изящного ухода во тьму, какие

продельывала Гитана, конечно же, не произошло. Меня словно дёрнули за плечо, едва не вырвав левую руку из сустава, и проволокли по каменистой дороге полсотни ярдов, не меньше. А после пинком отправили в короткий полёт, завершившийся ударом о мостовую.

Я перевернулся на спину и кое-как подполз к весьма кстати оказавшейся рядом стене дома. Собственно, из её тени мы с Фантеской и вывалились. Сил не было никаких. Я и так после беседы с Гитаной в сером городе пепла был основательно опустошён, даже клейма на руке и груди почти перестали напоминать о себе. Теперь же и вовсе ощущал себя выжатым крепкими руками прачки куском ткани. Во мне не осталось ни капли сил.

Через несколько секунд рядом завозила Фантеска. Ведьме явно досталось ничуть не меньше моего, и она с трудом приходила в себя после того, что сама же учудила.

— Это было... — слабым голосом произнесла она, — забываемо... Надо повторить, да? — И глянула мне в глаза, не думая менять позы — так и валялась ничком на мостовой.

— Что это вообще было? — спросил у неё я, лишь бы что-нибудь сказать.

— Ну, — она, наконец, перевернулась на спину и подползла ко мне, — вообще-то, это цыганское волшебство. Я поймала его отголосок в твоей голове, когда ты взял меня за руку. Это был лучший способ быстро выбраться из того подвала.

— А отчего Гитана не воспользовалась им? — удивился я. — Разве против волшебства помог бы обычный стул, пускай даже тот, что не даёт и пальцем шевельнуть. Тебе-то никаких жестов и слов не понадобилось, да и Гитане тоже прежде в них не было нужды.

— У неё не было столько силы, как у тебя, — ответила Фантеска. — Глянь на клейма, они, наверное, и сейчас кровоточат.

Я сунул руку за пазуху и тут же ощутил пальцами что-то влажное и липкое — это была кровь.

— Это пройдёт, — беспечно махнула рукой ведьма. — Просто я взяла очень уж много твоей силы, вот они и не выдержали.

— А мы, вообще, где? — наконец, задал я вопрос по существу. — Куда ты нас сумела перенести?

— Не знаю, — с обычной своей беспечностью пожала плечами Фантеска. — Честное слово. Я же говорю, что поймала отголосок волшебства, в котором ничего не понимаю.

Мне как-то не хотелось думать, что было бы, не справься ведьма с незнакомой ей магией. Наверное, нас могло размазать тонким слоем по земле. Но выговаривать Фантеске я не стал. Это бесполезно — я давно уже понял, что она мало кого ставит хотя бы в грош, да к тому же ведьма, как ни крути, спасла нас из подвала.

— Вряд ли мы покинули Флоренцию, — сказала она. — Но в какой её части оказались, не знаю.

Я первым нашёл в себе силы подняться на ноги, хотя и продельывал это медленно, держась стену. После подал руку Фантеске и помог встать ей.

— Надо найти перекрёсток и спросить дорогу до нашего доходного дома, — сказал ей я.

— А ты думаешь, туда стоит идти? — спросила она. — Тот инквизитор, скорее всего, отправил в дом своих людей, чтобы захватить оставшихся.

Вполне возможно, она права, и мы застанем в доме лишь следы захвата моей команды людьми инквизитора Лафрамбуаза и, скорее всего, князя Корвино. Тот теперь вряд ли так запросто упустит свой шанс расквитаться с Дракулести за обиды, которых между двумя родами накопилось, наверное, огромное количество. Да к тому же, главным для него было сохранение в тайне истинной природы тирана, а значит, даже прелату будет весьма непросто

избавиться от княжеской опеки.

— Дырку от пончика они получают, а не вора, — заявил я, — это как минимум. Да и Скрипача с Гизбертом так просто не взять.

Я вспомнил, как мечник дрался с сотней врагов, обращаясь в демона. Вполне возможно, вместо следов захвата мы увидим последствия кровавой бойни, учинённой обезумевшим порождением преисподней. Как бы то ни было, я должен увидеть всё своими глазами. Я отлично понимал, что риск неоправданно велик, что я не сумею и пальцем шевельнуть, если в доходном доме окажется засада. И Фантеска вряд ли сможет снова зашвырнуть нас куда подальше. Но пока не убежусь во всём сам, не вложу персты в раны, не поверю. Быть может, даже в таком состоянии, ковыляя кое-как, я сумею опередить людей прелата Лафрамбуаза и мы покинем Флоренцию прежде, чем они вломятся в доходный дом.

Оказалось, волшебство Фантески забросило нас довольно близко к нужному дому. На нас косились пока мы медленно шли к нему по вечерним улицам. Патрули стражи попадались всё чаще, но, наверное, нас принимали за подгулявшую парочку, что после очередного кабака пришла в себя на улице без гроша в кармане. Одежда на нас вся была приличная, хоть и грязная, а с прогулявших всё господ ничего не взять, потому у стражей мы особого интереса не вызывали. Так что до нужного доходного дома мы добрались пускай уже затемно, но без приключений.

Мы как раз шли по улице к входу, когда нас остановили-таки. Вот только не стража и не случайный прохожий — из тёмной подворотни высунулась рука в чёрной перчатке и поманила нас. Я тут же первым шагнул туда, на всякий случай положив руку на гарду меча. Однако это был вор — Абеле стянул с лица повязку, показывая, что это именно он, и поторопил нас нетерпеливым жестом.

Мы проскочили между домами, вышли на соседнюю улицу, но этого вору показалось мало, и он повёл нас дальше, как будто намеренно пытаюсь запутать.

— Долго ещё? — не выдержала первой Фантеска.

Ведьма, конечно, старалась не показать виду, но уже едва держалась на ногах, опираясь на моё плечо. А ведь и мне каждый шаг давался с трудом — ноги тяжелели, как будто в каждый башмак подкидывали по свинцовой чушке, икры наливались болью, а плечо, на котором повисла Фантеска, я почти не чувствовал.

— Расклеился ты, Рейнар, — бросил через плечо Абеле. — В Милане сколько скакать приходилось, и ни слова жалобы от тебя не было. Да и прежде, в той же Пьяченце, как мы с тевтоном и скандинавом по подземельям бегали.

— Я не жалуюсь, — сквозь зубы процедил я, хотя отлично понимал, что нуждаюсь в передышке.

— Придётся ещё подниматься, — добавил Абеле, — так что поберегите силы, не тратьте их на жалобы.

Оказалось, он привёл нас едва ли не в центр города, хотя понял я это лишь когда мы вывернули из очередного проулка прямо на Пьяцца дель Дуомо. Прямо перед нами возвышались величественные и слегка жутковатые в ночной темноте здания — собор Санта-Мария-дель-Фьоре, баптистерий Сан-Джованни и высоченная колокольня Джотто. Именно к ней и направился через опустевшую по ночному времени площадь Абеле.

— Там же ступеней без счёта, — взмолилась Фантеска. — Давайте спрячемся в каком-нибудь другом месте.

— Не ной, — осадил её вор. — Надёжней кампанилы ^[48] укрытия не найти. Там нас

точно никто искать не станет.

— Но подниматься же... — попыталась снова ведьма. — Там же столько ступенек, будь они неладны.

— Всего четыреста четырнадцать, — отрезал вор. — Я их все давно пересчитал.

Фантеска глянула на меня, ища поддержки, но я лишь покачал головой, признавая правоту вора. Уж в чём в чём, а в искусстве прятаться ему равных не было.

Одолеть четыреста четырнадцать ступеней оказалось очень непросто. Уже к середине пути нам пришлось вместе тащить на себе обессиленную Фантеску. Да и я держался на одной только силе воли — не мог же я ударить лицом в грязь перед Абеле. Даже не знаю, отчего взялись такие мысли, но именно они помогли мне продержаться до конца пути.

Наградой нам стала просторная мансарда на одном из верхних ярусов колокольни. Наверное, прежде тут обитал звонарь, а теперь устроил себе логово Абеле.

— Я договорился со звонарём, что он на время позабудет об этой мансарде, — сообщил мне вор, когда мы устроили Фантеску на единственном лежаке. — Он теперь каждый вечер пьёт за моё здоровье — пары флоринов ему хватит ещё надолго. Самое большое неудобство — это звон на первую службу. В каком бы состоянии не поднялся звонарь сюда, он всегда начинает бить ровно в половине девятого утра, выспаться не удаётся.

— И что же, за это время он ни разу к тебе не заглянул? — не поверил я вору.

— Совал нос, конечно, — отмахнулся тот, — но я здесь ничего не храню, только отсыпаясь иногда. Да и то, как уже сказал, не очень-то тут поспишь. Зато вид на весь город по утрам просто изумительный.

— Не знал, что ты такой тонкий ценитель прекрасного, — заметил я.

— Я всегда любил поглядеть на мир свысока, — ответил он в том же тоне. — Чувствуешь себя почти Господом Богом.

— Замашки у тебя, — покачал головой я.

Глянув на Фантеску, я увидел, что ведьма завернулась в одеяло и теперь спокойно спала, будто ребёнок или человек с кристально чистой совестью.

— Рассказывай, — велел я Абеле, присаживаясь не без опаски на единственный стул.

Тот заскрипел под моим весом, но выдержал. Вор же уселся прямо на лишённое рамы и стекла окно, спиной к городу, на который глядел только что.

— Да нечего особо рассказывать, — сказал он. — Взяли нас быстро и прямо даже как-то красиво. Очень слаженно работали — я едва через окно удрать успел, а Скрипача с Гизбертом повязали. Они и пальцем пошевелить не успели.

— И кто это был, как думаешь?

— А что тут долго думать, — пожал плечами вор, которому его шаткое положение вовсе не доставляло неудобств, — крепкие усахи в кафтанах — те же, кто Гитану вязал, а с ними наёмники какие-то, скорее всего, из местных.

Как я и предполагал, князь Корвино теперь хотел держать ситуацию под контролем, а это значит, что его люди всё время будут работать вместе с наёмниками инквизитора.

— А что Гизберт? — спросил я. — Много ли на его совести смертей?

— Он свой меч схватить не успел даже, как на него сразу три сети накинули, а после уже спеленали, что твоего младенца.

Скверно, конечно, но с другой стороны — возмись Гизберт за оружие, я даже боюсь представить, свидетелем какого кровавого побоища стал бы Абеле. А уж о последствиях его лучше и вовсе не задумываться лишний раз.

Я быстро пересказал вору в общих чертах наши с Фантеской приключения на вилле, снимаемой князем Корвино. Абеле лишь кивнул, когда я сообщил, что Гитана умерла. Он, похоже, никаких чувств по этому поводу не испытывал.

— Господин рассвирепеет, когда узнает о её смерти, — сказал он. — Гитану он считал практически произведением искусства.

— Это какого же? — удивился я.

— Своего, конечно, — ответил вор. — Он ведь считал себя мастером под стать Микеланджело или Рафаэлю — или ещё кто там есть знаменитый из художников. Только он работал, по его словам, с телами живых людей — ему так интересней было. Он удержал на этом свете Баума, сделав его послушным и почти безмозглым орудием своей воли. Гитану же обратил в стрыгу, да к тому же ещё и при жизни. Ну, ты сам с ней дело имел, что я тебе рассказываю.

— Только мы с тобой из команды остались, — неожиданно даже для самого себя произнёс я.

— Да что думать об этом, — отмахнулся Абеле. — Пустое. Лучше скажи мне, Рейнар, что будем дальше делать? Разбежимся в разные стороны?

— Хочешь — уходи, — кивнул ему я, — но я должен завершить начатое. Дракулести должен умереть.

— Громко сказано, — покачал головой вор.

Он сменил позу, сев на окно так, что левая нога свешивалась в пустоту. И снова его это ничуть не смущало.

— Вот только как это сделать, когда на хвосте теперь повисла инквизиция да ещё с венгерским князем в придачу?

— В Шварцвальде хуже было, — отмахнулся я. — К тому же, я успел забрать все деньги, выделенные мне на операцию Лафрамбуазом, из банка ещё перед покушением на Дракулести. Так что хотя бы с наличностью проблем не будет.

— Это пока она есть, — резонно возразил вор. — А когда выйдет вся?

Я не был уверен, что доживу до этого дня — вовсе не потому, что денег было так уж много.

— Тогда и буду думать, — ответил я. — Так что, выделить тебе долю — и ты канешь во тьму?

— Это по части Гитаны было, — сказал Абеле. — А мне покоя не будет, пока Господин жив. Вдруг если он тебя прикончит, то снова меня в рабство возьмёт. Твоя-то сила пропадёт. Не хочу я так рисковать.

— Тогда давай спать, — заявил я. — Я устал, как каторжник, мысли в голове путаются.

— Но план-то у тебя есть? — решил настоять Абеле.

— В общих чертах, — зевнул я, не в силах уже бороться с одолевающей сонливостью. Сегодняшний день выдался чертовски длинным и очень тяжёлым.

— Для начала надо найти капитана, который довезёт нас до Кандии, а там видно будет.

— А какую роль ты отвёл в своём плане для неё? — кивнул на спящую Фантеску вор.

— Боюсь, она ей совсем не понравится, — ответил я, но пояснять не стал.

С помощью вора я расстелил прямо на полу ещё один лежак. Абеле кинул мне пыльное, но в общем довольно чистое одеяло, даже плесенью от него не пахло. Где улёгся вор, не знаю, может так и просидел на окне до утра.

Мне же завтра предстоит весьма серьёзный и неприятный разговор с Фантеской.

Капитан Рамирес был вовсе не рад видеть нас с Абеле. Наверное, он совсем не ожидал встретить нас в порту вольного города Пизы. Марина-ди-Пиза был, можно сказать, небольшим городком, хотя вроде бы формально входил в Пизу. Но от стен её его отделяло около восьми миль, кроме того здесь даже был свой подеста, хотя и подчиняющийся градоначальнику Пизы.

Пиза была образчиком разгула и контролируемой семьёй де ла Герардеска анархии — её частенько звали городом жуликов и воров. Хотя бы из-за скверной репутации правителей города — членов той же семьи. В недавнем прошлом — удачливых наёмников, захвативших мёртвый город, который не стал городом скорби в ту кошмарную ночь, перевернувшую весь мир с ног на голову. Они правили в Пизе, железной рукой наводя закон, вот только закон этот очень отличался от принятых в остальном мире. Он более всего напоминал право сильного — на чьей стороне больше золота или стали, тот и прав.

Марина-ди-Пиза же был хорошо укреплённой гаванью, откуда и началось в своё время освобождение города от населявших его чумных отродий. Порядки здесь были строже, чем в Пизе, и кабаков с тавернами было намного меньше. Для состоятельных господ, вроде капитанов кораблей или даже командиров удачливых пиратских флотилий, вверх по Арно ходили речные дилижансы, возившие пассажиров со всеми удобствами, недоступными сухопутным. Простые же матросы и капитаны победнее удовлетворялись дешёвыми кабаками — последних было не так уж много в небольшом городке, не выходящем за пределы крепких стен и укреплений, а потому набивались люди внутрь прямо как селёдки в бочку. И это было не такое уж преувеличение.

Рамиреса мы нашли в одном из таких кабачков. Достаточно приличном по меркам Марина-ди-Пизы, но в общем-то грязном и заплёванном, как и все здесь. Даже удивительно было наткнуться на него именно здесь. Рамирес явно переживал не лучшие времена. Роскошный красный наряд был покрыт пятнами от вина и жира, а большая часть пуговиц-жемчужин пропала. Когда мы сели за его стол, он как раз срезал парочку, чтобы заплатить за ещё одну порцию дешёвого креплёного вина.

— Не лучшие времена, как я погляжу, — сказал я, садясь прямо напротив капитана. — Прежде вы выглядели более пристойно.

— Явились мои чёрные вороны, — пробурчал нетрезвым голосом Рамирес, поднимая на нас мутные от вина глаза. — На своих крыльях вы мне неудачу принесли, а теперь решили поглумиться над старым глупцом. А третий где? Тот, который в демона обращается?

— Это сейчас не важно, — ответил я. — И всё же, что ж так потрепало вас?

— Неудачно схлестнулся с берберским купцом, — равнодушно произнёс капитан, убирая упавшие на лицо седые пряди. — К нему на помощь очень не вовремя пришли два белых фрегата египтян. Взяли меня в клещи, так еле ушли от них. Почти весь порох и ядра расстреляли по ним, пока удирали, поджав хвост. Команда моя разбежалась — те, кто жив остался. Денег нет ни на что. Осталось только напиться до такой степени, чтобы набраться храбрости и продать мой «Espirito Santo» ко всем чертям.

Он взял со стола принесённый подавальщицей новый кувшин вина и швырнул ей обе отрезанные жемчужные пуговицы. Девушка ловко спрятала их и поспешила за добавкой.

Как только она отошла подальше, я вынул из пояса увесистый кошелёк, полный золотых флоринов.

— Мне нужна будет ваша помощь, капитан, — сказал я.

— Иначе бы не припёрлись ко мне, — кивнул тот. — Да только можете оба убираться к дьяволу. Я к вам не наймусь ни за какие деньги.

— А вы мне и не нужны, — отмахнулся я, прикрывая широким жестом другой, которым положил прямо под нос Рамиресу кошелёк. — Мне нужен самый ненадёжный капитан в Марина-ди-Пиза, обязательно имеющий дело с Колодой.

Рамирес глядел на меня пару секунд, а после расхохотался во весь голос. Пьяным смехом, в котором было очень много сардонического. Правда, это не помешало ему стремительным движением спрятать мой кошелёк.

— Да ты ещё безумней главаря Колоды, приятель, — заявил он. — Я даже знать не хочу, что тебе от него понадобилось. Но тебе крупно повезло — есть тут один человек, который связан с Колодой. Он вроде как на Кандию даже путь держит. Что же я должен сделать за те деньги, которые ты дал мне?

— Рекомендовать нас ему, — начал загибать пальцы я. — Обмолвиться, что знаешь нас, что люди при деньгах, но с большими проблемами, потому и уносим ноги как можно скорее. Показать кошелёк и сообщить, что фрахт мы дадим намного больше. А самое главное, — я проникновенно заглянул в глаза Рамиресу, — скажи ему — только так, будто случайно узнал, — с нами едет Королева мечей.

— Да ты ещё больший безумец, чем я думал, — сказал Рамирес, принимая у подавальщицы новый кувшин с вином, хотя пропший он даже не распечатал. — Закажу по тебе панихиду на всякий случай, приятель. А то не отпетым нехорошо на тот свет отправляться.

— Очень обяжете, капитан, — ответил я.

Глава 18

Разговоры в синем море

Нужным нам капитаном оказался мрачный альбионец со светлыми волосами, выбивающимися из-под шляпы. Он носил её странным образом, притянув поля к тулье, так что образовались три неровных угла. Выглядело непривычно и довольно уродливо, на мой взгляд. Но, наверное, это было хотя бы практично.

Он поднял на нас мутноватый от выпивки взгляд, когда мы подошли вместе с капитаном Рамиресом. Кастильца уже изрядно штормило — он успел выпить не только оба кувшина, что принесли ему, когда он сидел с нами, но и ещё как минимум парочку уже вместе с альбионцем.

— Друг мой, — произнёс громким пьяным голосом Рамирес, — это те самые синьоры, что желают иметь с тобой некое дело.

Он отвесил удивительно изящный для его состояния поклон, и плюхнулся на свободный стул. Мы же с Абеле заняли короткую лавку, стоявшую с другой стороны.

— Ну? — процедил сквозь зубы альбионец.

Я подождал продолжения почти минуту, наверное, а когда понял, что его не будет, сказал:

— Кастилец сказал, ты отходишь сегодня же и курс держишь на Кандию. Он же не обманул нас?

Я выразительно глянул на Рамиреса. Сейчас мне важно было показаться случайным человеком, который вовсе не знает его, а потому имени капитана «Espirito Santo» намеренно называть не стал. С какой стати нам знакомиться, если у нас дело на пять минут, а то и меньше?

— Ну, — кивнул альбионец, но на сей раз добавил. — Отчаливаю с вечерним приливом.

— Тогда нам по пути, — сказал я. — Сколько будет стоять отдельная каюта на трёх человек?

— А третий кто? — вместо ответа поинтересовался альбионец.

— В порту нас встретит, — ответил я тоном, не подразумевающим дальнейших расспросов.

Очень надеюсь, этими словами и холодом в голосе я убедил его в подозрениях, которые заронил Рамирес. В кастильце я отчего-то совсем не сомневался.

— Давай так, — пожал плечами альбионец. — Но золото за троих сейчас.

— Легко, — бросил я, и кивнул Абеле.

Вор быстрым движением вынул кошель, наверное, вдвое больший того, что я кинул Рамиресу. Кастилец проводил его недовольным взглядом, а вот альбионец, напротив, казался полностью удовлетворённым. Он взвесил кошель в руке, помял его пальцами и сунул за пазуху.

— Каюта и три места уже у вас, — сказал он. — Не опаздывайте — ждать не стану.

Уж в этом-то я ничуть не сомневался.

И тут за нами пришли. Дверь таверны распахнулась — на пороге стоял представительный господин в длинном жёлтом дублете. Бледноватое лицо его украшали тонкие усы, делающие его похожим на таракана. Я отлично запомнил и этот приметный дублет, и бледное лицо с таракаными усами. Точно видел его в речном дилижансе. Он

сидел в самом конце длинного салона, старательно притворяясь спящим. Однако даже меня обмануть не смог, слишком уж ярко блестели любопытством его глаза из-под низко надвинутых широких полей шляпы.

За спиной его маячили несколько крепких фигур вроде даже в одинаковых колетах и кожаной броне поверх них. Оружия никто из них не доставал, однако у всех ладони лежали на эфесах коротких сабель, очень удобных как в абордажной свалке, так и драке, например, в таверне. Лишь усач был вооружён длинной рапирой. Интересно, он и в самом деле думает, что сможет нормально фехтовать ею здесь. Собственно, по этой причине я надёжно закрепил ножны с кампеадорским мечом за спиной, вооружившись купленным в Пизе гротессером.

— За вами? — глянул равнодушно альбионец.

— Именем инквизиции! — выпалил усач, важно подбоченясь и оглядев заплёванную общую залу таверны.

Альбионец перемигнулся с кем-то, наверное, из своих офицеров или просто знакомцев, и взял со стола пустой кувшин из-под вина.

— Вы не должны чинить препон... — в том же тоне продолжил усач, однако фразу не закончил.

Альбионец швырнул в него пустым кувшином — усач закрылся локтем, но не слишком удачно. Глиняный сосуд, верно, крепко приложил его — он зашипел, будто разъярённый кот, и затряс ушибленной рукой, как будто это могло помочь унять боль.

— Взять их! — крикнул усач, и не ясно было, кого именно брать собрались.

Солдаты, вошедшие вслед за ним в таверну, конечно, знали по чью душу пришли, а вот многочисленный люд, обретавшийся тут, этого как раз знать точно не мог. Однако слова «инквизиция» хватило всем. Ни в Пизе, ни в её морской гавани инквизиторов не любили, а уж когда они лезли, куда не просят, так и подавно.

Моряки повскакали со своих мест, выхватив длинные ножи, абордажные сабли или иное, более экзотическое оружие, и ринулись прямо на солдат. Те же, у кого под рукой не оказалось ничего подходящего, пустили в ход стулья, лавки, а кто и просто кулаки.

Завязалась жестокая кабацкая драка, в которой не щадили ни своих, ни чужих. Многие начинали сводить какие-то старые счёты, катались по грязному полу, осыпая друг друга ударами и оскорблениями, вонзали ножи в спину тем, кто подставил её на свою беду, лупили по голове зазевавшихся кувшинами, даже не задумываясь, есть в них вино или нет.

Игравший прежде нечто протяжно-унылое скрипач, которого я даже не заметил, вдруг раздухарился, и вжарил плясовую. Прямо как на деревенской свадьбе, когда народ уже упился до такого состояния, что припоминает все былые обиды — реальные или мнимые — и пускает в ход кулаки. Примерно так же всё обстояло и сейчас. В таверне воцарился настоящий хаос — не разобраться, кто свой, кто — нет. Однако альбионец как будто оказался в пространстве абсолютного спокойствия — со всех сторон его прикрывали крепкие ребята. Заводилой среди них был чернокожий здоровяк в красном платке на голове. Несмотря на внушительный кривой тесак, закреплённый на поясе сзади, он предпочитал орудовать пудовыми кулаками. Ловкими ударами эфиоп — или кем там был этот чернокожий — раскидывал противников, отправляя на пол, откуда уже мало кто поднимался. Многих так и вовсе затапывали другие дерущиеся. Здоровяк даже выкрикивал вызов новым противникам, когда никого не оказывалось на его пути. Он хлопал себя по груди и кричал что-то, наверное, оскорбительное на своём родном языке. Конечно, мало кто

понимал хоть слово из сказанного, но тон его говорил обо всём.

Мы вчетвером пока даже не поднялись из-за стола, довольствуясь ролью наблюдателей. Однако продлилось это недолго — ровно до того момента, как в таверну ворвались ещё несколько наёмников в одинаковых колетах и кожаных доспехах. Они не стеснялись пускать в ход свои тесаки и обитые сталью дубинки, оставляя на полу обливающиеся кровью трупы. Их быстро возглавил усач в жёлтом дублете, вооружившийся шпагой и длинным кинжалом. Он вынырнул откуда-то из толпы, и я поразился, что даже не замечал его прежде.

Несколькими энергичными жестами усач направил новых солдат в нашу сторону. Они двигались достаточно быстро, раздавая удары направо и налево, оставив на заплёванном полу несколько новых окровавленных трупов.

— Видимо, этот усатый джентльмен настроен весьма решительно, — заметил альбионец, поднимаясь со стула. — Старпом, мне здесь надоело! — крикнул он. — Мы уходим!

— Аye, captain! ^[49] — выпалил в ответ чернокожий с таким кошмарным акцентом, что я даже не понял, на каком именно языке он говорит.

Эфиоп — я решил, что раз не знаю, к какой именно чёрной нации принадлежит африканец, то пускай будет эфиопом — выкрикнул ещё несколько подобных фразочек, ни одну из которых я не понял и близко. Однако окружавшие его моряки быстро сплотились вокруг, превратившись в такую же боевую группу, как и приближающиеся к ним солдаты.

— Отчего вы решили помочь нам? — поинтересовался я, вставая вслед за альбионцем и вынимая из ножен grosmессер.

Рамирес с Абеле не отставали от нас. Правда, из кастильца боец явно вышел бы сейчас неважный — его уже крепко штормило от вина. Вот только стоило ему обнажить тяжёлую шпагу, как он словно преобразился. Выпрямилась спина, ноги как будто сами собой встали в фехтовальную позицию, даже глаза больше не глядели мутным взором мертвецки пьяного. Теперь это был взгляд ястреба, ищущего себе достойную цель.

— Вы оплатили проезд на «Королевской мести», — ответил альбионец, — так что теперь вы — мои пассажиры, и я обязан защищать вас до конца рейса.

Я кивнул ему, и обернулся к Абеле.

— Бегом к нашему третьему пассажиру, — бросил ему я, — чтобы через четверть часа были на пристани.

Вор никак не стал показывать, что понял меня, а просто рывком метнулся к ближайшему окну.

— Вперёд! — крикнул нам альбионец и ринулся прямо на подобранных уже довольно близко к нашему столу наёмников.

Наш прорыв наружу напомнил мне недавнюю схватку со скандинавами в развалинах старой крепости. Мы рванули навстречу противнику, схлестнулись с ним — и пошла рубка. Я только успевал орудовать grosmессером — парировал вражеские удары, тут же наносил ответные. Бил практически не задумываясь. Рубил перекошенные лица и тянущиеся ко мне руки, вонзал клинок в тела, стоило только показаться удачной возможностью для этого. И старался не отставать от прущих напролом матросов альбионца. Мы давили на напирающих солдат, те давили в ответ, стараясь не выпустить нас из таверны. В тесноте зала им было это делать довольно просто. Иные из противников с обеих сторон уже были мертвы, но не могли упасть на пол, стиснутые дерущимися — такая воцарилась кошмарная давка. Раненые или просто неудачники, сбитые на пол, катались у нас под ногами. Кто-то пытался собрать

выбитые зубы, кто-то удержать во вспоротом животе кишки, кто-то издавал какие-то животные крики боли, когда его сражающиеся. Заплёванные доски пола обильно заливала кровь.

И всё же мы вырвались из чёртовой таверны. Кажется, лишь на улице я смог вдохнуть полной грудью — до того крепко стискивали нас в проклятой давке. Мы выскочили, пробежав пару шагов по инерции, и остановились бы, не подстегни всех командный голос альбионца.

— Все за мной! — крикнул он. — В порт на всех парусах!

— Позвольте откланяться, — заявил стоявший рядом с нами Рамирес.

Кастилец был покрыт вражеской кровью с ног до головы. И не удивительно. Он весьма ловко управлялся со своей тяжёлой шпагой, отняв немало жизней, несмотря на все неудобства длинного клинка в давке.

— Мне с вами немного не по пути, — добавил он, тщательно вытирая оружие, прежде чем спрятать его в ножны. — Благодарю за то, что проводили до выхода из таверны.

Он отвесил ещё один поклон, видимо, на прощание и поспешил прочь. Компания же матросов во главе с потерявшим шляпу альбионцем быстро зашагала в сторону порта.

Марина-ди-Пиза был городком маленьким, так что дорога до пристани заняла не больше десяти минут быстрым шагом. За это время я успел разглядеть лицо альбионского капитана, до того укрытое в тени шляпы. Он оказался довольно молодым человеком приятной в общем наружности, хотя с плосковатым лицом и неоднократно ломанным в драке носом. Правую щёку его украшал длинный, тонкий шрам, почти незаметный, если бы альбионец то и дело не проводил по нему пальцами.

На пристани нас уже ждали — и отнюдь не вор с Фантеской. Ещё около десятка наёмников в тех же колетах, и командовал ими всё тот же усач в жёлтом дублете. У него была просто невероятная способность возникать в нужном месте словно из воздуха.

— Взять их! — без всяких прелюдий выкрикнул он, указывая на нас окровавленной шпагой.

Наёмники будто только этого и ждали — кинулись в атаку. Портовые рабочие и матросы с других кораблей не спешили вмешиваться в завязавшуюся схватку. Они образовали широкий круг, разумно держась подальше от нас, чтобы не попасть под шальной удар, и подбадривали сражающихся громкими криками. Судя по тем, что я сумел разобрать, их симпатии были на нашей стороне.

Но тут мне стало не до того, чтобы глядеть по сторонам. На меня налетел первый противник. Я успел вовремя обнажить кампеадорский меч — с ним я всё же обращался куда лучше, нежели с гросмессером — и отразил удар наёмника. Второго нанести ему я уже не дал. Стремительно шагнул вперёд, сокращая дистанцию, и наотмашь рубанул поперёк груди. Кожаная броня не спасла солдата — он рухнул мне под ноги, обливаясь кровью. Следующий не повторил ошибки товарища и обрушил на меня несколько быстрых и сильных ударов, заставив уйти в оборону. Но лишь до тех пор, пока из кутерьмы схватки не вынырнул вдруг альбионец. Пара недлинных сабель, которыми он орудовал, за пару мгновений превратили моего противника в изрубленный труп.

— Быстрее на борт! — крикнул мне капитан, стряхивая кровь с клинков. — За тебя взялись всерьёз!

Он указал мне саблём сначала на ближайший корабль, с которого уже кинули сходни, а после ткнул второй мне за спину. Я обернулся и увидел, что к наёмникам спешит

подкрепление. Его вёл человек в хорошо выделяющемся красном плаще. А что самое скверное, некоторые из торопившихся на помощь товарищам наёмников держали в руках пистолеты. Другие же тащили на плечах массивные мушкеты, держа в левой руке короткие свиноколы, ^[50] которые можно было использовать и как сошку, и как оружие. Приклады мушкетов были обмотаны дымящимися фитилями, значит, стрелять враги смогут практически сразу.

Возглавляемые усачом в жёлтом дублете солдаты встали между нами и сходнями корабля. Они должны были только задержать нас до первого залпа мушкетёров и вооружённых пистолетами товарищей. Это понимали все, а потому альбионец первым бросился в атаку. Не отстал от него и чернокожий старпом, и я тоже не мешкал.

Мне не раз приходилось видеть отменных фехтовальщиков, я и сам хорошо подтянул умение обращаться с заточенной сталью. Вот только до таких мастеров, как тот же альбионец или Рамирес мне, всё равно, было очень далеко. Наверное, это талант — иначе никак не объяснить настолько выдающееся умение превращать ближних в трупы. Альбионец легко парировал удары противников, как будто его окружали не опытные наёмники, а зелёные, как весенняя трава новички, и тут же бил в ответ с такой стремительностью, что порой и клинков не разглядишь.

Я постарался не отставать от него, щедро раздавая удары направо и налево. От заточенного до бритвенной остроты клинка кампеадорского меча кожаные доспехи не спасали вовсе. Он легко резал и их, и одежду, и плоть врагов.

Усач в жёлтом дублете остался последним, кто преграждал нам путь. Он встал на сходни, без страха повернувшись спиной к кораблю, полному враждебно настроенных матросов, и поднял шпагу с кинжалом. Как-то так получилось, что именно мне пришлось скрестить с ним клинки.

Усач сделал приглашающее движение, провоцируя меня атаковать. Он отлично понимал, что время на его стороне. Не пройдёт и пары минут, как в спину нам грянет залп из мушкетов и пистолетов. И я ринулся на него, пытаюсь прикончить одним сильным ударом. Конечно, усач легко и даже изящно парировал его шпагой, меня понесла вперёд инерция моего же движения. Противнику оставалось лишь ткнуть меня кинжалом — и он, конечно же, сделал это. Как я и рассчитывал. Я змеёй извернулся, молясь, чтобы хватило места, и нога не соскользнула со сходен. Но мне повезло, я проскользнул мимо кинжала, лишь ожегшего мне правый бок, хотя должен был бы вонзиться в печень. На мгновение мы с усачом замерли, находясь на расстоянии в полпальца друг от друга. Он попытался отступить, но я опередил его. Нож как будто сам прыгнул мне в ладонь, пальцы сомкнулись на деревянной рукояти, не прошло и секунды, как я воткнул его в живот усачу. Навалился всем весом — враг инстинктивно подался вперёд, чтобы сохранить равновесие, и я рванул нож вверх, вспарывая ему чрево. На руки обильно хлынула кровь. Я плечом оттолкнул умирающего усача и тот рухнул со сходен в воду у причала.

Я хотел было подняться на борт, но меня остановил чернокожий. Он положил мне на плечо тяжёлую руку, липкую от крови, и буквально оттащил обратно на причал.

— Первым на борт поднимается капитан, — сказал он мне наставительным тоном, будто я был каким-то юнгой. — Остальные — потом.

Я кивнул ему и извинился. Альбионец пробежал мимо нас и через мгновение уже был на борту. Ну, и остальные уже не чинясь поспешили за ним.

За нашими спинами бежали к пристани ведомые человеком в красном плаще наёмники.

Я буквально слышал грохот их тяжёлых сапог по деревянному настилу пристани. Уже различил стук сошек, на которые ставят мушкеты. Ещё секунда — и по нам откроют огонь.

— Фальконеты! — рывкнул альбионец, как только все оказались на борту. — Сходни убрать! Отдать концы!

— Фальконеты готовы, — бодро отрапортовал один из матросов, лицо которого украшала целая коллекция разнообразных шрамов и густые бакенбарды в придачу.

— Залп, — кивнул капитан.

Наёмники, выстроившиеся на пристани, заметили суету вокруг небольших орудий, установленных на верхней палубе «Королевской мести». Как только по команде капитана грянул залп, большая часть их бросилась ничком на доски. Никого не смущали грязь, кровь и трупы, валявшиеся под ногами. Даже командир их в красном плаще не побрезговал. Стоять под обстрелом картечью в упор мог остаться лишь полный кретин. В инквизиции таких не держали.

Ядра небольшого калибра, но вполне смертоносные на столь небольшой дистанции, и картечь прикончили замешкавшихся. Когда же выжившие повскакали на ноги, было поздно. Поймавшая ветер «Королевская месть» разворачивалась кормой к порту и медленно, и как-то даже величественно, покидала гавань Марина-ди-Пизы.

Вора с Фантеской, одетой теперь ей под стать, мы подобрали на выходе из гавани. Абеле разумно не стал нестись в порт, понимая, что там их вполне может ждать засада. Вместо этого он покинул город, который не успели перекрыть, а может и намеренно не стали этого делать, и в устье Арно нашёл рыбака, который за пару серебряных отвёз его на неприметный мысок. Одним из главных достоинств этого мыса было то, что оттуда открывался отличный вид на порт Марина-ди-Пизы. По словам вора, он отлично видел заварушку в порту, обстрел пристани и то, как быстро отчалил один из кораблей. Да ещё и дав залп из орудий малого калибра на прощание. Сомнений в том, что он найдёт нас на борту, у вора не было никаких. Он велел напуганному до смерти рыбаку быстро грести в сторону корабля.

— Тот поначалу отказывался, — рассказывал мне вор, уже сидя в нашей каюте, — пришлось приложить его пару раз, а после сунуть ещё серебра.

— Никогда не думал, что ты будешь кидаться монетами направо и налево, — заметил я.

— Так это были те же, которыми я уже заплатил ему, — пожал плечами вор, не обременённый излишними моральными принципами.

— Ты уверена, что капитан заметил тебя? — решил я сменить тему на более интересующую меня, и обратился к Фантеске.

Та сидела в своём углу нашей общей каюты, откинув пока в сторону занавеску, скрывающую её кровать. Она устроилась на не застеленной пока койке по-турецки и смывала с лица агрессивный грим, нанесённый специально для капитанских глаз.

— Мне это совсем не нравится, — заявила она вместо ответа на вопрос. — Я уже говорила, что только ради тебя согласилась на всё, но ты поступаешь нечестно! Я вовсе не желаю возвращаться к нему. Он же изверг, понимаешь? Он — не человек!

Тут с ней было не поспорить. Тот, кому я собирался вернуть Фантеску при посредстве ненадёжного капитана «Королевской мести», вряд ли имел право называться человеком. Лидер банды под названием Колода руководил ею не просто железной рукой — его боялись за непредсказуемость и отменную жестокость. Даже инквизиция порой не могла сравниться с ним в изощрённости того, что можно сотворить с человеческим телом, а в особенности с

душой. Он почти полностью подмял под себя преступный мир Новой Венеции, по крайней мере, без его ведома там ничего не происходило.

Я прочёл о нём, когда знакомился с делом Фантески. Ковен ведьм, куда она угодила, самым натуральным образом продал её этому бандиту за весьма приличные деньги. Вроде бы фигурировала сумма, равная её весу в золоте. Именно там, находясь при нём на правах личной ведьмы, Фантеска начала сходить с ума. Вместе они творили кровавые безумства, убивали людей порой десятками, совершали самые немыслимые ограбления и нападения на могущественных людей Новой Венеции. Однако стоило им всерьёз задеть дожа, как бандой тут же занялась инквизиция. Не имперская или тевтонская, а собственная — венецианская, [\[51\]](#) известная куда менее широко, но работающая вполне эффективно. Колода была почти разгромлена, а лидер её пропал на несколько лет. Фантеска же угодила в лапы инквизиторов, которые передали её своим имперским коллегам, понимавшим в вопросах колдовства и борьбы с ним куда больше.

Однако Колоду уничтожить не удалось — лидер её, как будто канувший в небытие, вдруг снова появился, словно ниоткуда и энергично взялся за дело. Конечно же, с прежней жестокостью и безрассудным безумием. Он снова поднял свою банду на вершину преступного мира, однако теперь уже не пересекал той опасной черты, за которой им снова могли заняться люди из Высшего Трибунала. Хотя в определённых вопросах он стал ещё безумней, нежели прежде, но пока ему, вроде бы, всё сходило с рук.

— Тебе так не нравилось быть с ним? — спросил я. — Мне казалось, что подобные безумства как раз в твоём духе.

— Я может быть и не совсем в своём уме, — самокритично высказалась Фантеска, — да только я не изверг. Мне вовсе не нравилось заниматься с ним любовью среди трупов, в лужах ещё тёплой крови. Он получал удовольствие от чужих мучений, а особенно от моих. Он и меня сводил с ума, но мне это совсем не нравилось. Вот так!

— Именно из-за того, что он изверг мне и нужно, чтобы ты вернулась к нему, — повторил я свой довод, который приводил уже не раз. — Он доверяет тебе и расскажет то, чего не выдаст ни под какими пытками.

— Только прежде он станет пытать меня, — выпалила Фантеска. — Меня, а не тебя! Ты видел мои милые шрамики? Он так любит отрезать маленькие кусочки плоти, чтобы после зажарить их и съесть, а бывает, что ел и прямо сырыми. А мне оставалось только смеяться, когда его нож раз за разом отрезал от меня крохотные кусочки. Вот на что ты обрекаешь меня!

Я увидел, что в глазах её стоят слёзы, и, наверное, в этот момент готов был отказаться от своих планов. Но Фантеска быстро отвернулась, а когда я снова увидел её лицо в разводах от грима, оно было таким, как прежде, с теми безумными искорками в глазах, где не осталось и следа от слёз.

— Только смотри, — сказала она мне, — я ведь могу и его выбрать. Я же давно не в своём уме.

— Тогда я буду пытать тебя, — пожал плечами я с деланным равнодушием. — Думаю, из тебя вынуть нужную информацию мне будет проще, чем из лидера Колоды.

Она показала мне язык и резким движением задёрнула штору.

— Ты и в самом деле доверяешь ей? — спросил у меня вор так тихо, что слышать его мог лишь я.

Я кивнул в ответ, чтобы Фантеска точно не знала, что я сказал. Уверен, у неё найдётся

способ подслушать нас, как бы тихо мы ни говорили. Надеюсь, что возможности подсмотреть у неё нет. Конечно, это немного не вяжется с тем, что я без слов говорил Абеле, однако я, действительно, доверял этой чокнутой ведьме. Вот только ей это знать не обязательно.

— Тогда скажи мне, Рейнар, а что мы будем делать дальше? — задал мне другой вопрос Абеле. — Вот прикончим мы тирана, и что потом? Разбежимся? Скажу тебе честно, меня обратно в тюрьму инквизиции совсем не тянет.

— Нам тюрьма теперь не грозит, — отмахнулся я. — Для нас, считай, пробил Ultima Forsan.

— Тем более, — кивнул Абеле. — Ты даже не думаешь, что случится после смерти Господина. Себя ты уже похоронил, что ли?

— Предпочитаю не загадывать настолько далеко, — покачал головой я.

Абеле лишь махнул на меня рукой — мол, о чём тогда вообще можно разговаривать, и закинул ноги на стол, демонстративно сложив руки на груди.

Я тоже не горел желанием болтать после схватки в таверне и короткого, но очень быстрого рывка к пристани. Поднявшись со стула, я сделал всего один шаг и оказался уже у своей койки. Тут же улёгся на неё, стянув башмаки и чулки, совсем раздеваться желания не было. А вот полежать, вытянув гудящие от напряжения ноги, очень даже было.

Тишины на корабле не бывает никогда — это я понял ещё по путешествию на «Espirito Santo». Постоянно что-то скрипит или трещит, над головой или за переборкой слышны то топот голых пяток по палубе, то чьи-то команды, отдаваемые даже среди ночи громовым голосом. Однако довольно быстро привыкаешь к этим звукам, и постепенно перестаёшь воспринимать их, спокойно засыпая под громогласную ругань боцмана, гоняющего нерадивых матросов, например, за скверно надраенную, с его точки зрения, палубу. А вот стоит кому-то быстро пару раз стукнуть в дверь твоей каюты — и ты уже на ногах.

Именно такой стук вырвал меня из дрёмы. Я резко сел на койке, едва не треснувшись головой о переборку. В руку будто сам собой прыгнул пистолет. Я взвёл курок прежде, чем понял, что именно делаю. Дверь распахнулась, на пороге стоял малец с растрёпанными волосами и в одежде явно с чужого плеча. Он нервно приплясывал, будто кто-то поджаривал его босые пятки.

— К капитану! — выпалил он, и тут же был таков — только его и видели.

Я опустил пистолет, аккуратно вернув курок в небоевое положение. Хорошо ещё, не выстрелил сразу — вряд ли альбионский капитан отнёсся бы хорошо к тому, что кто-то убивает его матросов. Пускай даже юнг.

Быстро натянув чулки и надев башмаки, я глянул на Абеле. Тот притворялся спящим, сидя за столом и по-прежнему держа на нём ноги. А может, и в самом деле задремал. Занавеска, отделяющая койку Фантески, даже не дрогнула, вполне возможно, ведьма тоже задремала под скрипы и стоны корабля.

Я надел оружейный пояс с гросмессером; подумав пару секунд, решил всё же не брать с собой кампеадорский меч. Не стоит постоянно ходить в полном вооружении — это могут принять за признак слабости и неуверенности в себе, а мне бы этого совсем не хотелось.

На верхней палубе меня встретил чернокожий здоровяк. Он указал мне на корму корабля, где на возвышении, которое, как я помнил по путешествию с капитаном Рамиресом, называлось шканцами, стоял рядом с рулевым альбионец.

— Капитан ждёт, — произнёс на *lingua franca* с обычным своим чудовищным акцентом

чернокожий, и добавил: — Беда верно.

А после вернулся к своим обязанностям. Матросы, завидев его могучую фигуру, тут же принимались за дело с куда большим рвением, нежели ещё секунду назад.

Я же быстро поднялся на шканцы по короткой лесенке, которая, наверное, тоже, как и всё на корабле, имела своё название, но я его не знал. Капитан ждал меня, опершись на небольшие перильца, идущие по краю шканцев.

— Пассажиры в каюте отдыхают? — спросил он у меня.

— У них денёк выдался не легче, — пожал плечами я.

— Особенно дамочке, наверное, нелегко пришлось, — заметил альбионец, — всех вещей одна сумка.

— Ей много пришлось оставить на берегу, — подыграл ему я.

Капитан понимающе кивнул, на лице его было написано выражение — мол, женщина, всё ясно.

— Но не из-за этого ты за мной юнгу прислал, — сказал я.

— Нет, — кивнул он и, оторвавшись от перилец, шагнул ближе к корме.

Я последовал за ним без лишних приглашений. Капитан быстрым движением разложил длинную подзорную трубу, навёл резкость на линзах и уставился куда-то, как будто даже за горизонт. Я попробовал смотреть в том же направлении невооружённым глазом, и мне показалось на какое-то мгновение, что я различил-таки крохотную точку где-то в невообразимой дали.

— Смотри, — сказал мне капитан, передавая подзорную трубу и пальцем указывая направление.

Я посмотрел через линзы подзорной трубы, и чёрная точка на горизонте прибавила в размере, превратившись в очертания корабля.

— Он преследует нас, — уверенно заявил капитан. — Вышел из порта всего через четверть часа после «Королевской мести», даже не дождавшись нормального прилива. Хотя осадка у него куда больше, и это было довольно рискованно. Теперь сел нам на хвост, и соскакивать не собирается.

— Я так понял, этот корабль больше твоего, — произнёс я, — но твой ведь — быстроходней, не так ли?

— Под парусом никому не угнаться за моей «Королевской местью», — с гордостью сказал альбионец, — вот только если ветер переменится или начнёт стихать, нам придётся туго. Моя «Месть» — бригантина, она летит на крыльях, пока бриз раздувает её паруса, а идёт за нами венецианский галеас. На нём, судя по размерам, никак не меньше двух сотен гребцов, так что мы сейчас полностью во власти ветров. Стихнет бриз — и нас нагонят, а тогда уже драки не избежать.

— Значит, будем драться, — кивнул я. — А ты знаешь, чей это может быть корабль?

— Скоро узнаю, — бросил альбионец, — уж будь уверен. Пускай только поближе подойдут, чтобы я их шканцы увидел. А то вывесили флаг с псом и факелом, думают, что раз на службе, то все должны перед ними лапки кверху поднимать. Вот только на меня эти трюки не работают, уж будь покоен, приятель.

Я видел, что альбионец намеренно храбрится, понимая, что если его корабль нагонят и будет драка, то шансы победить более крупного и, скорее всего, хорошо вооружённого противника у нас невелики. Да только выбора тоже не остаётся — сдаваться на милость инквизиции я не собираюсь.

— А чего это у нас тихо на палубе, будто в гробу?! — вдруг рявкнул на своих людей альбионец. — На похоронах что ли?! Где песня?!

— I'll sing you a song, a good song of the sea, — тут же запел сильным голосом чернокожий на альбионском языке, на котором говорил куда чище, нежели на *linqua franca*.

— Way! Hey! Blow the man down!^[52] — тут же подхватили несколько матросов.

И вот уже вся палуба выводит не слишком стройно, зато дружно и в общем ритме непонятные мне слова песни.

— Так-то лучше, — кивнул капитан, однако я обратил внимание на то, что мрачность его никуда не делась.

Я недолго покрутился на шканцах, однако толку от меня тут не было никакого. Меня просто игнорировали. К капитану подбегали матросы или подходили офицеры с докладом и чтобы выслушать приказ. Общались они только с ним одним, зачастую говоря на альбионском. Ни меня, ни рулевого для них как будто не существовало. Матрос, скорее всего, был сейчас чем-то вроде придатка к штурвалу, ну я так и вовсе пустым местом. В мою сторону даже не глядели.

Я не стал интересоваться у капитана, отчего так происходит. Ведь как ни крути, а я — пассажир, оплативший проезд, и хоть какая-то толика уважения мне положена. Но у них в море свои порядки, и разбираться в них пустая трата времени — только голову себе сломаешь. Тем более что моряки ещё и очень любят подшучивать над сухопутными крысами, как они величают не имеющих отношения к морю людей, рассказывая байки и выдавая собственные бредни за настоящие традиции. Не думаю, конечно, капитан опустится до подобного, но и времени болтать со мной, у него тоже нет.

Поэтому я решил убраться обратно в каюту. Альбионец не возражал, отпустив меня кивком головы. Ему уже принесли новую шляпу, точно так же заколотую тремя углами.

В каюте за время моего отсутствия ничего не изменилось. Даже Абеле не переменял позы, так и сидел, закинув ноги на стол. Это меня почему-то разозлило и я столкнул их.

— Нам тут есть скоро, — заявил я вытаращившемуся на меня вору.

Тот и в самом деле уснул и теперь глядел на меня непонимающим взором.

— Еду скоро принесут, — сказал я, хотя и сомневался, что нас сегодня вообще будут кормить. — Так что ты стол протри.

Абеле фыркнул, но прошёлся по столешнице рукавом.

— А если серьёзно, — продолжил я, усаживаясь за стол, — то у нас серьёзные проблемы. Инквизиция не отказалась от идеи поймать нас, и за нами выслали погоню. Причём отплыл корабль сразу же, как отчалили мы.

— Значит, будет драка! — тут же высунулась из-за занавески Фантеска, так и не убравшая до конца с лица остатки грима. — Здорово! А то я всё веселье пропустила в прошлый раз.

— И в этой драке тебе надо будет показать себя во всей красе, — заявил я, — чтобы у капитана не осталось никаких сомнений.

— Чёрт! — буркнула Фантеска, и резким движением задёрнула занавеску. — Я не хочу говорить об этом, — уже из-за неё продолжила она. — И возвращаться не хочу. Даже ради тебя.

— Это ставит под угрозу всю твою авантюру, — заметил не без ехидства в голосе Абеле.

Я лишь головой покачал в ответ. Сейчас мы находились в таком положении, когда назад пути не было ни у кого. Если только капитан «Королевской мести» не окажется честным

человеком, и не доставит нас прямиком в лапы Колоды и её безумного лидера, как я рассчитывал.

Спустя пару часов, прошедших в неприятном молчании, как будто все мы разом разобиделись друг на друга, в дверь каюты снова постучали. Но в этот раз меня не звали наверх, юнга быстро заскочил к нам, неся в руках деревянное блюдо с едой.

— Капитан извиняется, что не приглашает вас к себе, — на одном дыхании выпалил парнишка. — Он ужинать будет на шканцах.

— Тот галеас всё ещё идёт за нами? — спросил я у него, помогая вместе с Абеле поставить объёмное и довольно тяжёлое блюдо на стол.

— Не отлипает, — кивнул юнга. — Пристал как ракушка к пятке — торчит на горизонте.

— А что ветер, не подведёт? — продолжил допытываться я.

— Хотелось бы, — протянул паренёк. — Драться с галеасом оно ж себе дороже выходит всегда. Пушки у него больно злые на носу стоят — далеко бьют и ежели попали, то пробоины остаются не дай боже. Да и народу на борту полно — ежели быть абордажу, так нам совсем... — он замолчал на секунду и как-то неуверенно закончил, — туго будет.

Похоже, сказать парень хотел совсем не то, но решил не пугать пассажиров, а может, какая-то из морских традиций запрещала говорить об обречённости или чём-то подобном.

— Как доедите, поднос просто за дверью оставьте, я его потом сам на камбуз занесу.

И юнга, не утруждаясь прощанием, как и прежде приветствием, выскочил из каюты.

Аппетита особо не было, но я решил, что надо поесть и как-то незаметно умял свою порцию. Абеле, казалось, вообще ничего смутить не могло, да и Фантеска вскоре выбралась из-за занавески и уселась за стол. Она первым делом показала мне язык и всё время демонстративно не разговаривала со мной, обращаясь исключительно к Абеле. Да ещё и кокетничала с ним напропалую. Вор, правда, её кокетства не замечал и на намёки не реагировал никак. Однако я получил от него удар с другой стороны, как только мы закончили с едой и Абеле выставил опустевший поднос за дверь.

— А теперь давай поговорим, — сказал он ровным тоном, усаживаясь на стул, — о том, что будет дальше. Я хочу понимать — ты не собираешься переживать драку с Господином, и нас хочешь за собой в могилу утащить?

— Абеле, какие могут быть планы, — отмахнулся я. — Это же просто смешно. У нас на хвосте корабль инквизиции, превосходящий нас вооружением и количеством бойцов. Даже если уйдём от него, то после придётся вызнать сведения у чокнутого лидера Колоды, который, возможно, знает что-то о Дракулести, скрывающемся в Новой Венеции. И то, если верить Гитане, хотя она вряд ли солгала мне перед тем, как я прикончил её.

— Как я понял с твоих слов, ты освободил её от власти Господина, — заметил Абеле.

— Но себе не подчинил, а потому она вполне могла солгать мне, — пожал плечами я. — Хотя бы, чтобы отомстить напоследок. Кто ж знает цыганку, что у неё на уме...

Гитана, как и все из её народа, была загадкой для нас ещё при жизни, а уж после того как её изменила смерть, и подавно. Ничто не принуждало её оставаться верной Дракулести, но это вовсе не означало, что она должна была сказать мне правду.

— Ты никогда не строил планов, Рейнар, — почти обвиняющим тоном произнёс Абеле, — и, видишь, куда это завело тебя?

— Абеле, Абеле, — покачал головой я, — брось. Ты сам завёл нас в ту ловушку, потому что служил Дракулести. Ему нужны были рискованные люди, вроде меня и моей команды,

верно? Он их и получил. Хороший план, не так ли? Если бы ни одна маленькая случайность — моё чёртово проклятье, о котором не знал даже я сам. Вот почему я всегда жил одним днём — строить планы бессмысленно, в них всегда вмешается какая-то проклятущая случайность, которая ломает всё.

— Замечательный подход! — выпалила Фантеска, как будто оттаявшая по отношению ко мне. — А раз уж мы, возможно, не переживём эту ночь, то идём ко мне.

Она поднялась со стула и взяла меня за руку. Не скажу, что перспектива провести время в компании воспылавшей не такой уж внезапной страстью ко мне ведьмы меня не прельщала. Вот только в тесноте её закутка это представлялось мне весьма затруднительным, да и присутствие Абеле, который никуда из каюты не денется, всё же сильно смущало.

— Идём же, — потянула меня за рукав Фантеска. — И не упрямысь, ради себя же. Нам надо обновить нашу связь, если завтра придётся драться. А лучше способа для этого нет.

Я поддался на её уговоры — и не пожалел.

Мы погасили фонарь и лежали в полной темноте, однако я чувствовал, что Фантеска не спит. Ведьма как будто затаилась, даже дышала словно через раз.

— Хочешь поболтать о чём-то? — спросил у неё я, говоря вполголоса скорее инстинктивно, потому что вокруг была ночь.

— Это немного пошло, но да, — ответила Фантеска, завожившись на узкой койке и едва не столкнув меня на пол. — Понимаешь, я ведь могу дать тебе силу Дракулести. Мы уже долго вместе, наша связь крепнет. Я ведь даже в голову тебе забраться смогла перед тем, как вытащить нас с той виллы.

— А ты выдержишь её? — с сомнением поинтересовался я. — Он — тиран и очень сильный. Вся его сила чужда человеческой природе, потому что порождена чумой. Ты хотя бы представляешь, каково тебе придётся, когда она пройдёт через тебя. Я едва не помер, когда в кампеадорский клинок ударила зелёная молния шамана крысолюдов, да и после мне пришлось очень тяжело. Опоздай я всего на пару дней в Лукку, мы бы не разговаривали теперь.

— Я — ведьма, ты не забыл? — приложила она мне палец к губам. — К тому же, хоть и недолго, но моей наставницей была стрыга. Эта древняя развалина, конечно, мучила меня приличным поведением, но кое-что из своих знаний передать успела. А уж знала она много, хотя и была довольно слаба.

Я поцеловал её палец и убрал ладонь от лица, правда, отпускать не спешил. Мне нравилось держать ведьму за руку, да и просто прикасаться к ней. И вовсе не потому, что у меня давно не было женщины, тут дело было в другом. С ней я чувствовал себя совсем иначе — быть может, так и влюбляются? Хотя у меня как раз очень немного опыта в этом деле. Даже Гитану с Баумом никогда не понимал.

— И кем же я стану, получив силу Дракулести? — напрямик спросил у неё я. — Драконом, как в сказке?

— Ты уже дракон, только ещё не такой сильный, каким можешь стать, — ответила она. — Знаешь, почему я ещё тогда, на шабаше, сказала, что иду с тобой. Я увидела, каков ты на самом деле. Мой бывший — он просто чокнутый ублюдок, не более того, постоянно самоудовлетворяется за чужой счёт. А когда не было никого под рукой, тут приходил мой черёд. Знаешь, — её голос стал чуточку печальным, — я, наверное, даже любила его. Я ведь спасла его, увела за собой инквизиторских псов. Он обещал на прощание спасти меня —

говорил, что придёт и вытащит из любой тюрьмы, куда бы я ни попала. «Только выживи!» — говорил он, «Выживи и жди!». И я ждала в грязных застенках, готовая обмочиться от скрежета засова. Верила, надеялась. А вместо него пришёл ты, Рейнар. И вот тогда я увидела, как жалок он был. Ублюдок, убийца, насильник и садист. Но ты — другое дело. Он — жалкая подделка, а ты — самый настоящий дьявол.

— Громкие слова, ведьма, — сказал я. — Вот только я себя вовсе не ощущаю дьяволом во плоти.

— Именно это и делает тебя им, — прошептала она мне на ухо и, слегка куснув за мочку, устроилась поудобней.

Уже через минуту Фантеска задышала ровно и спокойно — уснула. Да и я быстро провалился в сон, несмотря на мысли, которые навеивал наш короткий разговор.

Глава 19

Морской бой

Проснулся я от того, что вокруг стояла непривычная тишина. Скрипы и стоны корабля, прежде не смолкающие ни на секунду, как будто стали тише и звучали они куда реже. Рядом завожилась Фантеска, и я попытался выбраться из койки так, чтобы не разбудить её. Вроде даже удалось. Я вылез из её закутка, задёрнул обратно занавеску и тут же наткнулся на Абеле. Вор как будто и не вставал из-за стола, лишь снова закинул на него ноги.

— Тебе теперь вся команда во главе с капитаном завидует, — весело сказал он, поднимая капюшон, прежде надвинутый на глаза. — Ясно, почему на кораблях не держат женщин — тем, кто не с ней, чертовски завидно. Этак нас скоро на ножи поставят. Так что уж будьте малость скромнее впредь, ладно?

— Хватит, — осадил его я. — Слышишь, как тихо стало на корабле?

— Все затаили дыхание, слушают, как ты с ведьмой кувыркаешься, — продолжил в прежнем тоне Абеле.

— Да брось уже, — вздохнул я, усаживаясь напротив него и застёгивая пуговицы на штанах. — Корабль замедлил ход — и это явно неспроста.

— Я тоже от этого проснулся, — теперь уже Абеле говорил нормальным тоном. — Хотел уже на верхнюю палубу подняться, но решил тебя подождать.

И верно поступил — конечно, он не Фантеска, чьё присутствие на палубе совсем нежелательно, но как отнесутся матросы к нечистому, я угадать не могу. На кораблях нечистые вообще никогда не служили, потому что считались разносчиками чумы, которым нет места в закрытом корабельном мирке. Лишь один флот полностью состоял из них — Флот Чёрного льва — пираты Старой Венеции, которых не щадили ни христианские, ни мусульманские мореходы.

Приведя себя в относительный порядок, я вышел из каюты и поднялся на верхнюю палубу. «Королевская месть» шла тихим ходом, паруса её, прежде наполненные свежим ветром, теперь грустно обвисли. Я приветствовал капитана, так и не сошедшего со шканцев, как мне показалось, и тот жестом разрешил мне подняться к нему.

Ни слова не говоря, он провёл меня к корме, указал на сильно увеличившийся в размерах корабль. Тот продолжал настойчиво идти нашим курсом, постепенно нагоняя.

— Если всё будто идти так же, — сказал он, — то они нагонят нас ещё до полудня.

— А ветер? — спросил я, принимая у альбионца подзорную трубу и наводя резкость. — Он же был нашим союзником, не так ли?

— Слышишь, как паруса хлопают о мачту? — вместо ответа задал встречный вопрос капитан. — Мы идём почти против ветра, если он начнёт крепчать, то придётся корректировать курс и становиться круто бейдевинд. Но у врага все паруса латинские — и это будет ему только на руку.

Я мало что понял из его объяснений, но главное, как мне кажется, вынес. При любом раскладе мы оказывались далеко не в лучшем положении.

Сосредоточившись на картине, что предстала передо мной в круглом окошке подзорной трубы, я увидел здоровенный корабль со сплошь косыми парусами и парой рядов длинных вёсел. Лопасты их синхронно опускались в воду, подгоняя его, заставляя, наверное, лететь, как на крыльях, куда там «Королевской мести». На выдающейся носовой надстройке вокруг

пары пушек уже суетились люди, готовя орудия к залпу.

— Похоже, по нам собираются открыть огонь, — сказал я, возвращая подзорную трубу капитану.

— Это будет предупредительный выстрел, — ответил тот, складывая её обратно в футляр, — а заодно и пристрелочный. Они отлично понимают, что останавливаться мы не будем. Видел уже флаги у них на мачте?

— Инквизиторского пса с факелом я узнал, — кивнул я, — а вот тот, что под ним, нет.

Тут за кормой «Королевской мести» почти одновременно взметнулись к небу два фонтана пены — предупредительные и пристрелочные ядра легли далеко от нас.

— Пляшущий мертвец, — пояснил капитан, — флаг Чернобородого. Подозревал я, что он под псов пошёл, а вот теперь решил уже открыто заявить об этом.

— Но для чего? — удивился я.

— Его нанимателям нужен ты и, возможно, твои спутники, со мной он, быть может, и драться не особенно хочет. А если всё же придётся схватиться, то ему нужен серьёзный покровитель. Я ведь не просто так на флаге алую розу поместил, чтобы все знали — я не просто пират, а капер на службе её величества Глорианы Виктории.

Знал я, конечно, что на море всё сложнее, чем на суше, однако из объяснений альбионского капитана понял примерно столько же, сколько из его же слов насчёт ветра и латинских парусов.

— Так, как считаешь? — обернулся ко мне и глянул прямо в глаза капитан. — Что нам делать теперь?

— Драться, — ответил я, не отводя взгляда. — Разворачиваться и атаковать. Враг этого точно не ждёт.

— Смело, — кивнул капитан, — и достаточно безумно.

Он отвернулся от меня, шагнул обратно к штурвалу, потом сделал ещё несколько шагов, подойдя к краю шканцев.

— Слушай мою команду! — рявкнул он. — Поворот оверштаг! Пушкари — к орудиям, к бою готовься! Чиф, — я уже знал, что за этим свистящим прозвищем скрывался чернокожий старший помощник капитана «Королевской мести», — раздать боевую сталь. Как получают оружие — баковые на бак, ютовые — на ют! Я на квартердеке, ты — старший на фордеке!

— Аye-аye, captain! — ответил тот, и тут же корабль словно ожил.

Конечно, и до того матросы не ползали сонными мухами, но после началось какое-то форменное светопреставление. Для непосвящённого в морские тайны, вроде меня, по крайней мере. Матросы носились по палубе как угорелые под яростные трели боцманской дудки. Их босые пятки выбивали барабанную дробь по доскам. Кто-то с обезьяньим проворством карабкался на мачты, принявшись собирать одни паруса и, наоборот, разворачивать другие.

По кивку капитана рулевой крутанул штурвал — и корабль почти завалился на борт, едва не черпанув воды. Мне пришлось схватиться за перила, ограждающие шканцы, чтобы не грохнуться на палубу самым глупым образом. Однако всех кроме меня этот резкий манёвр оставил равнодушными. Матросы строились в очередь к кормовому помещению, где пара квартирмейстеров под руководством Чифа выдавали им мечи, топоры и доспехи. Кому-то доставались кольчуги и шлемы, другие же предпочитали варёную кожу, третьи брали в руки арбалеты, не затрудняя себя никаким доспехом.

— Порядок прямо как на военном корабле, — заметил я, — думал, у вас всё несколько

проще в отношении оружия.

— Я не боюсь бунта, как вояки, — с отменным презрением ответил мне капитан, — просто нечего матросам щеголять с боевой сталью постоянно. Для обыденной жизни им и ножей хватит, а сталь — для боя, и только для него. Это касается всего на борту.

Только сейчас я обратил внимание, что у самого капитана не было при себе ничего из оружия.

— А зачем было у меня спрашивать насчёт атаки? — задал я ещё один интересовавший меня вопрос. — Самому решимости не хватило?

— Нет, — глянул на меня с той же иронией, с какой говорил я, альбионец, — просто теперь я могу смело сказать: это было решение нанимателя — не моё.

— В таком случае, мне стоит вооружиться посерьёзней, — сказал я, — и сообщить моим людям о предстоящей схватке.

Капитан кивком отпустил меня, и я поспешил в нашу каюту. Внутри я застал Абеле и Фантеску полностью одетыми. Более того, вор держал перед ведьмой зеркало, в которое та гляделась, наводя последние штрихи к агрессивному макияжу.

— Я готова! — заявила она, пряча в сумку на поясе какие-то неизвестные мне штуки, с помощью которых «наводила красоту». — А если бы эту лодку не качало так сильно, то управилась бы быстрее.

— Капюшон всё же накинь пока, — велел ей я, — пускай он упадёт с твоей головы где-то посреди боя. Для пущего эффекта.

— Ох, — сделала она страдальческое личико, — ну что за страсть к дешёвым эффектам, а? Такого ведь даже в театре не увидишь!

— Так в жизни есть много всего, чего в театре не покажут, — отмахнулся я. — Да и кто в те театры ходит, а? Сколько их осталось? О них, наверное, говорят больше, чем их есть на самом деле.

— Если взять труппы бродячих актёров, то не так и мало, между прочим, — вступилась за честь профессии Фантеска, в своё время проведшая несколько лет в такой же труппе. — И играют там очень даже хорошо, вот!

Я кивнул, словно поверил ей на слово, хотя сам был знаком со многими актёрами из подобных трупп. Они мало чем отличались от разбойничьих шаек, когда припекало и нигде не удавалось выступить. Тут же из-под реквизита вынимались дубинки, ножи, а то и короткие мечи, которые при случае шли в дело. Ничего этого рассказывать Фантеске я, конечно же, не стал — она, скорее всего, и так всё знала.

Набросив на плечи плащ и надев капюшон, она последовала за мной, а за ней шагал Абеле, захлопнувший дверь нашей каюты. Тем же порядком мы поднялись и на палубу. По дороге я поинтересовался у ведьмы, сможет ли она помочь нам в скорой схватке с врагом.

— У них намного больше людей, — сказал я, — если у тебя есть в запасе парочка убийственных заклинаний или чего-то в этом роде, то стоит их сейчас применить.

— Ну, — задумалась она на секунду, — я могу кое-что сотворить, но придётся зачерпнуть твоей силы побольше, чем прежде. Надеюсь, наша связь достаточно укрепилась, чтобы клейма не помешали мне.

— Не скупись на силу, — разрешил ей я. — Я вытерпеть смогу многое.

— Про меня ты, конечно, не подумал, — вздохнула она с отменным притворством. — Мужчина...

Тут мы поднялись на палубу, и все вместе направились к шканцам.

— Только я могу сознания лишиться, — добавила Фантеска, — нет у меня опыта с такими силами.

— Вор, — кивнул я Абеле, — позаботится о тебе, если что.

— А ты? — игриво толкнула меня кулачком ведьма.

— А мне и самому, думаю, придётся несладко, — ответил я.

Мы поднялись на шканцы, где сразу стало несколько тесновато. Ведь кроме капитана и рулевого тут стояли плечом к плечу несколько десятков матросов абордажной команды. Однако никого это не смутило. Капитан вежливо кивнул Фантеске, Абеле же словно проигнорировал. Ну конечно, флотское отношение к нечистым играло тут решающую роль.

Прежде чем я успел хоть что-то сказать, приблизившийся уже довольно сильно галеас снова дал залп из носовых пушек. Фонтаны воды взметнулись к небу существенно ближе к «Королевской мести».

— Хорошие пушки себе на нос поставил Чернобородый, — заметил капитан. — Только пушкарки у него скверные.

— А почему мы не стреляем в ответ? — тут же со свойственной ей непосредственностью поинтересовалась Фантеска.

— У меня есть только бортовые орудия, — ответил ей капитан. — Моя бригантина слишком мала, чтобы нести их ещё на носу или корме.

— И как, вам хватает?

— Не жалуюсь.

Кажется, ему нравилась ведьма: он вёл себя, будто собирался начать ухаживать за ней. Это могло стать проблемой, если мы переживём схватку с Чернобородым — путешествие до Кандии продлится не один день. Но сейчас думать об этом было ещё слишком рано.

«Королевская месть» снова набрала полные паруса ветра и неслась как на крыльях — прямо навстречу «Пляшущему мертвецу». Именно так назывался корабль наших врагов, о чём сообщил Фантеске капитан, не дожидаясь даже вопроса.

— К повороту готовься! — крикнул он, и уже нам: — Советую приготовить оружие. Абордаж начнётся с минуты на минуту.

— Но ведь мы ещё далеко? — удивилась Фантеска.

— Когда корабли идут встречными курсами, — ответил ей капитан, — расстояние сокращается очень быстро.

— А мы что, будем их таранить?

— О нет, — покачал головой капитан. — Таран — это манёвр для таких кораблей, как галеас. «Месть» легче и менее прочна, так что таран будет не в нашу пользу точно. У нас совсем другие манёвры.

Как только на носу вражеского корабля снова появились белые клубы дыма от залпа орудий, рулевой без команды крутанул штурвал так, что мы снова едва с ног не попадали. Бригантина рыскнула влево, уходя от пары ядер, в третий раз взметнувших к небу фонтаны брызг и пены. Теперь мы стремительно сближались — я уже видел строящихся на носу «Пляшущего мертвеца» знакомых солдат в кожаных доспехах и жёлтых накидках поверх них. Они были вооружены короткими, тяжёлыми пшагами и круглыми стальными щитами. Почти у каждого из-за пояса торчала рукоять пистолета. Рядом с ними сустились пушкарки, готовые к новому залпу пару внушительного вида орудий.

— Не успеют, — заверил нас капитан. — Сейчас наша очередь стрелять, а после — абордаж.

— Пора, — кивнул я Фантеске, и мы вместе протолкались к самому борту, не обращая внимания на недовольные взгляды и возгласы абордажников.

Наверное, мы нарушили десяток, если не больше, каких-нибудь морских правил — писанных и неписанных, — однако сейчас нам обоим было не до того. Фантеска опустилась на колени, сложив руки, будто молиться собиралась. Я же сунул ей ладонь под плащ, нащупывая в разрезе тёплое плечо ведьмы.

— Готово, — шепнула она. — Только скажи.

— Пока рано, — ответил я, наблюдая за тем, что творится вокруг.

«Королевская месть» двигалась почти перпендикулярно курсу врага. Кажется ещё секунда и массивный нос «Пляшущего мертвеца» врежется в наш корпус, расколов его, словно орех. И тут капитан скомандовал залп. Одновременно подпрыгнули все пушки, установленные по левому борту бригантины, выплюнув в «Пляшущего мертвеца» чугунные ядра. Палубу «Королевской мести» заволокло пороховым дымом. Носовая надстройка вражеского корабля скрылась в таком же облаке — во все стороны от неё полетели щепки и куски человеческих тел. Когда же дым слегка рассеялся, нам открылась печальная картина — печальная, конечно, для врага. Обе тяжёлых пушки были выворочены со своих мест, вокруг них валялись трупы и раненные матросы и солдаты. Кто-то ползал по палубе, стараясь отыскать оторванную ядром руку, другой держал свою ногу в безумной попытке приложить её обратно к измочаленному суставу.

— К абордажу товесь! — воскликнул капитан.

«Королевская месть» прошлась на полной скорости вдоль борта «Пляшущего мертвеца», ломая тому длинные вёсла, которые не успели убрать в порты. В оглушительном треске дерева два корабля врезались друг в друга. В дело тут же пошли крючья на крепких верёвках — их кидали с бортов обоих судов, намертво связывая их.

Нечаянно высокая волна подняла «Королевскую месть», затрещало дерево корпусов обоих кораблей, полопались несколько верёвок, стягивающих их между собой. А вот мне только это и нужно было. Буквально на десяток секунд — и полминуты не прошло — наш корабль оказался выше вражеского, и мне открылся замечательный вид на его палубу.

— Давай! — крикнул я Фантеске, инстинктивно сжимая её плечо, и ведьма не подвела.

Она хлопнула в ладоши так оглушительно, что услышали её хлопок, наверное, на обоих кораблях, а после резким жестом развела руки в стороны. От носа до кормы «Пляшущего мертвеца» пронёсся жуткий вихрь. Он подхватывал людей, скручивая их, как хозяйки скручивают мокрое бельё, чтобы выдавить из него всю воду. Вот только сейчас вместо воды на палубу обильно проливалась кровь. Все, кому не повезло угодить под него, мгновенно превращались в ошмётки, в которых никогда не узнать людей. Он вредил и кораблю, спутывая канаты, вырывая целые куски дерева из палубного настила. Вихрь стремительно пронёсся от носа до кормы «Пляшущего мертвеца», оставив после себя жуткие разрушения. Однако стоило ему добраться до шканцев вражеского корабля, как он тут же пропал, будто не было его вовсе.

Именно в тот момент я увидел его снова. Человека в красном плаще, с удивительно спокойным лицом. Он стоял рядом с внушительным типом в чёрном, лица которого почти не было видно за густой бородой. В последнем легко угадывался капитан «Пляшущего мертвеца», вполне оправдывающий своё прозвище. Вихрь, крушивший корабль, возможно, просто потерял силу, однако мне почему-то казалось, что он разбился о защиту, окружающую человека в красном плаще. Даже с разделявшего нас внушительного

расстояния я видел в глазах тот же огонь истинной веры, граничащей с фанатизмом, что я видел во взгляде прелата Лафрамбуаза или инквизитора Фюрстенберга.

— На abordаж! — раздался крик капитана «Королевской мести», и тот первым прыгнул на борт вражеского корабля.

— Позаботься о Фантеске, — велел я крутившемуся рядом с нами Абеле, — а после — наверх! Видишь их стрелков? Надо от них избавиться!

— Понял, — кивнул вор, принимая у меня лишившуюся чувств ведьму.

Я же достал из ножен кампеадорский меч, кинув оружейный пояс на палубу — никуда же не денется — и последовал за abordажниками.

Это был мой первый бой на палубе вражеского корабля — прежде мне не приходилось драться в таких условиях. Здесь в ход шло всё, что под руку попадётся. Матросы и солдаты с обеих сторон усиленно кромсали друг друга, обрушивали удары тяжёлых топоров, часто раздавались хлопки пистолетных выстрелов. Кто-то катался по палубе, сцепившись в такой клубок, что не разобрать, где свой, где враг, в ход шли кулаки, колени, зубы. Кого-то вышвырнули за борт. Матроса с «Королевской мести» солдат изо всех сил толкнул на основание мачты — тот врезался в прочное дерево и сполз по нему, оставляя длинный, влажный, тёмный след.

Я ринулся на этого солдата, выбрав его своей целью. Он успел обернуться ко мне, словно почуяв что-то, вскинул щит, закрываясь от первого удара. Но я не стал рубить его, вместо этого врезавшись всем корпусом. Солдат явно не ожидал ничего подобного, он покачнулся, отступил на полшага, споткнулся о ноги валявшегося матроса и с лязгом рухнул. Я прикончил его одним быстрым ударом. Переступив через тело, я двинулся дальше, прорубая себе путь к корме вражеского корабля, к шканцам.

Я несколько раз схватывался с солдатами и матросами «Пляшущего мертвеца», но всякий раз всё заканчивалось быстро. Обмен ударами, секунда — и враг лежит на залитой кровью палубе. Я же переступаю через его тело и почти бегу дальше. Ни одного серьёзного противника мне не встретилось до самых шканцев. Уже на короткой лесенке, ведущей туда, я столкнулся с парой крепких парней, явно привыкших работать вместе. Их тяжёлые топоры летали, будто не весили и пары фунтов, вот только впечатление это было обманчиво. Я отлично видел, как напрягаются их мускулы, когда они крутят оружие.

Парочка синхронно подступила ко мне с двух сторон, одновременно соскочив с лесенки, ведущей на шканцы. Одновременно же на меня обрушились их топоры. Понимая, что пытаться отбить эти удары нечего и думать, я нырнул вниз, уходя сразу от обоих лезвий, тут же перекатился через плечо, увёртываясь от следующих двух ударов. Я видел, как тяжёлые лезвия рубили всё, что попадётся. Дерево палубы, изящные перила лестницы, ведущей на шканцы. Мне очень не хотелось попасть под них.

Я прыгнул влево, стараясь закрыться одним врагом от второго. Крепыш тут же отреагировал, широким взмахом попытавшись загнать меня обратно, однако на сей раз уклоняться я не стал, а ударил навстречу. Клинок кампеадорского меча и обух тяжёлого топора столкнулись с жутким лязгом. Я каким-то чудом сумел удержаться на ногах, выдержав вражеский удар просто чудовищной силы. Вот только стоять не следовало — я шкурой на спине чувствовал, как сзади ко мне подбирается второй боец с топором.

Изо всех сил надавив на оружие противника, я заставил его давить в ответ. Конечно, он был куда сильнее меня, прямого противостояния мне не выдержать. Да и не нужна была бы эта победа. Я резко подался назад, заваливая противника на себя, и тот поддался на этот

нехитрый приём. Короткий, заточенный до бритвенной остроты нож опять, словно сам прыгнул мне в ладонь, чтобы через мгновение вонзиться в живот врага по самую рукоять. Я рванул её вверх, преодолевая сопротивление могучих мышц здоровяка. Тот издал какой-то беспомощный звук, на руку, сжимающую нож, хлынула кровь.

Я выпустил липкую рукоять и перехватил обеими руками меч, разворачиваясь, как раз вовремя, чтобы отразить яростную атаку второго противника. И только в этот момент понял, какой глупостью было пытаться встретить его топор своим мечом. Сила удара, наверняка ещё подкреплённая яростью воина, сбила меня с ног. Я повалился на палубу, едва успев подставить меч под второй удар. Здоровяк рубанул меня отвесно, словно дровосек полено. Любой другой меч, наверное, не выдержал бы такого удара, разлетевшись сотней стальных осколков. Но кампеадорский клинок ковали на совесть — он почти на пядь вошёл в лезвие топора, разрубив его. Руки мои взорвались болью, не знаю даже, каким чудом я сумел удержать оружие.

Здоровяк на секунду замер, поражённый случившимся, и это стало причиной его смерти. Он не успел отреагировать на появление Чифа. Не уступающий ему в росте и силе чернокожий обрушил на врага двуручный меч скверной стали с кривым клинком, напоминающий скверную пародию на турецкие ятаганы.^[53] Хотя в руках опытного рубака он был смертоносным оружием. Здоровяк рухнул рядом со мной, поливая палубу кровью из глубокой раны на груди — тяжёлый, кривой клинок сокрушил его рёбра и ключицу. Обломки костей торчали из жуткой раны.

Чиф наклонился надо мной, протягивая руку. Я принял его помощь и чернокожий буквально вздёргнул меня на ноги. Рука отозвалась новой взрывной болью, но я постарался не подать виду.

— Не отставай от капитана! — бросил мне Чиф. — Ты нужен ему там, — он ткнул пальцем на шканцы. — Я прикрою.

Я кивнул ему и поспешил к лесенке, которую уже преодолел альбионец.

Капитан «Королевской мести» вооружился парой лёгких сабель, так и летавших в его руках. Он буквально смёл попытавшихся встать на его пути врагов, казалось, даже не заметив их сопротивления. Два быстрых взмаха — и пара трупов валится на палубу. Капитан же переступил через них и рванулся к тем, кого считал своими главными противниками.

— Иди сюда! — разъярённым быком взревел бородач, размахивая оружием.

Как и альбионец, он был вооружён двумя клинками — тяжёлой саблей, вроде фальшиона, и короткой шпагой с чашеобразной гардой. Как по мне, весьма странный выбор, однако видно было, что оба клинка привычны бородачу.

— Я выпотрошу тебя как тунца, молокосос! — продолжал сыпать угрозами в лицо приближающемуся альбионцу Чернобородый. — Я пушу тебя на корм рыбам!

— Не могли бы вести себя немного тише, — произнёс даже не взявшийся за оружие инквизитор в красном плаще. — Ваши манеры утомили меня, теперь же вы вовсе невыносимы.

Последнее слово он произнёс по слогам, будто обращался к умственно-отсталому ребёнку.

Чернобородый проревел новую угрозу и бросился на альбионца. Несмотря на поведение, бойцом он оказался отменным. Четыре клинка так и сверкали в воздухе, и видно было, что ни один из противников не имеет преимущества.

— Похоже, мне выпала удача скрестить клинок с вами, — тем же скучающим тоном

заявил инквизитор, и стремительным, но каким-то плавным движением обнажил меч.

В этот миг я понял — мне его не победить. Этот наглец в красном плаще слишком хороший фехтовальщик. Я ему попросту не соперник. Однако выбора не оставалось, и я шагнул ему навстречу, перехватывая поудобнее кампеадорский меч.

Противник атаковал стремительно, я едва успел отбить первый выпад, как за ним последовал ещё один, потом ещё и ещё. Я закрывался, полностью сосредоточившись на обороне, не думая ни о каких контратаках. Инквизитор же словно издевался, нанося стремительные удары, но как будто намеренно не доводя их до конца. Я парировал их в последний миг, чтобы уже в следующий пытаться встретить клинок его изящного меча, летящий с другой стороны. Мы почти не двигались с места, танцуя на небольшом пятачке палубы. Инквизитор изредка делал полшага вперёд или назад, приседал, выбрасывал корпус в выпад. Мне же оставалось только реагировать на его движения, подставляя кампеадорский меч или уклоняясь. Правда, последнее проделывать было очень сложно — инквизитор как будто заранее знал, куда я двинусь и тут же целил туда своим клинком.

Закономерное поражение моё произошло даже немного позже, чем я думал. Уклонившись от очередного выпада, я попросту не успел подставить вовремя меч, и вражеский клинок глубоко вонзился мне в правое плечо. Сначала был холод, а после резкая боль. Я почувствовал, как по руке потекла кровь, а через мгновение она повисла плетью. Пальцы разжались, выпустив рукоять меча, со стуком упавшего на палубу. Инквизитор сделал короткий шаг вперёд, приставляя мне к горлу клинок.

— Кажется, для вас игра окончена, — произнёс он с той же вежливостью.

Я заметил, что по лицу его стекает пот, а клинок хоть и едва заметно, но подрагивал, а значит, мне удалось вымотать противника. Законный повод для гордости.

— Отчего вы не изволите прикончить меня на месте? — поинтересовался я преувеличенно вежливым тоном, неосознанно копируя его манеру говорить.

— Не было такого приказа, — ответил он. — Вас приказано непременно живым доставить обратно во Флоренцию. Для тщательного допроса. Именно поэтому меня отправили вместе с этим животным, которое вот-вот прикончит вашего приятеля.

Я скосил глаза, не решаясь дёргать головой, когда к шее приставлен клинок, и сумел разглядеть лишь движущиеся фигуры. Понять, кто на самом деле побеждает, было невозможно.

Только сейчас, замерев на одном месте, я осознал, что погода начала портиться. Ветер, который нёс нас навстречу «Пляшущему мертвецу», крепчал, и волны становились сильнее. Они уже запросто раскачивали оба сцепившихся корабля. Одна такая толкнула «Мертвеца» в корму куда сильнее, нежели предыдущие, заставив инквизитора, стоявшего крепко, будто ноги его вросли в палубу, покачнуться. Клинок его меча царапнул мне горло и на мгновение оказался на расстоянии от него. Я, конечно же, не мог не воспользоваться этой, пускай и призрачной, возможностью.

Оттолкнувшись обеими ногами, я рухнул навзничь, левой рукой отчаянно нащупывая рукоять кампеадорского меча. Глупость, конечно, но ничего не могу с собой поделать. Удар о доски вышиб из меня дух, голова со стуком ударилась о них следом, и я увидел картину нашего почти поражения. На палубе «Пляшущего мертвеца» как будто разыгрывался последний акт трагедии. Моряков «Королевской мести» добивали инквизиторские солдаты и матросы Чернобородого. Даже после залпа и атаки невидимого смерча их оставалось слишком много — и сейчас, придя в себя, они одерживали верх.

Коротышка с густыми бакенбардами остервенело тыкал в грудь солдата ножом, пробивая ударами кожаную кирасу и лёгкую кольчугу под ней. Другой солдат схватил его за плечи, приложил головой о мачту, а после добавил коленом в лицо. Коротышка повалился на палубу и его буквально затоптали ногами, не пуская в ход оружия. Под ударами тяжёлых солдатских башмаков он стремительно превращался в кровавое месиво. Моряка-кастильца, отлично уживавшегося на альбионском корабле, поставили на колени и успевший перезарядить пистолет матрос выстрелил ему прямо в лицо. Здоровяк Чиф отмахивался от наседающих на него, словно собаки на медведя, врагов своим тяжёлым мечом, прижавшись спиной к мачте. Он рубил древки коротких копий, которыми его пытались достать, никто из противников не решался подойти ближе. Однако я видел, как к нему уже подбираются сзади, крадась почти вплотную к мачте. А кое-кто из солдат быстро заряжал пистолеты, чтобы расправиться с чернокожим, не приближаясь к нему. И некому было предупредить Чифа, никто не мог прийти к нему на помощь.

В эту секунду я понял, как выглядит поражение. Полное, окончательное, сокрушительное, которое уже никакое чудо не превратит в победу.

Я рванулся вперёд и вверх, пытаясь встать на ноги, однако движение моё остановил клинок инквизиторского меча.

— Не стоит, — покачал головой инквизитор. — Вы и с мечом в правой руке не сумели одолеть меня, а уж в левой так и подавно. Оставайтесь лежать, по крайней мере, отдохнёте до конца этого фарса.

Пистолетный выстрел грохнул очень близко — стреляли явно на шканцах. Наши с инквизитором взгляды тут же повернулись в ту сторону, откуда донёсся этот звук. Чернобородый ещё держался на ногах, однако видно было, что это ненадолго. Перед ним замер альбионец с саблей в правой руке и дымящимся пистолетом в левой.

— Тысяча чертей, — прохрипел Чернобородый, — ты всадил мне пулю в кишки из моего же пистолета.

— А я всегда говорил, что глупо их столько таскать с собой, если не стреляешь, — пожал плечами альбионец, и быстрым движением перехватил Чернобородому горло.

— Кажется, мне придётся-таки заняться вашим приятелем, — вздохнул инквизитор. — Ничего нельзя никому доверить — всё приходится делать самому.

И прежде чем тело Чернобородого упало на палубу, он метнулся к альбионцу. Они обменялись несколькими быстрыми ударами. Альбионец метнулся вперёд, проскочил под мечом противника, попытался достать его сзади, но инквизитор словно знал, что именно так тот и поступит. Клинки сабли и меча сцепились на мгновение, а после инквизитор с силой врезал альбионцу рукояткой по лицу. Капитан отшатнулся и тут же получил снова. Быстрым движением описав полукруг клинком, инквизитор обезоружил противника. Сабля отлетела к самому фальшборту.

Вся схватка их заняла так мало времени, что я даже на ноги подняться не успел.

Инквизитор нацелил меч в горло замершему альбионцу и провёл стремительный классический выпад. И вот тут он допустил ошибку, едва не стоившую ему жизни. Альбионец неувлимым движением качнулся в сторону, повернув корпус так, что клинок буквально на волос разминулся с его горлом, перехватил руку врага в запястье и дёрнул на себя. Инквизитор подался вперёд, влекомый своим движением и силой, с которой дёрнул его альбионец. Он не удержался на ногах и рухнул на палубу. Не знаю уж, рассчитывал на это альбионец или нет, но голова инквизитора попала под штурвал, оказавшись зажатой между

одной из его многочисленных ручек и палубой. Альбионец быстро шагнул к штурвалу и положил обе руки на него. Одно движение и инквизитор расстался бы с жизнью самым неприятным способом.

— Стойте! — успел я крикнуть за мгновение до того, как капитан всей силой навалился на штурвал, чтобы расколоть череп инквизитора как орех. — Не делайте этого!

— Почему? — обернулся ко мне альбионец, не снимая рук со штурвала.

— Думаю, он ещё пригодится нам, — сказал я, с трудом поднимаясь на ноги.

— На кой чёрт? — вполне искренне удивился альбионец. Он явно был из породы людей, не оставляющих за спиной живых врагов.

— Хотя бы потому, что его можно выгодно продать его хозяевам из инквизиции, — ответил я. — А ещё он поможет нам остановить бойню на палубе.

— В этом нам поможет сам Чернобородый, — ответил альбионец. — Ты полежи тут пока, не дёргайся, — велел он инквизитору, а после обернулся ко мне: — Присмотри за ним, а то очень уж резвый этот тип в красном.

Я сменил его у штурвала, навалившись на деревянное колесо. С каждой минутой я терял всё больше крови, в глазах начинало темнеть, а ноги отказывались держать меня.

— Не дёргайтесь, — обратился я к инквизитору, повторяя предостережение капитана, и добавил уже от себя: — Вашими стараниями я ранен и могу потерять сознание в любой момент. Сами понимаете, что за этим последует.

Он прошипел нечто нечленораздельное в ответ. Трудновато говорить, когда твоя голова придавлена одной из многочисленных рукояток штурвала к палубе.

Окинув взглядом финал сражения на палубе, я понял, что он складывается совсем не в нашу пользу. Всё больше матросов «Королевской мести» гибло под ударами вражеских мечей и топоров на короткой рукоятке. Лишь мимолётную надежду внушали тела стрелков «Пляшущего мертвеца», свисающие с мачт, зацепившись руками-ногами за спутанные канаты. Абеле не подвёл — из каждого трупа торчали отлично знакомые мне длинные, чёрные стрелы.

Стук топора привлёк моё внимание, я обернулся через плечо, стараясь не наваливаться на штурвал слишком сильно, и увидел альбионского капитана. Тот как раз отбросил в сторону топор на короткой рукоятке — кажется, таким был вооружён один из здоровяков, с которыми я сражался на подступах к шканцам — и поднял с палубы отрубленную голову Чернобородого.

— Эй, вы там! — рявкнул альбионец привычным к командам голосом, перекрывшим шум сражения. — Ваш капитан мёртв! Заканчивайте!

И в подтверждение собственных слов швырнул прямо в середину замершей на мгновение схватки голову Чернобородого. Пролетев по широкой дуге, та ударилась о доски палубы, прокатилась немного и остановилась, уставившись мёртвыми глазами в небо.

— Мне от вас ничего не нужно! — продолжил выкрикивать короткие фразы, больше напоминающие приказы, альбионец. — Расцепляем корабли — и каждый идёт в свою сторону! Ваш инквизитор у нас! Вашего интереса больше нет!

— Так дело не пойдёт, — шагнул к шканцам прилично одетый солдат, скорее всего, командовавший ими. — У нас приказ и...

Договорить он не успел — в спину ему вонзился длинный нож, кастильская наваха, популярная у моряков. Клинок её легко пробил кожаный доспех командира солдат, и тот повалился на палубу. Ударил его вовсе не матрос с «Королевской мести», я был в этом

уверен. Тут же по палубе «Пляшущего мертвеца» пронёсся клич «Бей солдат!», и на тех обрушились матросы из обеих команд, объединившиеся удивительно легко для людей, минуту назад резавших друг друга.

Никогда мне не понять моряков — это я осознал именно в этот момент.

Высаживались мы не на самой Кандии, а на пляже небольшого островка Грамвуса. Причём, как я узнал от капитана, островов с таким названием было даже два. Первый — Имери Грамвуса, или Укрощённая Грамвуса — был побольше и на нём вовсю шло строительство морской крепости Новой Венеции. Второй — Агриа Грамвуса, или Бурная Грамвуса — был необитаем, по крайней мере, официально. Однако именно он оказался идеальной гаванью для контрабандистов всех мастей, желающих ввезти на территорию торговой республики товар без грабительских пошлин, взимаемых в портах. И пускай ими занималась всемогущая и страшная своими методами работы инквизиция Новой Венеции, страх пыток и мучительной смерти многих не останавливал. Жажда наживы была куда сильнее.

Именно на пляж Агриа Грамвусы мы и высадились. «Королевская месть» ждала возвращения капитана, пары офицеров и гребцов из вельбота, который нёс нас к острову. Фантеска снова надела плащ с капюшоном, хотя на борту бригантины почти час с лишним наводила красоту, заставляя то меня, то Абеле стоять неподвижно с зеркалом в руках. Ей постоянно казалось, что у нас начинают дрожать руки, отчего она не может нормально нанести грим. Да и качающаяся, хотя и не сильно, палуба ей в этом тоже совсем не помогала.

После того, как команда «Пляшущего мертвеца» вместе с матросами «Королевской мести» покончила с солдатами инквизиции на борту, корабли и в самом деле расцепились. Некоторое время они даже дрейфовали рядом, изрядно поредевшие команды помогали друг другу ремонтировать корабли. Среди моряков царил дух удивительного товарищества, которого я понять не мог, хоть убей. Нас же, как причину раздора, капитан попросил держаться в каюте и несколько дней вообще не появляться на палубе.

Почти всю дорогу я провёл в беседах с инквизитором. Тот был весьма словоохотлив и поведал мне много всего интересного. Сам же ни разу не поинтересовался своей дальнейшей судьбой, хотя я уверен, это равнодушие было более чем наигранным.

Если я не торчал в выделенном под проживание пленника крошечном канатном ящике, где тот сидел прямо на бухтах, я проводил время с Фантеской. И только в койке. Для удобства мы сдвинули наши койки, отгородившись от обидевшегося на нас за это Абеле. Вор играл в оскорблённую невинность пару дней, отказываясь разговаривать с нами, однако вскоре оттаял, поняв, что так общаться будет совсем не с кем. Ведь на палубе его не ждали уж точно, а хотя бы иногда, но поговорить ему хотелось.

Ведьма посвятила это время изучению моих клейм и той силы, которую они сдерживали. Также она работала над моей раной, но тут ей удалось добиться лишь незначительных успехов. Увы, но врачевать Фантеска почти не умела, а потому полностью сосредоточилась на другом. Правда, рука почти не болела и швы, наложенные умелой рукой врача «Королевской мести», не думали расходиться. В этом, наверное, была кое-какая заслуга Фантески.

Путь до Кандии прошёл спокойно. Даже налетевший во время морского боя шквал развеялся без следа. Ветер, конечно, не всегда был попутным, но всё же «Королевская

мечь», по меткому морскому выражению, глотала узлы, и расстояние, отделяющее нас от острова, сокращалось, можно сказать, стремительно. И чем ближе мы подходили к Кандии, тем сильнее портилось настроение Фантески. Апофеозом же этого стало почти часовое нанесение грима перед тем, как выйти из каюты, причём с постоянными придирадками к нам с Абеле. И не важно, держал ли кто-то из нас зеркало в этот момент или нет — ведьма всегда находила злое словцо для каждого.

К Агриа Грамвусе «Королевская мечь» прибыла поздним вечером, когда спускаться на воду большую гребную лодку, которую именовали не иначе как вельбот, было уже поздно. Однако с первыми лучами солнца к нам в каюту постучался знакомый уже юнга. Вместо завтрака он принёс весть о том, что капитан ждёт нас у штирборта, а вельбот готов к спуску.

И вот четверо матросов споро гребли к недалёкому пляжу Агриа Грамвусы. Капитан «Королевской мести» и пара офицеров не проронили ни слова с самого начала короткого путешествия к берегу. Мы втроём тоже молчали. Интересно, не проснётся ли в альбионце совесть — ведь мы всё же были товарищами по оружию, вместе дрались на шканцах вражеского корабля. Это оказалось бы совсем не вовремя.

Однако все мои сомнения развеялись, когда я увидел людей, ждущих нас на берегу. На обычных греческих контрабандистов, которые, по словам капитана, должны были доставить нас на своей фелуке на саму Кандию, они не были похожи даже с такого расстояния.

— Что это значит, капитан? — спросил я у альбионца, как будто невзначай кладя левую руку на рукоять пистолета. — Если это греческие контрабандисты, то я авиньонский теократ собственной персоной.

— Это мои давние деловые партнёры, — мрачно ответил тот, видимо, альбионцу решение далось нелегко и пришлось совсем не по душе.

— Которые заплатили больше, — логически закончил я его фразу, почти выплюнув слова.

— Намного больше, — ответил он. — Столько, чтобы навсегда забыть об угрызениях совести. Если тебе интересно, только поэтому ты не отправился за борт после сражения с «Пляшущим мертвецом».

Я убрал руку с пистолета, понимая, что ничего поделать не смогу. Теперь остаётся лишь сидеть смирно и ждать развязки.

Пара крепких парней в когда-то роскошных, но теперь заношенных до дыр камзолах с нашитыми слева на груди картами, вошли в воду и протащили вельбот по песку. Возглавлявший отряд высокий, тощий до сухопарости человек с бледным от природы, да ещё и выбеленным гримом лицом, оттолкнул их подошёл к носу лодки.

— Где она? — почти пропел он, и я увидел, что зубы его подписаны и напоминают акульки, многие были заменены стальными. — Где моя ненаглядная? Покажи же её, сын Альбиона! И горе тебе, если ты обманул Мастера Колоды!

Он щёлкнул длинными пальцами и стоявшие на берегу люди как один вскинули заряженные арбалеты.

— Она здесь, — ответил капитан, поднимаясь на ноги и первым сходя на берег.

По его сигналу офицеры крепко, но довольно бережно взяли Фантеску за плечи и перенесли её на пляж, поставив на песок.

— Даже ножек не замочила, — продолжил альбионец.

Он обернулся к нам с Абеле и жестом велел выбираться из вельбота. Суровые лица оставшихся в лодке матросов, убравших вёсла и державших ладони на рукоятках ножей и

навах, не сулили нам ничего хорошего.

— Продажная ты шкура, капитан, — бросил я, сходя на берег. — Если останусь жив — поквитаюсь.

— Вот потому я позаботился, чтобы ты в живых не остался, приятель, — ответил капитан. — Деньги заберу в условленном месте, Мастер, — обернулся он к долговязому.

— Зачем?! — вскричал тот, приплясывая вокруг скинувшей капюшон Фантески. — Я привёз тебе сколько обещал и ещё от себя! Ты не обманул меня, сын Альбиона! Ты получишь своё золото, потому что я получил гораздо больше!

Он кивнул своим людям, и пара крепышей, тоже с нашитыми на одежду картами, но без оружия, притащили пару больших, обитых железом ящиков.

— Золото! — крикнул он, открывая первый, действительно, под самую крышку набитый золотыми монетами. — Рубины, сапфиры, бриллианты! Бери всё! — Он распахнул второй, и в глаза нам ударил блеск самых разных самоцветов. — Мне ничего не жалко для лучшего друга! Эй, вы, — велел Мастер дюжим парням, принесшим сундуки, — помогите-ка погрузить всё это добро в вельбот. И знаешь что, капитан, — почти заговорщицки прошептал ему лидер Колоды, наклонившись к самому лицу, я расслышал лишь потому, что стоял близко к ним обоим, — в условленном месте тебя ждёт ещё и условленная плата.

Нас с Абеле окружили люди с оружием, оттеснив от вельбота. У всех их лица были выбелены гримом, и я разглядел карты, приколотые к одежде. Это были пики, причём стилизованные под мечи, как на гадальных картах. Руководил ими высокий тип в более приличной одежде, лицо его было прикрыто белой маской с чёрной слезой на щеке.

— Милая моя, — вился вокруг Фантески Мастер Колоды, — мы сейчас покинем побережье. Нечего тебе глядеть на все эти ужасы и кровь. Ты не хочешь сказать ничего на прощание своим спутникам?

— Хочу, — в голосе ведьмы снова прорезались те писклявые, детские интонации, что почти пропали за время нашего общения, — можно мне к ним поближе подойти? — Она чмокнула Мастера в щёку и заговорщицким тоном произнесла: — Это — личное.

— Эй-эй, — покачал перед её носом длинным пальцем лидер Колоды, — я начинаю ревновать?

— Ой, можешь наказать меня потом, — отмахнулась Фантеска. — И вообще, чего ревновать к покойникам?

Она поцеловала его снова, и уже я ощутил укол ревности.

Ведьма же подошла к нам, легко отодвинув бандитов с выбеленными лицами. Она прижалась ко мне всем телом и шепнула всего пару слов. А после почти бегом вернулась к Мастеру Колоды, который тут же заключил её в объятия. Обнимал он её как-то совсем уж по-хозяйски, и ревность снова впилась мне в сердце. Особенно сильно после слов Фантески, сказанных шёпотом.

— Валет мечей, — обратился Мастер к человеку в белой маске с чёрной слезой, — прикончи этих двоих. Это будет новым шагом на твоём пути вверх — ты займёшь место Рыцаря мечей.^[54] И пускай их смерть будет очень жестокой. Такой, чтобы даже я поразился.

— Обязательно, месир, — кивнул тот, голос его звучал глуховато из-под маски.

— А теперь нам пора, милая моя! — схватил Фантеску Мастер. — Я не могу больше терпеть!

Так в обнимку они и ушли, скрывшись за скалами. И мне стало как-то совсем тоскливо на душе. Только дождя не хватало.

— Ну как, — обратился ко мне Валет мечей, — будем сопротивляться? Смерть-то всё одно принимать лютую.

Я глубоко вздохнул и выхватил-таки левой рукой пистолет. Прежде чем Валет мечей успел дёрнуться, я всадил ему пулю прямо в грудь.

Глава 20

В Колоде

Керамическая маска натирала лицо, и дышать через небольшие отверстия в ней было чертовски тяжело. Даже по прошествии нескольких дней я никак не мог привыкнуть к ней. Всё остальное меня вполне устраивало, равно как и Абеле, которого, кажется, даже ношение маски ничуть не смущало. Прошлый криминальный опыт позволил вору легко влиться в Колоду, и теперь все были полностью уверены, что мой Валет мечей — проверенный не в одном деле человек. Хотя если бы кто-то дал себе труд задуматься, в каких именно делах он проверен, это могло перерасти в большие проблемы для нас обоих.

Торчать в душном помещении, где Мастер Колоды предпочитал принимать особых гостей, было то ещё удовольствие. Однако этот день должен был стать последним в моей краткой службе этому извергу, а потому я старался как можно меньше думать о неприятном, сосредоточившись на мысли о последнем дне и избавлении от службы Мастеру.

Сейчас лидер самой известной банды, объединивший воров, убийц, вымогателей, сутенёров и даже нищих Новой Венеции, развалился на роскошном диване. Этот предмет мебели вполне мог украшать дворец какого-нибудь паши или визиря Крымского султаната, а теперь на нём почти возлежал тощий ублюдок, одетый в распахнутый на груди камзол малинового цвета. Кое-какими повадками Мастер Колоды весьма напоминал бандита Деточку, моего знакомого ещё по Шварцвальду, однако если тот был просто жестоким человеком, не обладая при этом никакими талантами, то Мастер как раз оказался весьма одарён. Его нельзя было назвать глупцом, он даже почти звериную жестокость свою спускал в поводка лишь когда это было нужно ему. К тому же, Мастер был чрезвычайно хитёр и изворотлив, о чём говорил хотя бы тот факт, что он сумел не только выскользнуть из лап инквизиции, но вернуть себе былую власть и положение в преступном мире Новой Венеции.

Гостями Мастера Колоды сегодня были довольно высокопоставленные люди, причём оба из старой знати, ведущей род ещё из Старой Венеции. Даже удивительно, что они согласились встретиться с бандитом. И что ещё удивительнее, Мастер вёл себя с ними так же развязно, как и со всеми. Оба аристократа кривились, однако их дела, которые они вели с бандитом, сейчас требовали личного присутствия. Вот только переходить к делу Мастер как раз и не спешил.

— Господа мои, — потешался он, развалиясь на диване и демонстративно потирая голую грудь под распахнутым камзолом, — а знаете ли вы, какая у меня радость? Все эти дни я словно сам не свой. Она вернулась ко мне — любовь всей моей жизни, единственная женщина, которая мне когда-либо была нужна.

В помещении было довольно жарко — несмотря на тёплую погоду, в средних размеров камине горело пламя. За ним присматривал чернокожий раб, подбрасывающий в огонь свежие поленца. Он и вовсе не носил ничего кроме набедренной повязки, и, наверное, в жаре и духоте помещения чувствовал себя лучше всех. Оба аристократа были одеты богато и не смели расстегнуть ни единой пуговицы на своих роскошных бархатных камзолах. Воротники их и, уверен, нижние рубашки давно уже пропитались потом. Оба скрывали лица под керамическими полумасками, из-под которых были видны лишь обрамлённые аккуратными бородками подбородки. Однако скрыть свою принадлежность к правящему классу они не могли, да и не особо хотели. Кроме правильной речи, их выдавали золотые

львы, нашитые на одежду. Такой знак имели право носить лишь те, чьи предки были аристократами ещё в Старой Венеции.

— А присутствие этих, — указал на меня и на чернокожего старший из гостей, — обязательно? Я ведь ясно выразился, что хочу побеседовать без лишних ушей и глаз.

— Глаза и уши есть ведь и у стен, как известно, — развёл руками Мастер. — Но могу уверить вас, господа мои, сиятельные мессере, что чернокожий раб не понимает ни слова на языке цивилизованных людей. К тому же, его собственный язык удалён, а потому он уж точно никому не проболтается.

— А этот? — дёрнул подбородком в мою сторону второй.

— О, нет-нет-нет! — выпалил Мастер Колоды. — Сей человек — наинадёжнейший из всех моих людей. Мой Рыцарь мечей! Ведь именно он отправил на тот свет ублюдков, негодяев, каналий, подлецов, инквизиторских лизоблюдов, которые привезли на Кандию мою возлюбленную. Мою...

Он откинулся на диване, и лицо его стало мечтательно-отрешённым.

Мне в который уже раз за эти дни остро захотелось выхватить кинжал и всадить его в горло этому ублюдку. И вовсе не потому, что он сейчас при мне поносил меня же. Выслушивать оскорбления в свой адрес мне было даже весело, ведь Мастер не знал, что тот, кого он оскорбляет, стоит всего в паре шагов от него. Нет, прикончить его мне хотелось потому, что все эти дни он был с ней. И что этот ублюдок проделывал с моей ведьмой, лучше не думать — потому что если задумаюсь, могу наплевать на все планы и всадить кинжал ему в горло. Несколько раз.

Хорошо, что под маской не видно моего лица.

— Она вернулась ко мне, господа, — продолжал Мастер, не меняя позы и глядя куда-то в потолок. — Хотите взглянуть на неё? На мою несравненную. А, да что спрашивать — конечно, хотите! Сейчас она придёт сюда во всей красе.

И в самом деле, дверь отворилась, на пороге стояла в развязной позе Фантеска. Одета она была совсем вызывающе, а на лице лежал ещё более агрессивный грим, нежели прежде. К тому же, Фантеска ещё и фантазийно размазала его, отчего казалось, что она легла спать, не снимая грима, да так и проснулась. Впрочем, вполне возможно, я не был так уж далёк от истины.

— Вот она! — вскричал Мастер Колоды. — Фантеска Дзанни, единственная женщина в мире! Огонь моих чресл! Пламя моей проклятой души! Ведьма, похитившая моё сердце! Иди же ко мне!

— Да, — сладким голосом пропела Фантеска, и меня мороз по коже продрал.

Но ещё хуже стало, когда опустилась на колени, сев у ног Мастера Колоды прямо на устланный расшитым ковром пол. Пальцы правой руки словно сами собой потянулись к рукоятке кинжала, и мне стоило больших усилий сдержаться. Снова...

— А знаете ли вы, мессере, что значит её появление для всех нас? — поинтересовался Мастер Колоды у аристократов. — Вы ведь знаете, всё вы отлично понимаете, господа мои. Я ведь вижу это по вашим лицам, хоть вы и скрываете их под полумасками. Но мои глаза вам не обмануть — ваш страх написан на ваших лицах, и я вижу даже через эти чёртовы маски. Вам не спрятать его, даже явись вы в закрытых шлемах.

Он перебирал пальцами длинные, художественно растрёпанные волосы Фантески, и я сам не заметил, как мои пальцы сомкнулись-таки на рукояти кинжала.

— Вы украли её у меня, — теперь в голосе Мастера Колоды преобладал нарастающий

гнев, — спрятали так далеко, что я не знал, где искать. Всякий раз, когда я пытался выйти из-под вашего контроля, вы грозили мне её смертью. Обещали прислать её палец или ушко. Так вы говорили! Но теперь я свободен! Ты, милая, — обратился он уже к хихикающей у его ног Фантеске, — ты освободила меня от их жестокой тирании. Я обязан теперь тебе своей свободой. Ты — моя свобода!

Он нагнулся к ней и поцеловал в губы — поцелуй их длился так долго, что мне показалось, никогда не прекратится. Однако Мастер оторвался-таки от уст Фантески и кивнул мне.

— Прикончи их, мой Рыцарь, — велел он, — и тогда я сменю карту на твоей одежде. Принеси мне головы этих двух господ, — он указал длинным пальцем на замерших аристократов, — и станешь моим Королём мечей.

Я с нескрываемым удовольствием обернулся к аристократам. Старший попытался подняться на ноги, но я остановил его одним жестом. Он бухнулся грудью обратно на диван и даже отпустил рукоятку длинного кинжала, висящего на поясе. Второй и не подумал хвататься за оружие. Сейчас я отчётливо видел, как пот градом катится по его лицу — и уверен, что вовсе не из-за царящей в помещении жары.

Вскинув руку с зажатым кинжалом, я шагнул к аристократам. Те заметно сжались от ужаса, не смея даже пискнуть. Я подумал было, что можно и прирезать обоих, ничего дурного из этого не выйдет точно, вину-то я всегда могу свалить на Мастера Колоды. Однако я выбросил эту недостойную мысль из головы — как бы то ни было, а эти двое трусов виновны лишь в том, что вели дела с преступником, которого не смогли контролировать. Да и это, в общем-то, моя вина — ведь именно я вернул Фантеску.

Никто не ожидал от меня того, что я сделал в следующий миг. Кидать ножи меня обучил ещё Абеле, когда мы вместе ходили в рейды по мёртвым городам. Получалось у меня куда хуже, чем у него, но всё же кое-каких успехов мне добиться удалось. Опять же не без помощи вора я сделал из своего кинжала максимально пригодное для метания оружие. И сейчас доказал, что усилия наши не пропали втуне. Распрямивший спину чернокожий раб не успел подкинуть очередное полено в пылающий камин. Длинный клинок кинжала вошёл ему в горло почти по самую рукоять. Негр постоял пару секунд неподвижно, как будто не мог понять, что уже умер, и рухнул сначала на колени, а после ничком на пол.

— Ты что творишь?! — возопил Мастер Колоды. — Это же был лучший ковёр! Его мне из самого Крыма привезли!

И потому он постелил его у камина, где его пятнали прожжёнными вылетающими оттуда искрами мелкие дырки. Однако ничего подобного говорить Мастеру я не стал.

Вместо этого я обернулся к нему и медленно, каким-то почти театральным, подсмотренным, наверное, у Фантески движением снял маску. Я швырнул её на пол, и она с глухим стуком ударилась о ковёр у самых ног бандитского главаря. Мастер Колоды содрогнулся всем телом. Он попытался податься назад, вжаться спиной в спинку дивана.

— Ты! — закричал он громче прежнего. — Ты! Это же ты! Ты умер! Тебя не может тут быть!

— Может, — по контрасту тихим голосом произнесла всё ещё сидевшая у его ног Фантеска. — Ведь он — сам дьявол.

— Но как?! — продолжал кричать Мастер, но я видел, что паника его во многом наигранная, и правая рука бандита уже шарит где-то за спинкой в поисках пистолета, припрятанного там.

Вот только оружия за спинкой дивана не было — я знал о нём от Фантески и позаботился обо всём заранее.

— Господа, — обернулся я к замершим аристократам, видимо, до сих пор не понимающим, на каком они свете, — вам стоит покинуть этот дом. Тем более что скоро здесь будет достаточно солдат, а вам, наверное, совсем не хотелось бы беседовать с их командирами.

— Да-да, — первым пришёл в себя старший.

Он подскочил с дивана, будто ужаленный, схватил за руку всё ещё мешкавшего товарища, и вместе с ним буквально выскочил из помещения. Даже не попрощавшись. Однако я вполне понимал эту его поспешность, заставившую позабыть об элементарной вежливости.

— Ты провёл меня, — уже куда более спокойным голосом произнёс Мастер Колоды, — и не раз. Но что за черти служат тебе, раз ты такой дьявол, как говорит моя ведьма.

В его словах была известная ирония, которой сам он понимать не мог — ведь это я скорее служил дьяволу, пускай даже и в рясе, да ещё и с псом и факелом, нашитыми на груди.

— Просто люди, — пожал плечами я, — обычные, в общем-то, жители Лесной страны.

Кантон Во находился на границе графства Пьемонт и недаром назывался Лесной страной^[55] — даже по меркам кантонов он был очень уж лесист. Именно это и стало причиной гибели почти всего его населения. В нём не было крупных городов, кроме Лозанны, почти вымершей от чумы ещё в самом начале эпидемии. Большинство населения кантона селились по деревням, живущим в основном охотой и браконьерством в пьемонтских землях. И когда через него прошла Серая орда в несколько тысяч мертвецов, включившая в себя жертв чумы из Лозанны и Люцерна, ей нечего было противопоставить. От рыскавших по лесам мертвецов и заражённых тварей оказалось почти невозможно скрыться. Частокол, отлично защищавший от зверья, не помогал, и целые хутора и большие деревни оказывались уничтоженными за одну ночь.

Те же, кто думал, что сумеет скрыться в глухом лесу, обманулись в своих ожиданиях. Серая орда — не армия захватчиков, а чумные твари: умеют вынюхивать человека за десятки миль. А в одиночку или семьёй противостоять им было невозможно.

Вот и побежал народ из кантона на землю Пьемонта, куда прежде только браконьерствовать ходили. Толпа нищих и обездоленных кантонцев оказалась совершенно не к месту в недавно опустошённом Серой ордой графстве — куда их девать, графу было непонятно. Ведь работать в поле и идти в крепостную кабалу никто не желал, почитая себя людьми свободными и независимыми. И тут ему не помощь пришла инквизиция, набиравшая в те смутные дни всё большую силу.

Из уроженцев кантона Во был сформирован полк на службе Авиньонской церкви. В него вошли лучшие разведчики — бывшие охотники и браконьеры. Они служили в обмен на приличное жалование и гарантию безопасности для их семей. Со временем, конечно, в полк стали брать и жителей других государств, однако предпочтение всегда отдавали именно уроженцам Лесных кантонов.

Всё это я узнал от Скрипача, пока мы сидели на берегу Агриа Грамвусы, провожая взглядами лодку, в которой уютно устроился Мастер Колоды, по-хозяйски обнимающий Фантеску. Смотреть на них мне было до отвращения тошно, однако я как будто какое-то

извращённое удовольствие получал от этого.

— Я ведь могу сыграть ему на Виолине, — заметив моё состояние, сказал мне Скрипач.

— Не для этого мы сюда приплыли, — покачал головой я, отводя взгляд от лодки.

Я смотрел на людей в серых плащах и одежде тех же тонов, которые сейчас совершенно спокойно раздевали покойников и переодевались в их роскошные, но заношенные до дыр тряпки.

Я даже представить себе не мог, что несколько десятков человек могут прятаться на этом каменистом острове. Ведь бандиты из Колоды должны были буквально пройти по некоторым из них, и те не издали ни звука, когда их в прямом смысле попирали ногами. Однако стоило мне выстрелить в грудь Валету мечей, как Агрия Грамвуса словно ожила. Солдаты поднимались на ноги, отбрасывая отлично маскировавшие их плащи, в дело тут же пошли длинные кинжалы. Бандиты ничего не могли противопоставить профессиональным убийцам на службе инквизиции — не прошло и пяти минут, как все они были мертвы.

— Прелат Лафрамбуаз желает видеть тебя, прежде чем ты отправишься в банду, — сказал мне Скрипач. — И он весьма настойчив в этом желании.

Я кивнул на переодевающихся кантонцев.

— Ты же понимаешь, что это — невозможно, — ответил я. — Мы должны вернуться на Кандию как можно скорее — всякая задержка вызовет массу ненужных подозрений. А они мне совсем не нужны.

— Прелат будет недоволен, — покачал головой Скрипач. — Очень сильно недоволен.

Я понимал это не хуже его, но прямо сейчас было наплевать на недовольство прелата и всех сильных мира сего. Больше всего я хотел вернуть Фантеску, и сердце рвалось от мысли, что я сам отдал её в руки извергу и убийце, с которым она проведёт не один день.

И одна мысль не давала мне покоя, пока я провожал взглядом скрывающуюся за горизонтом лодку: а ради чего я это делаю? И стоит ли оно того? Однозначного ответа после сказанного Фантеской мне на ухо, у меня не было.

— С твоей бандой покончено, — напрямик заявил я Мастеру Колоды, — и сам ты скоро станешь трупом. Но я даю тебе выбор...

— Ну-ка, ну-ка, — даже подался вперёд тот, сложив руки мостиком и устроив на них острый подбородок. — Что же такого ты можешь мне пообещать? Да и кто ты, чёрт подери, вообще такой?

— Я же сказала тебе, — капризным голоском пискнула Фантеска, — это дьявол. Собственной персоной. И тебе лучше с ним не связываться.

— Заткнись! — рявкнул на неё цепным псом Мастер. — Я говорю не с тобой.

Он даже замахнулся, но я быстро шагнул вперёд и перехватил его руку.

— Не смей трогать её и пальцем, — процедил я сквозь зубы, для верности я сжал пальцы покрепче.

Конечно, я не обладал такой феноменальной силой, чтобы сломать его кости, однако с удовольствием увидел, как вытянулось из без того длинное лицо Мастера Колоды. Как он закрипел зубами от боли.

— А выбор у тебя простой, Ублюдок, — я намеренно назвал его старым прозвищем, зная, как сильно это его бесит, — либо ты выдаёшь мне одного своего клиента, которому помог спрятаться на Кандии, либо ты то же рассказываешь в камере пыток. Солдаты инквизиции сейчас уже вошли в твой дом, и скоро они будут здесь. Так что думай быстро!

— Врешь, — сузил глаза, как всегда поступал, когда видел своё преимущество, Мастер Колоды. — Не может этого быть. С чего бы им вламываться ко мне?

— Ты думаешь, что раз договорился с господином *il rosso*,^[56] то тебе и сам чёрт теперь не брат, — сказал я, — да только сейчас речь идёт о другой инквизиции. О той, что занимается еретиками и ведьмами, а равно и теми, кто им приют в своём доме даёт.

— Пускай лезут, — отмахнулся Мастер Колоды, откидываясь на диване в вольготной позе. Я отпустил его руку — глупо было и дальше сжимать его тонкое запястье в кулаке. — В мой дом не так-то просто войти. — Он снова глянул на меня сузившимся взглядом. — А выйти — тем более.

— Ты думаешь, я один сюда заявился? — развёл руками я. — За полного кретина меня принимаешь? Твоя банда сыграла против тебя. Из-за белого грима на лицах твои люди знают только ограниченное количество народа, и общаются, конечно, лишь с теми, кого знают более-менее хорошо. Никто ведь не удивился, что вернувшиеся с острова бойцы бывшего Валета мечей, вознесённого по твоей воле на место убитого Рыцаря, почти не разговаривают с другими. У тебя так заведено. Мечи ведь вообще мало болтают с другими мастями, и между собой тоже. И знаешь что, Ублюдок, — мне доставило непередаваемое удовольствие наблюдать, как перекашивает лицо Мастера, когда он слышит своё прежнее прозвище, — прямо сейчас нечистый, которого я сделал Валетом мечей — с твоего полного одобрения, ведь ты доверял мне — открыл дверь солдатам инквизиции. Те же, кто вернулся со мной с того острова, перерезали охрану. Думаю, через четверть часа ты выйдешь из этого дома в кандалах. И с самыми неприятными перспективами.

Мастер Колоды рванулся ко мне одним стремительным, плавным движением — длинные пальцы его уже готовы были сжаться на рукоятке пистолета, который я носил в ольстре на груди. Я подошёл слишком близко к нему — и теперь бандит решил воспользоваться шансом. Ольстру эту я снял с обезглавленного трупа Чернобородого, очень уж она мне понравилась. Отличный трофей. На ней я носил три пистолета, одним из которых был тот самый, взятый у убитого в дорожной стычке страдиота.

Я снова успел перехватить руку бандита и от души врезал ему коленом по лицу, услышав — опять же не без мстительного удовольствия — как затрещал от удара нос. Отпустив Мастера, я отступил на полшага и добавил ему ботинком, превращая его рожу в кровавое месиво. Бандит откинулся на спинку дивана, прижимая к лицу руки, между пальцев его текли багровые струйки.

Фантеска отползла от дивана, как будто желала спрятаться за моей спиной. Я наклонился и подал ей руку, помогая подняться на ноги.

— Знаешь что, — сказал я, даже сам толком не зная, к кому именно обращаюсь, — а ведь ты мне и не нужен. Фантеска, — кивнул я ведьме, — ты уже узнала всё, что было нужно?

— Ага, — закивала она. — Он как и прежде болтлив, особенно после постели. А мы из неё в последние дни редко вылазили.

Её слова снова заставили полыхнуть ревность внутри меня, но я немалым усилием воли подавил это чувство. Сейчас я хотел разобраться кое в чём, и для этого надо сохранить голову ясной и холодной. Насколько получится, конечно.

— Скажи мне, Фантеска, — спросил я у ведьмы, правда, глядел при этом на сжавшегося на диване бандита. Тот хоть и притворялся неопасным, потому как крепко получил по морде, однако я был уверен, он обдумывает, что бы ещё сделать, — то, что ты сказала мне на

берегу — это правда?

— Ты хочешь знать это сейчас?! — вскричал Мастер Колоды, опять подавшись вперёд всем телом.

Однако я быстро успокоил его, двинув кулаком в челюсть. Он дёрнулся было, но я крепко схватил его за воротник и трижды ударил. Гнев придавал мне сил, и после каждого удара голова бандита дёргалась, а во все стороны летели брызги крови. Возможно, я ему и пару зубов выбил. Вот только всё это снова было представлением — я почувствовал как чужие пальцы подбираются к пистолету в нагрудной ольстре. Отшвырнув Ублюдка обратно на диван, прежде чем он успел схватить оружие, я уже не оставлял его в покое. Ещё раз ударил ногой по лицу для острастки, а когда он обессиленный развалился на диване, наступил башмаком на промежность.

Вот тут он взвыл по-настоящему. Привыкший, наверное, и прежде получать по мордам, Мастер Колоды был готов к этой боли, а вот когда тестикулы оказались под чужим каблуком, запел совсем по-другому.

— Ещё раз дёрнешься, и я быстро приготовлю омлет из пары яиц, — ледяным тоном произнёс я. — Понял?

Ублюдок кивнул, видимо, ему трудновато было говорить из-за боли, да и разбитое в кровь лицо не помогает членораздельной речи.

— Вот и отлично, что мы, наконец, пришли к пониманию, — кивнул я, и обернулся к стоявшей за моим плечом Фантеске.

Повторять вопрос не пришлось. Ведьма задумчиво переводила взгляд с меня на хрипящего от боли и плюющего кровью Ублюдка.

— Да что ты можешь знать о нас? — выплюнул вместе с кровью слова Мастер Колоды. — Ты знаешь, что пока моей любви не было со мной, я убивал по пять красивых шлюх в неделю. Я резал их, кромсал их плоть, я поливал их своей...

— Избавь от подробностей, — осадил я раздухарившегося, несмотря на обстоятельства, бандита. — Ты тешил свою похоть самыми гнусными способами, не более того.

— А ты, можно подумать, святой...

Договорить я ему не дал, слегка надавив каблуком, отчего бандит захлебнулся от боли.

— Если ты и в самом деле думаешь, выбираешь между нами, не уверена в выборе, — сказал я Фантеске, — то сделай его сама и прямо сейчас.

Я вынул из ольстры тот самый украшенный кораллами пистолет с тевтонским замком. Чертовски надёжное оружие — особенно для огнестрельного, которое так и норовит подвести в самый ответственный момент. Проверив, заряжен ли он, я взвёл курок и подал пистолет Фантеске рукояткой.

— Теперь он твой, — сказал я. — И будь любезна, с его помощью выбери одного из нас.

Я убрал ногу с промежности Ублюдка и отступил на пару шагов, так что Фантеска оказалась между нами. Ведьма ещё раз посмотрела на меня, потом на Мастера Колоды, и не думающего дёргаться, несмотря на то, что отпустил его. Он тоже был заморожен происходящим — Ублюдок всегда верил в себя, в свою удачу, и, думаю, был уверен, какой выбор сделает Фантеска.

Ведьма уверенным движением подняла пистолет, прицелилась и нажала на курок.

Глава 21

Тиран умер — да здравствует...

Я смотрел на большой дом, где, по словам Фантески, укрывался Дракулести, оценивая, сумеет ли мы ворваться внутрь и быстро добраться до тирана? Ведь тот оказался под защитой инквизиции — не только местной, но имперской, — что существенно усложняло дело. Да и появления стражи с наёмниками Лафрамбуаза стоило ждать, наверное, с минуты на минуту. Времени не было, однако я продолжал стоять и смотреть на дом.

Я не просто прикидывал наши шансы, выбора-то у меня всё равно не было — идти оставалось только вперёд. Позади ждали обещанные Лафрамбуазом пытки и костёр. Я слишком разозлил всемогущего инквизитора Тосканы, чтобы теперь избежать наказания. Быть может, стоило бы прикончить его, да только как ни крути, а он спас меня в городе скорби, дал второй шанс... Но я не мог теперь отступить — я должен прикончить Мирчу Дракулести, какие бы политические расклады не ломали эти мои действия.

Фантеска тронула меня за плечо, и от её прикосновения по телу пробежала дрожь. Я невольно вспомнил наше недавнее соитие, первое после её освобождения из лап Хозяина Колоды. Каждым движением она словно мстила мне, расцарапанная спина до сих пор саднила, когда кожи касалась грубая ткань нательной рубашки. Однако более ничего ведьма не показала мне, насколько сильно зла на меня — внешне она оставалась прежней, милой, пускай и слегка безумной девицей.

— Время дорого, — произнёс Абеле, неуютно чувствующавший себя посреди улицы, пускай и ночью. Ему были милее подворотни, тупики или, в крайнем случае, крыши домов. — Начинаем?

Я кивнул ему, и он тут же буквально растворился в тенях. Я же обернулся к Гизберту.

— Можешь не сдерживаться, — сказал я ему. — Если что, я верну тебя обратно.

— Думаешь, там без этого никак? — не слишком понятно спросил он.

— Ты сам слышал прелата, — пожал плечами я, — у Дракулести внутри небольшая армия. Так что будет жарко.

— Ненавижу это, — буркнул Гизберт.

Я ничего не стал отвечать ему — да, это было чудовищно жестоко, заставляя человека почти добровольно отдаваться во власть демона ненависти, живущего в его проклятом мече. Однако Гизберт отчего-то не отказывался от своего оружия, несмотря на опасность навсегда подчиниться этому самому демону — так что выбор был в чём-то и его личным. А раз уж он решил идти со мной до конца...

Я выбросил из головы все лишние мысли и первым направился к особняку, занимаемому Дракулести. Тиран остался верен своей привычке к роскоши и мрачности. Выстроенный в готическом стиле особняк не уступал размерами палаццо Стронци во Флоренции. Фасад его украшали уродливые горгульи с черепами вместо голов, вылепленные с какой-то почти маниакальной тщательностью. Даже с довольно приличного расстояния я мог разглядеть множество мелких деталей, делавших каменных монстров непохожими друг на друга при общем сходстве.

Я первым подошёл к массивным дверям особняка, закрытым по ночному времени. Браться за тяжёлое бронзовое кольцо даже не стал — зачем терять время на пустую вежливость? Я ведь сюда не с дружеским визитом явился, да и время поджимало. Вот-вот за

спиной застучат по мостовой тяжёлые ботинки стражей и инквизиторских наёмников. Вместо этого я протянул левую руку, и подошедшая следом Фантеска тут же вложила в неё свою ладонь. Спрашивать, готова ли она, тоже смысла не имело — я уже очень хорошо чувствовал её, благодаря ли регулярным соитиям или просто потому, что она была рядом постоянно, не отходя от меня ни на шаг. Даже на встречу с Лафрамбуазом отправилась, хотя это и было для неё весьма опасно — глупо же ведьме соваться в дом инквизитора, особенно чертовски злого инквизитора.

Удар силы, заключённой во мне и освобождённой благодаря Фантеске, снёс обе тяжёлые, окованные бронзой «под старину» дверные створки. Они влетели в роскошно обставленный холл особняка, а следом вошли и мы.

Нас явно не ждали, хотя в особняке оказалось довольно оживлённо для столь позднего часа. В холле замерли поражённые нашим весьма эффектным появлением несколько слуг, почти у всех в руках были подносы. У кого с едой и вином, у кого с остатками трапезы. Несколько скучавших охранников тут же подобрались и, не говоря ни слова, ринулись на нас, расталкивая не понимающих ничего слуг.

Тратить на них силу я не стал — она ещё пригодится в самом скором времени. Вместо этого выхватил из ольстры первый пистолет и выстрелил прямо в лицо самому резвому охраннику. Он не успел уклониться и рухнул на роскошный ковёр, поливая его кровью. Ничтоже сумняшеся я отшвырнул оружие, чтобы достать новый пистолет, и тут же выстрелить во второй раз. Ещё один охранник повалился на пол — на сей раз с дырой в груди, на таком расстоянии кираса от пули не спасёт. Третьей выстрелила Фантеска — ведьме очень нравился мой подарок, однако огнестрельным оружием она владела не слишком уверенно. Мне даже пришлось зарядить её пистолет, чтобы ничего не случилось. Однако застрелить бегущего через холл охранника она сумела. Как я четвёртого, хотя и стрелял почти в упор — он едва не дотянулся до меня своей алебардой.

А после в дело пошла честная сталь. Лишь Фантеска держалась за нашими с Гизбертом спинами, не встречая в схватку. Собственно говоря, и мне там делать было нечего — всю работу взял на себя мечник. Как только я отшвырнул последний пистолет и потянул из ножен кампеадорский меч, он ринулся в атаку, и нам с ведьмой осталось только наблюдать. Лезть в драку, рискуя угодить под его чудовищный меч, мы не стали.

Рывком проскочив пару шагов, Гизберт извернулся всем телом, нанося могучий удар — жуткий меч его пролетел по широкой дуге, обрушившись на охранников. Первый попытался закрыться массивным люцернским молотом^[57] на стальной рукоятке. Он превосходил Гизберта ростом и был фунтов на двадцать тяжелей, однако это не спасло его, равно как и его оружие. С каким-то почти стеклянным звоном рукоятка переломилась, и широкий клинок гизбертова меча обрушился на здоровяка, мгновенно превратив его в труп. Охранник рухнул на пол, поливая роскошный ковёр кровью из раны на боку. Вражеский клинок легко, словно бумагу, разрубил кирасу и сокрушил рёбра.

Один из стражников попытался поднырнуть под оружие Гизберта, считая, что мечник вряд ли сможет так уж ловко обращаться с таким чудовищным мечом. И это стало его последней ошибкой. Менее массивного и крепкого воина Гизберт сумел перерубить напополам. Прежде я считал подобное лишь выдумкой — конечно, можно располовинить истекающего чернилами покойника, который и сам скоро распадётся, но вот здорового человека, да ещё и одетого в пускай кожаную, но броню, естественно, нет. Однако опровержением этого стала половина торса охранника, шлёпнувшаяся на пол, а следом за

ней упала и нижняя.

Третьего противника, слегка замешкавшегося после страшной смерти двух товарищей, Гизберт прикончил почти ювелирным движением. Оно никак не вязалось с его жутким оружием, однако сегодня мечник во второй раз опроверг мои ожидания. Заточенный до бритвенной остроты конец клинка его жуткого меча вскрыл кирасу стражника так, будто та была сделана из тонкой жести. Охранник пробежал ещё пару шагов и рухнул ничком прямо на останки располовиненного товарища.

Мы остались одни в просторном холле. Слуги разбежались, живых охранников не осталось. С улицы доносился обычный городской шум, сейчас по ночному времени приглушённый, в остальном же царила тишина.

— И куда теперь? — спросила у меня Фантеска.

Ответа на этот вопрос у меня не было, и она отлично знала об этом. Нам было известно, что Дракулести находится в этом особняке, вот только на обыск его уйдёт слишком много времени.

— Думаю, нам на второй этаж, — пожал плечами я.

Ответ очевидный — ведь на первом располагались обычно кухня, комнаты охраны и слуг. Вряд ли этот особняк так уж радикально отличается от остальных.

Мы поднялись на второй этаж. Я выглянул в широкое окно, ища на улице Абеле, однако, конечно же, не увидел его. Если вор не хочет показываться на глаза, его вряд ли кто-то сможет угледеть. Если честно, я надеялся, что именно он подскажет, где искать Дракулести. Всё же у кого у кого, у вора было куда больше опыта в обыске особняков, хотя и на предмет поиска ценностей, а не людей.

Мы миновали галерею, опоясывающую первый этаж, и вошли в коридор. Там нас уже ждал Абеле, привалившись спиной к стене. Вид вор имел на редкость скучающий.

— Долго вы что-то, — сказал он. — Пока вы внизу мешкали, я успел отыскать нашу цель. А заодно запереть большую часть личной армии Дракулести. Правда, вряд ли надолго.

— Кое-кого из этой самой армии мы внизу прикончили, — ответил я.

— Ага, — нагло кивнул вор, — видел. Влезать не стал — вы там отлично справились и без меня. Особенно с дверью. Да только в тех комнатах, где я запер охранников, их ещё с полсотни наберётся — никак не меньше. Хотя судя по тому, как Гизберт этих разделал, ему особого труда не составит с остальными разобраться.

— Веди, — оборвал разговорившегося непонятно с чего вора я, — сам же сказал, что ненадолго запер наёмников Дракулести.

— Да тут и кроме них народу хватает, — заявил вор и быстрым шагом направился вглубь коридора.

Идти пришлось недалеко, несмотря на весьма солидные размеры палатццо. Абеле остановился перед украшенными роскошной резьбой, в том же мрачном стиле, что и фасад особняка, дверями.

— Он там, — сделал вор приглашающий жест, — хотя и не один.

— Ты решил сейчас мне об этом сказать, — произнёс я ледяным тоном.

Отчего-то вспомнилось тоннель под замком Шварцвальдского вильдграфа, по которому вор вёл меня на верную гибель. Сейчас я очень пожалел о том, что не потратил какое-то время на то, чтобы собрать и перезарядить свои пистолеты. А заодно и тот, что подарил Фантеске.

— У него там приём или нечто в этом роде, — пожал плечами Абеле, явно довольный

произведённым его словами эффектом.

Надо было раньше догадаться — ведь не зря же в холле было столько прислуги с подносами.

— Глянул я туда одним глазком, — продолжил вор. — Это ж настоящий Лукуллов пир. А мы ведь с утра не евши.

— Получишь пулю и полфута стали в живот, ещё вспомнишь меня добрым словом за то, что есть запретил, — отрезал я.

Вор только руками развёл — продолжать спор, начавшийся ещё этим утром, было бессмысленно.

Я подошёл к двери, из-за которой доносился шум многих голосов и звон посуды. Похоже, пирушка там и в самом деле идёт знатная. Что ж, тем приятней мне будет её испортить.

В этот момент мной овладела та же бесшабашная лёгкость, как при последнем разговоре с прелатом Лафрамбуазом. Пускай я рискую расстаться с головой в ближайшие минуты, но это, чёрт побери, моё решение, и принимаю его я, а никто иной. Ни тот, кто отдаёт приказы напрямую, ни тот, кто дёргает за ниточки, подобно пауку, скрываясь в тени, где-то в центре своей паутины.

Я ударом ноги распахнул двери и вошёл в просторную залу. Большую часть её занимал здоровенный стол, уставленный яствами и напитками. Вокруг сидящих за ним господ в роскошных одеждах сновали слуги. А во главе устроился в скучающей позе тот, кого я в последний раз видел больше года назад. Одетый во всё чёрное, лишь воротник и манжеты рубашки выделялись кипенной белизной, тощий и бледный, Мирча Дракулести восседал во главе стола, подперев щёку ладонью согнутой в запястье левой руки. Он взирал на собравшихся на пир, устроенный им, господ с откровенным презрением и скукой. И тут я готов был с ним согласиться — ведь многие из них оказались столь увлечены ночной трапезой, что даже не обратили внимания на моё весьма эффектное появление.

Правда, большинство всё же повернули в мою сторону удивлённые лица, а слуги, все как один, замерли, уставившись на меня. Дракулести выпрямился на своём стуле с высокой спинкой — во взгляде его появился живой интерес к происходящему. Но ни капли страха или растерянности, и это меня насторожило. Вот только отступить поздно.

Рывком миновав расстояние, отделяющее дверь от стола, я вскочил на него и нарочито медленно направился к Дракулести, на ходу расшвыривая дорогие приборы и пинками отправляя в гостей кувшины с вином. Пряности, паштеты, жир от мяса и птицы — всё это пачкало мои и без того не слишком чистые башмаки. А сверху всё оказалось приправлено не то солью, не то сахарной пудрой. Я оставлял грязные следы на белой скатерти. И скажу честно, получал известное удовольствие от того вандализма, который творил.

— Мене, мене, текел, упарсин!^[58] — провозгласил я, шагая по столу.

— Что ты себе позволяешь, смерд? — разразился бранью один из гостей, с которого слетела оторопь, когда я отправил ему в лицо серебряный графин с вином.

Он схватился за рукоятку украшенного драгоценными камнями столового ножа, лежавшего перед ним. Я мельком глянул на него, и тут в голове мелькнуло узнавание. Конечно, я знал и голос, и грузноватую фигуру молодого ещё человека, и аккуратно подстриженную бородку его. Да и снова сидящего рядом господина постарше тоже опознал.

— Заткнись, — бросил я ему. — Думаешь, я не помню тебя? Ты ведь едва не обмочил свои роскошные портки, когда сидел у Мастера Колоды и обливался холодным потом от

страха. Надо было прикончить тебя и твоего любовника там. То-то веселья было бы инквизиции, когда они нашли бы ваши трупы в разгромленном логове.

Я остановился на секунду, демонстративно глянул на не изменившего позы Дракулести, и кивнул, словно самому себе.

— Хотя компанию вы себе подбираете примерно одинаковую, — заявил я и продолжил свой небыстрый марш по столу.

— Довольно, — поднялся со своего стула тиран, — это уже переходит все границы.

Я с удовольствием отметил, что он избегает встречаться со мной взглядом.

— А то что? — остановившись, спросил я, шутовским жестом разведя руки в стороны. — Ты остановишь меня? Или кто-то из этих шутов, которых ты собрал вокруг?

— Отнюдь, — покачал головой Дракулести, и вдруг крикнул удивительно громко, ведь прежде говорил почти шёпотом, правда, слышно его было очень хорошо: — Курган! Я жду!

Несколько скрытых в стенах дверей разом распахнулись и оттуда выскочили наёмники. Они представляли собой весьма пёстрое зрелище — кожаные и стальные доспехи, мечи, шпаги, сабли, топоры в руках, многие несли с собой небольшие металлические щиты. Роднили всех только шлемы с забралами в виде жутковатых морд демонов, живо напомнившие мне горгулий с фасада палаццо. Среди них выделялся здоровенный детина в не то бронзовых, не то вовсе костяных доспехах. За спиной его висела пара длинных, явно двуручных мечей, причём так, чтобы их удобно было доставать правой и левой рукой. Какой же силой должен он обладать, чтобы размахивать ими обоими сразу? Шлем его отличался от остальных — он оставлял открытым лицо, а по форме напоминал череп какого-то ящера с распахнутой пастью. Из-под клыкастой верхней челюсти на меня смотрело лицо отпетого ублюдка и убийцы, которому всё равно, кого убивать, лишь бы платили. Слегка прищуренные глаза смотрели равнодушно, словно я был куском мяса, который надо разделать, не более того.

— Прикончить всех, — велел Дракулести, выходя из-за стола. — Ты ведь хотел, чтобы кровь лилась по полу рекой.

— Да! — прохрипел предводитель наёмников.

— Но не подведи меня снова, — осадил его тиран. — Второй ошибки я не прощу.

— Никого не щадить! — хриплым голосом скомандовал своим людям Курган, и наёмники ринулись на гостей.

Лишь когда пролилась первая кровь, те сбросили оцепенение и повскакали на ноги. Но было уже поздно — дорвавшиеся до насилия и грабежа наёмники разделялись с ними быстрыми ударами мечей и топоров.

Курган же прошёл мимо, не обратив внимания на вопящих господ. Он удивительно легко для человека такой массы запрыгнул на стол передо мной и медленно вытянул из ножен один из мечей, перехватив его двумя руками. Второй у него, что же — запасной, на случай, если первый сломается.

Я отступил на полшага, поднимая меч для защиты. Сейчас я снова остро пожалел о брошенных пистолетах. Правая рука, хоть и исцелённая какой-то ведьмой, носившей карту с посохом в Колоде, всё же так и норовила прострелить болью. И сейчас, как назло, локоть и пальцы начало дёргать, словно то сводило судорогой, то отпускало. Я крепче сжал рукоять кампеадорского меча, готовясь к схватке.

О своих товарищах, оставшихся в коридоре, я позабыл совершенно. Как выяснилось, зря. Правда, вместе с Гизбертом и Фантеской — вор как обычно куда-то запропастился, но я

уверен, очень скоро наёмники в шлемах с демоническими личинами начнут падать с длинными, чёрными стрелами в щелях доспехов — в зал ворвались драгуны князя Корвино под предводительством молодого красавца в длиннополом кафтане. Все они были одеты примерно так же, под кафтанами позвякивали лёгкие кольчуги. В руках они сжимали тяжёлые сабли и пистолеты, из которых тут же принялись палить по опешившим от вторжения наёмникам.

Основной целью моего столь эффектного появления в палаццо, занимаемом Дракулести, и не менее эффектного входа в пиршественную залу, было именно скрыть их. Венгерских драгун из личного — конечно же, «чистого» — полка самого князя Корвино провёл в дом Абеле. Он не только запер охранников на первом этаже, но и открыл для княжеских солдат двери чёрного хода с обратной стороны большого дома. И вот теперь драгуны принялись с азартом рубить врагов, палить по ним из пистолетов, обрушивать им на головы жуткого вида клевцы, — в общем, делать то, для чего сюда и заявились по приказу своего сюзерена и командира.

Вот только мой противник никак не отреагировал на их появление. Курган взмахнул мечом и ринулся на меня, расшвыривая тяжёлыми башмаками остатки роскошных блюд. Для человека такой массы, да ещё и закованного в доспехи, двигался он чертовски ловко, заставляя вспомнить Гизберта. Я не рискнул парировать широкий удар его двуручника, уклонился, припав на колено, тут же рывком перекатился через плечо вперёд, молясь, чтобы на пути моём не оказалось графина или какой-нибудь тяжёлой салатницы. Обратным движением Курган попытался достать меня, но я оказался проворней — клинок его меча разминулся с моей головой буквально на волосок. Я кожей лица почувствовал движение воздуха, рассекаемого остро отточенной сталью. Вскочив на ноги, я тут же от души рубанул врага по спине. Однако тот сумел каким-то невероятным образом извернуться и отбил мой удар. Да с такой силой, что я едва со стола не улетел.

Но самое страшное, что Курган сразу же контратаковал с такой скоростью, что мне ничего не оставалось, кроме как попытаться парировать его могучий удар. Я успел перехватить кампеадорский меч обеими руками, но помогло это слабо. Запястья и предплечья буквально взорвались болью, таким сильным оказался вражеский удар.

Я отступил под натиском Кургана на полшага, даже не думая, куда именно, и нога предательски соскользнула с края стола. Пытаться сохранить равновесие я не стал — есть такое чувство, оно возникает, когда точно знаешь, что упадёшь, сколько ни дёргайся, как будто миновал некую точку, после которой сопротивление бесполезно. Вот именно так со мной и было — я рухнул со стола, больно приложившись плечом о перевёрнутый стул. Падение моё смягчил валявшийся тут же довольно упитанный покойник, одетый к тому же в набивной дублет. Я быстро скатился с него, не поднимаясь с пола, рванул в сторону. И правильно сделал — Курган обрушился на меня сверху, нанося очередной чудовищной силы удар. Клинок его меча разрубил тело неудачливого вельможи и звякнул об пол, выбив из него сноп искр.

Перекатившись через стрельнувшее болью плечо, я вскочил на ноги. Тут же пришлось уклоняться от нового стремительного выпада Кургана, на сей раз он попытался проткнуть меня. Я ушёл в сторону, рванул вперёд, сокращая дистанцию, чтобы длина меча стала скорее недостатком, чем преимуществом противника. Курган не стал отступать вместо этого он снова ударил навстречу. Клинки скрестились — боль взорвалась в моих руках. Я едва сумел удержать оружие, однако отлично понимал — следующего удара мне не парировать. А

он последовал так быстро, что уклониться я попросту не успевал.

С каким-то почти обречённым чувством внутри я вскинул кампеадорский меч для защиты. Клинки со звоном скрестились, боль в руках рванула просто запредельная, пальцы разжались сами собой и меч зазвенел по каменному полу у меня под ногами. Курган торжествующе взревел, вскидывая свой двуручник в последнем замахе. Я дёрнулся назад, пытаюсь уклониться, хотя и понимал уж, что обречён — Дракулести переиграл меня, найдя себе отличную замену Бауму. Если не прямо сейчас, то через считанные мгновения этот ублюдок прикончит меня.

Однако случиться этому было не суждено. Я отлетел в сторону, отброшенный плечом Гизберта, врезавшегося в меня. Мечник успел даже ударить навстречу Кургану, отбив его удар своим жутким оружием. Я же покатился по полу, пачкаясь в крови убитых венецианских вельмож, наёмников и драгун. Как и хотел Курган если верить Дракулести, сейчас по залу текли настоящие реки крови.

Гизберт обрушил на Кургана град ударов, однако тот отбил почти все — я видел снопы искр, разлетающихся во все стороны, когда клинки их мечей бились друг о друга. Курган всё же отступил под натиском Гизберта. Он вскочил обратно на стол, чтобы тут же прыгнуть снова и приземлиться уже по другую его сторону.

Курган ещё отступил, как будто ему теперь нужно было больше пространства, и быстрым движением сунул левую руку за спину. Не знаю уж, что он там проделал, однако результат превзошёл все ожидания. В щелях доспехов Кургана засветились каким-то болотным светом — вроде как огоньки, что заводят глупцов в трясину — куски трубок, уходящие под броню, как мне показалось, прямо в тело воина. Он выпрямился и словно даже в росте прибавил, мышцы его стремительно увеличивались в объёме. Теперь стало ясно, почему доспехи были подогнаны так — то, что казалось небрежностью, было сделано намеренно, чтобы вместить быстро растущую мускулатуру. Кости Кургана трещали так, что слышно было даже мне, хотя я находился на приличном расстоянии, а вокруг кипела схватка. Лицо командира наёмников перекосило от боли, он стиснул зубы, но издал-таки хриплый стон. Когда же эта жуткая и удивительно быстрая трансформация завершилась, Курган каким-то почти нарочито медлительным движением извлёк из-за спины второй двуручник. Теперь-то в его лапищах они не казались такими уж большими.

Гизберта изменение противника как будто ничуть не смутило. Он в два прыжка преодолел разделяющее их с Курганом расстояние и атаковал в прыжке, нанося могучий удар своим здоровенным мечом. Курган принял его широкий клинок на свои, скрестив их, однако всё же не рассчитал силы Гизберта и веса его чудовищного оружия. Даже изменённый командир наёмников не мог отразить его натиск так запросто, как хотел. Он припал на одно колено, лицо его снова перекосило от боли. Курган попытался отвести вражеский клинок в сторону, Гизберт сделал вид, что поддался на этот трюк и нанёс новый удар, прокрутившись так быстро, как никто от него не ожидал. Похоже, нарастив мышечную массу, Курган сильно проиграл в скорости реакции, и Гизберт прямо сейчас доказывал ему, как он не прав. Командир наёмников принял новый удар мечника на оба клинка — на сей раз не скрещённые, теперь он держал их параллельно, чтобы погасить как можно больше силы вражеского удара.

Чем закончилась их схватка, я узнал много позже. В этот момент ко мне подбежала Фантеска, схватила меня обеими ладонями за правую руку. Я почувствовал, что она пытается применить свои невеликие целительские способности. Легче мне стало, боль в руках почти

утихла, и я мог снова без опаски взяться за оружие.

— Где он? — спросил я у ведьмы — уточнять, кто именно, не требовалось.

— Сбежал ещё до того, как мы с драгунами ворвались, — ответила она. — Абеле ищет его.

Я поднялся на ноги — быстро оглядел залу. Сейчас она представляла собой настоящий ад. Всюду валялись трупы — знатных людей, которым не посчастливилось попасть под мечи и топоры наёмников, самих наёмников и драгун князя Корвино. Гизберт с Курганом рубились отчаянно и никто не смел приближаться к ним, чтобы не попасть ненароком под клинок. Вмешиваться в схватку таких бойцов всегда себе дороже — потому и я тоже не стал пытаться. Сейчас куда важнее найти Дракулести.

Вместе с Фантеской я почти бегом направился к тому месту во главе стола, где прежде восседал тиран. Дорогу мне заступил наёмник в шлеме с демонической личиной. Он ринулся на меня, замахиваясь топором, но ему было далеко до таких бойцов, как Курган или тот инквизитор на шканцах «Пляшущего мертвеца». Я легко уклонился от его удара, пнул в колено слишком далеко выставленной ноги и, когда тот едва не рухнул, от души рубанул по шлему. Наёмник упал-таки на пол — из вытянутой дыры в шлеме, оставленной кампеадорским мечом, обильно лилась кровь. Не знаю, прикончил ли я его, но останавливаться, чтобы добить, не стал.

Следующий враг был вооружён тяжёлой саблей. Он оказался куда ловчей того, что с топором — бил расчётливо и быстро. Я отбил пару его рубящих ударов, атаковал сам, но наткнулся на практически непробиваемую защиту. Клинки со звоном скрестились, и в следующий миг наёмник уже попытался достать меня, ударив подобно змее, стремительно рванувшейся к своей жертве. Я отбил удар, вот только это был ловкий финт, а настоящей целью его выпада была Фантеска. Обманутый чёртовым финтом я понимал, что парировать ещё один удар попросту не успею, а значит остаётся лишь атаковать. Я бросил всего себя вперёд в длинном выпаде. Такой куда удобней наносить шпагой или на худой конец палашом, однако у меня был кампеадорский меч — выбирать не приходилось. Клинок почти до середины вошёл в живот наёмника, не успевшего ни парировать мой выпад, ни уклониться от него. Кожаный доспех не спас его от остро отточенной стали.

Я выдернул меч и плечом оттолкнул умирающего врага. Если никто не прикончит его, он ещё долго будет дёргаться в конвульсиях на полу. Ранение в живот, наверное, самое страшное, что может случиться в схватке. За рывок и напряжение мышц пришлось платить новой болью. Фантеска как будто почувствовала это, снова взяла мою правую ладонь в свои. Боль не ушла совсем, однако легче стало.

— Спасибо, — шепнула мне на ухо ведьма, шагавшая всего в полушаге за мной.

Кресло с высокой спинкой, занимаемое прежде Дракулести, валялось перевёрнутым. Рядом с ним лежали несколько трупов. И понять, куда именно делся тиран, конечно, не представлялось возможным.

— И что теперь? — спросила у меня Фантеска.

— Видимо, придётся драться, — пожал плечами я, отступая к окну, чтобы хоть со спины не напали.

Сам я в схватке принимать активное участие не хотел. Руки слишком болели, и я вовсе не был уверен, что правая не подведёт меня снова в решающий момент. Поэтому решил встать спиной к стене и защищаться самому, заодно защищая и Фантеску. От ведьмы сейчас толку было немного — раз в дело пошла холодная сталь, а не колдовство.

— Окно, — неожиданно произнесла Фантеска, и чтобы наглядно продемонстрировать, что имеет в виду, толкнула свинцовую раму.

Большое окно, находившееся прямо за спиной Дракулести, когда он сидел во главе стола, легко открылось. Тиран мог быстро скрыться только таким путём — и мы с ведьмой последовали за ним. Перескочить через невысокий подоконник труда не составило. За окном оказался даже не карниз, а приличных размеров балкончик, опоясывающий здание.

Стоило нам с Фантеской выбраться наружу, как тут же на этот балкончик снизу забрался Абеле. Вор на мгновение замер, явно не ожидая увидеть нас тут, но быстро сориентировался.

— Ловко вы, — сказал он. — А я уж думал, придётся вас там искать. — Он кивнул на залу, в которой продолжался бой.

— Нашёл? — быстро спросил я у вора.

— А то, — кивнул он, явно довольный собой. — В подвал он подался — там с какими-то совсем уж приближёнными ритуал творит.

Я выругался, припоминая все непристойности, какие только слышал за несколько лет рейдерства в мёртвые города. Вот зачем тирану нужно было, чтобы кровь в зале текла рекой. Ритуал — проклятый ритуал, собирающий боль и смерть. Тот самый, что творили в объёме чумой и безумием Страсбурге еретики, которых перебил отец Мотгиз, сам в результате ставший чудовищной тварью. Порождением этой самой боли, смерти и безумия.

Что же будет, если всю силу подобного ритуала получит тиран, вроде Дракулести, мне даже не хотелось гадать. А значит, его надо остановить любой ценой.

— Веди туда, — велел я Абеле, — самой короткой дорогой!

Вор с сомнением глянул вниз, перегнувшись через ажурные перильца, огораживающие длинный балкон.

— Это вряд ли, — покачал головой он. — Навыка вам явно не хватит.

— Тогда довольно разговоров, — отрезал я, чувствуя, как внутри вскипает гнев — мы теряли время, которого у нас было слишком мало.

На сей раз вор ограничился тем, что развёл руки в жесте немого неодобрения, и быстрым шагом направился мимо нас по балкончику. Мы с Фантеской последовали за ним. Идти по фасаду пришлось недолго, мы вслед за вором нырнули в небольшое окно, которое привело нас в кладовую. На удивление, оно было открыто, равно как и дверь, ведущая из кладовой в коридор.

— Думаешь, Дракулести столь же ловок, как я, и сумел спуститься по стене? — в ответ на мой вопросительный взгляд поинтересовался вор. — Он шёл здесь, а я следовал за ним — на безопасном расстоянии. Уверен, он ничего не почуял, надо мной хорошо поработали в Колоде.

Целой мастью Колоды были посохи или трефы — маги, волшебники и заклинатели всех мастей. Они частенько бежали на Кандию, ведь инквизиция Новой Венеции занималась поиском заговорщиков против власти, и даже использовала в своих целях подобных людей. Однако куда больше попадало в различные банды, а кто посильнее, но недостаточно силён, чтобы обратить на себя внимание Высшего трибунала, редко когда оказывался не в Колоде. Всё же магия была существенным преимуществом перед конкурентами, а потому покойный Мастер Колоды предпочитал подгрести всех более-менее стоящих носителей запретного на континенте дара под себя. Кто шёл сам, а кого и насильно тащили, принуждая угрозами и физическим насилием. Ведь если на тебя работает большая часть преступных магов,

отказать тебе на редкость сложно.

Одна из ведьм, отлично сведущих в целительстве, хорошо поработала над моей рукой, и она теперь была почти как новая. Другие же волшебники использовали свои дары для того, чтобы скрывать людей от магической слежки. Весьма полезное дело, и вот к ним-то вор и подался сразу же, как с моей помощью занял место Валета мечей. Вот только, как ни крути, а всем этим колдунам с ведьмами было очень далеко до тирана, особенно такого могучего, как Дракулести. Так что самоуверенность Абеле мне казалась, как минимум, странной. Быть может, он снова пытается завести меня в ловушку? Да, я избавил его от рабства тирана, но было ли оно таким уж вынужденным? Как ни крути, а именно я прострелил вору колено и не без моего деятельного участия он отправился гнить заживо в Тюрьме Свободы, подвешенный в клетке на чудовищной высоте. Любить ему меня особо не за что, тут уж не поспоришь.

Я по-новому взглянул на вора, спешащего по коридору к винтовой лестнице, уводящей вниз. Скорее всего, в тот самый подвал, где вершил свой ритуал Дракулести. Или же в ловушку, в которой меня ждёт кто-нибудь пострашнее Кургана. Ну что ж, остаётся довериться вору — ведь не он предал меня в прошлый раз, и постараться быть готовым если не ко всему, то хотя бы к худшему.

Спуск занял несколько больше времени, нежели я рассчитывал. Мы почти бежали по ступенькам, наворачивая круг за кругом, словно вбуриваясь в самые недра земные. Подозрения мои разгорелись с новой силой — как вор сумел быстро выбраться отсюда на фасад палаццо?

— Скоро уже будем проходить мимо шахты лифта, — объяснил Абеле скучающим тоном. — По нему вниз еду доставляли, наверное, а может трупы вывозили, точно не знаю. Я по ней вскарабкался на кухню, а оттуда выбрался на фасад и до балкона добрался.

Складно у него всё выходило — даже слишком складно. Подозрения мои на его счёт росли с каждым шагом, что приближал нас к Дракулести. Хотя, что это меняло, по большому-то счёту? Лишь добавляло ещё одну угрозу, тем более, угрозу вполне знакомую, с которой я уже однажды справился. Значит, если придётся, справлюсь и теперь.

Проходя мимо шахты небольшого лифта, по которой и в самом деле такой ловкач, как Абеле, запросто мог вскарабкаться наверх, вор не преминул ткнуть в неё пальцем. Я лишь кивнул в ответ, показывая, что принимаю его объяснения. Подозрения мои не уменьшились, конечно же, ни на йоту.

Наконец, мы оказались перед массивными дверьми чёрного дерева. Их покрывали знакомые узоры, сливающиеся в символы смерти. Черепа, кости, целые скелеты людей и животных, — все они как будто сплелись в чудовищной пародии на Totentanz, каким его любят рисовать к месту и не к месту в последние годы. Из-за чумы смерть стала близка нам как никогда, а потому многие начали словно даже поклоняться ей, представляя благословенной госпожой, дарующей избавление от мук и кошмаров мира.

— Дальше мне не пройти, — заявил вор. — Как видишь, ни замка, ни даже замочной скважины нет.

— А за ручки не дёргал? — спросил у него я. — Может, там и не заперто вовсе.

— Шутишь, — глянул на меня вор с сомнением. — Раньше у тебя тяги к такому юмору не было. Я ведь тоже тиран, хоть и невеликой силы, но её довольно, чтобы понять, что охраняет дверь. И что будет с тем, кто станет по глупости дёргать за эти ручки.

Тут он был прав, стоило мне только коснуться плеча Фантески — всё время братья за

руки, словно влюблённая парочка, не слишком удобно, — как вокруг чёрного дерева двери начинали танцевать покрывающие его узоры. Теперь это был самый настоящий Totentanz, и он сулил жуткую смерть всякому, кто по неосторожности или глупости попытается коснуться её. Дракулести, если он был по ту сторону, отлично позаботился о том, чтобы ему не мешали.

Ну что же, снова моё появление будет более чем эффектным.

Я сжал пальцы на плече Фантески, и та освободила силу, заключённую в моём теле и моей душе. Словно гигантский молот обрушился на двери, разметав сначала пляшущие кости, а после отправив обе тяжёлые створки в полёт. Пролетели те, правда, немного, с жутким грохотом упав на каменный пол древнего склепа.

Взгляды собравшихся внутри людей тут же обратились в нашу сторону. Лиц их было не разглядеть под одинаковыми белыми клювастыми масками, а длинные, чёрные мантии из тяжёлого бархата делали их похожими, словно братья. Казалось, все два десятка собравшихся в древнем склепе человек были даже одного роста.

В дальней стороне гробницы замер обнажённый по пояс Дракулести. Теперь его никак нельзя было назвать человеком. Бледная кожа и чёрные вены по всему телу выдавали в нём нечистого, однако стоило лишь глянуть на лицо, как сразу становилось ясно — человеком он не был уже очень давно. Провалившийся нос, натянувшаяся на скулах кожа, мертвенная белизна кожи — всё просто кричало об истинной природе Дракулести.

Неужели, и я выгляжу подобным образом? Хотя вряд ли, люди от меня вроде на улицах не шарахаются.

— Ты опоздал, — произнёс Дракулести. — Ритуал завершён и вся сила теперь моя. Ничто больше не совладает со мной. Твоё проклятие более не может причинить мне вреда.

— Лжёшь, — ответил я, шагая мимо замерших, как будто не в силах пошевелиться, людей, — они ведь ещё живы. — Я махнул рукой на его гостей в чёрных мантиях и клювастых масках. — А значит, полной силы в тебе ещё нет.

Я не снимал руки с плеча Фантески, и ведьма всё время шла рядом, готовая, как только сожму пальцы, высвободить всю силу, какая только осталась во мне. Вор держался позади нас, но теперь это уже не имело значения. На ловушку этот склеп походил менее всего, а значит, больше нет причин подозревать Абеле в предательстве. По крайней мере, на Дракулести он точно не работает.

— Это ненадолго, — ухмылка тирана сейчас больше всего напоминала оскал черепа.

Сбросившие оцепенение гости поняли, какая участь уготована им, и ринулись к выходу. Но вот это, и в самом деле, было уже слишком поздно — для них.

Дракулести опустил руки в стоящий перед ним саркофаг. Оказалось, что тот почти до краёв заполнен кровью. Той ли, что пролилась наверху, или ещё чьей-то, не важно. Тиран вскинул руки, которые теперь были по локоть в крови в прямом смысле, и выкрикнул короткую фразу на незнакомом мне языке. От слов его заломило зубы и кости, хотя основная сила удара пришлась на рванувших к выходу гостей. Те оказались на редкость бестолковы, поддались панике, путались в длинных одеждах, а главное, ни один не снял маски. Видимо, смерти, какой бы она ни была, эти господа боялись меньше, нежели разоблачения.

И смерть настигла их. Дракулести сжал пальцы обеих рук в кулаки — и два десятка человек замертво повалились на мраморный пол. От их тел к саркофагу потекли струйки крови.

— Последние капли, — усмехнулся улыбкой черепа тиран, — и Грааль скверны будет

полон.

— Пора, Фантеска, — шепнул я так тихо, что слышала меня лишь ведьма.

Она быстро вдохнула, не столько собираясь с силами, сколько набираясь решимости для того же безумного трюка, что провернула на вилле, занятой князем Корвино. Да, расстояние было куда меньше, вот только отголосок цыганской магии в моём сознании был намного тише, нежели после непосредственного контакта с разумом Гитаны. И зависело сейчас от него куда больше.

— Стреляй, Абеле! — крикнул я, и вместе с Фантеской шагнул в пустоту.

Мы вышли прямо за спиной у Дракулести. За те доли мгновения, что понадобились нам с Фантеской, чтобы пересечь расстояние до тирана, Абеле умудрился выпустить в него две стрелы. Первая вонзилась в горло Дракулести, вторая пробила грудь — слева, там, где сердце. Ни одна из стрел, конечно, не убила тирана, однако цели своей они всё же достигли. Отвлекли его — пускай и всего на пару секунд, но мне-то больше и не надо.

— Жалкий раб! — хриплым из-за пробитого горла голосом выкрикнул Дракулести. — Как смеешь ты...

Я даже не знаю, к кому именно он обращался. Да и плевать! Сейчас время действовать, а не думать. Абеле сыграл свою роль — и то, что он всё же не предатель, отчасти порадовало меня. Не люблю ошибаться в людях, как это произошло с Агирре.

Не отпуская плеча Фантески, я схватил тирана правой рукой и развернул лицом к себе. Дракулести инстинктивно попытался опустить глаза. Он отлично знал, что будет, если он встретится взглядом со мной. Ночь нисхождения скорби отлично помнили мы оба.

Я попытался вздёрнуть его подбородок приёмом старым, известным ещё по уличным дракам. Обыкновенно после него шёл быстрый удар в горло, превращающий тонкие косточки и кадык в месиво, почти всегда смертельный. Однако Дракулести и не думал бросать сопротивление. Он легко отбил мою руку в сторону движением плавным и быстрым, какого я от него, надо сказать, даже не ожидал. Вторым он толкнул меня в грудь, и я отлетел на пару шагов, врезавшись спиной в стену склепа. Фантеска покатилась по каменному полу рядом со мной. Удар тирана оказался столь силён, что ведьма не сумела удержаться на ногах.

— Жалкий раб, — повторил Дракулести уже тише, — твоя сила более ничто перед моей. Ты не можешь причинить мне вреда.

Он выдернул стрелы из своего тела и сломал их древки, прежде чем кинуть под ноги.

— Я завершил обращение, — продолжил он. — Теперь я сильнейший тиран из тех, что явлены миру чумой. Все склонятся передо мной. Я ниспровергну жалкие церкви и стану новым богом. — Он вскинул руки в торжествующем жесте. — Богом чумы!

И тут новая стрела вонзилась ему в основание черепа. По телу тирана пробежала судорога, как будто все мышцы разом сократились и расслабились. Абеле выстрелил ещё трижды — и все три стрелы вошли в позвоночник Дракулести, заставляя тело тирана содрогаться в новых конвульсиях. Это не могло убить его — он и вправду был уже слишком силён. Но вор дал мне шанс, и я должен был им воспользоваться. Потому что второго уже не будет.

Одного мгновения хватило мне, чтобы кинуть взгляд на Фантеску. Ведьма лежала без сознания, оглушённая ударом Дракулести. Большая часть его силы досталась мне, её задело лишь краем, но и этого хватило, чтобы отправить её в забвенье. Значит, придётся полагаться только на себя. Что ж, не впервой.

Я вскочил с пола и бросился на Дракулесту. Ещё не до конца оправившийся тиран не сумел защитить себя. Я схватил его за пояс и швырнул прямо в саркофаг, до краёв наполненный кровью. Как только руки мои, крепко держащие тирана, погрузились в него, я ощутил всю силу, сокрытую в этой крови. Всё же не зря кровь считают важнейшим алхимическим ингредиентом, более того, многие учёные всерьёз утверждают, что легендарный философский камень получается именно из человеческой крови. В саркофаге же её было очень много, а кроме того кровь, собранная в нём, несла в себе боль, ненависть, страх. Эмоции тех, кто сражается сейчас в большой обеденной зале, и тех приближённых тирана, кого он прикончил считанные минуты назад. Всё это добавляло сил, превращая древний саркофаг в некий мистический тигель, в котором всё сплавляется воедино, давая на выходе чистую, ни с чем не сравнимую силу.

Ту силу, которую я мог отравить своим проклятием. Проказой, живущей в моей крови, гнилостно-зелёной магией крысолюдов, вошедшей в моё тело и мою душу после схватки на заброшенном руднике. И спустил их с поводка, будто бойцовых псов, жаждущих вцепиться в сладкую, вожделенную добычу, разорвать её длинными клыками, сокрушить её кости могучими челюстями. Кровь в саркофаге стремительно темнела, а после начала густеть и свёртываться, очень скоро потеряв всю свою силу, став самой обычной кровью, а не той насыщенной силой и эмоциями субстанцией, которой была считанные мгновения назад.

Всё ещё содрогавшийся в конвульсиях Дракулесту замер, каблуки его роскошных чёрных башмаков с серебряными пряжками стукнули по каменному полу склепа. Я отпустил его, не без труда освобождая руки из саркофага, полного теперь свернувшейся крови. Отступил на полшага.

— Всё? — спросил у меня Абеле с надеждой в голосе, столь не свойственной его циничному характеру. — Всё кончилось?

Я хотел было сказать ему, что — да, всё завершилось, тиран мёртв, мы победили...

Но тут меня накрыло обратной волной. Поражённая моими проклятиями сила никуда не делась из саркофага, более не сдерживаемая тираном, она ударила по мне. Да так, что я снова отлетел к стене и завис почти в полуфуте от пола. Меня затрясло в жутких судорогах, тело содрогалось. Клейма на правой руке и на груди вспыхнули с новой силой, хотя Фантеска уверяла меня, что сумела убрать последствия их нанесения на моё тело. Шрамы от раскалённого железа побелели и были едва видны на коже. Теперь же они разгорелись с новой силой, но лишь для того, чтобы погаснуть, уже навсегда, через считанные доли мгновения, наполненные для меня запредельной болью. В душу мою вливалась отравленная мною же сила. Чума и проказа наполняли меня, и Фантеска не могла послужить для неё проводником, как обещала. Ничто не смягчало адской боли, с которыми тело и душа мои принимали эту чудовищную, чуждую человеку силу.

Я рухнул на каменный пол склепа, совершенно обессиленный, хотя внутри меня клочкотала такая мощь, что казалось, я могу усилием воли погасить солнце или сорвать луну с неба.

— Рейнар, — позвал меня Абеле, не решающийся приблизиться ко мне. — Рейнар, ты жив там?

Я поднялся на ноги, держась за стенку, несмотря на всю переполняющую меня силу, встать уже было почти подвигом.

— Теперь-то уже всё? — продолжал допытываться вор, державшийся по-прежнему на расстоянии, и с наложенной на тетиву лука стрелой.

Но сейчас он волновал меня меньше всего. Даже мёртвый тиран, до половины погрузившийся в саркофаг со свернувшейся кровью, не волновал меня. Я шагнул к не пришедшей ещё в себя Фантеске и привычным жестом опустил руку ей на плечо.

Новая Венеция мне совсем не понравилась. Конечно, я не думал, что островная республика станет точной копией того города каналов, каким была Венеция старая, просто он воплощал всё самое скверное, что может быть в городах. Всё то, что я терпеть не могу. Защищённая карантинной службой от проникновения чумы, по крайней мере, так считали власти города, Новая Венеция была лишена привычной чистоты и опрятности, что царили в городах на континенте. Дефицит же пригодной для заселения земли привёл к росту цен на неё, а как результат — скученность, узкие улочки и помои, выплёскиваемые из окон. Кажется, в Новой Венеции это было чем-то вроде традиции. Хозяева домов высывались из окон и опорожняли ночные горшки и помойные вёдра с самого утра. Давно уже ничего подобного мне не приходилось видеть, даже в таком грязном городе, как Фрейбург. Как ни крути, а в Шварцвальде, особенно во времена правления вильдграфа Гильдерика, чумы боялись очень сильно.

Я шагал по улицам Новой Венеции, а за спиной моей всходило солнце. Чудовищная ночь подходила к концу, и мне оставалось завершить последнее дело, прежде чем я покину этот город. Очень хотелось в последний раз поговорить с прелатом Лафрамбуазом.

Не скажу, что покину Новую Венецию с чистой душой и лёгким сердцем, однако оставаться тут я уж точно не намерен.

Прелат занимал небольшой особняк — один из принадлежащих Высшему Трибуналу домов. Из тех, что обыкновенно пользуются дурной репутацией, ведь перед ними, а куда чаще позади, останавливаются чёрные кареты. А тех, кто попадает в подобные дома, редко когда видят потом.

Мрачной архитектурой и жутковатыми украшениями на фасаде этот особняк неприятно напомнил мне палаццо, занимаемое Дракулести. Вот только перед его крепкими дверьми уже строились солдаты. Точнее, они уже были выстроены и готовы к схватке. Командовал ими знакомый мне инквизитор в красном плаще, а рядом с ним отирался Скрипач. Свою ненаглядную Виолину арбалетчик нацелил на меня.

Вообще, силу против меня собрали весьма впечатляющую. Десяток мечников в доспехах, открытых шлемах и при щитах — красных, с золотым венецианским львом в центре. За их спинами стояли мушкетёры с дымящимися в опасной близости от пороховых полок фитилями. На флангах же замерли в привычной неподвижности солдаты из кантона Во — в серых плащах, в которых удобно прятаться даже в городе, и с небольшими, но мощными арбалетами в руках. Я отлично помнил по короткой схватке на Агриа Грамвусе, на что способно это кажущееся игрушечным оружие. Металлические болты небольшого размера легко пробивали человека, а их зазубренные наконечники извлечь из тела было довольно сложно. Самим солдатам приходилось аккуратно вырезать их, и выглядело это весьма кроваво и неприятно.

— Серьёзно прелат подготовился к встрече, — сказал я. — Только я бы не советовал вам нападать на меня.

— Это почему? — нагло поинтересовался инквизитор в красном плаще.

Я отлично чувствовал силу его веры, даже находясь на приличном расстоянии, однако она никак не могла повредить мне прежде. Не могла остановить и сейчас. Даже самая крепкая и могучая вера ничего не может противопоставить чуме. Разве что вера и сила

святого — вот только где найти святых в наши времена?

— Я всё равно войду в этот дом, — честно ответил я, — и вы не сумеете остановить меня.

Вместо того, чтобы пререкаться со мной, инквизитор в красном плаще взмахнул рукой, отдавая приказ мушкетёрам. Десять фитилей как один упали на полки, поджигая порох, десять мушкетов рывкнули почти в унисон, окутав отряд облаком дыма. Даже до меня донеслась вонь пороховой гари. Следом выстрелили и наёмники из Во, а громче всех металлически лязгнула Виолина Скрипача.

Я не стал останавливать пули и болты в воздухе, позволив им ударить в моё тело. Меня передёрнуло, но не от боли, а от чуждости предметов, но уже через мгновение силы, клокотавшие внутри меня, превратили сталь и дерево в ржавчину и пыль. И те ссыпались с моего тела под ноги. Я же, не особенно торопясь, как и до того, шагнул к особняку.

Солдаты сомкнули щиты, выставили перед собой длинные мечи, готовясь к неизбежной рукопашной схватке. Однако я драться не хотел, и убивать никого не хотел. Довольно с меня смертей на сегодня. Чтобы показать бессмысленность их действий, я, подойдя вплотную к их строю, схватил голый ладонью первый же попавшийся клинок. Солдат оказался достаточно опытен и тут же рванул оружие на себя, не давая поймать его. Вот только в руках у него остался жалкий обломок — там, где клинка коснулись мои пальцы, он порыжел от ржавчины и рассыпался тонкой, как мука, пылью.

Я же схватил опешившего от такого солдата за открытое лицо, и жизнь мгновенно покинула его. В одно мгновение он постарел, кожа ссохлась, волосы побелели и выпали, глаза запали, зубы посыпались из отвисшей челюсти. Не прошло и секунды, как он обратился в прах внутри своих доспехов. Я оттолкнул оседающее тело и шагнул через не такой уже плотный строй солдат. Они невольно расступились, давая мне дорогу, впечатлённые страшной смертью товарища.

Мушкетёры вполне разумно поступили так же, не став даже браться за корды, что висели у каждого на поясе. Я кивнул им и прошёл к двери.

— Жалкие трусы! — выкрикнул инквизитор в красном плаще. — Всем вам гореть в геенне огненной за малодушие!

Он заступил мне дорогу, вскинув меч в классической фехтовальной стойке. Прямо как на шканцах «Пляшущего мертвеца» — вот только с тех пор многое изменилось. Это отлично понимал и инквизитор. Вместо того чтобы атаковать меня бесполезной сталью, он выкрикнул несколько слов на высокой латыни — примерно теми же, если судить на слух, Лафрамбуаз припечатал Гитану. Кончик клинка инквизиторского меча тем временем крестил воздух между нами. Кресты, начерченные им, и не думали пропадать, оставаясь висеть, горя нестерпимо ярко.

Сила его слов ударила по мне, заставив скривиться от рванувшей все внутренности боли. Вот только продлилось это не дольше тех мгновений, что звучали слова. Я шагнул вперёд, прямо на повисшие в воздухе крестики. Они обожгли меня, заставив вспомнить боль от раскалённого железа, клеймившего мои плоть и душу.

Инквизитор в красном плаще отскочил назад, едва не упершись спиной в дверь особняка.

— Я не отступлю перед тобой, богомерзкое отродье! — воскликнул он с силой, достойной лучших паладинов гвардии теократа.

— Значит, ты умрёшь, — равнодушно ответил я, преодолевая разделяющее нас

расстояние за пару шагов.

Тяжёлый арбалетный болт врезался мне в бок. Я отлично знал, что стреляет такими лишь Виолина Скрипача. Болт вошёл в моё тело до половины, оперение осталось торчать наружу. Силам почти и разложения, заключённым во мне, понадобилось больше времени, чтобы уничтожить его. Это дало инквизитору в красном плаще шанс на новую атаку — и он его не упустил.

Он выкрикнул ещё несколько фраз на высокой латыни, от которых у меня заныли зубы, а все силы внутри заклокотали, словно в адском тигле. В ответ на его слова клинок меча в руке инквизитора вспыхнул золотым светом, отлично знакомым мне. Именно таким горел кампеадорский клинок, когда встречался с плотью поражённых чумой тварей. Стремительным выпадом, на который я не успел отреагировать, он вонзил мне полфута горячей золотом стали прямо в грудь, а после навалился всем весом, вгоняя оружие глубже в рану.

Я задохнулся от боли и того непередаваемого словами чувства внутреннего хаоса, что воцарился во мне. Инквизитор продолжал читать молитву и в голосе его слышались торжествующие нотки. Я упал на колени, руки безвольно повисли вдоль тела, будь у меня оружие — сейчас оно выпало бы из обессиленных пальцев. Инквизитор же навалился сверху, вгоняя оружие всё глубже, когда конец клинка не вышел из спины. Он прервал молитву лишь на мгновение, чтобы перевести дух и набрать воздуха в лёгкие, а после продолжить убивающее меня чтение. Но этого мгновения хватило той силе, что жила в моих теле и душе.

Прежде словно свёрнутая тугим жгутом, она хлестнула по всем, кто стоял рядом со мной. Не успевшим отойти далеко солдатам и мушкетёрам с латунными львами на кирасах, по наёмникам из Во, большинство из которых предпочитали держать дистанцию, но самых неосторожных всё же зацепило краем. Все, кого коснулась моя сила, рухнули на мостовую иссохшими скелетами — из них будто в единый миг выпили всю жизнь, заставив состариться, умереть и рассыпаться прахом. Железо кирас и шлемов, боевая сталь мушкетов и мечей, дерево красных щитов, украшенных золотым венецианским львом, и даже одежда — всё это посыпалось на камни мостовой вместе с костями, высохшей, пергаментной кожей и обрывками больше похожих на паутину волос.

Их смерть дала воспрянуть тем силам, что бурлили и клокотали внутри меня, и они превозмогли веру инквизитора в красном плаще. В один миг погасло золотое сияние инквизиторского клинка, а ещё через миг он рассыпался ржавчиной. Я поднялся на ноги и схватил инквизитора за плечо. Тот попытался снова начать читать молитву, но было поздно, я уже понял, какими именно словами он пытается уничтожить меня, изгнать, словно я демон — порождение Преисподней. Я читал их ещё в Пассиньяно, и чеканные строки остались в моей памяти.

— *Christus vivit*, — закрыв глаза, говорил нараспев инквизитор в красном плаще. — *Christus regnat. Christus ab omni male te defendat. Maledicti et Excommunicati daemonis...*

— *Invirtute istorum factorum Dei nominum*, — продолжил я читать вместе с ним, и наши голоса слились в один, когда мы начали скандировать запретные имена: — *Mesias, Emmanuel, Sohter, Sabahot, Agios, Inchiros, Athanatos, Jehova, Adonai.*

Могучие силы, которых я представить себе не мог, начали сплетаться между нами. Золотой свет веры, серость и порча чумы, зелень и разложение крысолюдской магии, гнилостная желчь проказы, и, конечно же, алая от ненависти кровь. Кажется, мостовая содрогалась в конвульсиях под нашими ногами. Задребезжали доспехи и кости умерших

только что солдат и наёмников из Во. На головы нам посыпалась каменная крошка с фасада особняка.

А мы продолжали читать нараспев, пробуждая всё новые и новые потоки немислимой силы.

— *Ubi fuerint haec nomina, et digna Dei,* — уже почти кричали мы друг другу в лицо, но за вихрями потусторонней силы слышали уже только себя. — *Praecipimus vobis atque ligamus vos ut non habeatis. Utus potestatem per pestem nec per aliquod. Quodeumque maleficium nocere ei. Incantationem neque. In anima nec in corpore.* ^[59]

Нас раскидало в разные стороны. Я покатился по мостовой, прямо по доспехам, оружию и одежде солдат и мушкетёров, и так и остался лежать среди них, окружённый облаками поднявшегося праха. Инквизитора же впечатало в массивные двери особняка — и он медленно сполз по ним. Не то мёртвый, не то потерявший сознание.

Я же довольно быстро пришёл в себя, как ни странно. Перед глазами перестало всё расплываться и вращаться в бешеном водовороте. Не прошло и минуты, как я уже нашёл в себе силы подняться на ноги и заковылять — иначе не скажешь — к дверям. Инквизитор ещё не пришёл в себя и я попросту оттолкнул его с дороги носком башмака. Он осел на мостовую и не шевелился, похоже, всё-таки не смог пережить колоссального напора потусторонних сил, который мы взбудоражили своими словами и своим противостоянием.

Я уже положил ладонь на мгновенно побуревшую ручку, когда в дверь в считанных дюймах от меня вонзился арбалетный болт. Тяжко вздохнув, я обернулся и увидел Скрипача. Стрелок с несколькими уцелевшими наёмниками из Во стоял на приличном расстоянии от меня. Оружие все, конечно, держали наизготовку.

— Убирайтесь прочь, — отмахнулся я, чувствуя, как снова начинает закипать гнев. — Никому не остановить меня.

В ответ в меня полетели арбалетные болты. Движением руки я обратил их в прах, прежде чем они преодолели половину разделявшего нас расстояния. Я ещё раз взмахнул рукой, направляя свою силу, которой ещё не умел как следует распоряжаться, в наёмников из Во. Они одновременно взорвались ошмётками плоти и фонтанами крови, забрызгав оставшегося невредимым Скрипача с ног до головы.

— Это пусть будет тебе уроком, Скрипач, — сказал я, прежде чем отвернуться обратно к особняку. — Их смерть на твоей совести.

Арбалетчик опустил своё грозное оружие.

Я отворил дверь особняка — бронзовая ручка почернела, и когда я отпустил её, стала выглядеть так, будто сделана лет сто назад. Я шагнул через просторный холл особняка, и сила моя вилась вокруг меня, сплетаясь в узкие ленты отвратительных цветов, видимые даже простым людям. Правда, смотреть на них было некому. Все слуги, если они были в доме, попрятались по углам или попросту разбежались. Я поднялся по лестнице на второй этаж, где находился кабинет прелата Лафрамбуаза. Уверен, он ждёт меня, несмотря ни на что, хотя имел возможность покинуть город, да и остров тоже. Однако я был полностью уверен, что он дожждётся меня, а заодно и в том, что вся торжественная встреча у дверей особняка была самодеятельностью инквизитора в красном плаще и Скрипача.

Подниматься по ступенькам пришлось быстро — под моими ногами, хотя те и были обуты в башмаки, дерево стремительно рассыхалось и распадалось, как будто теряя последние крохи той жизни, что держала его волокна вместе. Я прошагал по галерее второго этажа, портя отличный ковёр, на котором оставлял чёрные, будто выжженные пятна, и без

стука вошёл в кабинет прелата. Лафрамбуаз сидел за столом, на котором в этот раз не было ни одной бумажки. Перед инквизитором стояла простая деревянная чаша, полная до краёв. На первый взгляд, в ней была просто вода, но я отчего-то сомневался в этом.

— Зачем ты пришёл ко мне, дьявол? — спросил Лафрамбуаз. — Решил искушать меня? Или поглумиться надо мной?

Мои губы против воли скривились в сардонической улыбке.

— То же самое, если помнишь, — объяснил я, — сказала, увидев меня, Гитана. А ещё раньше, Абеле. Видимо, всем кажется, что я столь неприятный человек, который готов на всё, лишь бы поглумиться над поверженным...

Я не нашёл подходящего слова. Они не были моими врагами, я не желал никому из них ничего дурного. Просто они оказались не на той стороне, а в случае с Лафрамбуазом уже скорее я сменил сторону. Но лишних слов и не понадобилось. Инквизитор улыбнулся мне в ответ.

— Бесславный конец, — произнёс он. — *Conium maculatum* в чаше с родниковой водой. Всё же мне кажется, это лучше цикуты, как считаешь? У неё не слишком привлекательные симптомы отравления.^[60]

Я лишь пожал плечами в ответ — не имею ни малейшего представления, что он имеет в виду, а потому большая часть мрачной иронии прелата миновала меня.

— Я пришёл за мечом, который забыл в палаццо Дракулести, — сказал я, переходя к делу. — Отдай его мне, и делай что хочешь. Но знай, твой приятель в красном плаще мёртв.

— Он вовсе не мой приятель, — отмахнулся Лафрамбуаз. — Это излишне рьяный служитель из Высшего Трибунала. Как легко догадаться по цвету его плаща, служил он господину *il rosso*. Они ведь тоже пытались защитить Дракулести.

— Сколько же защитников оказалось у этого тирана, — покачал головой я. — А ведь я думал, что он отвратительное порождение чумы, с которым надо покончить раз и навсегда.

— Не надо повторяться, — махнул рукой прелат. — Мы уже обсуждали это.

Да уж, обсуждение вышло что надо. Я ведь уже был в этом кабинете — сразу после уничтожения бандитов на Агриа Грамвусе. Прежде чем отправиться в Колоду, я был вынужден посетить этот особняк. Скрипач попросту отказался отпускать меня, приказ прелата для него был законом. Впрочем, закончилась наша встреча так, что Лафрамбуаз, наверное, не раз пожалел о своём более чем настойчивом приглашении.

Я был мрачен и совсем не настроен разговаривать. В голове колотилась лишь одна мысль: «Время уходит»; а вместе со временем истощаются и мои шансы нормально внедриться в Колоду. И слова прелата, сказанные им вместо приветствия, вовсе не добавили мне хорошего настроения.

— Ты сегодня же возвращаешься в Лукку, — заявил он. — Мне это тоже не по душе, но послание из Авиньона настигло меня уже в пути, и отказать я не имею права.

— Что за послание? — опешил я от таких слов. — Что стряслось?

— Дракулести велено не убивать, — судя по тону, каким были сказаны эти слова, инквизитора это тоже не привело в восторг. — Он теперь стал отменным объектом для шантажа. На самом высоком уровне.

— Это как же?

Я ничего не понимал, и от сказанного Лафрамбуазом яснее не становилось.

— Слушай, и не перебивай меня, Рейнар, — отрезал он. — Мне всё это тоже совсем не

по душе, но я вынужден подчиняться, а значит, подчинишься и ты, ясно?

— И весь наш хитрый план насмарку, — протянул я. — Мы обвели вокруг пальца князя Корвино со всем этим ложным арестом Скрипача и Гизберта. Даже дали Абеле сбежать, чтобы картина была достоверней. Я оказался вроде как сам по себе, и князь должен был оставить меня в покое, прекратить следить за мной. Ведь кто я такой без поддержки инквизиции? Всего лишь рейдер-неудачник, чья команда попала в рабство к Дракулести. Опасности для планов князя я не представлял и палок в колёса ему вставить тоже не мог. Для отвода глаз за мной даже погоню послали, весьма достоверно, кстати, вышло.

— Теперь всё это уже не имеет значения, — отмахнулся Лафрамбуаз. — Я получил прямые и недвусмысленные инструкции. Ты возвращаешься в Лукку, и будешь ждать — сколько и чего именно, даже я пока не знаю. Гизберт и Скрипач — возвращаются вместе с тобой.

— А Фантеска? — спросил я, очень надеюсь, что не слишком быстро.

— От этой ведьмы одни проблемы. Она, кажется, только и способна лишь на то, чтобы их порождать. Её заперли в монастыре, чтобы контролировать ту тварь, что зовёт себя Мастером Колоды. Нескольким аристократическим семьям Новой Венеции, видите ли, показалась замечательной идея иметь карманного безумца в качестве лидера крупной преступной организации. Вот они и передали после суда ведьму нам. Думаешь, почему за ней я отправил своих доверенных людей, а не тебя — вовсе не только потому, что хотел всё решить как можно скорее.

— Мне бы ведьму не отдали, — кивнул я, — несмотря на все серебряные кольца и какие угодно письма. Нужно было ваше присутствие, чтобы забрать её.

— Верно, — кивнул Лафрамбуаз. — Она вообще не должна была оказаться среди возможных кандидатов в твой отряд. Попала туда лишь потому, что Фюрстенберг слишком ненавидит венецианскую инквизицию, считая её представителей предателями нашего дела. Он по собственной воле добавил эту твою ведьму в общий список.

Что ж, теперь я знал, кого стоит благодарить за знакомство с Фантеской.

— Но откуда у Дракулести появились заступники в самом Авиньоне? — спросил я, лишь бы потянуть время.

— Политика, — выплюнул слово Лафрамбуаз. — Я же говорил тебе в своё время о конвенте всех христианских владык, который готовится в Донауштадте. Город даже для представительности переименовали в Новую Вену. Так вот, Дракулести — идеальная возможность для шантажа целого королевства. Отличный туз в рукаве для теократа.

Меня немного покорило это сравнение — прелат невольно напомнил мне о том, в чьих руках сейчас Фантеска.

— В прошлую нашу встречу вы были настроены куда решительней, — покачал головой я.

— Мне это тоже не нравится! — потерял самообладание, чего ни разу с ним не случилось за всё время нашего знакомства, Лафрамбуаз. — Да, мне казалось, что тогда, во Флоренции, после неудачного покушения, всё рухнуло. Но тут князь Корвино пригласил меня на допрос пойманной его людьми цыганской ведьмы. Мы быстро нашли с ним общий язык — ведь нам обоим нужно было уничтожить опасного тирана, пускай и по разным причинам. После появляешься ты, и приходится импровизировать, а я этого терпеть не могу. Всё должно идти по плану, — тон его в тот момент, когда он произнёс эти слова, стал почти наставительным, — и никак иначе. Ты сбегашь со своей ведьмой, оставив меня на вилле не

слишком радушно настроенного князя Корвино. Я ведь даже не знал, что ты выяснил на самом деле. Пришлось отправить своих людей за Гизбертом и Скрипачом.

— Ну уж это точно было частью плана, — сказал я. — Надо же было избавить меня и моих людей от опеки князя Корвино.

— Я доверился тебе тогда, — кивнул несколько успокоившийся Лафрамбуаз, — и после, когда мы встретились ночью в кампаниле Джотто. Ты рассказал мне о банде Колода и её безумном лидере, зовущем себя Мастером. Поведал и план, который у тебя появился.

— И вы поверили мне, — решительно шагнул я ближе к инквизитору. — Не можете же отрицать, что план мой сработал! Фантеска узнает всё, что нам надо у этого ублюдка, и преподнесёт нам Дракулести на блюде!

У меня были сомнения в этом, после слов, сказанных ведьмой на прощание, но я, конечно же, не стал ничего говорить Лафрамбуазу.

— А если она окажется не Юдифью, но Саломеей? — подогрел мои собственные подозрения инквизитор.

— Я уверен в ней, — отрезал я.

— Это не имеет значения. — Инквизитор плюхнулся на стул, осев, словно из него выпустили весь воздух. — Завтра все мы покинем Кандию, а твоя ведьма до исхода месяца возвратится в тюрьму. И судьбы наши решать уже не нам.

Похоже, самому прелату недолго оставаться инквизитором Тосканы. Он этого не сказал напрямую, но тон слов и весь вид его говорили о некоем фатализме. Он махнул рукой на собственное будущее, по всей видимости, решив утянуть за собой и нас. Вот только меня это совсем не устраивало.

— Гизберт, как я понимаю, здесь? — спросил я как можно осторожнее.

— Да, — кивнул инквизитор, — если хочешь, можешь встретиться и переговорить с ним. Скажи Гедалии, он проводит тебя к нему.

— Почему, Лафрамбуаз? — спросил я у инквизитора. — Почему вы отпустили меня? Даже позволили забрать Гизберта с собой? Я ведь вышел, внаглую воспользовавшись кольцом официала.

— Я ещё тогда сказал тебе, что не по душе все эти политические игры, Рейнар, — голос прелата был усталым и бесцветным, в нём не слышалось больше интонаций. — Да, я отпустил вас обоих, зная, чем это закончится. Но за мной уже отправили следователя, который должен был разобраться в моих делах. Мне бы припомнили многое, нельзя ведь работать, согласуясь со всеми догматами Авиньонской церкви. Я не мог позволить тебе завершить дело, но ты мог вынудить меня к этому.

— А вы поддались на мою провокацию, — кивнул я.

— К тому же, ведьму надо было доставать из лап того кровожадного ублюдка, покуда он не замучил её до смерти, — добавил Лафрамбуаз. — И господ *il rosso* и *il negri* хотелось хорошенько щёлкнуть по носу на прощание. Я ведь тоже недолюбливаю здешнюю инквизицию. Они ведь даже солдат выделили для штурма дома, где жил Мастер Колоды, хотели всё подчистить, чтобы никто не узнал об их шашнях с этим нелюдем. Я не стал противиться, так что быстро оказался у господ из Высшего Трибунала в большой чести.

— А разве это вообще инквизиция? — пожал плечами я. — Они же сугубо политическими преступлениями ведают, а еретиков и ведьм ловят постольку-поскольку.

— Не будем уходить в эти дебри, — отмахнулся Лафрамбуаз. — Спор этот старше

самой чумы и продолжается, как видишь, и после того как она изменила мир и всех нас.

— Кого-то больше, — кивнул я, — кого-то совсем. А ведь я мог бы вернуться с победой, а после сдаться вам, даже в таком состоянии как сейчас.

— Но ты предпочёл сговориться с князем Корвино, который весьма удачно оказался в это время в Новой Венеции. И тот выделил тебе своих драгун для атаки на палаццо, где скрывался Дракулести.

— А ведь о том, что тиран здесь, в Новой Венеции, князь мог узнать только от вас, — прищурился я. — Выходит, вы готовились к развитию событий заранее, как будто предвидели тот приказ, что нагнал вас позднее.

— Глупец, — тяжело вздохнул Лафрамбуаз, — я бежал от него, чтобы не получить прежде, чем завершу все приготовления. Говорю же тебе снова, я хотел покончить с проклятым тираном не меньше твоего, и пока не получил прямого приказа не делать этого, продолжал готовиться, как ни в чём не бывало. Хотя давно уже знал о политических играх Авиньона. Думаешь, меня не предупреждали? Я всё же прелат и инквизитор Тосканы, у меня достаточно связей в столице.

— И всё же продолжали, — покачал головой я. — Но зачем? Вы же лишились всего — и лишь ради того, чтобы покончить с одним тираном?

— Вот теперь и ты мыслишь как политик, — на тонких губах прелата заиграла сардоническая улыбка. — Я слишком давно уже хожу по лезвию — охота на Дракулести стала бы моей лебединой песней, после которой или пытки и смерть в подвале, или вот такая чаша с *conium maculatum*.

— Подвал? — удивился я. — Не костёр?

— Подвал, подвал, — кивнул прелат. — Думаешь, кто-либо позволил бы прилюдно сжечь инквизитора, тем более такого, как я? Нет, всех, кого сочли недостойными сана и чина, тайно удавливают в подвале какого-нибудь тихого монастыря с весьма большим кладбищем.

Я заметил, что через закрытые плотными шторами окна пробивают весёлые лучики света, солнечными зайчиками запрыгавшие по полу. А значит, мне пора уходить. Не потому, что я не выносил теперь дневного света. Просто я слишком много времени провёл в этом доме, и сюда вполне могут отправить более серьёзные силы, нежели те, что встречали меня. А убивать ещё у меня не было никакого желания.

— Отдайте то, за чем я пришёл, — сказал я прелату, подходя вплотную к его столу, — и я уйду, оставляю вас наедине с этой чашей.

— Не отдам, — покачал головой инквизитор, кладя длинные пальцы на ножку чаши.

— В смерть сбегать хотите? — Я навис над столом, опершись об него ладонями, и тотчас дерево под моими пальцами начало сереть и рассыхаться. — Я ведь вас и там теперь достать могу.

— Я не могу отдать тебе того, чего у меня нет, — пожал плечами Лафрамбуаз.

Князь Януш Корвино в этот раз изменил своей привычке одеваться по моде родной Венгрии. В особняк инквизитора он явился одетым скорее как богатый итальянский аристократ — чёрный, украшенный золотом дублет, под которым видна была шитая из серебристого оттенка ткани сорочка с накрахмаленным стоячим воротником, какие недавно вошли в моду. Лишь сабля на поясе портила общую картину. Длинными пальцами, каждый из которых по-прежнему украшал массивный золотой перстень, князь поглаживал рукоятку,

вырезанную из потемневшего от времени дерева. Не раз этой сабле приходилось бывать в деле — уж в этом-то инквизитор не сомневался.

Князь прибыл на Кандию по делам, связанным с Адриатической лигой — союзом небольших, как правило, островных, государств, среди которых первой среди равных была именно Новая Венеция. Отношения у Лиги с принципалитетом Бенвенето, которым правил князь Януш Корвино, были, мягко говоря, натянутые. Однако ничего удивительного в личном визите королевского эмиссара в Новую Венецию не было. Война Лиге Венгрией не объявлена, так отчего бы знатному вельможе не прибыть на Кандию, чтобы разрешить растущую с каждым днём напряжённость дипломатическими средствами. В преддверии грядущего сбора в Новой Вене ведутся переговоры между самыми разными государствами. Даже теми, что ещё недавно стояли на грани открытой войны, то и дело тревожа пограничье друг друга короткими, но жестокими набегами. А уж о дипломатических способностях князя Корвино многие были наслышаны — таланты его не ограничивались лишь умением великолепно сражаться и верхом и пешим.

Всё внимание князя в этот момент было приковано к простому на вид мечу, лежавшему на столе. Лафрамбуаз, хотя и отлично понимал, как дорого время, всё же дал ему как следует изучить оружие. Прикасаюсь к нему Корвино не спешил.

— У дверей меня встретили не слишком ласково, — заметил он тоном, каким обычно ведут светские беседы. — Вам выделили весьма серьёзную охрану.

— Иначе тот, кто придёт за этим мечом, может не поверить, что оружие ещё здесь, — ответил Лафрамбуаз. — К тому же, надеюсь, они смогут задержать его.

— Ещё несколько пешек в игре, — кивнул Корвино, — отправятся в коробку.

Лафрамбуаз знал, что князь большой любитель шахмат, чего никак нельзя было сказать по его виду. Когда прелат гостил на его вилле во Флоренции, они провели не один вечер за партией.

— Доска давно уже красна от крови, — продолжил князь, находивший в шахматах некий почти мистический смысл, — и не различить уже, где какие клетки. А он теперь идёт против всех правил, потому что больше не является фигурой.

Он оборвал сам себя и склонился над мечом, проведя пальцами по клинку. Золотые перстни слегка звякнули о сталь.

— Работа кого-то из белых дам, — мгновенно опознал он, — оружие кампеадора, но осквернённое ещё чем-то. С этим мечом он стал бы просто непобедим, превратившись в проблему во сто крат более серьёзную, нежели Мирча.

— Мирча Дракулести или Рейнар, — пожал плечами Лафрамбуаз, — проблема просто сменила имя, оставшись проблемой.

— Для ваших игр — может быть, — кивнул князь Корвино, — а вот для меня этот Рейнар не проблема вовсе. Он пришёл ко мне, когда вы отказали ему в помощи и прямо приказали не трогать больше Мирчу. Он рассказал мне обо всём и попросил людей — и я дал ему их, ведь без моих людей ему было не одолеть Мирчу. Тот пребывал в таком ужасе, что собрал вокруг себя настоящую армию. Да ещё и албанцев^[61] нанял во главе с этим ублюдком Курганом.

— Выходит, и вы умеете кидать свои пешки в коробку, — заметил Лафрамбуаз.

— А иногда и более ценные фигуры, — кивнул Корвино, — но цель ведь оправдывает средства.

— И какова же была ваша цель? — приподнял бровь в удивлении инквизитор.

— Пускай мне далеко не всё нравится на Родине, но я не намерен провоцировать новый крестовый поход против неё. И тот факт, что моего короля станут шантажировать этим на самом высоком уровне, у меня тоже не вызывает тёплых чувств к вам. Вы так кичитесь тем, что ловите и уничтожаете еретиков, колдунов, ведьм, нежить — все угроза для людей, но, по сути, ничем не лучше ваших венецианских коллег из Высшего Трибунала. Как только политические резоны берут верх, вы тут же готовы забыть о вашей миссии, возложенной, как вы любите повторять, на ваши плечи самим Господом.

— Многие считают, что Венгрию надо выжечь огнём крестового похода, — в равнодушном прежде голосе инквизитора прорезались фанатические нотки, — за одно то, что вы допускаете нечистых к причастию. Лишь политические резоны не дают сделать этого.

— Или то, что вы слишком слабы и не можете объединиться даже для столь святой цели? — иронически заметил Корвино. — Но мы уходим в дебри, куда удаляться не стоит. Вы хотите, чтобы я забрал это оружие, и навлѣк на себя гнев новоявленного тирана — ради чего?

— А вот на этот вопрос, ваша светлость, — преувеличенно вежливым тоном ответил прелат Лафрамбуаз, — вы должны ответить себе сами.

Князь заметил, как взгляд инквизитора на мгновение метнулся к портьеру в углу, за которой как будто мелькнуло бледное лицо. Видимо, времени совсем мало и тиран, чудовищной силы, уничтоживший Дракулести, уже близко.

— Вот как, — протянул князь, отступая от стола, — а вы ловко провели меня, прелат, и подставили под гнев тирана. Как бы то ни было, а игроком вы остались отменным.

Он пару раз хлопнул в ладоши, изображая восхищение ловким ходом Лафрамбуаза.

— Мне пора убираться отсюда, — добавил он на прощание, — покуда не сломал всех ваших планов. Надеюсь, мы больше не увидим друг друга.

— Так и будет, — кивнул Лафрамбуаз, и за князем Корвино закрылась дверь кабинета.

— Проклятье! — воскликнул я. — Вы всё же тянете время, чѣрт вас побери! Даѣте князю с остатками его людей убраться отсюда подальше!

— Верно, — кивнул инквизитор, и я отлично видел, что он не лжѣт мне — слишком много торжества было в его взгляде. — Князь забрал меч и сейчас наверняка уже покинул Кандию на той самой летучей каравелле. Я любезно одолжил ему этот небесный корабль, который теперь, скорее всего, летит над Адриатикой и держит курс на Бенвенето. А может, и на венгерские земли, если запаса хода достанет. Я не знаю.

Я с силой ударил кулаками по столешнице, пробив две дыры в раскрошившемся дереве.

— Убивать вас толку нет, — вздохнул я, — вы уже простились с жизнью.

Я выпрямился и отвернулся от стола, шагнув к выходу из кабинета.

— погоди, Рейнар, — остановил меня Лафрамбуаз, — скажи, что всё же произошло в том палаццо?

Я замер на мгновение, не оборачиваясь в его сторону. Боль, к которой я вроде бы притерпелся за прошедшие часы, рванула сердце с новой силой.

Я шагал по пиршественной зале, заваленной трупами. Наѣмники Дракулести, драгуны князя Корвино и гости тирана — все лежали вповалку друг на друге. Ни одного живого человека. Среди них выделялись двое. Разрубленный почти напополам Курган с обломками

мечей в обеих руках. Ни оружие, ни доспех, ни невероятная сила не спасли его от обратившегося в демона Гизберта. Вторым, собственно, был сам мечник. Он сидел у стены, окружённый телами и частями тел, над которыми явно потрудился его чудовищный двуручник. Он был жив, вот только человеком уже не был точно.

Демон полностью завладел им, но, видимо, даже тварь из Преисподней, что жила в его оружии, слишком сильно утомилась, и далеко не сразу отреагировала на моё появление. Она повернула голову в вытянутом шлеме, похожем на собачью голову. В щели забрала тут же загорелся багровый огонёк, как в разворошённом костре. Дыхание вырывалось из шлема облачками пара.

Однако на ноги вскочил демон стремительно — и тут же обрушил на меня свой жуткий меч, не разбирая, кто перед ним. Я подставил руку под могучий удар, и тело моё остановило проклятую сталь, омытую в крови дракона.

— Я не враг тебе, демон, — сказал я.

— Знаю, — ответил тот, опуская оружие, — потому и уступил тогда, на арене. Просто хотел узнать, насколько ты теперь силен.

— Мы оба прокляты окончательно и бесповоротно.

Демон кивнул и спросил у меня:

— А меч твой где?

— Вор стащил, — ответил я, — но я знаю, куда он его понёс, так что скоро верну.

Я отчего-то точно знал, что кампеадорский меч надо вернуть — это едва ли не единственное оружие, которое может причинить мне вред.

— Это тот нечистый? — зачем-то уточнил демон, и я кивнул в ответ.

Демон протянул мне руку в латной перчатке, и я ничтоже сумняшеся пожал её. Я видел, как моя сила пытается разрушить проклятую чёрную сталь, но та упорно противостоит ей.

— А ведьма?

От его слов боль, которая терзала моё сердце, рванула так, что я невольно схватился левой рукой за грудь. Восстановить ровное дыхание тоже удалось не сразу.

Я протягиваю руку к плечу Фантески, и та сила, о которой я не имел ещё ни малейшего представления в тот момент, вырывается из-под контроля. Я отдёрнул пальцы, но было поздно. Ведьма была мертва, и сейчас плоть её стремительно усыхала, как будто за мгновения миновали годы. Вот она стала похожа на ту древнюю стрыгу, что сопровождала её на шабаше, одежда Фантески истлела вместе с телом. Ещё мгновение и передо мной лежит уже скелет, обтянутый тонкой, пергаментной кожей, с провалившимися глазницами и обрывками волос.

Я рухнул на колени, хватая то, что осталось от Фантески в объятия, и кости тут же рассыпались в моих руках пылью. Сила, которую я не умел контролировать, уничтожила всё, что было мне дорого. И тут я взвыл раненым волком, а из глаз моих хлынули слёзы, чего не случалось со мной очень, очень давно.

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Примечания

С 14 века праздником Троицы в Католической Церкви стало называться первое воскресенье после Пятидесятницы (пятидесятый день после праздника Пасхи), в отличии от православной традиции, где празднование Пятидесятницы (Сошествия Святого Духа) и дня Святой Троицы совмещено.

Кандия — другое название острова Крит.

Кло де Вужо — закрытый виноградник в одноимённом цистерцианском монастыре

Дза́нни (итал. *Zanni*) — большая группа персонажей-слуг (масок) итальянской комедии дель арте

Romanee Conti — самое дорогое в мире вино и самое совершенное из всех красных бургундских

Декаполис (Десятиградье; нем. *Zehnstädtebund*, фр. *Décapole*) — союз 10 свободных городов Эльзаса. В 1354 году император Карл IV объединил десять городов в группу, названную Декаполис

Ганзейский союз, Ганза — самый долговечный международный торгово-экономический союз, существовавший в XIII–XVII веках. Союз немецких свободных и других городов в Северной Европе служил для защиты экономических интересов торговли и купечества

Да восстанет Бог, и расточатся враги Его (лат.)

Сюркó — длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо и часто украшавшийся гербом владельца. Обычно сюрко был длиной чуть ниже колена, имел разрезы в передней и задней части, без рукавов

Полное название организации, известной как инквизиция, на латыни звучит как *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium*, что переводится как *Святой отдел расследований еретической греховности*. Отсюда и второе, не менее часто употребляемое название инквизиции — святой официй или святой официум

Кабаний меч (также **свиной меч**, нем. *Schweinschwerter*) — большой, часто двуручный меч с клинком (иногда пламеннообразным), оканчивающимся широкой лопаточкой. Верхняя часть клинка у основания не отпускается и в ней имеется отверстие, через которое проходит чека, защищающая охотника от нападения пронзённого мечом кабана. Мечи широко применялись в Германии в XVI и XVII веках

Пережившие чуму государства Скандинавии объединились в Кальмарский союз, отсюда и пренебрежительное прозвище скандинавов — кальмарцы

Сюркó — длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо и часто украшавшийся гербом владельца. Обычно сюрко был длиной чуть ниже колена, имел разрезы в передней и задней части, без рукавов

Полное название организации, известной как инквизиция, на латыни звучит как *Inquisitio Haereticarum Pravitatis Sanctum Officium*, что переводится как *Святой отдел расследований еретической греховности*. Отсюда и второе, не менее часто употребляемое название инквизиции — святой официй или святой официум

Кабаний меч (также **свиной меч**, нем. *Schweinschwerter*) — большой, часто двуручный меч с клинком (иногда пламеннообразным), оканчивающимся широкой лопаточкой. Верхняя часть клинка у основания не отпускается и в ней имеется отверстие, через которое проходит чека, защищающая охотника от нападения пронзённого мечом кабана. Мечи широко применялись в Германии в XVI и XVII веках

Пережившие чуму государства Скандинавии объединились в Кальмарский союз, отсюда и пренебрежительное прозвище скандинавов — кальмарцы

Армэ — закрытый кавалерийский шлем XV–XVI века. Характерной чертой этого шлема являются: шарообразный купол (до этого кавалерийские шлемы имели сфероконический купол); подбородник, состоящий из двух раскрывающихся половинок, в закрытом положении соединяемых штифтом; второе забрало, откидывающееся на затылок. Шлем плотно облегал голову и шею владельца. Большинство армэ (кроме ранних) оснащались защитой шеи и ключиц

Фла́мберг (нем. *Flamberge*, от нем. *Flamme* — пламя, также встречается французский вариант транскрипции *Фламберж*) — двуручный (реже — одноручный или полуторный) меч с клинком волнистой (пламевидной) формы. Применялся в Европе (в особенности в Швейцарии и Германии) в XV–XVII веках

Ламеллярный доспех (от лат. *lamella* — пластинка, чешуйка) — общее название доспеха из сплетённых между собой шнуром пластин

Кольцо рыбака (лат. *anulus piscatoris*, также именуется *папское кольцо*, *папский перстень* и *кольцо св. Петра*) — атрибут облачения римских пап, наряду с тиарой. Папское кольцо призвано напоминать о том, что папа является наследником апостола Петра, который по роду занятий был рыбаком. На кольце Пётр изображён забрасывающим рыбацкую сеть с лодки. Символика перекликается со словами Христа о том, что его ученики станут ловцами человеческих душ

Страдиоты (ит. *Stradioti* или *Stradiotti*; греч. Στρατιώτες) — наёмники с Балканского полуострова, нанимавшиеся в основном государствами южной и центральной Европы в период с XV по сер. XVIII века

Деревянный конь, деревянный пони или кастильский осёл. Эта крайне болезненная пытка использовалась на протяжении всей средневековой истории. Устройство напоминало пирамиду из деревянного бруса, заостренную к вершине, на которую сажали жертву. К ногам жертвы привязывали груз, под тяжестью которого испытуемый все ниже и ниже опускаясь, насаживался на эту пирамиду, нанося ужасные травмы промежности, а иногда и рассекая жертву пополам

Герой ошибочно принимает посох Асклепия — символ врачевания за кадуцей — жезл Гермеса

Глиф (др. — греч. γλῦφω — *вырезаю, гравирую*) — вырезанный или начертанный на камне (петроглиф) или дереве или ином материале символ. Это может быть пиктограмма или идеограмма, или часть системы письменности, такой как слоговое письмо или логограмма

Корпия — растеребленная ветошь, нащипанные из старой льняной ткани нитки, употреблявшиеся как перевязочный материал

18 завет 22 главы Книги Исхода звучит так: «Ворожейки не оставляй в живых»

Рамирес намекает на Альгамбрский декрет, предписывающий всем иудеям покинуть территорию тогда ещё Испании, за три месяца, либо отречься от своего бога и покреститься в католичество. Слухи приписывают основную заслугу в принятии декрета жене короля — Изабелле Католичке

Галисийка — уроженка провинции Галисия, что на северо-западе Пиренейского полуострова

Кара́кка (итал. *Caracca*, исп. *Carraca*) — большое парусное судно XV–XVI веков, распространённое во всей Европе. Отличалось исключительно хорошей по тем временам мореходностью

Острова из Азорского архипелага

Одно из названий Азорских островов, от слова «Açor» — ястреб. По легенде мореходов, ястребы летели к своим гнёздам и указали путь к островам

Цель оправдывает средства (лат.)

Хундсгугель (нем. *hundsgugel* — *собачья морда*) — разновидность шлема типа бацинет с сильно вытянутым вперёд конусовидным забралом

Гекатόмба (др. — греч. ἑκατόμβη, от ἑκάτον βόες «сто быков») — в Древней Греции — торжественное жертвоприношение из ста быков. В переносном смысле гекатомба — огромные жертвы войны, террора, эпидемии и т. д.

Существует вариант описания чуда святого Георгия о змие, относящегося к жизни Георгия. В нём святой покоряет змея молитвой, и предназначенная в жертву девушка ведёт его в город, где жители, видя это чудо, принимают христианство, а Георгий убивает змея мечом

Один из способов поиска корня мандрагоры — пролить на землю сперму только что повешенного человека, предпочтительней всего священника

товарищ, компаньон, спутник (араб.)

Лоа — в анимистических религиях Западной Африки невидимые духи, наделённые огромной силой и почти неограниченными возможностями. Лоа играют важную роль в ритуалах и часто связаны с таким понятием, как одержимость

Серикой в Географическом руководстве римлянина Клавдия Птолемея называли Китай (от латинского *serica* — шёлк)

Клевёц (от «клюв») или чекан (от славянских «топор», «кирка», «клык кабана» и др. или тюркских «боевой топор», «бить» и др.) — боевой молот, чаще короткодревковый, имеющий ударную часть в форме клюва, плоского, гранёного или круглого в сечении, который может быть разной длины, обычно в разной степени изогнутым книзу. Обычно скомбинирован с молотком на обухе

Моя вина, моя великая вина. (лат.)

"Но твердое основание Божие стоит, имея печать сию: "познал Господь Своих" (2 послание к Тимофею, 2:19)

И́нсула (лат. *Insula*) — многоэтажный жилой дом с комнатами и квартирами, предназначенными для сдачи внаём

Палаццо в Италии назывался любой дом выше трёх этажей

Примерно 100 м

Фамилия Корвино происходит от латинского слова *corvus* — ворон

Враг рода человеческого

Кампанíла (итал. *campanile* — «колокольня») — в итальянской архитектуре Средних веков и Возрождения квадратная (реже круглая) в основании колокольня, как правило, стоящая отдельно от основного здания храма

Так точно, капитан (англ.)

Свинокол — комбинация опорной вилки (сошки) с колюще-рубящим холодным оружием. Применялся в Европе в качестве опорной вилки при стрельбе из мушкетов, а также как вспомогательное оружие пехоты

В Венеции также существовала инквизиция, но, в отличие от имперской или тевтонской инквизиции, эта организация следила за политической ситуацией республики, а не за распространением ереси. Закон назначил государственных инквизиторов, позже ставших известными как Высший Трибунал. Он состоял из трёх инквизиторов. Один из них был известен как *il rosso* (красный). Он избирался из рядов «Членов Дожеского Совета», которые носили алые одежды. Два других инквизитора назначались из рядов «Совета Десяти» и были известны как *il negri* (чёрные).

«Спою я вам песню, хорошую морскую песню. Вэй! Хэй! Поднять паруса!» — первые две строки одной из знаменитых английских морских песен шанти «Blow the Man Down». Она относится к так называемым *Long-haul shanties* (также *halyard* — «поднимать паруса» или *long-drag shanties*, «длинного рывка»): поются, когда работа длится долгое время, например, по спуску или подъему парусов

Незнакомый с африканским оружием Рейнар не мог знать, что Чиф на самом деле был вооружён тяжёлым мечом со своей Родины, называющимся н'гусу — двуручным однолезвийным мечом длиной до полутора метров. Клинок имеет сабельный изгиб и елмань — расширение в конце

В гадальных картах валет и рыцарь это две разные карты.

Название восходит к латинскому *Pagus Valdensis*, французское *Pays Vaudois*

Один из инквизиторов Венеции был известен как *il rosso* (красный, он избирался из рядов «Членов Дожеского Совета», которые носили алые одежды

Люцернский молот — разновидность боевого молота, возникшая в Швейцарии в конце XV века и бывшая на вооружении европейской пехоты до XVII века включительно. Название происходит от кантона Люцерн в Швейцарии. Представляет собой длинное окованное древко с боевой частью в виде пики длиной до 0,5 м и молота в её основании. Молот ковался двухсторонним — одна сторона в виде клюва (клевца) для выполнения зацепов, вторая в виде зубчатого молотка для оглушения противника (как корончатый наконечник турнирного копия), в отдельных образцах молотов зубцы ковались достаточно острыми

Мене, мене, текел, упарсин (по-арамейски означает буквально «мина, мина, шекель и полмины» (меры веса), в церковнославянских текстах «мене, текел, фарес») — согласно библейскому преданию — слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона от рук Дария Мидийского

Прим. Перевод с латыни: Христос живет, царствует Христос. Христос победит все зло твоё. Проклятие и отлучение всех демонов. В силу деяний во имя Его. Мессия, Эммануил. Sohter, Sanctus, Айос, Inchiros, Бессмертный, Иегова, Адонай,

Именами Господа, я требую от Тебя. Ты бессилен и связан. Нет в тебе сил причинить вред. Нет очарования.

Ни духу, ни телу!

Лафрамбуаз намекает на казнь Сократа, выпившего чашу с ядом. Долгое время считалось, что он был отравлен цикутой, но картина отравления ею не совпадает с описанием Платона о смерти Сократа. Она больше похожа на отравление болиголовом пятнистым (лат. *Conium maculatum*), который упоминает прелат

Князь имеет в виду арнаутов или арванитов — греч. Αρβανίτες, тур. *Arnavutlar* — досл. «албанцы») — субэтническая группа албанцев, оставившая Албанию в XIV–XV вв., в ходе так называемых балканских миграций, вызванных чумой и вторжением в Европу турок